

LX.

Примиреніе обманчиво. — Рѣшеніе заговорщиковъ. — Якобинцы и секціонеры избираютъ Робеспьера своимъ главой и знаменемъ. — Признаки новаго 31-го мая. — Первые дни термидора. — Робеспьеръ держится въ сторонѣ. — Его паломничество въ отшельнической домикъ Жанъ-Жака Руссо. — 7-ое термидора. — 8-ое термидора. — Рѣчь Робеспьера въ Конвентѣ. Собраніе отказывается напечатать ее. — Робеспьеръ въ Клубѣ якобинцевъ. — Онъ читаетъ рѣчь, отвергнутую Конвентомъ. — Его предсмертное завѣщаніе. — Волненія. — Бурныя манифестаціи. — Пейанъ предлагаетъ поднять комитеты. — Сень-Жюсть въ Комитетѣ общественнаго спасенія. — Заговорщики готовятся къ кризису слѣдующаго дня. — Письмо Терезы Кабаррюсъ къ Талліену. — Отвѣтъ Талліена. — Депутаты Долины въ нерѣшимости. — Они позволяютъ заговорщикамъ увлечь себя. — 9-ое термидора. — Якобинцы готовятся встрѣтить событія дня. — Коффингалъ, Флёріо, Пейанъ, Генріо. — Засѣданіе Конвента. — Колло-д'Эрбуа председательствуетъ. — Сень-Жюсть на трибунѣ. — Его прерываетъ Талліенъ. — Билло-Вареннъ доноситъ о намѣреніяхъ якобинцевъ относительно собранія. — Продолжительное волненіе. — Онъ нападаетъ на Робеспьера. — Ему горячо аплодируютъ. — Робеспьеръ вбѣгаетъ на трибуну. — Крики Горы. — Талліенъ лишаетъ Робеспьера слова и требуетъ арестованія Генріо и продолженія засѣданія. — Эти предложенія принимаются восторженно. — Бареръ всходитъ на трибуну и говоритъ противъ Робеспьера. — Вадье говоритъ вслѣдъ за Бареромъ. — Робеспьеръ не можетъ заставить выслушать себя. — Онъ покидаетъ трибуну. — Всѣ партіи отталкиваютъ его. — Крики. — Смятеніе. — Принятъ обвинительный декретъ противъ Робеспьера. — Робеспьеръ младшій, Кутонъ, Сень-Жюсть, Леба раздѣляютъ его участь. — Обвиняемыхъ отводятъ къ рѣшеткѣ. — Засѣданіе прервано. — Обвиняемые отправлены въ тюрьму. — Казни, совершенныя въ этотъ день. — Казни, совершенныя наканунѣ. — Руше, Андре Шенье.

1.

Признаки примиренія, замѣченные во время послѣдняго разговора Робеспьера съ членами Комитета общественнаго спасенія, были обманчивы. Едва узнали Фуше, Талліенъ, Баррасъ, Фреронъ, Бурдонъ, Лежавдръ и ихъ друзья объ этихъ попыткахъ къ примиренію, какъ тотчасъ же поняли, что головы ихъ сдѣлаются цѣною примиренія. „Когда выдадутъ наши головы“, сказали они Билло-Варенну, Колло-д'Эрбуа и Вадье: — „что же намъ останется еще защищать? Ваши головы! Тиранія надѣваетъ маску только затѣмъ, чтобы приблизиться къ вамъ незамѣченной. Когда вы выдадите ей головы вашихъ единственныхъ защитниковъ въ Конвентѣ, честолюбіе Робеспьера возрастетъ на нашихъ трупахъ и поразитъ васъ самихъ тѣмъ самымъ оружіемъ, которое вы дадите ему въ руки“. Билло-Вареннъ, Колло-д'Эрбуа, Вадье понимали слиш-

комъ хорошо, на основаніи своей собственной ненависти, какая имъ грозила опасность. Они поклялись, что ничьей головой изъ членовъ Конвента пожертвовано не будетъ. Тайныя свиданія представителей, которымъ грозила опасность, и членовъ комитетовъ сдѣлались чаще и еще болѣе таинственными. Они проводили дни въ разсужденіяхъ, а ночи посвящали заговорамъ. Погибель Робеспьера замыслили въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его дома, у Куртуа, у котораго хватило храбрости предоставить свою комнату въ распоряженіе заговорщиковъ, обѣщавшихъ ему положить конецъ террору.

2.

Съ своей стороны друзья Робеспьера старались убѣдить его, что всякое сближеніе представляетъ собою западню, разставленную ему комитетами. „Они унижаются потому, что боятся“, говорили они ему: — „Если одно твое молчаніе довело ихъ до такого униженія, то что будетъ, когда ты начнешь обвинять ихъ? Но если ты покажешь сегодня, что согласенъ примириться съ ними, въ чемъ можешь ты обвинить ихъ, не являясь вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ соучастникомъ? Если они выдадутъ тебѣ самыхъ незначительныхъ и опозоренныхъ изъ твоихъ враговъ, то лишь затѣмъ, чтобы приберечь наиболѣе опасныхъ и хитрыхъ. Дѣлай имъ ежедневно вызовъ на бой съ высоты трибуны якобинцевъ. Если они не примутъ его, ихъ трусость опозоритъ ихъ и послужитъ къ ихъ обвиненію; если они его примутъ, то народъ будетъ за тебя!“

Сенъ-Жюсть, выведенный изъ терпѣнія умѣренностью Робеспьера, немедленно въ пятый уже разъ уѣхалъ въ Самбръ-Маасскую армію. „Я ѣду съ тѣмъ, чтобы мени убили“, сказалъ онъ Кутону: — „Республиканцамъ осталось только мѣсто въ могилахъ“. Кутонъ часто раздражался негодованіемъ въ то время среди якобинцевъ. „Конвентъ“, восклицалъ онъ: — „подчиняется четыремъ или пятерымъ негодямъ. Что касается меня, то я заявляю, что они меня не покорятъ. Когда они говорили, что Робеспьеръ ослабѣлъ, они хотѣли доказать также, что и я слабъ. Но они увидятъ, что сердце мое сохранило всю свою твердость“.

Якобинцы, секціонеры, Пейанъ, Флёріо, Добсенъ, Коффингалъ въ особенности, Генріо и его штабъ громко говорили о вооруженномъ нападеніи на Конвентъ. „Если Робеспьеръ не хочетъ быть нашимъ главой“, говорили во всеуслышаніе коммунары: — „то имя его будетъ нашимъ знаменемъ. Надо силой положить предѣлъ его безкорыстію, или республика погибнетъ! Гдѣ Дантонъ? Онъ уже спасъ бы народъ! Зачѣмъ добродѣтель должна обладать большей долей шепетильности, чѣмъ честолюбіе? Безкорыстіе, губящее свободу, виновнѣе честолюбія, спасающаго ее. Дай Богъ“, прибавляли они: — „чтобы Робеспьеръ почувствовалъ жажду власти, въ которой его обвиняютъ! Республикѣ необходимъ честолюбецъ: онъ ничто иное какъ мудрецъ!“

3.

Эти разговоры, постоянно раздававшіеся вокругъ Робеспьера; все возмущавшее волненіе среди якобинцевъ, свидѣтелемъ котораго онъ былъ; секретныя донесенія его шпіоновъ, старавшихся чутьемъ раскрыть таинственный заго-

воръ Конвента; симптомы новаго 31-го мая, которые Коммуна не старалась даже скрыть; страхъ, чтобы возстаніе, лишившись своего умиротворителя и выйдя изъ границъ, не разразилось само собой и не увлекло Конвентъ, на который онъ смотрѣлъ, какъ на единственную опору отечества,—заставили наконецъ Робеспьера если не дѣйствовать, то заговорить. Онъ предпочелъ вступить съ трибуны въ борьбу единолично, рискуя быть сброшеннымъ съ нея, нежели выступить во главѣ мятежнаго народа, рискуя разъединить народное представительство. Онъ просилъ только Сень-Жюста, своего брата и Леба оказать ему поддержку въ критическую минуту или умереть вмѣстѣ съ нимъ.

Ничто не свидѣтельствовало о великомъ событіи, ожидавшемъ Робеспьера. Исключая четырехъ или пятерыхъ людей изъ народа, скрывшихъ оружіе подъ одеждой, которыхъ якобинцы вооружили безъ его вѣдома съ тѣмъ, чтобы они слѣдовали за нимъ и охраняли его жизнь, все остальное не отличало его отъ самаго простаго гражданина. Никогда онъ не держалъ себя проще и скромнѣе. Съ каждымъ днемъ онъ уединялся все болѣе и болѣе. Казалось, онъ находилъ наслажденіе въ созерцаніи природы: быть можетъ, онъ хотѣлъ, подобно Нумѣ, спросить оракула пустыни, а можетъ быть желалъ насладиться послѣдними днями жизни, которые оставила въ его распоряженіи коварная судьба. Онъ не ходилъ болѣе въ Комитеты, рѣдко бывалъ въ Конвентѣ, неаккуратно посѣщалъ якобинцевъ. Дверь его была открыта для немногихъ друзей. Онъ пересталъ писать. Онъ много читалъ. Онъ казался не опустившимся, а просто ослабѣвшимъ. Можно было бы сказать, что онъ просто погрузился въ тотъ философскій покой, которому люди предаются иногда наканунѣ великихъ событий, предоставляя судьбѣ дѣйствовать самостоятельно, а сами оставаясь только истолкователями событий. Выраженіе унынія смягчало его обыкновенно черезчуръ пронзительный взоръ и его слишкомъ угловатыя черты. Даже голосъ его сдѣлался мягче отъ звуковъ скорби. Онъ избѣгалъ встрѣчи съ дочерьми Дюплэ, въ особенности съ тою, съ которой онъ долженъ былъ соединиться навѣки, когда минуетъ гроза. Онъ не говорилъ болѣе о будущей жизни среди уединенія, въ счастливомъ семейномъ кругу въ деревнѣ. Было очевидно, что его жизненный горизонтъ омрачился. Между нимъ и его счастьемъ было слишкомъ много пролитой крови. Страшная диктатура или торжественный эшафотъ были единственными образами, на которыхъ отнынѣ онъ могъ остановить свое вниманіе. Онъ старался отдѣлаться отъ нихъ въ первые дни термидора, отправляясь въ далекія прогулки по окрестностямъ Парижа. Одинъ или съ кѣмъ-нибудь изъ близкихъ ему лицъ онъ бродилъ цѣлыми днями въ лѣсахъ Медона, Сень-Клу или Вирофляй. Казалось, что, удаляясь отъ Парижа, гдѣ катились телѣжки, переполненные жертвами, онъ хотѣлъ положить возможно большее разстояніе между собою и угрызениями своей совѣсти. Обыкновенно онъ уносилъ подъ одеждой книгу. Это было всегда сочиненіе одного изъ философовъ, какъ-то: Руссо, Рейналя, Бернардена де-Сень-Пьера или лирическихъ поэтовъ, напр. Геснера и Юнга: странный контрастъ между нѣжностью образовъ, ясностью природы и горечью души. Онъ предавался теозофическимъ грезамъ и созерцаніямъ среди сценъ смерти и проклятія, достойныхъ Маріа.

4.

Разсказываютъ, что 7-го термидора (25 іюля), наканунѣ того дня, когда Робеспьеръ ожидалъ возвращенія Сень-Жюста и когда онъ рѣшилъ поставить на карту свою жизнь ради возстановленія республики, онъ отправился въ послѣдній разъ провести весь день въ сельскомъ домикѣ Жанъ-Жака Руссо, на опушкѣ лѣса Монморанси. Пришелъ ли онъ искать политическихъ вдохновеній подъ тѣнью тѣхъ деревьевъ, гдѣ его учитель написалъ „Соціальный договоръ“, этотъ кодексъ демократіи? Пришелъ ли онъ принести вдохновившему его философу въ даръ свою жизнь, которой готовился пожертвовать ради его дѣла? Никому неизвѣстно. Но онъ провелъ, какъ передаютъ, много часовъ, обхвативъ голову руками и прислонившись къ простому забору, окружающему маленькій садикъ. Лицо его выражало созерцаніе казни и было блѣдно какъ смерть. Это была агонія угрызений совѣсти, честолюбія и унынія. Робеспьеръ имѣлъ время охватить послѣднимъ взглядомъ свое прошлое, настоящее, будущее, судьбу республики, народа и свою собственную. Если онъ могъ умереть отъ горя, раскаянія и страха, то именно во время этого безмолвнаго размышленія.

5.

Непосредственное увлеченіе; добровольное самопожертвованіе ради народа, представлявшаго въ его глазахъ угнетенную часть человѣчества; страстное влеченіе къ революціи, которая вернула свободу угнетеннымъ, равенство униженнымъ, братство человѣческой семьѣ, разумъ религіямъ; неустанные труды, посвященные на то, чтобы сдѣлать себя достойнымъ стать однимъ изъ первыхъ работниковъ этого возрожденія; ужасныя униженія, которыя пришлось терпѣливо сносить его имени, таланту, идеямъ, репутаціи, чтобы выйти изъ рамокъ, куда его ввергнули имена, таланты и преимущества Мирабо, Барнавовъ и Лафайеттовъ; популярность, пріобрѣтенная шагъ за шагомъ и всегда подвергавшаяся преслѣдованіямъ клеветы; добровольное пребываніе среди самыхъ низшихъ слоевъ народа; жизнь, подточенная всякаго рода лишеніями, бѣдность, дававшая ему возможность раздѣлить съ своей семьей, которая была еще бѣднѣе его, лишь кусокъ хлѣба, который нація давала своимъ представителямъ; добродѣтель, которая служила къ его же обвиненію; безкорыстіе, называемое ханжествомъ тѣми, кто не былъ способенъ понять его; затѣмъ триумфъ; сокрушенный тронъ; освобожденный народъ; его имя, соединяемое съ побѣдой и произносимое съ благословеніемъ толпой, но анархія, тотчасъ же внесшая раздоры въ народное правленіе; недостойные соперники, какъ напримѣръ Геберы и Мараты, оспаривавшіе у него главенство въ республикѣ и толкавшіе къ погибели; преступная борьба, сопровождавшаяся мстью и жестокостями, начавшаяся между его противниками и имъ изъ-за привлеченія на свою сторону общественнаго мнѣнія; преступныя жертвы, приносимыя имъ въ теченіе трехъ лѣтъ, хотя и съ отвращеніемъ, ради популярности, которая требовала, чтобы ее питали кровью; голова короля, которую потребовали и которой пожертвовали; голова королевы; головы ты-

сячь побѣжденныхъ, убитыхъ послѣ битвы; жирондисты, которыми пожертвовали, несмотря на уваженіе, которое онъ питалъ къ ихъ ораторамъ; даже самъ Дантонъ, самый гордый изъ его соперниковъ, и Камиллъ Демуленъ, его юный ученикъ, выданные народу по простому подозрѣнію, чтобы уста патриотовъ не произносили ничего другого имени, кромѣ его; всемогущество, достигнутое наконецъ надъ народомъ, но съ условіемъ постоянно поддерживать его новыми жертвами; народъ, желающій видѣть въ своемъ верховномъ законодателѣ только обвинителя; стремленіе къ милосердію, отъ котораго пришлось отказаться вслѣдствіе необходимости продолжать убійства; голова, которую требовали и которой принуждены были жертвовать ежедневно; побѣда, которая, можетъ быть, будетъ одержана на слѣдующій день, но для упроченія и использованія которой не имѣлось ничего въ виду; мысли смутныя, противорѣчивыя; ужасъ передъ тираніей и необходимость диктатуры; фантастическіе планы, полные духа революціи, но не нашедшіе прочной основы для того, чтобы удержаться, и поддержки и силы для своего продолженія; слова вмѣсто установленій; изреченія добродѣтели на устахъ и смертный приговоръ въ рукѣ; легко возбуждающійся народъ; раболѣпный Конвентъ; развращенные Комитеты; республика, опирающаяся только на одну голову; ненавистная жизнь, безплодная смерть; безпокойная память; несчастное имя; крикъ крови, который не заглушится болѣе, вызывающій противъ него въ потомствѣ: всѣ эти мысли осаждали, безъ сомнѣнія, душу Робеспьера во время испытанія, которому подверглось его честолюбіе. У него оставался только одинъ исходъ: пожертвовать собою ради примѣра республикѣ, выдать людей, наносящихъ ущербъ свободѣ, умереть въ борьбѣ съ ними и оставить въ наслѣдіе народу если не правительство, то, по крайней мѣрѣ, ученіе и мученика. По всей вѣроятности онъ мечталъ объ этомъ: но это было не болѣе какъ мечта. Намѣреніе было возвышенно, мужество велико, но жертва не была столь чиста даже для того, чтобы можно было пожертвовать собою! Вѣчное несчастіе людей, запятнавшихъ свое имя кровью себѣ подобныхъ, состоитъ въ томъ, что они не могутъ смыть ее съ себя даже своею собственной кровью.

6.

Сень-Жюсть, вернувшись изъ арміи, нѣсколько разъ заходилъ къ Робеспьеру, чтобы переговорить съ нимъ. Уставъ ждать его, онъ отправился, еще весь покрытый лагерной пылью, въ Комитетъ общественнаго спасенія. Его встрѣтили зловѣщимъ молчаніемъ и осмотрѣли встревоженными взглядами. Онъ ушелъ отсюда въ убѣжденіи, что примиреніе невозможно и всѣ сердца замышляютъ смерть. На слѣдующій день, какъ говорятъ, Сень-Жюсть убѣждалъ Робеспьера нанести ударъ первымъ. Комитеты, съ своей стороны, ожидали близкаго нападенія. Члены ихъ приготовились къ нему. Они знали, какъ важенъ выборъ президента въ собраніи, когда президентъ можетъ по своему желанію поддержать или обезоружить оратора. Они приказали принести Колло-д'Эрбуа на президентское мѣсто въ Конвентѣ.

Робеспьеръ перечиталъ и, по всей вѣроятности, еще нѣсколько разъ пердѣлалъ свою рѣчь. Когда онъ 8-го термидора, выходя изъ дома, прошался

съ домашними, лицо его выражало большее волненіе, чѣмъ во всѣ предыдущіе дни. Его друзья, Дюплэ и дочери его хозяина окружили его, проливая слезы. „Вы подвергнетесь большой опасности сегодня“, сказалъ ему Дюплэ:— „окажите себя друзьями, и спрячьте подъ одеждой оружіе“. — „Нѣтъ, возразилъ Робеспьеръ: защитой мнѣ служить мое имя, а оружіемъ воля народа. Притомъ большинство Конвента честно. Мнѣ нечего бояться среди представителей, которымъ я ничего не хочу навязать, а хочу только внушить желаніе блага“.

На немъ было надѣто то же самое платье, въ какомъ онъ былъ въ день прославленія Верховнаго Существа. Онъ носилъ на своей особѣ отпечатокъ благопристойности, которую онъ хотѣлъ снова ввести въ нравы. Онъ безъ сомнѣнія желалъ, чтобы народъ узналъ его по этой одеждѣ, какъ свое живое знамя. Леба, Кутонъ, Сень-Жюсть, Давидъ отправились въ засѣданіе раньше его. Собраніе Конвента было многочисленно, трибуны заняты большею частію якобинцами. Войдя, Робеспьеръ просилъ дать ему слово. Его присутствіе на трибунѣ въ то время, когда ему была извѣстна тайна и ожидавшая его участь, поразило всѣхъ. Заговорщики, удивленные его появленіемъ, поспѣшили оставить свои мѣста и отправились предупредить членовъ Комитетовъ и своихъ друзей, находившихся въ саду и въ другихъ залахъ, и привести ихъ поскорѣе въ залъ засѣданія. Глубокая тишина предшествовала рѣчамъ. Массы обыкновенно имѣютъ опредѣленные предчувствія.

7.

Въ эту минуту Робеспьеръ, казалось, намѣренно придавъ своему лицу выраженіе непроницаемости и не торопился дать исходъ своей мысли, такъ долго безмолвствовавшей. Онъ медленно скручивалъ рукопись, которую держалъ въ правой рукѣ, подобно оружію, которымъ онъ намѣревался поразить своихъ враговъ. Онъ хотѣлъ этимъ показать своимъ сотоварищамъ, что онъ обдумалъ свою обличительную рѣчь и всѣ его слова преслѣдуютъ извѣстную цѣль. Вотъ выдержки изъ этой рѣчи. Можно пожалѣть, если не будешь знать этихъ словъ, обрисовывавшихъ все положеніе и приведшихъ къ такому огромному перевороту.

„Граждане“, сказалъ онъ:— „пусть другіе рисуютъ вамъ заманчивыя картины—я сообщу вамъ полезныя истины. Я явился не затѣмъ, чтобы осуществить смѣшные ужасы, о которыхъ распространила слухи клевета, но хочу потушить, если это возможно, пламя междоусобицъ одной только силой правды. Я буду защищать передъ вами вашъ оскорбленный авторитетъ и нарушенную свободу. Я буду защищать и самого себя: васъ это не должно удивить; вы не походите на тирановъ, съ которыми ведете борьбу. Крики оскорбленной невинности не докучаютъ вамъ и вы знаете, что это дѣло для васъ не чужое.“

„Революціи, до сихъ поръ измѣнявшія положеніе государствъ, имѣли цѣлью или перемѣну династіи или переходъ власти отъ одного лица ко многимъ. Французская революція явилась первой, основанной на теоріи правъ человѣчества и на принципахъ справедливости. Другія революціи требовали только

честолюбія; наша предписываетъ добродѣтель. Республика, такъ сказать, прокралась мимо всѣхъ партій; но она увидала ихъ могущество, упрочившея вокругъ нея: поэтому съ самаго своего возникновенія она терпѣла непрестанныя гоненія въ лицѣ всѣхъ добросовѣстныхъ людей, боровшихся за нее.

„Друзья свободы старались низвергнуть власть тирановъ силой истины; тираны стараются уничтожить защитниковъ свободы клеветой; они называютъ тираніей даже власть принциповъ истины. Когда эта система возьметъ верхъ, свобода погибнетъ, потому что сама природа требуетъ, чтобы существовало вліяніе ея вездѣ, гдѣ собираются люди, во имя ли тираніи или правды. Когда послѣдняя преслѣдуется, какъ преступленіе—господствуетъ тиранія; когда добрые граждане обречены на молчаніе, властвуютъ злодѣи.

„Теперь мнѣ необходимо высказать то, что у меня накопилось на сердцѣ; вамъ же надо услышать истину.

„На чемъ основывается гнусная система террора и клеветы, которыми преслѣдуютъ меня? Мы страшны патріотамъ! Мы, вырвавшіе ихъ изъ рукъ заговорщиковъ, замышлявшихъ противъ нихъ! Мы, боравшіеся, такъ сказать, за нихъ ежедневно противъ лицемѣрныхъ интригановъ, имѣющихъ еще смѣлость угнетать ихъ. Мы страшны Національному Конвенту! А чѣмъ мы будемъ безъ него? А кто защищалъ Конвентъ съ опасностью для своей жизни? Кто жертвовалъ собою, чтобы охранить его, когда искусные заговорщики задумали стереть его съ лица Франціи? Кто жертвовалъ собою ради его славы, когда низкіе сообщники тираніи проповѣдывали отъ его имени атеизмъ, когда столько другихъ хранили преступное молчаніе о поступкахъ своихъ соучастниковъ и, повидимому, ждали только сигнала къ рѣзнѣ, чтобы искупаться въ крови представителей народа? А кому предназначались первые удары заговорщиковъ? Кто были жертвами, намѣченными Шометтомъ и Ронсеномъ? Куда шайка убійцъ должна была направиться прежде всего послѣ открытія тюремъ? Что составляетъ предметъ насмѣшекъ и нападокъ тирановъ, вооружившихся противъ республики? Развѣ нѣтъ кинжала и для насъ въ томъ грузѣ, который Англія отправила во Францію и въ Парижъ? Насъ убиваютъ и насъ же изображаютъ страшилищами! И въ чемъ же состоитъ великая суровость, въ которой насъ обвиняютъ? Кто были жертвами? Геберъ, Ронсенъ, Шабо, Дантонъ, Лакруа, Фабръ д'Эглантинъ и нѣсколько другихъ ихъ соумышленниковъ? Это въ ихъ-то наказанія насъ упрекаютъ? Никто не долженъ бы осмѣлиться защищать ихъ. Нѣтъ, мы не были слишкомъ строги: я призываю въ этомъ во свидѣтели республику, которая еще существуетъ!

„Развѣ мы ввергли въ темницы патріотовъ и внесли терроръ во всѣ классы общества? Мы обвиняли только однихъ изверговъ. Развѣ мы, забывъ преступленія аристократовъ и покровительствуя измѣнникамъ, объявили войну мирнымъ гражданамъ, погрязшимъ въ преступленіяхъ или неискоренимыхъ предрассудкахъ, или въ не имѣющихъ особаго значенія поступкахъ, чтобы вездѣ находить виновныхъ и сдѣлать такимъ образомъ революцію ужасной даже для самого народа? Тѣ, кто обвинили насъ изверги. Развѣ мы, домогаясь привлечь на свою сторону общественное мнѣніе, примѣнили мечъ къ большей части На-

ціонального Конвента? Тѣ, кто обвинили насъ изверги. Неужели уже забыли о томъ, что мы бросились между ними и палачами?

„Таково, однако, основаніе плановъ диктатуры и покушеній противъ національнаго представительства. Вслѣдствіе какихъ, однако, стеченій обстоятельствъ это грозное обвиненіе пало внезапно только на голову одного изъ его членовъ? Странный проектъ заставить Національный Конвентъ постепенно уничтожить самого себя, собственными руками, чтобы пробить ему дорогу къ неограниченной власти! Пусть другіе замѣчаютъ смѣшныя стороны этихъ обвиненій, я вижу только его жестокость. Вы, чудовища, старающіеся лишить меня уваженія Національнаго Конвента, самой славной награды за труды смертнаго, которую я не захватилъ ни насильственно, ни врасплохъ, но которую я принужденъ былъ завоевать, отдайте по крайней мѣрѣ отчетъ общественному мнѣнію въ вашей гнусной настойчивости, съ которой вы преслѣдуете ваше намѣреніе убивать всѣхъ друзей отечества. Быть предметомъ ужаса въ глазахъ тѣхъ, кого уважаешь и любишь, для человѣка чувствительнаго и честнаго самая ужасная изъ пытокъ! Заставить его претерпѣть ее—самое ужасное изъ преступленій!

„Въ Конвентѣ воображали, что Гора находится въ опасности, потому что нѣкоторые члены, засѣдающіе въ этой части залы, не считали себя въ безопасности, и чтобы вызвать сочувствіе къ этому дѣлу со стороны всего Національнаго Конвента, внезапно начали процессъ шестидесяти двухъ арестованныхъ депутатовъ, и обвинили меня во всѣхъ этихъ событіяхъ, въ которыхъ я не принималъ ровно никакого участія. Говорили, что я хотѣлъ погубить другую часть Національнаго Конвента. *Здѣсь* меня изображали какъ перваго Гонителя шестидесяти двухъ арестованныхъ депутатовъ; *тамъ* меня обвинили въ томъ, что я защищаю ихъ.

„Ахъ! конечно, когда я одинъ, рискуя оскорбить общественное мнѣніе, вырывалъ у людей, слишкомъ поспѣшно осуждавшихъ тѣхъ, которые отправили бы меня на эшафотъ, если бы они восторжествовали; когда во множествѣ другихъ случаевъ я подвергалъ себя всѣмъ изступленіямъ бѣшенства лицемѣрныхъ заговорщиковъ, требуя примѣненія строгаго правосудія къ тѣмъ, кто судили меня съ большой поспѣшностью, я былъ далекъ отъ мысли, что должны оцѣнить такое мое поведеніе, но я былъ еще дальше отъ мысли, что настанетъ день, когда меня обвинять въ томъ, что я былъ палачомъ тѣхъ, относительно которыхъ я исполнилъ самыя необходимыя обязанности всякаго честнаго человѣка, и врагомъ національнаго представительства, которому я служилъ беззавѣтно.

„Однако слово „диктатуры“ имѣетъ магическое дѣйствіе. Оно клеймитъ свободу, унижаетъ правительство, уничтожаетъ республику, разрушаетъ всѣ революціонныя учрежденія, которыя изображаютъ дѣломъ рукъ одного человѣка. Оно дѣлаетъ ненавистнымъ народное правосудіе, которое изображаетъ, какъ установленное честолюбіемъ одного лица; оно направляетъ въ одну точку ненависть всѣхъ людей и кинжалы всѣхъ фанатиковъ и аристократовъ.

„Какое ужасное значеніе придали враги республики одному имени римскаго судьи! И если ихъ ученость была для насъ столь роковою, то чѣмъ

были бы ихъ сокровища и ихъ интриги! Я уже не говорю о ихъ арміяхъ; но да позволено мнѣ будетъ вернуть герцогу Йоркскому и всѣмъ царственнымъ писателямъ патенты на это смѣшное достоинство, которымъ они наградили мнѣ первые. Слишкомъ большая дерзость со стороны королей, не увѣренныхъ въ томъ, что они удержатъ свои короны, присваивать себѣ право оспаривать ихъ у другихъ!

„Они называютъ меня тираномъ... Если бы я былъ имъ, то они ползали бы у моихъ ногъ, и я осыпалъ бы ихъ золотомъ, я призналъ бы за ними право совершать всѣ преступленія, и они еще были бы мнѣ благодарны! Если бы я былъ имъ, то короли, которыхъ мы побѣдили, вмѣсто того чтобы заявлять о томъ, какое нѣжное участіе они принимаютъ въ нашей свободѣ, предложили бы мнѣ свою преступную помощь; я вошелъ бы съ ними въ соглашеніе! Къ тираніи приводить помощь мошенниковъ! Куда отправляются тѣ, кто борятся съ ними? Въ могилу и въ безсмертіе. Который изъ тирановъ покровительствуетъ мнѣ? Гдѣ та партія заговорщиковъ, къ которой я принадлежу? Это вы сами. Гдѣ та партія, которая съ начала революціи поразила и уничтожила столько аккредитованныхъ измѣнниковъ? Это вы, это народъ, это принципы. Вотъ партія, которой я преданъ и противъ которой сплотились всѣ преступленія.

„Истина безъ сомнѣнія имѣетъ свою власть, гнѣвъ, деспотизмъ; у нея есть звуки трогательные и страшные, которые съ силой находятъ откликъ какъ въ сердцахъ чистыхъ, такъ и въ преступной совѣсти, и лжи воспрещено подражаніе ей такъ же, какъ Салмонею подражаніе громамъ небеснымъ.

„Кто я такой,—я, котораго обвиняютъ? Рабъ свободы, живой мученикъ республики, столько же жертва, какъ и врагъ преступленія. Всѣ мошенники оскорбляютъ меня; поступки самые безразличныя, самые законныя для другихъ—для меня становятся преступленіями; на человѣка начинаютъ клеветать, какъ только онъ познакомится со мною. Другимъ прощаютъ ихъ проступки,—меня обвиняютъ за усердіе. Отнимите у меня совѣсть я,—самый несчастный изъ людей.

„Когда жалуются жертвы ихъ злобы, они извиваютъ себя, говоря: „Этого хочетъ Робеспьеръ, мы не можемъ ничего подѣлать“. Безчестные послѣдователи Гебера говорили то же самое въ то время, когда я изболѣчилъ ихъ; они выдавали себя за моихъ друзей, затѣмъ они объявили меня сторонникомъ умѣренности; это тотъ же сортъ противо-революціонеровъ, которые преслѣдуютъ патріотизмъ. Долго ли еще честь гражданъ и достоинство Національнаго Конвента будутъ зависѣть отъ подобныхъ людей? Но обстоятельство, которое я только что привелъ, составляетъ только часть болѣе обширной системы преслѣдованія, предметомъ которой я служу. Развивая это обвиненіе въ диктатурѣ, ставшее обычнымъ дѣломъ у тирановъ, къ нему прицѣпились, чтобы взвалить на меня всѣ боззаконія, всѣ неправды судьбы и всѣ строгости, которыя необходимы для блага отечества. Дворянамъ говорили: „Онъ одинъ подвергъ васъ проскрипціи“; въ то же время патріотамъ говорили: „Необходимо спасти дворянъ“; священникамъ говорили: „Онъ одинъ преслѣдуетъ васъ,—безъ него вы были бы спокойны и торжествовали бы“; фанатикамъ говорили: „Это онъ разрушаетъ религію“; преслѣдуемымъ патріо-

такъ говорили: „Это онъ приказалъ такъ дѣйствовать или не хочетъ мѣшать этому“. Меня дѣлали ответственнымъ за всѣ жалобы, поводовъ къ которымъ я не могъ устранить, говоря: „Ваша участь зависитъ отъ него одного“. Люди, которыхъ подсылали въ общественныя мѣста ежедневно, пускали въ ходъ эту систему. Они встрѣчались въ мѣстѣ засѣданій революціоннаго суда,—въ мѣстѣ, гдѣ враги отечества искупаютъ ихъ преступленія. Они говорили: „Вотъ несчастные осужденные; а кто виною тому? Робеспьеръ“. Въ особенности старались доказать, что революціонный судъ есть судъ крови, созданный мною однимъ, и что я приказалъ во что бы то ни стало убивать всѣхъ добродѣтельныхъ людей, а также и всѣхъ мошенниковъ; потому что хотѣли возбудить противъ меня всевозможныхъ враговъ. Этотъ крикъ раздавался во всѣхъ тюрьмахъ.

„Говорили каждому депутату, возвращавшемуся изъ своей миссіи въ департаменты, что я одинъ потребовалъ его отозванія. Вполнѣ точно сообщали моимъ сотоварищамъ все то, что я сказалъ, а въ особенности то, чего я не говорилъ. Когда создали эту грозу изъ ненависти, мести, ужаса, раздраженныхъ самолюбіи, рѣшили, что настало время для нея разразиться. Но кто такіе они были, эти клеветники?

„Я могу отвѣтить, что авторами клеветы были прежде всего герцогъ Юрскій, М. Питтъ и всѣ тираны, вооружившіеся противъ насъ. А еще кто?.. Ахъ! я не могу назвать ихъ въ эту минуту и въ этомъ мѣстѣ, я не рѣшаюсь разорвать окончательно завѣсу, покрывающую эту глубокую тайну беззаконій; но я могу утверждать положительно, что среди авторовъ этого заговора находятся агенты системы подкупа и крайнихъ средствъ, самаго могущественнаго изъ всѣхъ средствъ, изобрѣтенныхъ за границей для того, чтобы погубить республику, среди нихъ находятся гнусные проповѣдники атеизма и безнравственности, которымъ оно служить основой.

„Тиранія требовала отъ людей только ихъ имущества и жизни, а послѣдніе потребовали у насъ даже нашу совѣсть; въ одной рукѣ они приносили намъ всѣ бѣдствія, а другой вырывали у насъ надежду. Атеизмъ, сопровождаемый всѣми пороками, несъ народу печаль и отчаяніе и навлекая на народное представительство подозрѣнія, презрѣніе и позоръ. Справедливое негодованіе, сдерживаемое терроромъ, глухо зрѣло въ сердцахъ, взрывъ страшный, неизбежный билъ ключемъ въ нѣдрахъ вулкана въ то время, какъ маленькіе философы безсмысленно играли на его вершинѣ съ великими злодѣями. Положеніе республики было таково, что,—согласился ли бы народъ сносить тиранію, или сбросилъ бы силой ея гнетъ,—свобода въ обоихъ случаяхъ погибла бы; потому что своимъ противодѣйствіемъ онъ поразилъ бы на смерть республику, а своимъ терпѣніемъ онъ показалъ бы себя недостойнымъ ея. А потому изъ всѣхъ чудесъ нашей революціи потомству будетъ наименѣе понятно то, какимъ образомъ мы могли избѣгнуть этой опасности. Вы заслужили великую благодарность, вы спасли отечество! Вашъ декретъ 18 флореала уже самъ по себѣ революція: вы поразили однимъ ударомъ атеизмъ и священническій деспотизмъ; вы приблизили на полъ-вѣка смертный часъ тиранамъ; вы привлекли къ дѣлу революціи всѣ чистыя и великодушныя сердца; вы показали его міру во всей

его небесной красотѣ. О вѣчно счастливый день, когда французскій народъ поднялся весь, чтобы воздать Творцу природы единственную дань уваженія, достойную Его! Какое трогательное собраніе предметовъ, могущихъ восхитить взоры и сердца людей! Верховное Существо! день, когда вселенная вышла изъ Твоихъ всемогущихъ рукъ, сіялъ ли болѣе пріятнымъ свѣтомъ въ Твоихъ глазахъ, чѣмъ тотъ день, когда, разбивая его преступленія и заблужденій, онъ явился предъ Тобою достойнымъ Твоихъ взоровъ и своей участи?

„Этотъ день оставилъ во Франціи впечатлѣніе тишины, счастья, мудрости и милосердія. Но когда народъ, въ присутствіи котораго все пороки частныхъ лицъ исчезаютъ, вернулся къ своимъ домашнимъ очагамъ, снова появились интриганы, и возобновилась роль шарлатановъ. Съ этихъ поръ увидали, какъ они начали дѣйствовать съ новой дерзостью и пытались наказать тѣхъ, кто разстроилъ самый опасный изъ заговоровъ. Можно ли повѣрить, что среди общаго ликованія люди отвѣтили знаками бѣшенства на самыя трогательныя восклицанія народа? Можно ли повѣрить, что президентъ Національнаго Конвента, говорившій съ собравшимся народомъ, былъ оскорбленъ ими, и что эти люди были представителями народа?

„Что сказали бы, если бы зачинщики заговора, о которомъ я только что говорилъ, принадлежали къ числу тѣхъ, кто отправилъ на эшафотъ Дантона, Фабра и Демулена? Негодяи! Они хотѣли заставить меня сойти въ могилу съ позоромъ, и я оставилъ бы по себѣ на землѣ память тирана! Съ какимъ вѣроломствомъ они злоупотребили моимъ довѣріемъ! Какъ они притворялись раздѣляющими принципы добрыхъ гражданъ! Какъ ихъ притворная дружба казалась искренней и привѣтливою! Вдругъ ихъ лица сдѣлались мрачны, дикая радость заблестала въ глазахъ; это случилось въ ту минуту, когда они думали, что прекрасно приняли все мѣры, чтобы одолѣть меня. Сегодня они снова лстятъ мнѣ; ихъ рѣчи любезнѣе, чѣмъ когда-либо; три дня назадъ они готовы были донести на меня какъ на Катилину, а сегодня они приписываютъ мнѣ добродѣтели Катона. Имъ нужно время, чтобы возобновить свои преступныя интриги. Какъ жестока ихъ цѣль! Но какъ презрѣнны ихъ средства! Судите о нихъ по одной подробности. Я внезапно былъ назначенъ, за отсутствіемъ моихъ сотоварищей, завѣдывать главнымъ полицейскимъ бюро, незадолго передъ тѣмъ и плохо организованнымъ при Комитетѣ общественнаго блага. Мое короткое правленіе ограничилось тѣмъ, что я вызвалъ около тридцати арестованныхъ отчасти для того, чтобы освободить подвергшихся преслѣдованію патріотовъ, отчасти же чтобы убѣдиться въ своемъ мнѣніи относительно нѣкоторыхъ враговъ революціи. Итакъ, можно ли повѣрить, что одного слова „главная полиція“ было достаточно, чтобы возложить на мою голову отвѣтственность за все дѣйствіе Комитета общественной безопасности, за ошибки конституціонныхъ властей, за преступленія всехъ моихъ враговъ? Быть можетъ, нѣтъ ни одного арестованнаго лица, ни одного потерявшаго гражданина, которому бы не сказали про меня: „Вотъ виновникъ твоихъ бѣдъ; ты былъ бы счастливъ и свободенъ, если бы его не было!“ Какъ могъ бы я рассказать или угадать всевозможные способы клеветы, которые тайно распространялись

обо мнѣ то въ Національномъ Конвентѣ, то въ иномъ мѣстѣ, чтобы сдѣлать меня ненавистнымъ и страшнымъ? Я ограничусь тѣмъ, что скажу, что болѣе шести недѣль назадъ свойства и сила клеветы, невозможность дѣлать добро и остановить зло принудили меня рѣшительно отказаться отъ своихъ обязанностей члена Комитета общественного блага и клянусь, что объ этомъ я собѣтовался только съ моимъ разумомъ и благомъ отечества.

„Какъ бы тамъ ни было, вотъ по крайней мѣрѣ шесть недѣль какъ кончилась моя диктатура и я не имѣю ни малѣйшаго вліянія на правительство. Патріотизму было ли оказано больше покровительства? сдѣлались ли заговорщики трусливѣе? стало ли отечество счастливѣе? Я желалъ бы этого. Но мое вліяніе всегда ограничивалось защитой отечества предъ народнымъ представительствомъ и судомъ общественного разума; мнѣ было разрѣшено бороться противъ заговоровъ, угрожавшихъ вамъ; я хотѣлъ вырвать съ корнемъ систему растлѣнія и раздоровъ, которую они ввели и на которую я смотрю, какъ на единственное препятствіе къ упроченію республики. Я думаю, что она можетъ покониться не иначе какъ на незыблемыхъ основахъ правственности. Все сплотилось противъ меня и противъ тѣхъ, у кого были такіе же принципы.

„О! я безъ сожалѣнія расстаюсь съ жизнью! У меня есть опытъ прошлаго и я предвижу будущее! Какой другъ отечества захочетъ пережить тотъ моментъ, когда запрещаютъ долѣе служить ему и защищать угнетенную невинность? Къ чему жить при томъ порядкѣ вещей, когда интрига постоянно беретъ верхъ надъ правдой, когда правосудіе сдѣлалось ложью, когда самыя низкія страсти или самыя смѣшныя страхи заняли въ сердцахъ мѣсто священныхъ интересовъ человѣчества? Какъ перенести пытку лицемерія непрерывнаго слѣдованія другъ за другомъ ряда измѣнниковъ, болѣе или менѣе способныхъ скрывать свою отвратительную душу подъ личиною добродѣтели и даже дружбы, но которые всѣ поставятъ потомство въ затрудненіе передъ рѣшеніемъ, который изъ враговъ моего отечества былъ самый низкій и самый жестокій? Видя бездну пороковъ, которую потокъ революціи смѣшалъ въ одну кучу съ гражданскими добродѣтелями, я боялся иногда, признаюсь въ этомъ, быть очерненнымъ въ глазахъ потомства благодаря нечистому соудѣству съ порочными людьми, втирающимися въ среду искреннихъ друзей человѣчества, и я въ восторгѣ, видя негодованіе Верресовъ и Катилинъ моего отечества, проводившихъ демаркаціонную линію между собою и всѣми благонамѣренными людьми. Я видѣлъ въ исторіи, что всѣ защитники свободы подвергались клеветѣ. Но ихъ гонители также умерли! Добрые и злые исчезаютъ съ земли, но при различныхъ условіяхъ. Французы, не допускайте, чтобы ваши враги унизили ваши души и ослабили ваши добродѣтели своимъ пагубнымъ ученіемъ! Нѣтъ, Шометтъ, нѣтъ, смерть не есть вѣчный сонъ!.. Граждане! уничтожьте на могилахъ изреченіе, начертанное святотатственными руками, набрасывающее мрачный покровъ на природу, лишающее мужества угнетенную невинность и оскорбляющее смерть. Начертайте лучше слѣдующее: „Смерть есть начало безсмертія“.

„Я обѣщаль, нѣсколько времени назадъ, оставить страшный завѣтъ угне-

тателямъ народа, я хочу обнародовать его сейчасъ же съ независимостью, подобающей тому положенію, въ которое я себя поставилъ: я завѣщаю имъ ужасную истину и смерть.

„Почему тѣ, которые вамъ говорили недавно: „Я говорю вамъ, что мы ходимъ по вулканамъ“, воображаютъ, что теперь они ходятъ по розамъ? Вчера они вѣрили въ существованіе заговоровъ. Я заявляю, что вѣрю въ нихъ теперь. Тѣ, которые говорятъ вамъ, что основаніе республики такое легкое предпріятіе, обманываютъ васъ, или, вѣрнѣе, они никого не могутъ обмануть. Гдѣ мудрыя установленія, гдѣ планъ преобразованій, который оправдалъ бы эти честолюбивыя рѣчи? Развѣ занимались однимъ только этимъ великимъ дѣломъ? Что я говорю! Развѣ не хотѣли подвергнуть проскрипціи тѣхъ, которые готовили ихъ. Ихъ восхваляютъ сегодня, потому что считаютъ себя слабѣе; слѣдовательно ихъ подвергнуть проскрипціи завтра, если они сдѣлаются сильнѣе. Черезъ четыре дня, говорятъ, несправедливости будутъ заглажены. Отчего ихъ совершали безнаказанно въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ? И какимъ образомъ въ продолженіе четырехъ дней виновники нашихъ несчастій исправятся или будутъ изгнаны? Вамъ много говорятъ о нашихъ побѣдахъ съ академическимъ легкомысліемъ, которое можетъ заставить повѣрить, что они не стоили нашимъ героямъ ни крови, ни трудовъ. Разсказанныя съ меньшей высокопарностью, онѣ казались бы болѣе великими. Не риторскими фразами и даже не воинскими подвигами мы покоримъ Европу, а мудростью нашихъ законовъ, величіемъ нашихъ рѣшеній и возвышенностью нашихъ характеровъ. Что сдѣлано, чтобы обратить наши военные успѣхи на пользу нашихъ принциповъ, чтобы предупредить опасности побѣды и упрочить пользованіе ея плодами?

„Вотъ часть плана заговора. А кому слѣдуетъ вѣнчать въ вину эти несчастія? Намъ самимъ, нашей низкой трусости передъ порокомъ и нашему преступному небреженію принципами, нами же самими объявленными. Не будемъ обманывать себя: основать огромную республику на основахъ разума и равенства, соединить крѣпкими узами всѣ части этой огромной имперіи не такое предпріятіе, которое могло бы уничтожить легкомысліе; это образецъ добродѣтели и человеческого разума. Всѣ заговоры рождаются гурьбой изъ нѣдръ великой революціи; какъ подавить ихъ, если вы не будете непрестанно подчинять всѣ страсти правосудію? У васъ нѣтъ иной гарантіи свободы, кромѣ строгаго соблюденія принциповъ всеобщей морали, которые вы обнародовали. Что значить для насъ побѣда надъ королями, если мы побѣждены пороками, влекущими за собою тиранію!

„Что касается меня, жизнь котораго кажется врагамъ моего отечества препятствіемъ ихъ гнуснымъ проектамъ, то я охотно жертвую имъ ее, если ихъ ужасное владычество должно еще продолжиться. Ахъ! кто могъ бы желать все еще смотрѣть на ужасное шествіе измѣнниковъ, болѣе или менѣе ловко скрывающихъ свою мерзкую душу подъ маской добродѣтели до той минуты, пока созрѣетъ ихъ преступленіе, которые всѣ поставятъ потомство въ затрудненіе рѣшить, который изъ враговъ моего отечества былъ самый подлый и самый жестокий?

„Народъ, вспомни, что если въ республикѣ правосудіе не царить съ ограниченной властью и если это слово не означаетъ любви къ равенству и отечеству, то свобода не что иное, какъ пустое слово! Народъ, ты, котораго боялся, которому льстятъ и котораго презираютъ, ты, признанный властелинъ, съ которымъ всегда обращаются какъ съ рабомъ, вспомни, что вездѣ, гдѣ не царить правосудіе, судьями являются страсти и что народъ переѣхалъ цѣпи, а не свою участь!

„Знай, что каждый, возставшій на защиту общественной нравственности, будетъ подвергнутъ притѣсненіямъ и проскрипціи негодаями; знай, что каждый другъ свободы будетъ находиться между долгомъ и клеветой; что тѣ, кого не смогутъ обвинить въ измѣнѣ, будутъ обвинены въ честолюбіи; что вліяніе честности и принциповъ будутъ сравнивать съ силою тираніи и насиліемъ заговорщиковъ; что твое довѣріе и уваженіе будетъ грамотой на преслѣдованіе твоихъ друзей; что крики угнетеннаго патріотизма будутъ названы призывомъ къ возмущенію и что, не осмѣливаясь напасть на тебя въ массѣ, тебя будутъ подвергать преслѣдованію по частямъ въ лицѣ твоихъ добрыхъ гражданъ, до тѣхъ поръ, пока честолюбцы не установятъ собственную тиранію. Такова власть вооружившихся противъ насъ тирановъ, таково вліяніе ихъ союза со всѣми развращенными людьми, готовыми всегда служить имъ. Такимъ образомъ изверги вѣшаютъ намъ въ законъ измѣну народу, едва только призванному сдѣлаться диктаторомъ. Неужели мы подпишемся подъ этимъ закономъ? Нѣтъ! Будемъ защищать народъ рискуя его уваженіемъ; пусть они стремятся къ эшафоту дорогой преступленія, а мы пойдемъ по пути добродѣтели!“

8.

Эта длинная рѣчь, изъ которой мы передали только суть, устранивъ изъ нея всѣ частности, была выслушана съ притворнымъ уваженіемъ, подъ которымъ старались скрыть волновавшія чувства и выраженія лицъ. Никто не рѣшился бы выразить ропотъ противъ мудрости и авторитета такого человѣка. Ждали, пока разразится всеобщій ропотъ, чтобы присоединиться къ нему. Привлечь на себя вниманіе значило погубить себя. Каждый дрожалъ передъ остальными. Общее лицемѣрное восхищеніе имѣло видъ единодушнаго одобренія.

Когда Робеспьеръ направился къ своей скамьѣ, то всѣ, мимо кого онъ проходилъ, кланялись ему и притворно улыбались. Продолжительное колебаніе, казалось, тяготѣло надъ Конвентомъ. Онъ не зналъ еще, разразится ли негодованіемъ или рукоплескать. Негодованіе было бы началомъ боя; рукоплесканіе порабоженіемъ. Молчаніе прикрывало его нерѣшительность. Его прерывалъ чей-то голосъ.

Это былъ голосъ Лекуантра. Онъ потребовалъ, чтобы рѣчь Робеспьера была напечатана. Это значило заставить Конвентъ принять ее.

Это предложеніе должно было быть голосовано, когда Бурдонъ, депутатъ Уаза, имя котораго встрѣчалось вездѣ, гдѣ дѣло шло противъ Робеспьера, и который чувствовалъ, что одна лишняя дерзость не прибавитъ ничего къ его

проскрипціи, рѣшилъ обратиться къ мужеству или къ низости своихъ сотоварищей. Ему, привыкшему къ симптомамъ большихъ собраній, молчаніе Конвента показалось началомъ освобожденія. Одно слово могло измѣнить его въ возмущеніе. Бросить это слово собранію,—если бы оно не понало въ цѣль,—начило рисковать своей головой. Бурдонъ Узаскій рискнулъ.

„Я протестую противъ напечатанія этой рѣчи. Она заключаетъ слишкомъ важные предметы, заслуживающіе обсужденія. Она можетъ заключать заблужденія, какъ и истины. Осторожность со стороны Конвента требуетъ отправить ее на разсмотрѣніе обоихъ комитетовъ—Общественнаго спасенія и Всеобщей безопасности“.

Никакого взрыва неудовольствія не послѣдовало противъ замѣчанія, которое еще наканунѣ показалось бы богохульствомъ. Сердца заговорщиковъ укрѣпились. Робеспьеръ былъ изумленъ, видя свое паденіе. Бареръ посмотрѣлъ на него. Бареръ думалъ, что не можетъ быть болѣе услужливой лести, чѣмъ та, которая можетъ возстановить униженную гордость. Онъ настаивалъ на напечатаніи рѣчи въ такихъ выраженіяхъ, что съ нимъ могли одинаково согласиться обѣ стороны.

Кутонъ, ободренный измѣной Барера, потребовалъ не только того, чтобы рѣчь была напечатана, но даже отправлена во всѣ общины республики. Восторжествовавшее напечатаніе постановили голосовать. Пораженіе враговъ Робеспьера должно было совершиться, если бы они допустили это голосованіе. Вадеъ встаетъ съ готовностью пожертвовать собою. Робеспьеръ хочетъ прервать его рѣчь. Вадеъ настаиваетъ на своемъ.

„Я буду говорить“, говоритъ онъ съ спокойствіемъ, причисляющимъ добродѣтели. Онъ отстаиваетъ докладъ, сдѣланный имъ о Катаринѣ Тео, на который напалъ Робеспьеръ. Онъ дѣлаетъ намеки на то, что ему извѣстны многія тайны, въ которыя замѣшаны сами его обвинители. Онъ оправдываетъ Комитетъ всеобщей безопасности.

„И я тоже приму участіе въ преніяхъ“, воскликнулъ суровый и неподкупный Камбонъ:—„хотя я никогда не старался составить себѣ партію. Я не являюсь вооруженнымъ статями, приготовленными заранѣе. Всѣ партіи встрѣчали меня безстрашнымъ на ихъ пути, противопоставляющимъ ихъ честолюбію преграду своего патріотизма. Настало время сказать истину цѣликомъ. Одинъ человѣкъ парализуетъ Національный Конвентъ, и этотъ человѣкъ Робеспьеръ!“ При этихъ словахъ, разразившихся какъ долго сдерживаемая мысль добродѣтельнаго человѣка, Робеспьеръ встаетъ и извиняется, что оскорбилъ честность Камбона.

Билло-Вареннъ требуетъ, чтобы оба комитета, которымъ предъявлено обвиненіе, объяснили свое поведеніе. „Я обвиняю не комитетъ“, отвѣчаетъ Робеспьеръ:—„Въ концѣ концовъ, чтобы избѣжать множества споровъ, я требую, чтобы мы позволили объясниться подробнѣе.—Мы всѣ этого требуемъ!“ воскликнули, вставая, двѣсти членовъ Горы.

Билло-Вареннъ продолжаетъ:—„Да, Робеспьеръ правъ, необходимо совать маску, чѣе бы лицо она ни прикрывала; и если правда, что мы не сдѣ-

лаемся свободѣ, то я предпочитаю, чтобы мой трупъ послужилъ трономъ тирану, чѣмъ своимъ молчаніемъ сдѣлаться сообщникомъ его преступленій“.

Панись, бывшій сначала другомъ, потомъ подвергшійся преслѣдованіямъ Робеспьера у якобинцевъ, упрекаетъ его, что онъ царитъ повсюду и единолично, подвергаетъ проскрипціи людей, кающихся ему подозрительными. „Сердце мое разрывается“, восклицаетъ Панись: — „настало время излить все, что его переполнило. Меня представляютъ извергомъ, упившимся кровью и разбогатѣвшимъ отъ грабежа, а я во время революціи не приобрѣлъ даже настолько, чтобы купить саблю моему сыну, съ которой онъ могъ бы отправиться на границы, и одежду для моихъ дочерей! Робеспьеръ составилъ списокъ, куда онъ внесъ и мое имя, и намѣтилъ мою голову для первой массовой казни!“

Потокъ сдерживаемаго негодованія разражается при этихъ словахъ противъ тирана. Робеспьеръ встрѣчаетъ его съ непоколебимой стойкостью. „Отбросивъ свой щитъ“, говоритъ онъ: — „я стою открыто передъ своими врагами. Я ни отъ чего не отрекаюсь, никому не лгу, никого не боюсь, не хочу ни поддержки, ни снисхожденія ни отъ кого. Я не ищу составить себѣ партію. Я исполнилъ свой долгъ, — этого съ меня довольно; другимъ остается исполнить свой.. Какъ!“ продолжаетъ онъ: — „у меня хватило мужества явиться, чтобы изложить въ присутствіи комитета истины, которыя я считаю необходимыми для блага отечества, а мое обвиненіе хотѣлъ отправить на разсмотрѣніе тѣмъ, кого я обвиняю!“

— „Кто хвастается тѣмъ, что имѣетъ мужество быть добродѣтельнымъ“, кричитъ ему Шарлізъ: — „тотъ долженъ имѣть мужество и для правды: назовите тѣхъ, кого вы обвиняете!“ — „Да, да, назовите ихъ!“ повторяетъ съ жестами вызова группа монтаньяровъ. Робеспьеръ молчитъ. „Эта рѣчь обвиняетъ оба комитета“, говоритъ Амаръ: — „обвинитель долженъ назвать имена членовъ, на которыхъ онъ указываетъ. Одинъ человѣкъ не долженъ занимать мѣсто, принадлежащее всѣмъ. Конвентъ не долженъ быть возмущенъ ради интересовъ оскорбленнаго самолюбія. Пусть онъ изложитъ подробно свои обвиненія, и ихъ обсудятъ!“ Тиріонъ говоритъ, что посылка такой рѣчи въ департаменты была бы предварительнымъ обвиненіемъ тѣхъ, кого обвиняетъ Робеспьеръ. Бареръ, видя колебаніе собранія, пытается вернуться къ своему первоначальному ласкательству, однако въ менѣе низкопоклонныхъ выраженіяхъ, въ какихъ обращаются къ человѣку, положеніе котораго колеблется: „Мы отвѣтимъ на эту напыщенную рѣчь побѣдами!“ восклицаетъ онъ. Бареръ доказываетъ, что Конвентъ долженъ самъ отмѣнить декретъ, постановившій напечатаніе и разсылку по департаментамъ рѣчи, опасной для республики. Огромное большинство подаетъ свой голосъ вмѣстѣ съ Бареромъ.

9.

Робеспьеръ, оскорбленный, но не побѣжденный, чувствуетъ, что вліяніе его на Конвентъ ускользаетъ. Онъ выходитъ, бросается, окруженный преданной ему группой, на трибуну у якобинцевъ, гдѣ друзья встрѣчаютъ его какъ мученика за правду, оскорбленнаго народомъ. Донесенный на рукахъ якобинцами до трибуны, Робеспьеръ читаетъ среди топота и слезъ восторга рѣчь, отвергну-

тую Конвентомъ. Крики негодованія, восклицанія гнѣва, жесты, выражающіе обожаніе, прерываютъ и покрываютъ эту рѣчь. Когда эти манифестаціи утихли, Робеспьеръ говоритъ усталымъ голосомъ, принимая позу человѣка, осужденнаго на смерть демократіей: „Братья, рѣчь, которую вы только что слышали,— мое предсмертное завѣщаніе!“—Нѣтъ! нѣтъ! ты будешь жить или мы все умремъ, отвѣчаютъ ему трибуны, простирая руки къ оратору.—„Да, это мое предсмертное завѣщаніе, продолжаетъ онъ съ пророческой торжественностью, это мое предсмертное завѣщаніе! Я видѣлъ сегодня, что лига негодяевъ такъ сильна, что я не могу надѣяться ускользнуть отъ нея. Я умираю безъ сожалѣній! Я оставляю вамъ память по себѣ,—она будетъ вамъ дорога и вы будете защищать ее!“

Его послѣднія слова, близкая смерть, прощаніе, заключающее въ одно и то же время упрекъ и покорность, трогаютъ до слезъ народъ и якобинцевъ. Коффингаль, Дюплэ, Рейанъ, Буанаротти, Леба, Давидъ встаютъ, спрашиваютъ Робеспьера, заклиная его защитить отечество, защищая самого себя. Генрію восклицаетъ съ жестомъ негодованія, что есть еще достаточно канонировъ, чтобы заставить вотировать Конвентъ. Робеспьеръ, ободренный этимъ энтузіазмомъ и увлеченный крайностью положенія, отказывается отъ своего рѣшенія и дѣлаетъ знакъ, что онъ хочетъ говорить.

„Итакъ, да!“ восклицаетъ онъ:—„отдѣлите злыхъ отъ слабыхъ! Освободите Конвентъ отъ изверговъ, держащихъ его подъ игомъ! Верните ему свободу, которую онъ ожидаетъ отъ васъ такъ же, какъ 31 мая и 2 іюня! Отправляйтесь, если это необходимо, и спасите отечество! Если, несмотря на эти великодушныя усилія, мы падемъ, тогда, друзья мои, вы увидите, какъ спокойно я выпью цикуту!..“. Давидъ прервалъ его слова съ античнымъ жестомъ и крикомъ, вырвавшимся изъ глубины души: „Робеспьеръ“, сказалъ онъ ему:—„если ты выпьешь цикуту, то я выпью ее вмѣстѣ съ тобою!“, „Всѣ! Всѣ! мы все погибнемъ вмѣстѣ съ тобою!“ восклицаютъ тысячи преданныхъ голосовъ:— „погибнуть съ тобою значитъ погибнуть вмѣстѣ съ народомъ!“

Кутонъ, спокойно смотрѣвшій на общее волненіе, хочетъ воспользоваться удобной минутой, чтобы заставить якобинцевъ взяться за мечъ и такимъ образомъ разъединить ихъ съ Конвентомъ послѣ перваго же оскорбленія. Онъ требуетъ, чтобы недостойные члены Конвента, которыхъ онъ замѣчаетъ въ одномъ изъ углубленій залы, были удалены. При этихъ словахъ Колло д'Эрбуа, Лежандръ, Бурдонъ, которые явились на засѣданіе съ тѣмъ, чтобы наблюдать за настроеніемъ умовъ собранія замѣчены въ тѣни, на нихъ указываютъ пальцами, ихъ допрашиваютъ и принуждаютъ удалиться изъ рядовъ патріотовъ. Нѣкоторые изъ нихъ уходятъ. Колло вбѣгаетъ на трибуну, хочетъ защищаться, обращаетъ вниманіе на то, что онъ первый по времени республиканецъ, указываетъ мѣсто на своей груди, куда ему были нанесены раны Ладмиралемъ. Голосъ Колло д'Эрбуа заглушаютъ свистки, жесты его передразниваются съ проніей, ему угрожаютъ ножами. Ему съ трудомъ удается спастись отъ ярости якобинцевъ. Пейанъ, подойдя къ Робеспьеру, совѣтуетъ ему воспользоваться настроеніемъ толпы и овладѣть обоими комитетами, собравшимися въ данную минуту въ Тюльери.

10.

Это движеніе встрѣтило бы откликъ, разстояніе было недалеко, успѣхъ легокъ, ударъ рѣшителенъ. Конвентъ, оставшійся безъ главы, на другой день упалъ бы къ ногамъ Робеспьера и поблагодарилъ бы своего мстителя. Но властителемъ якобинцевъ во время бури, поднятой въ моментъ изгнанія Колло, снова овладѣло чувство сознанія законности. Онъ думалъ, что любовь народа избавить его отъ необходимости прибѣгать къ силѣ и что Конвентъ никогда не рѣшится посягнуть на жизнь, находящуюся подъ защитой такого фанатизма. Онъ отказался. Послѣ этого отказа, быть можетъ честнаго, но неполитичнаго, Коффингалъ схватилъ за руку Пейана и, увлекши его изъ залы, сказалъ ему: „Ты видишь теперь, что его добродѣтель не можетъ согласиться на возстаніе; итакъ, разъ онъ не хочетъ, чтобы его спасли, пойдемъ приготовимъ защищать себя и отомстить за него!“

Коффингалъ и Пейанъ отправляются въ совѣтъ Коммуны и проводятъ ночь въ совѣщаніяхъ съ Генріо о томъ, какъ поднять мятежъ среди народа на слѣдующій день. Коффингалъ, родившійся въ горахъ Оверни, отличался плотностью сложенія, ростомъ и силой, какъ всѣ горные жители его страны. Это былъ колоссъ, подобный тому еракійскому крестьянину, котораго солдаты сдѣлали своимъ императоромъ, придя въ восторгъ отъ физической крѣпости его руки. Энергія его души соответствовала силѣ его мускуловъ. Какъ всѣ люди такого закала, онъ переходилъ къ силѣ, когда не могъ добиться чего-нибудь словами. Пейанъ былъ душою, а Коффингалъ рукою въ эту ночь и на слѣдующій день.

11.

Въ то время какъ Робеспьеръ то возбуждалъ умы якобинцевъ, то давалъ имъ снова ослабнуть, Сень-Жюстъ отправился послѣ засѣданія Конвента въ Комитетъ общественнаго спасенія. Онъ показался тамъ только на одну минуту со времени своего возвращенія изъ арміи. Комитетъ собрался, чтобы обсудить событія дня. Сотоварищи Сень-Жюста встрѣтили его съ мрачными лицами и смущенными словами. „Кто отозвалъ тебя изъ арміи?“ спросилъ его Билло-Вареннъ. — „Докладъ, который вы заставили меня сдѣлать Конвенту“, отвѣтилъ Сень-Жюстъ. — Итакъ, прочитайте намъ этотъ докладъ, сказалъ Билло. — Онъ не оконченъ, возразилъ юный депутатъ. — Я пришелъ затѣмъ, чтобы обсудить его вмѣстѣ съ вами“. Лицо его не выражало ни малѣйшаго неудовольствія противъ своихъ сотоварищей. Бареръ въ лѣстивыхъ словахъ убѣждалъ его не дать дружбѣ увлечь себя изъ предубѣжденія на сторону Робеспьера противъ Комитета и постараться избѣгнуть этой ужасной распри въ республикѣ. Сень-Жюстъ слушалъ Барера, погружившись въ глубокую задумчивость. Онъ видѣлъ, что чувство его колеблется между обожаніемъ къ Робеспьеру и дружескими заклинаніями сотоварищей, какъ вдругъ съ шумомъ распахнулась дверь и въ залъ стремительно вбѣжалъ Колло д'Эрбуа, шатаясь, въ разорванной одеждѣ и съ испуганнымъ лицомъ. Онъ вернулся отъ якобинцевъ. У него были еще передъ глазами занесенные надъ его головой ножи. „Что

Камбонъ.

такое случилось у якобинцев? спрашивает Сенъ-Жюсть.—И ты еще спрашиваешь! восклицает Колло д'Эрбуа, бросаясь на Сенъ-Жюста, ты еще спрашиваешь! ты, соучастник Робеспьера! ты, заключившій съ нимъ и Кутономъ триумвиратъ, въ которомъ первымъ дѣломъ намѣчено убить насъ!..“

Тогда Колло д'Эрбуа послѣшно рассказываетъ своимъ сотоварищамъ сцену, происшедшую у якобинцевъ, чтеніе рѣчи, призывъ къ возстанію, изгнаніе членовъ Конвента, о свисткахъ, проклятіяхъ, кинжалахъ; затѣмъ, вернувшись къ Сенъ-Жюсту, онъ хватаетъ его за воротникъ сюртука и, тряся его подобно борцу, желающему опрокинуть противника къ своимъ ногамъ, говоритъ: „Ты здѣсь затѣмъ, чтобы шпионить и доносить на своихъ сотоварищей! твои руки полны доказательствъ, которыя ты хочешь представить противъ насъ. Ты прячешь подъ своею одеждой низкій доносъ, выводы котораго служатъ нашимъ общимъ смертнымъ приговоромъ. Ты не выйдешь отсюда до тѣхъ поръ, пока не покажешь намъ свои замѣтки и не обнаружишь свои подлости!“ Говоря такъ, Колло д'Эрбуа старался вырвать изъ рукъ Сенъ-Жюста и найти подъ его одеждой бумаги, въ которыхъ, какъ онъ думалъ, заключаются доказательства его измѣны. Карно, Вареръ, Робертъ Линде, Билло-Вареннъ бросаются между противниками, стараясь защитить Сенъ-Жюста и заставить Колло д'Эрбуа вести себя прилично и раскаяться въ своемъ насиліи. Онъ ограничился тѣмъ, что объявилъ Сенъ-Жюсту, что тотъ не выйдетъ изъ комитета до тѣхъ поръ, пока не дастъ клятву въ томъ, что его докладъ не заключаетъ въ себѣ ничего противъ его сотоварищей, и пока не сообщитъ имъ содержанія доклада, прежде чѣмъ прочесть его въ Конвентѣ.

Сенъ-Жюсть даетъ обѣщаніе и откровенно говоритъ, что онъ просилъ бы, чтобы Колло д'Эрбуа и Билло-Вареннъ были призваны въ Конвентъ, чтобы прекратить распри, царящія въ комитетѣ. Онъ отказался остаться дольше въ засѣданіи, гдѣ его присутствіе кажется подозрительнымъ его сотоварищамъ. „Вы изсушили мое сердце“, сказалъ онъ уходя: — „я иду излить его въ Конвентѣ“. По уходѣ Сенъ-Жюста, члены комитета рѣшили, по предложенію Колло д'Эрбуа, что Генріо будетъ арестованъ на слѣдующій день за слова, сказанныя имъ у якобинцевъ, и что Флёріо, народный представитель Парижа, будетъ вытребованъ для объясненія въ Конвентѣ. Они разстались на разсвѣтѣ и побѣжали къ своимъ друзьямъ, чтобы предупредить ихъ о принятыхъ рѣшеніяхъ и объ опасностяхъ, которыми грозилъ грядущій день.

12.

Талліенъ, Фреронъ, Баррасъ, Фуше, Дюбуа-Крансе, Бурдонъ и ихъ друзья, число которыхъ все увеличивалось, не спали всю ночь. Бывъ наканунѣ свидѣтелями колебаній въ Конвентѣ, освѣдомленные о волненіяхъ у якобинцевъ, увѣренные въ неизбежности борьбы на жизнь и смерть на слѣдующій день, они употребили на совѣщанія, на собираніе свѣдѣній и ночныя побѣдки тѣ немногіе часы, которые имъ оставались чтобы спасти свои головы. Пылъ ненависти и заговора поддерживался въ Талліенѣ любовью. Вечеромъ какое-то неизвѣстное лицо сунуло ему въ руку, на углу улицы Перль, записку отъ Терезы Кабаррюсъ. Записка эта, которую подкупленный тюремщикъ согласился

пропустить изъ Кармелитской тюрьмы, была написана кровью. Въ ней заключались только слѣдующія слова: „Начальникъ полиціи только что ушелъ отсюда; онъ объявилъ мнѣ, что завтра я отправлюсь въ судъ, слѣдовательно на эшафотъ. Это слишкомъ мало походить на сонъ, который я видѣла сегодня ночью: будто Робеспьера не было болѣе въ живыхъ, и двери тюремъ были открыты... Но благодаря вашей необычайной подлости, скоро во Франціи не останется никого, чтобы осуществить его!“

Когда героизмъ изсякаетъ повсюду, его черпаютъ въ очагъ любви—въ сердце женщины. Таллиенъ отвѣтилъ коротко: „Будьте столь же осторожны, насколько и буду мужественъ, и успокойтесь“.

Однако исходъ борьбы зависѣлъ, извнѣ, отъ энергій людей, выступившихъ въ битву, которымъ предстояло защищать Конвентъ съ горстью штыковъ противъ цѣлаго лѣса пикъ и пушекъ; внутри, отъ результатовъ будущаго засѣданія. Защиту внѣшнюю поручили Баррасу, представителю военной силы партіи; что касается засѣданія, то рѣшили уничтожить Робеспьера, лишивъ его права говорить съ трибуны. Борьбу словомъ противъ слова считали сомнительной,—гораздо вѣрнѣе было принудить его къ молчанію. Для этого необходимы были два условія: президентъ—сторонникъ его враговъ; онъ имѣлся въ лицѣ Колло д'Арбуа; большинство рѣшило заранѣе пожертвовать имъ; этого можно было достигнуть, раздѣливъ Гору, возбудивъ месть, которая еще просачивалась вмѣстѣ съ кровью изъ сердецъ друзей Дантона; отдѣливъ центръ, еще покорный голосу Робеспьера, но покорный скорѣе изъ страха, нежели изъ любви; взывая наконецъ ко всѣмъ жертвамъ, ко всѣмъ питающимъ озлобленіе и собирая грозу надъ головой одного человѣка. Ловкіе и способные увлечь агенты рыскали всю ночь, стараясь лишить Долину послѣдней надежды, которую она упрямо продолжала возлагать на Робеспьера, и уничтожить въ душѣ этихъ обломковъ Жиронды благодарность, къ которой они считали себя обязанными за то, что онъ отстоялъ шестьдесятъ двѣ головы противъ требованій комитетовъ. Три раза переговоры кончались ничѣмъ и три раза они возобновлялись. Сіеесъ, Дюранъ-Майланъ и нѣкоторые вліятельные члены Конвента, которые были руководителями этой мягкой части Конвента, колебались въ выборѣ между комитетами, которыхъ они гаушались, и человѣкомъ, спасшимъ жизнь ихъ шестидесяти двумъ сотоварищамъ, а также покровительствовавшимъ и имъ самимъ благодаря своей снисходительности и диктатура котораго, конечно, была бы болѣе вѣрной защитой, нежели анархія Конвента. Безспорная власть всегда сдерживаетъ себя. Яростная борьба честнѣйшій опасна какъ для дѣйствующихъ лицъ, такъ и для ея зрителей.

Оставшіеся въ живыхъ жирондисты охотно согласились подчиниться чужой власти, лишь бы она была прочна. Они утомились отъ волнений, а еще болѣе того отъ эшафотовъ. Они требовали только жизни. Самые смѣлые, какъ Вуасси д'Англа, ждали наступленія часа реакціи, чтобы низвергнуть одновременно и анархистовъ и тирановъ комитетовъ. Другіе готовы были подать свой голосъ за партію, которая обѣщала бы имъ если не большее вліяніе, то болѣе продолжительную жизнь. Каждая изъ двухъ партій тянула ихъ на свою сторону. Долина боялась ошибиться и пришла къ рѣшенію съ наступленіемъ дня.

Бурдонъ (депутатъ Узаскій) убѣдилъ представителей бывшихъ жирондистовъ, что ихъ спасеніе заключается въ свободѣ и въ равновѣсіи Конвента, что подчиниться диктатору, подобному Робеспьеру, значить отдать себя во власть не властелина, а подлага раба толпы; что этотъ народъ, уже потребовавшій у него столько головъ его сотоварищей, неизбежно потребуетъ у него и всѣ остальные; что для того чтобы властвовать, у этого человѣка нѣтъ иной опоры кромѣ якобинцевъ; что сила якобинцевъ основывается на неутолимой жаждѣ крови; что Робеспьеръ могъ удержать на своей сторонѣ якобинцевъ не иначе какъ ежедневно утоляя ихъ кровожадность; что вручить ему власть значило протянуть ему ножъ, которымъ онъ перерѣжетъ ихъ всѣхъ. Бурдонъ успокоилъ этихъ людей, колебавшихся относительно намѣреній комитетовъ; онъ доказалъ имъ, что разъ Робеспьеръ будетъ исключенъ изъ группы децемвировъ, то союзъ распадется, и комитеты, обезоруженные, обновленные, увеличенные и пополненные собственными членами, сдѣлаются рукой, а не мечомъ Конвента. Эти доказательства наконецъ убѣдили Буасси д'Англа, Сійеса, Дюранъ-Майлана и ихъ друзей. Они дали клятву заключить на самое короткое время союзъ съ Горой.

13.

Робеспьеръ не зналъ объ этой измѣнѣ Долины. Онъ твердо рассчитывалъ на этихъ людей, которые до тѣхъ поръ были вѣрны своему слову: „Я болѣе ничего не жду отъ Горы, сказалъ онъ на разсвѣтѣ своимъ друзьямъ, окружившимъ его и говорившимъ о вѣроятности его триумфа. — „Они видятъ во мнѣ тирана, отъ котораго хотятъ избавиться, потому что я хочу быть умѣреннымъ; но большинство Конвента за меня!“

День засталъ его среди этихъ иллюзій. Онъ ожидалъ наступленія его съ надеждой. Якобинцы предсказывали и готовили ему успѣхъ. Коффингалъ объѣзжалъ предмѣстья. Флѣрио говорилъ рѣчи въ Коммунѣ. Пейанъ призывалъ членовъ муниципалитета заключить союзъ. Генріо, сопровождаемый своими адъютантами и покачивавшійся уже на сѣдлѣ послѣ проведенной въ попойкѣ ночи, скакалъ по улицамъ, прилегающимъ къ ратушѣ, и разставлялъ батареи и пушки на мостахъ и Карусельской площади. Депутаты, утомленные продолжительной бессонницей, а еще болѣе неизвѣстностью въ сегодняшнемъ днѣ, со всѣхъ сторонъ стекались на свои посты. Народъ, праздношатающийся и возбужденный, бродилъ по улицамъ и площадямъ, какъ бы въ предчувствіи великаго событія. Робеспьеръ заставлялъ ждать себя въ Конвентѣ. Въ залѣ распространился слухъ, что, чувствуя себя оскорбленнымъ на предыдущемъ засѣданіи, онъ отказался отъ борьбы съ трибуной и войдетъ въ Конвентъ не иначе какъ съ оружіемъ въ рукахъ и во главѣ инсургентовъ. Его появленіе, а также Сентъ-Жюста и Кутона положило конецъ этимъ слухамъ.

Робеспьеръ, одѣтый съ еще большей изысканностью, чѣмъ обыкновенно, шелъ медленной походкой, съ самоувѣренной осанкой и выраженіемъ довѣрія на лицѣ. Въ глазахъ его можно было прочесть убѣжденіе въ побѣдѣ. Онъ шѣлъ, ни къ кому не обратившись ни жестомъ, ни улыбкой, ни взглядомъ. Кутонъ, Леба, Сентъ-Жюстъ, Робеспьеръ младшій своими глазами выра-

жали ту же рѣшимость; они держали себя уже какъ обвиняемые или какъ хозяева положенія, но уже не какъ товарищи или равные. Предводители Долины, пришедшіе послѣдними, прохаживались, прежде чѣмъ войти, по корридорамъ съ предводителями Горы. Члены этихъ двухъ партій, которыхъ до этого дня разъединяло взаимное отвращеніе и презрѣніе, обмѣнивались теперь рукопожатіями и многозначительными взглядами. Бурдонъ (изъ Уаза), встрѣтивъ Дюранъ-Мальяна въ галереѣ, примыкающей къ залѣ, воскликнулъ: „Ахъ, какіе молодцы представители правой!“ Таллиенъ разрывался на части, осаждая всѣхъ сомнительныхъ предводителей въ залѣ Свободы, откуда была видна трибуна. Однихъ онъ ободрялъ, другихъ запугивалъ; сообщалъ комбинаціи разныхъ мѣръ, вѣрный успѣхъ. Онъ переливалъ свою душу въ другихъ, но вдругъ, замѣтивъ, что Сень-Жюсть приготовился начать рѣчь, сказалъ: „Войдемте, вонъ Сень-Жюсть на трибунѣ; надо съ этимъ покончить!“ И онъ бросился къ своей скамьѣ.

14.

Сень-Жюсть дѣйствительно началъ говорить среди постепенно замолкавшего ропота; его рѣчь, вырванная у него смертью, прежде чѣмъ онъ успѣлъ ее докончить, была испещрена помарками. По множеству исправленій и сокращеній въ рукописи видно, что рѣчь эта явилась продуктомъ смятенной мысли и что рука его разъ по двадцати возвращалась къ уже написанному, а также что размышленіе подавляло порывъ души. Рѣчь Сень-Жюста производила впечатлѣніе загадки, секретъ которой была смерть врагамъ Робеспьера. Но оратору хотѣлось, чтобы эта разгадка была произнесена Конвентомъ. Сень-Жюсть выставялъ зависть однихъ членовъ комитета къ другимъ причиной того значительнаго броженія, которое замѣчалось среди органовъ правительства. Онъ говорилъ о пропасти, въ которую нѣкоторые люди низвергали республику, объ опасностяхъ, которымъ могла подвергнуть его собственная откровенность, о мужествѣ, съ которымъ онъ шелъ на встрѣчу этой опасности, о томъ, какъ мало онъ жалѣлъ разстаться съ жизнью, въ которой приходится быть соучастникомъ зла или его нѣмымъ свидѣтелемъ. Сень-Жюсть оправдывался отъ подозрѣнія, будто онъ льстилъ Робеспьеру, какъ человѣку; онъ клялся, что беретъ сторону своего учителя единственно оттого, что на его сторонѣ — добродѣтель.

„Колло и Вилло“, говорилъ онъ: — „съ нѣкоторыхъ поръ принимаютъ мало участія въ нашихъ совѣщаніяхъ; повидимому, они держатся особаго мнѣнія. Вилло молчитъ или говоритъ подъ впечатлѣніемъ страстнаго порыва противъ людей, гибели которыхъ онъ повидимому желаетъ. Онъ закрываетъ глаза и притворяется спящимъ. Въ послѣдніе дни эту молчаливость смѣнило безпокойство. Послѣднее слово всегда замираетъ у него на губахъ. Онъ колеблется, раздражается, снова возвращается къ уже сказанному. Онъ называетъ, напр., такого-то во время его отсутствія Пизистратомъ, а при встрѣчѣ своимъ другомъ. Онъ молчаливъ, блѣденъ, взглядъ его неподвиженъ, онъ старается разгладить свой нахмуренный лобъ. У правды не можетъ быть ни такого облика, ни такой политики... Одна только гордость, прибавилъ онъ, родить заго-

воры! Благодаря заговорамъ гибнуть государства! Если бы добродѣтель не появлялась иногда съ молніями въ рукѣ, разумъ былъ бы уже побѣжденъ силой. Добродѣтель признають лишь послѣ того, какъ на нее надѣнуть терновый вѣнецъ! Только столѣтіе спустя потомство начало проливать слезы на могилу Граковъ и на Сиднейскую дорогу!.. Слава—пустой звукъ“, продолжалъ онъ: — „мы ничего уже не услышимъ! Тѣ, которые будутъ впослѣдствіи проходить мимо урна съ нашимъ прахомъ, услышать не болѣе того. Добро—вотъ что нужно дѣлать!..

„Если вы не подавите заговоры, если не вернете себѣ верховную власть, останется покинуть землю, гдѣ не будетъ болѣе гарантіи для невинности въ городахъ; останется лишь бѣжать въ пустыни и тамъ искать независимости и друзей среди дикихъ звѣрей! Останется покинуть землю, гдѣ не окажется уже смѣлости для преступленія ни для добродѣтели!..

„Когда я въ послѣдній разъ вернулся изъ арміи, я пересталъ узнавать лица! Совѣщанія въ комитетѣ были предоставлены двумъ или тремъ членамъ. Въ это-то время, оставшись одни, они и напали на мысль захватить въ свои руки всю власть. Я не могъ одобрить зла; я объяснился съ комитетами. „Граждане, сказалъ я имъ, мною овладѣваютъ мрачныя предчувствія, все преобразуется въ моихъ глазахъ; но я все буду изучать, и все, что окажется нахожимъ на чистую любовь къ народу и республикѣ, я покараю своею ненавистью“. Я объявилъ, что если бы я занялся докладомъ, который хотѣли мнѣ поручить, то я обратился бы къ первоисточнику. Колло и Билло наметнули, что въ этомъ докладѣ не надо было касаться Верховнаго Существа и безсмертія души. Къ этимъ идеямъ вернулись, ихъ нашли нескромными, краснѣли за Божество!“ Послѣ нѣсколькихъ замаскированныхъ, но язвительныхъ намековъ, направленныхъ противъ враговъ Робеспьера, Сенъ-Жюсть закончилъ свою рѣчь въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Человѣкъ, принужденный удалиться изъ Комитетовъ вслѣдствіе самаго обиднаго обхожденія—передъ вами. Правда, его объясненія не достаточно вѣски, но его удаленіе и горечь, таящаяся въ его душѣ, могутъ отчасти извинить его. Его клеймятъ именемъ тирана общественнаго мнѣнія, ему ставятъ въ вину его краснорѣчіе. Но какое, однако, исключительное право на общественное мнѣніе имѣете вы, находящіе тиранію въ искусствѣ растрегивать и убѣждать людей? Кто мѣшаетъ вамъ оспаривать уваженіе отечества, вамъ, находящимъ, что дурно поработать его? Можетъ ли быть побѣда болѣе невинная и болѣе безкорыстная! Катонъ изгналъ бы изъ Рима дурного гражданина, говорящаго какъ вы! Итакъ завистливая посредственность желаетъ, чтобы генія отвели на эшафотъ! Но видали ли вы ораторовъ подъ скипетромъ королей? Нѣтъ, молчаніе царитъ вокругъ тирановъ; даръ убѣжденія—это душа свободныхъ народовъ. Уничтожьте самыхъ краснорѣчивыхъ и вы дойдете до того, что увѣчаєте самыхъ завистливыхъ.

„Вчера Робеспьеръ высказался не вполне. Существовалъ планъ узурпировать власть путемъ сверженія нѣкоторыхъ членовъ комитета. Билло-Вареннъ и Колло д'Эрбуа виновны! Я не дѣлаю заключеній противъ тѣхъ, кого я называю: я ихъ обвиняю! Я желаю, чтобы они оправдали себя, а мы чтобы стали умнѣе!“

Эта рѣчь, какъ мы видимъ, намекала на смерть, но не требовала ея. Сень-Жюсть, подражая въ этомъ своему учителю, хотѣлъ только указать на мечъ и назвать жертвъ. Онъ предоставлялъ запуганному и раболопному Конвенту нанести ударъ тѣмъ, кого коснулось его подозрѣніе.

15.

Но Сень-Жюсту не пришлось даже скончить своего жеста. Едва онъ успѣлъ, еще находясь на трибунѣ, произнести нѣсколько туманныхъ фразъ, какъ Таллиенъ, не въ силахъ будучи сдержать своего нетерпѣнія, встаетъ, прерываетъ оратора и проситъ слова, чтобы приступить къ постановкѣ рѣшенія.

Колло-д'Арбуа, опасаясь вліянія Сень-Жюста на собраніе, спѣшитъ дать слово Таллиену. „Граждане“, говоритъ Таллиенъ: — „Сень-Жюсть только что сказалъ вамъ, что онъ не принадлежитъ ни къ какой партіи заговорщиковъ; я скажу то же самое. Поэтому я хочу, чтобы всѣ услышали правду. Повсюду только и дѣлаютъ, что сѣютъ раздоръ. Вчера одинъ изъ членовъ правительства вышелъ изъ его состава и произнесъ рѣчь отъ своего собственного имени. Сегодня другой дѣлаетъ то же самое. Увеличиваютъ страданія отечества, раздираютъ его, толкаютъ его въ пропасть. Я требую, чтобы завѣса была изорвана окончательно!“ Трижды повторенные шумные аплодисменты даютъ понять Таллиену, что его гнѣвъ гремитъ и находитъ отзвукъ въ груди Конвента. Билло-Вареннъ встаетъ, болѣе блѣдный и съ болѣе трагическимъ выраженіемъ лица, чѣмъ обыкновенно. „Вчера“, говоритъ онъ глухимъ и негодующимъ голосомъ: — „клубъ якобинцевъ былъ полонъ подставными лицами. Тамъ вырабатывали планъ перерѣзать Конвентъ!..“

Движеніе ужаса прерываетъ заявленіе Билло. Онъ указываетъ пальцемъ на членовъ Горы и восклицаетъ: „Я вижу на Горѣ одного изъ тѣхъ, которые угрожали представителямъ народа!..— „Арестовать его! арестовать его!“ раздается крикъ со всѣхъ скамей. Судебные пристава бросаются, арестуютъ одного изъ сидящихъ на Горѣ и выводятъ изъ залы.

„Настала минута сказать правду“, продолжаетъ Билло. Послѣ всего, что здѣсь произошло, мнѣ странно видѣть Сень-Жюста на трибунѣ. Онъ далъ слово комитетамъ показать имъ свой докладъ. Собраніе должно признаться, что оно находится между двухъ опасностей. Оно погибнетъ, если окажется слабымъ!—Нѣтъ, нѣтъ! восклицаютъ разомъ всѣ члены Конвента, вставая и махая шапками надъ головами. Трибуны, увлеченныя этимъ движеніемъ, отвѣчаютъ криками: „Да здравствуетъ Конвентъ! Да здравствуетъ Комитетъ общеннаго спасенія!“

„И я также“, продолжаетъ Билло: — „прошу всѣхъ членовъ собранія высказаться! Чувствуешь себя сильнымъ, когда имѣешь за собою справедливость, честность и права народа! Вы содрогнетесь отъ ужаса, когда узнаете, въ какомъ положеніи вы находитесь; когда узнаете, что вооруженная сила находится въ рукахъ отцеубійцы; что на Генрію донесли въ комитетъ, какъ на соумышленника заговорщиковъ! Вы содрогнетесь, когда узнаете, что здѣсь есть человѣкъ (онъ искоса бросаетъ взглядъ на Робеспьера), который, когда

былъ поднять вопросъ объ отправленіи представителей народа въ департаменты, не нашелъ въ представленномъ ему списокѣ двадцати членовъ, достойныхъ этой миссіи!“

Взрывъ оскорбленной гордости раздается на скамьяхъ, гдѣ сидятъ упомянутые представители.

„Робеспьеръ, говоря вамъ, что онъ удалился изъ комитета потому, что его тамъ стѣсняли“, продолжаетъ Билло:—„тщательно скрываетъ отъ васъ истину. Онъ не говоритъ вамъ, что послѣ шестимѣсячнаго единоличнаго господства въ комитетѣ онъ встрѣтилъ сопротивленіе въ тотъ моментъ, когда хотѣлъ заставить принять декретъ 22-го преріала: декретъ, въ избранныхъ имъ нечистыхъ рукахъ могъ сдѣлаться гибельнымъ для патріотовъ!“

Сдержанное негодованіе и ужасъ разражаются и прерываютъ Билло. „Да, знайте!“ продолжаетъ онъ:—„что предсѣдатель революціоннаго суда вчера открыто предложилъ якобинцамъ изгнать изъ Конвента тѣхъ членовъ, которыми рѣшились пожертвовать. Но народъ не дремлетъ!“—Да, да! отвѣчаютъ трибуны, подстрекаемые Талліеномъ.—Патріоты сумѣютъ умереть, чтобы спасти представителей!“ Новые аплодисменты прерываютъ рѣчь оратора. „Я повторяю“, продолжаетъ Билло-Вареннъ:—„мы сумѣемъ умереть! Нѣтъ ни одного представителя, который захотѣлъ бы жить подъ игомъ тирана!“

— Нѣтъ! Нѣтъ! Смерть тиранамъ!“ раздается единодушный вопль.

Билло продолжаетъ:

„Люди, постоянно толкующіе о справедливости и добродѣтели, и есть тѣ самые, которые попираютъ ихъ ногами. Я просилъ арестовать секретаря Комитета общественного спасенія, обокравшаго народъ, и одинъ только Робеспьеръ защищалъ его“.

Публика на трибунахъ топаетъ ногами отъ негодованія противъ предполагаемаго защитника воровства.

„И это онъ насъ обвиняетъ!“ восклицаетъ Билло со стономъ, растягивая слова:—„Каково! людей, проводящихъ время въ уединеніи, не знающихъ никого, дни и ночи проводящихъ въ комитетѣ, готовящихъ побѣды... (вѣзъоры переносятся на неподкупнаго и трудолюбиваго Карно) и вотъ эти-то люди заговорщики. Ну, а тѣ, которые покинули Гебера только тогда, когда имъ стало уже невозможно помогать ему, тоже добродѣтельные люди!“

Долина въ свою очередь возмущается.

„Когда я въ первый разъ изобличалъ Дантона въ комитетѣ“, продолжаетъ ораторъ:—„Робеспьеръ вскочилъ, какъ бѣшеный, говоря, что я хочу погубить лучшихъ патріотовъ“. Гора и прежніе друзья Дантона, повидимому, поражены этимъ разоблаченіемъ, оправдывающимъ Робеспьера устами его же обвинителя.

„Но пропасть подъ вашими ногами“, кричитъ имъ Билло:—„ее нужно заполнить или нашими трупами или ввергнуть въ нее измѣнниковъ!“

Еще болѣе единодушныя рукоплесканія провожаютъ Билло-Варенна до его скамьи.

Тогда Робеспьеръ съ блѣднымъ и искаженнымъ лицомъ бросается на трибуну, на которой только что былъ нанесенъ ударъ его несокрушимости. „Долой тирана! долой тирана!“ вопить Гора. Эти крики, усиливающіеся при каждомъ движеніи губъ Робеспьера, окончательно заглушаютъ его голосъ. Талліенъ вскакиваетъ на трибуну, локтемъ отодвигаетъ Робеспьера и говоритъ среди тишины, свидѣтельствующей объ общемъ расположеніи къ нему.

„Я только что просилъ разорвать завѣсу“, сказалъ Талліенъ:—„она наконецъ разорвана; съ заговорщиковъ сорваны маски, они будутъ уничтожены, свобода восторжествуетъ!—Да! да! она торжествуетъ уже, довершите ея триумфъ, отвѣчаютъ съ Горы.—Все предвѣщаетъ, продолжаетъ Талліенъ:—что врагъ народнаго представительства падетъ подъ ея ударами. До сихъ поръ я считалъ своею обязанностью молчать, потому что я узналъ отъ человѣка, близкаго къ тирану, что онъ составилъ проскрипціонный списокъ. Но вчера я присутствовалъ на засѣданіи у якобинцевъ, я слышалъ, я видѣлъ, я содрогался за отечество! Я видѣлъ, какъ формируется армія новаго Кромвеля, и я вооружился кинжаломъ, чтобы пронзить его сердце, если у Національнаго Конвента не хватитъ мужества декретировать его обвиненіе!..“

Сказавъ это, Талліенъ вынулъ изъ-подъ одежды обнаженный кинжалъ, залогъ свободы или мести, данный ему любимой женщиной. Онъ замахнулся этимъ кинжаломъ надъ самой грудью Робеспьера, который отступилъ, не уступая однако трибуны своему врагу. При этомъ жестѣ, при этомъ отчаянномъ движеніи смѣлость Талліена передается самымъ нерѣшительнымъ изъ присутствующихъ. Всѣ чувствуютъ, что мечъ, извлеченный при такихъ обстоятельствахъ, можетъ быть вложенъ въ ножны не иначе, какъ окрашенный кровью Робеспьера или ихъ самихъ.

„Но мы, республиканцы“, продолжалъ Талліенъ болѣе спокойнымъ голосомъ:—„будемъ обвинять тирана съ мужественной честностью предъ французскимъ народомъ! Нѣтъ, на что бы ни разсчитывали сторонники человѣка, котораго я обвиняю, не будетъ ни 31-го мая, ни проскрипцій. Одно только право народнаго суда покараетъ преступниковъ!..“

Весь залъ посредствомъ аплодисментовъ присоединяется къ порыву мести и милосердію Талліена.

„Я требую ареста Генріо для того, чтобы вооруженная сила не была введена въ заблужденіе своими начальниками. Затѣмъ мы потребуемъ пересмотра декрета 22-го преріала, изданнаго по единоличному предложенію человѣка, о которомъ мы говоримъ“. Казалось, губы Талліена отказываются произнести имя Робеспьера.

Центръ аплодируетъ этой перспективѣ безопасности, которую возвращали Конвенту. „Мы не принадлежимъ къ умѣреннымъ“, продолжаетъ Талліенъ, обращаясь къ Горѣ.. (Гора аплодируетъ этому заявленію) но мы не хотимъ, чтобы невинность терпѣла угнетеніе... Долина встаетъ и хлопаетъ въ ладоши при этомъ обѣщаніи гуманности. Всѣ партіи сливаются по призыву Талліена въ общей ненависти и общей надеждѣ. „Вчера“, продолжаетъ онъ, же-

Талліонъ.

лая доканать своего врага: — „вчера осмѣлились оскорбить одного изъ представителей народа, всегда стоявшаго на стражѣ революціи. Пусть всѣ патріоты пробудятся! Я призываю всѣхъ старыхъ друзей свободы, всѣхъ журналистовъ-республиканцевъ! Пусть они содѣйствуютъ намъ въ дѣлѣ спасенія свободы!.. Указывали и на меня. У меня хватило бы мужества сложить свою голову на эшафотъ, потому что я сказалъ бы себѣ: „наступитъ день, когда моему праху окажутъ почести, должныя патріоту, котораго убилъ тиранъ!“ Человѣкъ, стоящій рядомъ со мною на трибунѣ, новый Катилина! Тѣ, которыми онъ окружилъ себя, новые Вересы. Нельзя сказать, что я вошелъ въ соглашеніе съ членами комитета, такъ какъ я не знаю ихъ. Со времени моей миссіи, я преполненъ отвращенія. Робеспьеръ хотѣлъ насъ разъединить и напасть на насъ поочередно, чтобы остаться одному съ своими распутными и погрязшими въ порокахъ единомышленниками! Я прошу постановить, что наше засѣданіе продолжится до тѣхъ поръ, пока мечъ закона не обезпечитъ существованія республики и не поразитъ ея креатуръ“.

17.

Предложенія Талліена встрѣчены одобреніями. Билло-Вареннъ прибавляетъ къ объявленному списку арестовъ — Дюма, вице-предсѣдателя революціоннаго суда. Дельма присоединяетъ къ нему весь штабъ Генріо. Робеспьеръ хочетъ наконецъ начать говорить. Новые крики: „Долой тирана!“ заглушаютъ его слова. Многочисленные голоса призываютъ на трибуну Барера. Онъ всходитъ на нее во имя Комитета общественнаго спасенія. Ночь и признаки побѣды заставили его вернуться къ прежнимъ убѣжденіямъ. Онъ хладнокровно уничтожаетъ Робеспьера, котораго поддерживалъ наканунѣ.

„Хотятъ вызвать волненія въ народѣ“, говоритъ онъ: — „хотятъ захватить власть, принадлежащую народу, воспользовались подготовленнымъ кризисомъ. Комитеты — это щитъ, убѣжище правительства. Въ ожиданіи опроверженія фактовъ, сообщаемыхъ Робеспьеромъ, мы предлагаемъ вамъ мѣры, необходимыя для общественнаго спокойствія: эти мѣры состоятъ въ упраздненіи должности командующаго вооруженной силой и его штаба“. Бареръ предлагаетъ объявить эти мѣры въ прокламаціи къ народу. „Граждане“, говорится въ ней: — „свобода погибнетъ, если мы положимъ на одну чашку вѣсовъ отечество, а на другую нѣсколькихъ гражданъ. Среди насъ сдѣлано нападеніе на революціонное правительство. Если вы не присоединитесь къ народному представительству, французскій народъ подвергнется всѣмъ ужасамъ тираніи“.

Мнѣніе такого человѣка, какъ Бареръ, который покидалъ только слабыхъ, убѣждаетъ самыхъ нерѣшительныхъ. Даже тѣ, которые не чувствуютъ ужаса въ подчиненіи Робеспьеру, дѣлаютъ видъ, что испытываютъ его. Прокламація къ народу принята. Робеспьеръ улыбается съ сожалѣніемъ. Онъ непоколебимо остается на трибунѣ, какъ будто бы его положеніе не сдѣлалось отчаяннымъ съ тѣхъ поръ, какъ буря низвергла его. Всѣ видятъ его стоящаго, прислонившись къ баллюстрадѣ, со скрещенными на груди руками, съ сжатыми губами, вздрагивающими на щекахъ мускулами и взглядомъ, то скользящимъ по Горѣ, то опускающимся на Долину; лицо его выражало то нетерпѣніе, то

покорность, то гнѣвъ, то презрѣніе. Какъ жертва повергнутая, но еще не закланная, онъ могъ еще подняться и снова напасть на своихъ враговъ. Онъ безпрестанно взглядывалъ по направленію входа въ залъ, какъ будто ожидая, что снаружи раздадутся голоса или шаги народа, который медлилъ придти къ нему на помощь.

Старикъ Вадье, предсѣдатель Комитета всеобщей безопасности, въ теченіе продолжительнаго времени бывший другомъ Робеспьера, а теперь сдѣлавшійся самымъ заклятымъ его врагомъ, толкаетъ его локтемъ входя на трибуну, чтобы замѣнить Робеспьера. „До 22 преріала“, говоритъ Вадье:—„я смотрѣлъ съ закрытыми глазами на этого коварнаго человѣка, умѣвшаго являться подъ всевозможными личинами и даже отправлявшаго на гильотину своихъ креатуръ, когда онъ не былъ въ состояніи спасти ихъ. Всѣмъ извѣстно, что онъ открыто защищалъ Базира, Шабо, Камилла Демулена, Дантона! Тиранинъ—имя, которымъ я его называю—хотѣлъ раздѣлить оба комитета. Если онъ обращался преимущественно ко мнѣ, то это только потому, что я сдѣлалъ противъ суетвѣрія докладъ, не понравившійся ему. И вы знаете отчего? Подъ матрацомъ Екатерины Тео, матери Божіей, было найдено письмо, адресованное Робеспьеру. Ему писали, что миссія его была предсказана въ пророчествахъ и что онъ долженъ былъ возстановить религію безъ жрецовъ и самъ сдѣлаться первосвященникомъ новаго культа!...“

При этихъ словахъ раздается въ рядахъ собранія продолжительный афетированный смѣхъ. Смѣхъ роняетъ тирана болѣе, чѣмъ оскорбленіе. Вадье вѣроломно наслаждается вызваннымъ имъ чувствомъ. Робеспьеръ поднимаетъ плечи. Вадье продолжаетъ: „Если послушать этого человѣка, такъ можно подумать, что онъ единственный защитникъ свободы. Онъ съ ума сходитъ по ней, онъ готовъ все бросить; онъ рѣдкой скромности!.. у него постоянный припѣвъ: „Меня стѣсняютъ, меня лишаютъ слова“, а между тѣмъ онъ одинъ только и говоритъ, потому что каждое его слово выражаетъ собою актъ исполненія его воли. Онъ говоритъ: „такой-то составилъ заговоръ противъ меня, значитъ онъ составилъ заговоръ противъ республики!“ Онъ заставляетъ шпионовъ слѣдить шагъ за шагомъ за каждымъ депутатомъ. Мой сопровождалъ меня даже до стола, за который я сѣлся“.

Вадье заставилъ заговорщиковъ изнывать отъ нетерпѣнія выслушивая подробности и рисуя изображенія лицъ. Онъ слишкомъ долго держалъ замахнувшуюся руку надъ головою Робеспьера. Размысленія могли ослабить ударъ. Таллиенъ захотѣлъ его ускорить: „я прошу, чтобы спорящіе не уклонялись отъ первоначальнаго вопроса“, сказалъ онъ.

— „Я направляю его къ нему самъ“, вскричалъ наконецъ Робеспьеръ дѣлая нѣсколько шаговъ впередъ. Крики, топотъ, шумъ на Горѣ снова заглушаютъ голосъ диктатора. Таллиенъ бросается и отодвигаетъ его въ сторону движеніемъ руки. „Оставимъ“, говоритъ онъ:—„эти частности, какъ бы онѣ ни были важны. Среди насъ нѣтъ никого, кто не могъ бы предъявить противъ него обвиненія въ инквизиціонномъ или тираническомъ поступкѣ. Но все ваше негодованіе я призываю васъ выразить по поводу рѣчи, которую онъ произнесъ вчера у якобинцевъ! Въ ней тиранинъ обнаружилъ всего себя и его

я хочу его добить! Этотъ человѣкъ, добродѣтель и патріотизмъ котораго такъ превозносились, этотъ человѣкъ, который въ эпоху 10-го августа появился снова только три дня спустя послѣ революціи; этотъ человѣкъ, который въ комитетахъ долженъ былъ являться защитникомъ угнетенныхъ, покинулъ ихъ шесть недѣль назадъ, чтобы оклеветать ихъ въ то время, когда они спасали отечество.

— Это правда, это правда! раздается со всѣхъ сторонъ.

— Ахъ! если бы я хотѣлъ“, заключаетъ Талліенъ:—„нарисовать всѣ происшедшіе акты насилія, я доказалъ бы, что всѣ они были совершены въ тотъ періодъ, когда Робеспьеръ стоялъ во главѣ генеральной полиціи!

Робеспьеръ въ негодованіи бросается въ сторону Талліена. „Это ложь!“ восклицаетъ онъ протягивая руку:—„я...“ Шумъ снова прерываетъ слова Дантона и обезоруживаетъ его мужество. Болѣе возмущенный несправедливостью, нежели смущенный числомъ своихъ враговъ, онъ поспѣшно сбѣгаетъ со ступеней трибуны, взбирается на Гору, бросается въ центръ своихъ прежнихъ друзей, обращается къ нимъ, упрекаетъ въ измѣнѣ, умоляетъ заставить дать ему слово. Всѣ, къ кому онъ обращается, отворачиваются отъ него. „Уйди отъ этихъ скамей, отъ которыхъ тебя отталкиваютъ тѣни Дантона и Камилла Демулена, восклицаютъ монтаньяры.—Такъ, значитъ, вы хотите отомстить за Дантона? продолжаетъ Робеспьеръ, какъ бы пораженный удивленіемъ и угрозеніемъ совѣсти. Захлопывающіяся скамьи служатъ единственнымъ отвѣтомъ Горы. Онъ снова спускается въ центръ и, обращаясь съ мольбою къ оставшимся въ живыхъ жирондистамъ, говоритъ: „Итакъ, я попрошу убѣжища у васъ, людей незапятнанныхъ, а не у этихъ разбойниковъ“,—онъ указываетъ на Фуше, Бурдоновъ и Лежандровъ. Съ этими словами онъ садится на свободное мѣсто на одной изъ скамей Долины. „Подлецъ“, кричатъ ему жирондисты:—„это было мѣсто Верньо!“ При имени Верньо Робеспьеръ вскакиваетъ и въ ужасѣ отступать.

Отвергнутый всѣми партіями, онъ снова ищетъ убѣжища на трибунѣ. Онъ съ негодованіемъ обращается къ президенту и грозитъ ему кулакомъ. „Предсѣдатель убійцъ“, кричитъ онъ ему:—„дашь ли ты мнѣ наконецъ слово?—Получишь, когда настанетъ твой чередъ! отвѣчаетъ ему Тюріо, которому уступилъ предсѣдательство Колло-д'Эрбуа.—„Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!“ кричатъ на это заговорщики, рѣшившіеся нанести ударъ не выслушавши своей жертвы. Робеспьеръ упрямо продолжаетъ говорить. Слышны только рѣзкія взвизгиванія голоса, рѣжущія воздухъ. Видны только жесты, то умоляющіе, то угрожающіе, но словъ уловить невозможно. Голосъ у Робеспьера хрипитъ и совершенно стихаетъ. „Захлебнулся кровью Дантона!“ кричитъ ему Гарнье (депутатъ Обы), другъ и землякъ Дантона. Эти слова добиваютъ Робеспьера. Никому неизвѣстный представитель, по имени Луше, высказываетъ наконецъ желаніе, которое давно уже было у всѣхъ на устахъ, но котораго никто не рѣшался высказать: „Я требую“, кричитъ онъ:—„приказа объ арестѣ Робеспьера“.

Важность рѣшенія, вѣшная опасность, продолжительное уваженіе парализуютъ на минуту Конвентъ. Присутствующимъ кажется, что въ лицѣ Робеспьера

посагаютъ на величіе и божественное начало народа. Тишина предшествуетъ взрыву. Собраніе колеблется. Заговорщики предчувствуютъ опасность. Нѣсколько рукъ на скамьяхъ Горы даютъ сигналъ къ аплодисментамъ, которыя покрываютъ предложеніе Луше. Аплодисменты продолжаются, растутъ и наконецъ раздражаются продолжительнымъ и единодушнымъ рукоплесканіемъ.

Въ эту минуту встаетъ молодой человѣкъ, несмотря на усилія товарищей, удерживающихъ его за одежду. Это Робеспьеръ младшій, невиновный, уважаемый, незапятнанный преступленіями и тираніей, въ которыхъ упрекаютъ членовъ его семьи. „Я такъ же виновенъ, какъ и мой братъ“, говоритъ онъ съ осанкой человѣка, презирающаго мольбу и отказывающагося отъ снисхожденія: — „я раздѣлялъ его доблести, я хочу раздѣлить и его судьбу!“ Нѣсколько возгласовъ восхищенія служатъ отвѣтомъ на это братское самоотверженіе. Масса, равнодушная или нетерпѣливая, принимаетъ эту жертву даже не удостоивъ ея своего вниманія.

Робеспьеръ снова пытается говорить, на этотъ разъ уже не за себя, а за брата. „Я принимаю свой приговоръ, я заслужилъ вашу ненависть; но, въ преступленіяхъ или доблестяхъ, онъ невиновенъ въ томъ, за что вы хотите покарать меня!“ Упорный топотъ и глухая брань служатъ ему отвѣтомъ. Онъ тщетно обращается то къ предсѣдателью, то къ Горѣ, то къ Долинь, чтобы добиться права защитить своего брата. Боятся его голоса, опасаются волненій, страшатся природы.

„Предсѣдатель“, кричитъ Дюваль:—„хотятъ сказать, что у Конвента есть властелинъ?—Онъ былъ имъ слишкомъ долго!—отвѣчаетъ чей-то голосъ.—Ахъ! какъ трудно сразить тирана!“ восклицаетъ наконецъ Фреронъ, дѣлая при этомъ рукою жестъ, какимъ врубаютъ топоръ въ сердцевину дерева. Эти слова и этотъ жестъ вырываютъ какъ бы съ корнемъ Робеспьера изъ трибуны и поднимаютъ духъ Конвента. „Голосовать, голосовать! арестовать его!“ Это всеобщее требованіе, повидимому, оказало давленіе на кажущееся долготерпѣніе предсѣдателя. Арестъ проходитъ единодушно. Всѣ члены собранія встаютъ и кричатъ: „Да здравствуетъ республика!“—Республика! съ ироніей вскрикиваетъ Робеспьеръ:—она погибла, потому что побѣдили разбойники“. И онъ спускается со скрещенными руками къ подножію трибуны.

Леба, сидящій рядомъ съ Робеспьеромъ младшимъ, также встаетъ и великодушно удаляется отъ обвинителей своего друга. „Я не хочу“, говоритъ онъ:—„раздѣлять позоръ этого декрета; я требую, чтобы арестовали и меня!“ Леба даруютъ смерть, которой онъ просилъ. Имя его вносятъ въ приказъ объ арестѣ обоихъ Робеспьеровъ, Кутона и Сень-Жюста. Бареръ, безстрастное и механическое орудіе Конвента, наскоро составляетъ приказъ противъ своихъ вчерашнихъ друзей.

Пока Бареръ пишетъ, Фреронъ, чтобы не дать улечься гниву Конвента, говоритъ: „Граждане, теперь отечество и свобода возстанутъ изъ развалинъ. Хотѣли составить триумвиратъ, который напомнилъ бы вамъ проскрипціи Суллы! Эти триумвиры, Робеспьеръ, Кутонъ и Сень-Жюстъ хотѣли сдѣлать изъ нашихъ труповъ ступени, чтобы по нимъ добраться къ трону!..—Я мечталъ о тронѣ!“

съ меланхолической проницательностью говорить Кутонъ, распахивая плащъ и указывая рукою на свои парализованныя ноги.

Колло возвращается на предсѣдательское кресло. „Граждане“, говоритъ онъ:—„вы только что спасли отечество. Недаромъ къ вамъ обращалась истерзанная родина. Говорили, что по отношенію къ вамъ необходимо возобновить 30 мая!..“

— Ты солгалъ! кричить ему Робеспьеръ съ подножія трибуны.

Конвентъ дѣлаетъ видъ, что принимаетъ эти слова за оскорбленіе и крики Горы удваиваются. Требуютъ, чтобы обвиняемыхъ помѣстили за рѣшетку. Судебные пристава не рѣшаются отвести туда Робеспьера силой: ихъ удерживаетъ вошедшее въ привычку уваженіе къ нему. Онъ сопротивляется приказанію. Жандармы схватываютъ его за руки и уводятъ вмѣстѣ съ другими обвиняемыми. Робеспьеръ идетъ какъ боецъ, еще возбужденный пыломъ битвы, Сентъ-Жюсть, какъ ученикъ, гордый раздѣлить участь своего учителя, Кутонъ, какъ уже замученная жертва, два другіе, какъ невинные, добровольно принимающіе наказаніе за несодѣянное ими преступленіе, не желая отречься отъ своихъ доктринъ и отъ друзей.

Тамъ, молча, лишенные званія представителей, они принуждены были выслушивать, подъ пристальными взглядами съ трибунъ, длинныя разглагольствованія Колло-д'Эрбуа и поздравленія съ ихъ паденіемъ изъ устъ вчерашнихъ льстецовъ. Въ три часа, по окончаніи засѣданія, жандармы отвели осужденныхъ черезъ Карусельскую площадь въ отель Вріонъ, гдѣ засѣдалъ Комитета всеобщей безопасности. Толпа зѣвакъ и депутатовъ бросилась имъ вслѣдъ, желая посмотрѣть на эту необычайную игру судьбы. Оба Робеспьера шли держась за руки въ знакъ неразрывной дружбы до гроба. Сентъ-Жюсть и Леба шли за ними, спокойные и грустные. Два жандарма несли въ креслахъ Кутона. Ихъ провожали издѣвательства, взрывы смѣха и проклятія.

19.

Въ то же время процессія повозокъ съ сорока пятью осужденными вышла изъ Дворца правосудія и прослѣдовала по предмѣстью Сентъ-Антуанъ въ направленіи къ эшафоту. Нѣсколько друзей осужденныхъ и великодушныхъ гражданъ, узнавъ, что Конвентъ раскололся, и предполагая, что изъ осколковъ тираніи родится само собою милосердіе, кинулись за повозками и заставили ихъ вернуться при крикахъ: „Пощады!“ повторяемыхъ народомъ. Генрію, для котораго продолженіе террора было доказательствомъ могущества, является верхомъ съ группой своихъ приверженцевъ, разгоняетъ сабельными ударами жалостливыхъ гражданъ и приказываетъ окончить казнь.

Наканунѣ, въ промежутокъ между рѣчью Робеспьера и его паденіемъ, были отрублены шестьдесятъ двѣ головы. Въ ихъ числѣ была голова Руше, автора поэмы „Мѣсяцы“, этой французской лѣтописи, и голова молодого поэта Андре Шенье, бывшаго въ то время надеждой, а съ тѣхъ сдѣлавшагося поръ предметомъ вѣчнаго траура французской поэзіи. Эти два поэта сидѣли рядомъ на скамьѣ со связанными за спиной руками. Они спокойно разговаривали о другомъ мірѣ

и съ презрѣніемъ о томъ, который готовились покинуть; они отворачивались отъ этого стада рабовъ и декламировали стихи, столь же безсмертные, какъ и память о нихъ. Они проявили твердость Сократа. Андре Шенье, уже находясь на эшафотѣ, ударился лбомъ о столбъ гильотины. „Жаль“, сказали онъ:—„тамъ было кое-что!“ Единственный и трогательный упрекъ судьбѣ, сожалѣніе не о жизни, но о гени, скошенномъ раньше времени. Франція, подобно безумной Офеліи Шекспира, срывала съ головы и бросала къ своимъ ногамъ въ кровь цвѣты изъ собственнаго вѣнца.

LXI.

Отказъ тюремъ въ приѣмъ обвиненныхъ.—Ихъ освобождаютъ и съ торжествомъ несутъ въ Коммуну.—Ратуша становится очагомъ возстанія.—Набатъ.—Сборъ.—Генріо у воротъ Карусели.—Его арестуютъ именемъ Конвента.—Робеспьеръ въ депо муниципалитета.—Коффингаль увлекаетъ его въ ратушу.—Коффингаль освобождаетъ Генріо.—Засѣданіе возобновляется въ Конвентѣ.—Бурдонъ уазскій на трибунѣ.—Мерленъ де Тіонвиль.—Внѣшнія волненія.—Генріо хочетъ приказать выломать двери.—Онъ объявленъ внѣ закона.—Онъ возвращается въ ратушу.—Баррасъ назначенъ Конвентомъ главнокомандующимъ.—Движеніе въ противномъ духѣ агентовъ Конвента и Коммуны.—Народъ колеблется.—Баррасъ окружаетъ ратушу.—Робеспьеръ упорствуетъ въ своемъ бездѣйствіи.—Генріо покинута своими войсками.—Крики: „Да здравствуетъ Конвентъ!“—Дюлакъ выламываетъ двери ратуши.—Леба стрѣляетъ себѣ въ сердце изъ револьвера.—Робеспьеръ младшій бросается изъ окна.—Коффингаль выкидываетъ Генріо изъ второго этажа на дворъ.—Леонардъ Бурбонъ занимаетъ ратушу.—Робеспьеръ раненъ пулей которая раздробила ему челюсть. Шестіе побѣжденныхъ.—Ихъ отводятъ въ Конвентъ.—Робеспьера кладутъ въ приемной.—Арестованныхъ переводятъ въ Консьержери.—Сень-Жюсть и генераль Гошъ за рѣшеткой.—Арестъ семьи Дюпле.—Фукье-Тенвилль читаетъ декретъ, объявляющій арестованныхъ внѣ закона, и удостовѣряетъ ихъ личность.—Обвиненныхъ отводятъ на эшафотъ.—Проклятія и рукоплесканія присутствующихъ.—Домъ Дюпле.—Госпожа Дюпле задушена въ тюрьмѣ.—Поведеніе Робеспьера.—Голова его падаетъ.—Судъ надъ Робеспьеромъ и надъ революціей.

1.

Моментъ былъ опасный и рѣшающій. Въ Тюльери во время перерыва засѣданія Конвента оставались два правительственныхъ Комитета. Этотъ перерывъ былъ опасенъ потому, что вся сила Конвента въ это время сосредоточилась въ немъ самомъ. Дать минуту на размышленіе значило вернуть тиранію. Мужество въ политическомъ гѣлѣ ничто иное какъ порывъ. Поэтому противники Робеспьера, которыхъ беспокоили капризы большинства и колебанія во мнѣніяхъ обезсилившаго собранія, предпочли опасность дѣйствовать въ одиночку опасности совѣтоваться съ Конвентомъ о каждой мѣрѣ, требуемой необходимою.

Послѣ короткаго допроса въ Комитетѣ всеобщей безопасности, Робеспьеръ былъ отправленъ въ Люксембургъ, его братъ въ Сень-Лазарь, Сень-Жюсть въ Шотландскій замокъ, Леба въ Форсъ, а Кутошь въ Вурбъ. Небольшіе отряды

жандармовъ проводили каждого изъ обвиняемыхъ въ его тюрьму. Ни одинъ изъ нихъ не былъ тамъ принять.

Предположили, что ужасъ, внушенный этими великими именами, настолько поразилъ и вызвалъ такое уваженіе въ тюремщикахъ, что ни одна тюрьма не рѣшилась растворить своихъ дверей для вчерашнихъ повелителей. Но темницу, принявшую Дантона, можно было открыть и для Робеспьера. Притомъ, если имя Робеспьера могло заставить колебаться тюремщика Люксембурга, то имена Леба, Сень-Жюста и Бутона не имѣли такого обаянія. Какимъ образомъ тюремщики столькихъ тюремъ, построенныхъ на противоположныхъ концахъ Парижа, которые рисковали жизнью въ случаѣ неповиновенія приказанію комитетовъ, могли проникнуться уваженіемъ въ одинаковой мѣрѣ и въ одинъ и тотъ же часъ къ столь непохожимъ другъ на друга обвиняемымъ? Разгадка этой тайны заключается, быть можетъ, въ смѣлой, хотя и коварной политикѣ вождей движенія. Они предчувствовали, какъ увѣряютъ современники, благодаря инстинкту ненависти и страха, что революціонный судъ, преданный Робеспьеру, оправдаетъ обвиняемыхъ; что такая мѣра, какъ перемѣна революціоннаго трибунала потребуетъ много времени и что при новомъ его составѣ этотъ процессъ затянется надолго и будетъ ужасенъ; что народъ, въ продолженіе многихъ дней толпившійся вокругъ зданія суда, не позволитъ вырвать у себя столь важнаго подсудимаго; наконецъ, что противъ Робеспьера нѣтъ серьезныхъ поводовъ къ обвиненію и что если ему разрѣшатъ вернуться въ Конвентъ, то онъ явится туда не какъ оправдавшійся Маратъ, не какъ признанный невиновнымъ по суду, а какъ обвинитель. Эти соображенія заставили термидорцевъ принять рѣшеніе. Имъ нужны были двѣ вещи: быстрое производство и наличность преступленія. Они толкнули Робеспьера на край преступленія. Имъ необходимо было выставить его преступникомъ въ глазахъ народнаго представительства и выставить поспѣшное и безпощадное убійство тирана Конвента, какъ предлогъ къ возмущенію народа противъ него.

Итакъ пока комитеты разсылали такимъ образомъ по тюрьмамъ обвиняемыхъ среди бѣла дня и по люднымъ кварталамъ, довѣренные люди разносили тюремщикамъ тайный словесный приказъ ихъ не принимать. Толпа, отбрасываемая отъ тюремъ, разумѣется, собиралась вокругъ нихъ и торжественно сопровождала ихъ далѣе. Такимъ образомъ пришлось бы счесть преступнымъ явное неповиновеніе тюремщиковъ и наказать за него. Ихъ вовлекали въ бунтъ, какъ въ западню. Какъ ни опасенъ былъ народный мятежъ, враги Робеспьера все же предпочитали его колебаніямъ Конвента и суду диктатора. Таково было показаніе стариковъ свидѣтелей или участниковъ этого мрачнаго дня. Оно допустимо, несмотря на нѣкоторое неправдоподобіе. Но почти столь же вѣроятно предположеніе, что сторонники партіи Робеспьера ускользнули изъ Конвента въ моментъ его арестованія и бросились къ тюремщикамъ, чтобы, застрашавъ ихъ, заставить ихъ отказаться отъ заключенія въ тюрьму обвиняемыхъ. Возможно, что обѣ эти мысли совпали. Какъ бы то ни было, послѣ того какъ обвиняемыхъ не приняли въ тюрьмахъ, куда они были отправлены, они были вырваны изъ рукъ жандармовъ, окружены кучкой якобинцевъ и съ торжествомъ отведены въ Коммуну. Съ своей стороны Пейанъ и Коффингалъ отправили вслѣдъ

за осужденными отрядъ войска, чтобы ихъ освободить. Одна и та же мысль, хотя, быть можетъ, вызванная разными соображеніями, вышла одновременно изъ ратуши и Комитета всеобщей безопасности: одни хотѣли создать вожда, другіе дать предлогъ къ возстанію.

2.

Но возстаніе было далеко не безопасной игрой для враговъ Робеспьера. Оно являлось грознымъ и уже съ утра было поднято одной частью населенія Парижа. Оставалось только подать сигналъ. Очагъ возстанія находился въ ратушѣ. Флёріо, Пейанъ, Добсенъ, Коффингалъ, Генріо оставались тамъ все время со вчерашняго дня. Якобинцы тоже дежурили безсѣбно подъ предѣтельствомъ Вивье. Коммуна все время получала черезъ своихъ агентовъ извѣстія изъ Конвента. Тотчасъ по полученіи вѣсти о паденіи Робеспьера, она составила исполнительный комитетъ изъ двѣнадцати членовъ. Они все бросились ораторствовать, волновать и вооружать секціи. Площадь ратуши была покрыта щетиною штыковъ. Канониры Генріо, явившіеся съ своими орудіями, и національная жандармерія дали клятву избавить Конвентъ отъ его притѣснителей. На нѣсколькихъ колокольныхъ въ окрестностяхъ Парижа били въ набатъ. Въ населенныхъ улицахъ кварталовъ Сентъ-Антуана и Сентъ-Марсо гудели сборъ. Национальная гвардія, привыкшая къ побѣдамъ Коммуны, отовсюду спѣшила на свои посты. Набережныя, мосты, площади около ратуши до самаго Нового моста представляли одинъ сплошной лагерь.

Наоборотъ, окрестности Тюльери были пустыни, молчаливы, какъ зрительное мѣсто. Жители предмѣстьевъ стекались грозными толпами на призывъ адъютантовъ Генріо и эmissаровъ Коффингала. Все сулило побѣду мстителямъ за Робеспьера. Они уже держали себя съ наглостью побѣдителей. Посланнаго изъ Конвента, явившагося сообщить Коммунѣ приказъ объ арестованіи Генріо и о преданіи суду Пейана и Флёріо, обругали, оскорбили и избили на лѣстницѣ ратуши. Когда онъ попросилъ росписку въ полученіи приказа, мэръ Флёріо отвѣтилъ ему: „Пойди скажи тѣмъ, кто тебя прислалъ, что въ такіе дни, какъ сегодня, росписокъ не даютъ. Да скажи еще Робеспьеру, чтобы онъ не боялся: народъ за него! — Скажи негодяямъ, оскорбляющимъ этого великаго гражданина, прибавилъ Генріо выругавшись при этомъ такъ, какъ ругаются въ казармахъ:—что у насъ здѣсь идетъ совѣщаніе о томъ, какъ бы прикончить съ ними!“

Извѣстіе объ арестѣ Робеспьера, о которомъ сообщили черезъ нѣсколько минутъ его приверженцы, обѣжавшіе съ трибунъ, довело до экстаза возбужденіе Коммуны. Генріо обнажилъ саблю и поклялся, что приведетъ привязанными къ хвосту своей лошади всѣхъ негодяевъ, которые осмѣлились посягнуть на народнаго кумира. Стоя среди адъютантовъ у стола, заставленнаго бутылками, въ аванъ-залѣ ратуши, Генріо искалъ вдохновенія въ опьяненіи и мужества въ проклятійхъ. Во время этой оргіи главнокомандующаго, мэръ обратился съ рѣчью къ совѣту въ такихъ выраженіяхъ, которыми, не обнаруживая своихъ намѣреній прямо, возбуждалъ къ возстанію. Пейанъ составилъ адресъ, гдѣ переименовывалъ враговъ самаго добродѣтельнаго изъ патри-

товъ Робеспьера, Сенъ-Жюста, апостола добродѣтели, и Кутона, у котораго осталась живой только голова, какъ выразился Пейанъ, а тѣло уже давно сожжено огнемъ патриотизма!“

3.

Принявъ это рѣшеніе, Генріо вскакиваетъ на лошадь, несется, сжимая пистолетъ въ рукѣ, въ Люксембургъ и возвращается съ отрядомъ жандармовъ, съ которыми проѣзжаетъ по улицѣ Сентъ-Оноре и, узнавъ въ толпѣ Мерлина де Тіонвилль, останавливаетъ его, оскорбляетъ его словомъ и отдаетъ его подъ стражу въ кордегардію. Добравшись до рѣшетки Карусели, Генріо хочетъ проникнуть за нее. Нѣсколько гренадеровъ Конвента скрещиваютъ штыки передъ грудью его лошади. На шумъ выходитъ офицеръ Конвента. Онъ кричитъ жандармамъ: „Арестуйте этого мятежника! Этого требуетъ приказъ!“ Жандармы повинуются закону, арестуютъ своего генерала, стаскиваютъ его съ лошади, связываютъ своими поясами и бросаютъ его, мертвецки-пьяного, въ одну изъ залъ Комитета всеобщей безопасности.

4.

Въ то время какъ Генріо палъ такимъ образомъ у входа въ Конвентъ, Сенъ-Жюсть, Леба и Кутонъ были съ триумфомъ приведены своими освободителями на площадь ратуши. Муниципальный совѣтъ громкими криками призываетъ Робеспьера. Молва передала уже, что привратникъ въ Люксембургѣ отказался принять арестованныхъ. Многіе спрашивали, ужъ не убили ли злодѣи изъ Конвента добродѣтельнаго гражданина въ ту минуту, когда онъ подчинился закону. Никто не зналъ причины его отсутствія. Флѣріо, Пейанъ, Коффингалъ быстро успокоили Совѣтъ и усилили его энтузіазмъ, рассказавъ объ умирительномъ самоотверженіи. Вотъ что произошло.

Робеспьеръ хотѣлъ умереть или побѣдить, оставшись чистымъ, по крайней мѣрѣ съ виду, отъ какого бы то ни было соучастія въ возстаніи. Когда его окружили у Люксембургскихъ воротъ и умоляли встать во главѣ народа, чтобы наказать Конвентъ, онъ упрямо остался во власти жандармовъ; онъ позволилъ имъ отвести себя въ муниципальную тюрьму, зданіе которой впоследствии было занято полицейской префектурой. Тамъ ни настоянія якобинцевъ, ни посланные Флѣріо, ни Пейанъ не могли заставить его нарушить приказъ объ арестѣ. Лишившись свободы вслѣдствіе закона, проведеннаго его врагами, онъ хотѣлъ побѣдить или умереть. Онъ вѣрилъ въ то, что революціонный судъ оправдаетъ его. Но если бы даже его осудили, то смерть такого праведника какъ онъ, по его мнѣнію, была бы не такъ гибельна для государства, какъ примѣръ возстанія противъ національнаго представительства. Робеспьеръ, котораго въ теченіе трехъ часовъ продержали подъ арестомъ въ полицейской префектурѣ, уступилъ только патриотическому настоянію Коффингала, который явился, чтобы разогнать жандармовъ, выволить его изъ тюрьмы и заставить показаться въ залѣ общаго собранія въ ратушѣ. „Если это преступленіе, то я беру его на себя; если это слава, то она останется за тобою такъ же, какъ и спасеніе народа!“ сказалъ ему Коффингалъ:—

„разборчивость въ средствахъ создана для преступленій, но не для добродѣтели. Спасая себя, ты спасаешь свободу и отечество. Осмѣлся быть преступнымъ такою цѣною!“

5.

Но въ ту минуту, когда Робеспьера, не введеннаго, а почти внесеннаго на рукахъ въ залу общаго собранія, душили въ объятіяхъ его братья, Сент-Жюсть, Леба и Кутонъ, объявили объ арестѣ Генрію. Коффингалъ, не теряя ни минуты, возвращается на площадь, обращается съ воззваніемъ къ нѣсколькимъ отрядамъ секціонеровъ, склоняетъ ихъ идти съ нимъ, вооружается ружьемъ и отправляется во главѣ ихъ въ Комитетъ всеобщей безопасности. Онъ бѣжитъ съ оружіемъ въ рукахъ по корридорамъ и по заламъ, занимающимъ часть флигеля Тюльери, гдѣ происходили засѣданія Комитета. Тамъ онъ находитъ Гернію, заснувшаго послѣ выпитаго имъ вина. Онъ освобождаетъ его, сажаетъ на лошадь, все еще привязанную къ рѣшеткѣ Карусели, и привозитъ его къ его же канонирамъ. Генрію, разбуженный, ободренный, горящій желаніемъ отомстить за свой позоръ, бросается къ своимъ батареямъ и обращаетъ пушки противъ Конвента.

6.

Было семь часовъ вечера. Въ это время разбредшіеся депутаты обыкновенно возвращались въ засѣданіе. Лица у всѣхъ были блѣдны отъ смущенія. Вполголоса передавались мрачныя предзнаменованія, собранныя со всѣхъ сторонъ въ эти часы бездѣйствія: клятва якобинцевъ умереть или побѣдить вмѣстѣ съ Робеспьеромъ, освобожденіе арестованныхъ, потокъ возмущенія, разливающейся по предмѣстьямъ, звонъ отдаленнаго набата, присоединеніе секцій къ коммуны, пушки, наведенныя на Тюльери, пустота, образовавшаяся во кругъ Конвента, смѣлость комитетовъ, не обращающихъ вниманія на народъ, вооружившійся силой отвлеченнаго закона, приближеніе трехъ тысячъ юныхъ питомцевъ націй, этихъ преторіанцевъ Робеспьера, сѣвшихъ съ Марсова поля на призывъ Лабретеша и Субербьеля, чтобы освятить кровью царствованіе новаго Марія. Робкіе преувеличивали опасность, нерѣшительные раздували ее, низкіе появлялись у дверей, зондировали почву и исчезали. Члены комитетовъ, принужденные удалиться изъ обычнаго мѣста засѣданій вторгнувшимся Коффингаломъ и предупрежденные о присутствіи Генрію на Карусельской площади, обсуждали положеніе дѣлъ въ комнатѣ, примыкающей къ залѣ публичныхъ засѣданій. Вся законная сила заключалась въ нихъ однихъ. Спасеніе Конвента зависѣло отъ ихъ выдержки. Одно слово могло погубить ихъ, одинъ жестъ — спасти.

Въ эту минуту Конвентъ сталъ на высоту опасности и вполнѣ положился на народное представительство, несмотря на то, что пушки были направлены на очагъ законовъ.

Бурдонъ, депутатъ Уазы, входитъ на трибуну. Всѣ частные разговоры смолкаютъ. Бурдонъ объявляетъ, что якобинцы только что приняли депутацию отъ коммуны и братаются съ инсургентами. Онъ предлагаетъ Конвенту

тоже побрататься съ населеніемъ Парижа и выйти къ народу, какъ и 30-го мая, чтобы успокоить волненіе гражданъ. Мерлинъ рассказываетъ, какъ его арестовали приверженцы Генріо и освободили жандармы. Лежандръ, почерпнувшій энергію прежнихъ дней въ отчаянномъ положеніи и отсутствіи Робеспьера, поддерживаетъ колебавшееся мужество присутствующихъ. Его прерываетъ шумъ снаружи.

Это канониры, которымъ Генріо приказалъ выломать двери. Билло-Вареннъ сообщаетъ объ этомъ нападеніи. Депутаты бросаются къ выходу. Колло д'Эрбуа стремительно занимаетъ свой постъ—президентское кресло. Находясь противъ двери, это мѣсто должно было служить мишенью для первыхъ пуль. „Граждане“, восклицаетъ Колло, надѣвая шляпу и садясь:—„насталъ моментъ умереть на своемъ посту!“—„Мы и умремъ тамъ!“ отвѣчаютъ въ одинъ голосъ всѣ члены Конвента, садясь, какъ бы въ ожиданіи удара. Граждане на трибунахъ, наэлектризованные этимъ поступкомъ, встаютъ, даютъ клятву защищать Конвентъ, толпою выходятъ изъ залы и разсыпаются по садамъ, по дворамъ и по сосѣднимъ кварталамъ, крича: „Къ оружію!“ Конвентъ выноситъ декретъ, которымъ Генріо объявляется внѣ закона. Амаръ выходитъ въ сопровожденіи своихъ храбрыхъ товарищей и обращается съ рѣчью къ властямъ. „Канониры“, говоритъ онъ имъ:—„неужели вы покроете безчестіемъ родину, которой оказали столько услугъ? Взгляните на этого человѣка: онъ пьянъ! Кто кромѣ пьяницы приказалъ бы разстрѣливать представителей и родину“.

7.

Канониры, тронутые этими словами и испуганные декретомъ, отказываются повиноваться своему начальнику. Генріо, покинутый почти половиной войскъ, съ трудомъ возвращаетъ пушки на площадь ратуши. На его мѣсто провозглашенъ комендантомъ національной гвардіи и всѣхъ военныхъ силъ Конвента отважный Баррасъ. Адьютантами къ нему прикомандировываются Флеронъ, Леонардъ Бурдонъ, Лежандръ, Гупильо де Фонтеней Бурдонъ (Уазекій), все люди испытанной храбрости. Выбираютъ двѣнадцать комиссаровъ, чтобы идти брататься съ секціями, просвѣтить общественное сознаніе, присоединить къ Конвенту національную гвардію. Колонны секціонеровъ раздѣляются во время шествія къ ратушѣ. Разрозненныя части ихъ слѣдуютъ подъ вліяніемъ различныхъ побужденій, одни за агентами Коммуны, другія за комиссарами Конвента. Одни слѣдуютъ по направленію къ Гревской площади; другія выстраиваются въ боевомъ порядкѣ, подъ начальствомъ Барраса, вокругъ Тюльери. Народъ, который дергають во всѣ стороны и который уже усталъ отъ этихъ конвульсій, слушаетъ по очередно то прокламаціи коммуны, то декреты Конвента, объявляющіе нѣкоторыхъ гражданъ внѣ закона. Онъ не знаетъ, на чьей сторонѣ право. Онъ колеблется и останавливается въ нерѣшимости.

8.

Ночь покрывала уже своею тѣнью отряды войскъ, постепенно рѣдѣвшіе около ратуши и дѣлавшіеся все болѣе и болѣе плотными вокругъ Тюльери. Баррасъ и военные депутаты, которыми онъ былъ окруженъ, обязжали вер-

хомъ, при свѣтѣ факеловъ, центральные кварталы Парижа. Они громко призывали гражданъ на защиту представителей отъ мятежной орды заговорщиковъ. Такимъ образомъ вокругъ Конвента собралась армія или, вѣрнѣе, горсть преданныхъ людей, въ числѣ тысячи восьмисотъ человѣкъ, изъ гражданъ всѣхъ секцій, жандармовъ и нѣсколькихъ канонировъ — перебѣжчиковъ изъ войска Генрію. Баррасъ могъ бы увеличить это ядро къ разсвѣгу, но онъ зналъ цѣну времени и могущество отваги. Онъ хладнокровно составляетъ планъ кампаніи и тотчасъ же приводитъ его въ исполненіе. Онъ приказываетъ молча окружить ратушу отрядами, которые пробираются по извилистымъ улицамъ и отрѣзываютъ такимъ образомъ инсургентамъ отступленіе и возможность получить подкрѣпленіе. Самъ Баррасъ, съ пушками въ авангардѣ, медленно продвигается къ ратушѣ вдоль набережной. Леонардъ Бурдонъ, слѣдуя съ другой колонной по узкимъ улицамъ, параллельнымъ набережной, приближается тѣмъ же шагомъ, чтобы одновременно появиться съ другой стороны Гревской площади. По мѣрѣ того, какъ Баррасъ и Бурдонъ подходили къ очагу возстанія гулъ толпы вокругъ ратуши началъ какъ будто замолчать. Волненіе затихало по мѣрѣ ихъ приближенія. Ночь боролась за нихъ. Баррасъ, успокоенный безлюдіемъ набережныхъ, приказываетъ головнымъ своей колонны остановиться. Онъ галопомъ возвращается въ Конвентъ. Онъ входитъ въ залъ, всходитъ на трибуну. Его воинственная осанка, вооруженіе, слова вселяютъ довѣріе въ умы. Успокоивъ Конвентъ, Баррасъ снова вскакиваетъ на лошадь при крикахъ: „Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ спаситель Конвента!“ Послѣ него всходятъ на трибуну Фреронъ и его адъютанты. Онъ даетъ отчетъ о состояніи Парижа со стороны Марсова поля. „Мы перерѣзали путь питомцамъ отечества, которыхъ предателю Леба поручили поднять противъ Робеспьера“, воскликнулъ Фреронъ:— „мы послали канонировъ-патріотовъ на площадь ратуши, приказавъ имъ уговорить ихъ заблудшихъ товарищей и вернуть ихъ на путь долга. Теперь мы пойдемъ и заставимъ покорить возставшихъ. Если они откажутся выдать намъ измѣнниковъ, мы погребемъ ихъ подъ развалинами зданія, въ которомъ они находятся!“

Талліенъ садится на предсѣдательское кресло. „Отправляйтесь! говоритъ онъ энергичнымъ голосомъ Фрерону и его товарищамъ:— „отправляйтесь! и пусть солнце не взойдетъ до тѣхъ поръ, пока не падутъ головы заговорщиковъ!“

9.

Между тѣмъ Робеспьеръ все еще оставался въ Коммунѣ въ бездѣйствіи, на которое онъ себя обрекъ. У него былъ скорѣе видъ заложника, чѣмъ вождя возстанія. Коффингалъ, Флѣрію, Пейанъ одни только и поддерживали энергію Совѣта и преданность народа. Ни у одного изъ нихъ не было настолько популярности, чтобы могъ поставить свое имя во главѣ такого крупнаго движенія. Робеспьеръ отказался отъ этого. Они были вынуждены прибѣгнуть къ насилію, чтобы спасти его, а вмѣстѣ съ нимъ спасти и самихъ. „Ахъ, если бы я былъ Робеспьеромъ!“ сказалъ ему Коффингалъ. Выходя изъ полицейской префектуры, чтобы отправиться въ ратушу, Робеспьеръ все время

повторялъ увлекавшей его депутаціи. „Вы губите меня! вы губите себя! вы губите республику!“ Съ тѣхъ поръ какъ онъ вошелъ въ Совѣтъ Коммуны, онъ дѣлалъ видъ, что остается равнодушнымъ къ движенію, совершающемуся вокругъ него. Сень-Жюсть и Кутонъ умоляли его уступить голосу народа, своими криками требовавшего, чтобы онъ принялъ на себя диктатуру, и употребить свою неограниченную власть въ теченіе ночи на то, чтобы на слѣдующій день передать ее очищенному Конвенту. „Народъ“, повторялъ ему Кутонъ:—„ждетъ отъ тебя одного только слова, чтобы уничтожить своихъ тирановъ, а твоихъ враговъ! Обратись къ нему хоть съ прокламаціей, чтобы указать ему, что онъ долженъ дѣлать.—Отъ чьего же имени?—спросилъ Робеспьеръ.—Отъ имени поправнаго Конвента, отвѣтилъ Сень-Жюсть.—Вспомни слова Серторія, прибавилъ Кутонъ:

„Римъ уже не въ Римѣ, онъ весь тамъ, гдѣ я!“ *)

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ Робеспьеръ:—я не хочу показать примѣръ порабошенія народнаго представительства гражданиномъ. Намъ превращаетъ въ ничто только народъ, мы не должны замѣнять свою волю его правами.— Въ такомъ случаѣ, воскликнулъ Кутонъ:—намъ остается только умереть!— „Ты правъ“, флегматично произнесъ Робеспьеръ, предпочитавшій, повидимому, умереть какъ жертва, чѣмъ побѣдить, какъ мятежникъ; онъ молча облокотился на столъ совѣта. „Итакъ это ты насъ убиваешь“, сказалъ ему Сень-Жюсть. Передъ глазами у Робеспьера лежалъ листъ бумаги съ штемпелемъ парижской Коммуны. Это было наскоро составленное однимъ изъ членовъ совѣта воззваніе къ мятежу. Робеспьеръ, уступая настояніямъ коллегъ, подписалъ въ концѣ страницы наполовину свое имя, но затѣмъ влѣдствіе угрызений совѣсти или нерѣшительности не докончилъ подписи и оттолкнулъ бумагу и перо. Это поведеніе, губившее друзей Робеспьера, не уронило его однако въ ихъ глазахъ.

Кутонъ упрекалъ себя въ томъ, что онъ не сумѣлъ возвыситься до такого безстрастія въ своемъ патріотизмѣ. Леба, человѣкъ дѣла, почувствовалъ, что имъ овладѣло восхищеніе. Робеспьеръ младшій угадывалъ свой долгъ по глазамъ брата. Сень-Жюсть, замкнувшійся въ почтительномъ молчаніи, не рѣшался спорить противъ идеи, которую онъ считалъ выше своихъ если не по геніальности, то по благородству. Онъ ждалъ, чтобы оракулъ высказался устами народа, готоваго одинаково слѣдовать за своимъ властелиномъ на диктатуру и на смерть.

Одинъ только Пейанъ пробовалъ поддержать въ девяносто двухъ членахъ Коммуны, въ народѣ, занимавшемъ трибуны, и въ толпѣ, заполнившей ратушу, стойкость и пылъ возстанія. Онъ надѣялся воспламенить единомышленниковъ Коммуны своимъ негодованіемъ и сдѣлать единственнымъ приближеннымъ для нихъ побѣду, прочитавъ имъ только что изданное Конвентомъ постановленіе, объявляющее нѣкоторыхъ гражданъ внѣ закона. Онъ коварно присоединилъ къ списку лицъ, объявленныхъ внѣ закона, и тѣхъ, кто находился на трибунахъ, въ надеждѣ объединить и сдѣлать солидарными народъ и Коммуну. Но эта хитрость Пейана, которая могла все спасти, наоборотъ, все погубила.

*) Rome n'est plus dans Rome, elle toute où je suis.

Не успѣлъ онъ дочитать фальшивый декретъ, какъ публика, занимавшая трибуны, исчезла, точно изъ-за декрета передъ нею блеснулъ мечъ Конвента. Въ своемъ бѣгствѣ трибуны увлекли массу секціонеровъ, утомленныхъ движеніемъ, которое въ теченіе семи часовъ обращалось вокругъ одной точки. Половина ночи прошла въ этихъ колебаніяхъ. На ратушѣ пробило два часа.

10.

Въ этотъ самый моментъ отрядъ Леонарда Бурдона, неслышно проскользнувшій по боковымъ улицамъ на набережную, остановился, прежде чѣмъ вступить на Гревскую площадь съ крикомъ: „Да здравствуетъ Конвентъ!“ Тщетно Генрію, съ саблей въ рукѣ, скакалъ какъ безумный среди толпы и, топча ее лошадей, отвѣчалъ на ея крикъ крикомъ: „Да здравствуетъ Коммуна!“ Всеобщее презрѣніе къ этому военачальнику, его беспорядочныя движенія, растерянные жесты, пьяное лицо, окруженные улицы, приближающіяся войска вызываютъ упадокъ духа въ рядахъ секціонеровъ. Канониры заглушаютъ свистками слова своего недалекаго генерала, повертываютъ дула пушекъ въ сторону ратуши, оглашаютъ площадь и набережныя громогласнымъ „да здравствуетъ Конвентъ!“ и разсѣиваются.

Колонна Барраса останавливается при этомъ крикѣ, чтобы дать время толпѣ очистить площадь. Въ нѣсколько минутъ все исчезаетъ или присоединяется къ батальонамъ Конвента.

Глубокое молчаніе царитъ у дверей Коммуны. Леонардъ Бурдонъ въ этой неподвижности подозрѣваетъ ловушку. Онъ думаетъ, что инсургенты, укрѣпившись въ залахъ, начнутъ громить его колонну и погребутъ себя подъ развалинами ратуши. Вслѣдствіе взаимнаго страха Гревская площадь долго остается пустой, а осаждающіе и осажденные держатся на разстояніи другъ отъ друга. Наконецъ Дюлакъ, рѣшительный агентъ Комитета общественной безопасности, во главѣ двадцати пяти саперъ и нѣсколькихъ гренадеровъ, переходитъ площадь, вышибаетъ двери ударами топоровъ и поднимается, со штыками на перевѣсъ по главной лѣстницѣ.

11.

При звукѣ приближающихся шаговъ, Леба, у котораго было при себѣ два пистолета, предлагаетъ одинъ изъ нихъ Робеспьеру, убѣждая его застрѣлиться. Но Робеспьеръ, Сень-Жюсть и Кутонъ отказываются лишить себя жизни, предпочитая смерть отъ руки враговъ. Безстрастно сидя за столомъ въ залѣ Равенства, они прислушиваются къ поднимающимся шагамъ, смотрятъ на дверь и ждутъ рѣшенія своей участи.

При первомъ стукѣ ружейнаго приклада о ступеньки лѣстницы, Леба стрѣляетъ себѣ въ сердце и падаетъ мертвый на руки Робеспьера младшаго. Последний, хотя и убѣжденъ въ своей невинности и оправданіи, не хочетъ пережить ни своего брата, ни друга. Онъ открываетъ окно, выпрыгиваетъ на дворъ и ломаетъ себѣ ногу. Коффингалъ, наполняя звукомъ своихъ шаговъ и ругательствами залы и коридоры, встрѣчаетъ Генрію, оступившаго отъ страха и вина. Коффингалъ упрекаетъ его въ низости и пьянствѣ, схватываетъ на

руки, подносить къ открытому окну и кидаетъ изъ второго этажа на кучу мусора. „Убирайся, жалкій пьяница“, говоритъ онъ, бросая его въ пространство:— „ты недостойнъ эшафота!“

Тѣмъ временемъ Дюлакъ, успокоившись относительно помѣщенія Коммуны, послалъ одного изъ своихъ гренадеровъ предупредить отрядъ Бурдона о свободномъ доступѣ въ ратушу.

Леонардъ Бурдонъ выстраиваетъ свой полкъ въ боевомъ порядкѣ передъ входомъ. Самъ онъ поднимается по лѣстницѣ въ сопровожденіи пяти жандармовъ и отряда. Онъ бросается вмѣстѣ съ Дюлакомъ и этимъ отрядомъ въ залу Равенства. Дверь подается подъ ударами ружейныхъ прикладовъ гренадеръ. „Смерть тирану!—Который тиранъ?“ кричатъ солдаты. Леонардъ Бурдонъ не рѣшается встрѣтиться взглядомъ съ своимъ безоружнымъ врагомъ. Стоя немного поодаль отъ отряда позади жандарма, по имени Меда, онъ схватываетъ правой рукой руку жандарма, въ которой тотъ держитъ пистолетъ, и, указывая ему лѣвой рукой, въ кого нужно цѣлиться, направляетъ дуло оружія на Робеспьера и говоритъ жандарму: „Это онъ!“ Раздается выстрѣлъ; голова Робеспьера падаетъ на столъ, заливая кровью воззваніе, которое онъ не успѣлъ подписать. Пуля пробила ему нижнюю губу и раздробила зубы. Кутонъ хочетъ встать, но не можетъ удержаться на своихъ безжизненныхъ ногахъ и падаетъ подъ столъ. Сень-Жюсть продолжаетъ сидѣть неподвижно. Онъ то съ грустью смотритъ на Робеспьера, то съ гордостью на враговъ.

12.

При звукѣ выстрѣловъ и крикахъ „Да здравствуетъ Конвентъ!“ колонны Барраса наводняютъ площадь, берутъ приступомъ ратушу, запираютъ всѣ выходы, овладѣваютъ Флёрю, Пейаномъ, Дюплэ, восемьюдесятью членами Коммуны, связываютъ ихъ, выстраиваютъ ихъ въ колонну въ залѣ и приготовляются вести ихъ съ триумфомъ въ Конвентъ. Одинъ Коффингалъ спасается, воспользовавшись всеобщимъ замѣшательствомъ; онъ выбиваетъ забаррикадированную дверь одной изъ залъ и бѣжитъ черезъ нея изъ ратуши и укрывается на рѣкѣ въ лодкѣ, принадлежащей прачкамъ, откуда его на другой день выгоняетъ голодъ, заставивъ выдать себя.

Баррасъ, въ сопровожденіи длинной цѣпи плѣнниковъ, возвращается съ своими колоннами къ Конвенту. Начало свѣтать. Шестіе открывалъ Робеспьеръ, котораго несли на носилкахъ четверо жандармовъ; лицо его было завязано окровавленнымъ платкомъ. Люди, несшіе Кутона, преднамѣренно уронили его изъ чувства презрѣнія къ нему на углу Гревской улицы; затѣмъ они подняли его. Изъ-за его разорваннаго и испачканнаго платья видѣлась часть обнаженнаго торса. Робеспьера младшаго, лишившагося сознанія, несли на рукахъ два человѣка изъ народа. Трупъ Леба былъ покрытъ бархатной скатертью, залитой кровью. Сень-Жюсть слѣдовалъ за ними пѣшкомъ со связанными за спиною руками, съ обнаженной головой, опущенными глазами, съ выраженіемъ лица, выражавшимъ сосредоточенность, но не стыдъ.

Въ пять часовъ голова колонны вошла въ Тюльери. Конвентъ безстрашно ожидалъ развязки. По шумному волненію узнають о приближеніи Барраса и

Фрерона. Предсѣдательствуетъ Шарліе. „Подлый Робеспьеръ тамъ,“ говоритъ онъ, указывая на дверь:—„хотите ли вы, чтобы онъ вошелъ?“—Нѣтъ! нѣтъ! отвѣчаютъ представители, одни, побуждаемые ужасомъ, другіе—состраданіемъ.—„Положить въ Конвентъ тѣло человѣка, запятнавшаго себя всѣми преступленіями“, восклицаетъ Тюріо:—„значило бы лишить подобающаго ему блеска этотъ прекрасный день. Трупъ тирана можетъ только распространить заразу. Робеспьера и его соумышленниковъ ждетъ другое мѣсто—на площади Революціи“.

Леонардъ Бурдонъ, опьяненный побѣдой, докладываетъ о своей экспедиціи и представляетъ Конвенту жандарма, выстрѣлившаго въ Робеспьера. Лежандръ возвращается, вооруженный двумя пистолетами. Онъ сообщаетъ, что только что разбѣжалъ толпу якобинцевъ и лично заперъ двери ихъ залы. Онъ бросаетъ ключи отъ дверей на столъ.

13.

Робеспьера положили на столъ въ пріемной залѣ. Его голову поддерживалъ опрокинутый стулъ. Огромная толпа входила, уходила, все время возобновлялась, желая взглянуть на низверженнаго главу республики. Нѣсколько депутатовъ изъ числа его вчерашнихъ льстецовъ пришли убѣдиться, правда ли, что тиранъ больше не встанетъ. Агонія раненаго не могла сдержать ни взглядовъ, ни оскорбленій, ни презрѣній. Пристава Конвента пальцами указывали на него публикѣ, какъ на дикаго звѣря въ клѣткѣ. Онъ притворился мертвымъ, чтобы избѣжать оскорбленій и ругательствъ, которымъ онъ служилъ мишенью. Одинъ чиновникъ изъ Комитета общественнаго спасенія, радовавшійся паденію тираніи, но пожалѣвшій Робеспьера какъ человѣка, подошелъ къ нему, развязалъ у него подвязку, спустил чулокъ и, положивъ руку на его обнаженную ногу, убѣдился по пульсаціи артеріи въ томъ, что онъ живъ. „Надо его обыскать“, сказали въ толпѣ. Въ карманѣ его платья нашли пару пистолетовъ въ кабурахъ. На кабурѣ былъ выгравированъ гербъ Франціи. „Взгляните на этого злодѣя,“ кричитъ толпа:—„вотъ доказательство, что онъ мечталъ о тронѣ: онъ носилъ запрещенные символы королевской власти!“ Эти пистолеты, запертые въ футлярѣ и заряженные, вполне доказываютъ, что Робеспьеръ не стрѣлялся самъ.

Въ эту минуту Лежандръ вошелъ въ залу, приблизился къ тѣлу своего врага и, обратившись къ нему съ театральнымъ жестомъ, сказалъ: „Ну, тиранъ! ты, для котораго вчера еще была мала республика, занимаешь теперь два квадратныхъ фута на этомъ маленькомъ столѣ!“ Робеспьеръ съ ужасомъ и презрѣніемъ долженъ былъ слушать этотъ голосъ, который онъ заставлялъ замолкать въ Конвентѣ однимъ взглядомъ и лживость котораго послѣ смерти Дантона возбуждала въ немъ отвращеніе. Оставаясь неподвижнымъ, онъ видѣлъ и слышалъ все. Кровь, лившаяся изъ раны, заpekлась у него во рту. Онъ собрался съ силами и вытеръ ее кожанымъ чехломъ отъ пистолета. Угасшимъ, но наблюдательнымъ взоромъ онъ обводилъ толпу, какъ бы отыскивая въ ней сочувствія или справедливости, но, встрѣтивъ одно отвращеніе, снова закрывалъ глаза. Жара въ залѣ стояла душливая. Щеки у Ро-

беспъера горѣли лихорадочнымъ румянцемъ; на лбу выступилъ потъ. Никто не шевельнулъ рукой ради него. Возлѣ него поставили на столъ сосудъ съ уксу-сомъ и положили губку. Отъ времени до времени онъ смачивалъ уксу-сомъ губку и обтиралъ себѣ губы.

Послѣ этой продолжительной выставки на-показъ у двери залы, черезъ которую побѣжденный слышалъ взрывы негодованія трибунъ противъ него, его перенесли въ Комитетъ общественной безопасности. Вилло-Вареннъ, Колло д'Эрбуа, Ваде, самые заклятые его враги, ждали его тамъ. Они допросили его для формы. Онъ отвѣчалъ имъ только взглядомъ. Пришлось сократить ихъ радость и его пытку. Когда его перенесли въ Отель-Дѣй, хирурги изслѣ-довали и перевязали ему рану. Робеспьеръ засталъ тамъ Кутона, котораго перенесли туда какъ больного; Генрію, получившаго перелома отъ паденія и, наконецъ, своего брата, которому уже наложили перевязку на переломъ. Послѣ перевязки, всѣхъ раненыхъ перенесли въ Консьержери и помѣстили въ одну камеру. Сентъ-Жюсть уже ожидалъ ихъ тамъ у трупъ Леба.

Входя въ Консьержери, Сентъ-Жюсть встрѣтился подъ низкимъ сводомъ калитки съ генераломъ Гошемъ, который былъ препровожденъ туда нѣсколь-кими недѣлями раньше по его же приказанію. Гошъ, вмѣсто того, чтобы оскорбить своего павшаго врага, посторонился и, опустивъ глаза, пропустилъ молодого проконсула. Герои уважаютъ несчастье даже тѣхъ, благодаря кому они подверглись гоненію.

Мэръ Флѣрію-Леско, Пейанъ, Дюма, Вивье, предсѣдатель якобинцевъ, ста-руха Лавалеттъ, Дюплэ, его жена и дочери, хозяева Робеспьера, были также переведены въ Консьержери изъ Люксембурга, куда ихъ первоначально отправили.

10-го термидора (28-го іюля) ихъ отправили или снесли въ революціон-ный судъ. Конвентъ отнынѣ былъ такъ увѣренъ въ повиновеніи, что не перемѣнилъ даже исполнителей своей воли. Судьи и присяжные были тѣ же, ко-торыя еще наканунѣ готовы были послать на смерть враговъ своихъ сего-дняшнихъ подсудимыхъ. Фукье-Тенвиль тѣмъ же тономъ суровой убѣжден-ности прочелъ декретъ о признаніи вѣтъ закона и ограничился установленіемъ личности. Фукье не посмѣлъ поднять глазъ ни на Дюма, своего товарища по обязанностямъ судьи, ни на Робеспьера, своего патрона.

Въ пять часовъ телѣжки ждали приговоренныхъ у главнаго входа. Ро-беспьеръ, его братъ, Кутонъ, Генрію и Леба были одни трупами, другіе ка-лѣками. Ихъ привязали за ноги, за туловище и за руки къ перекладинамъ первой телѣжки. Толчки на мостовой вырывали у нихъ крики и стоны. Ихъ повезли по самымъ длиннымъ и населеннымъ улицамъ Парижа. Двери, окна, балконы, крыши были унизаны зрителями, преимущественно женщинами, одѣтыми по праздничному. Они аплодировали казни, думая искупить тер-роръ ненавистью къ человѣку, давшему ему свое имя. „На смерть! на гильотину!“ кричали возлѣ колесъ сыновья, родители, друзья жертвъ. Толпа немногочисленная и угрюмая, смотрѣла не выражая ни сожалѣнія, ни удовле-творенія. Только юноши, лишившіеся отцовъ, и женщины—мужей, временами прорывали цѣпь жандармовъ, хватались за оси и осыпали проклятіями Ро-беспьера. Они, повидимому, боялись, чтобы смерть не помѣшала удовлетво-

рить ихъ мѣсть. Голова Робеспьера была обвязана запятнанной кровью повязкой, поддерживавшей его подбородокъ и связанной узломъ на затылкѣ. Видны были только одна щека, лобъ и глаза. Сопровождавшіе его жандармы указывали на него концомъ сабель. Онъ отворачивалъ голову и пожималъ плечами, какъ будто въ немъ возбуждало сожалѣніе заблужденіе, приписывавшее ему одному всѣ вошіющія преступленія, связанные съ его именемъ. Все его сознаніе свѣтилось въ его глазахъ. Поза его выражала покорность, но не страхъ. Тайна, окутывавшая его жизнь, скрывала его мысли. Онъ готовился умереть, не сказавъ послѣдняго слова.

14.

Передъ домомъ ремесленника, гдѣ жилъ Робеспьеръ и откуда взяли въ тюрьму отца, мать и дѣтей, толпа женщинъ остановила шествіе и начала плясать вокругъ телѣжки.

Ребенокъ, несшій отъ мясника ведро съ бычачьей кровью, обмакнулъ въ нее метлу и обрызгалъ ею стѣны дома. Робеспьеръ во время этой остановки закрылъ глаза, чтобы не видѣть, какъ оскорбляютъ домъ его друзей, куда онъ внесъ столько горя. Это было единственное движеніе, которымъ выразилось состояніе его души въ теченіе тридцати-часовой муки.

Въ тотъ же день вечеромъ мстительныя фурии ворвались въ тюрьму, куда была заключена жена Дюплэ, задушили ее, а затѣмъ повѣсили на карнизѣ отъ занавѣси.

Шествіе двинулось дальше къ эшафоту. Кутонъ ѣхалъ задумавшись; Робеспьеръ младшій былъ растроганъ. Толчки, бередившіе его сломанную ногу, вырывали у него невольные крики. У Генрію все лицо было окровавлено, какъ у пьяницы, поднятаго въ лужѣ. Съ него сорвали мундиръ. Изъ одежды на немъ осталась одна только рубашка, забрызганная грязью. На блѣдномъ, но спокойномъ лицѣ Сентъ-Жюста, одѣтаго прилично и подстриженнаго, не было замѣтно ни униженія, ни гордости. По устремленному вверхъ взгляду направленному по ту сторону жизни и эшафота, было видно, что онъ остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, отправляясь на казнь, такъ же какъ и во время триумфа, что онъ сознаетъ, за чтѣмъ идетъ на смерть и ни въ чемъ не упрекаетъ судьбу, такъ какъ умираетъ за вѣрность своимъ убѣжденіямъ, своему вождю и своей миссіи. Человѣкъ, непонятый и неполный, состоящій цѣликомъ изъ одного разума: сердце, какъ органъ, было такъ же чуждо его природѣ, какъ и его теоріи. Отсутствующее сердце ни въ чемъ не упрекало его отвлеченную совѣсть, и онъ умиралъ всѣмъ ненавистный и всѣмъ проклинаемый, не чувствуя за собою вины. Духовная слѣпота, увлекающая въ пропасть того, кто хочетъ спасти міръ и заслужить удивленіе потомства! Можно удивляться, сколько было молодости при такомъ догматизмѣ идей, сколько граціи при фанатизмѣ и сколько совѣсти при такой неумолимости.

Достигнувъ статуи Свободы, палачи поднимали раненыхъ на помошь гильотины. Ни одинъ изъ осужденныхъ не обратился къ народу ни съ рѣчью, ни съ упрекомъ. Они прочли свой приговоръ въ сдержанности толпы. Робеспьеръ твердыми шагами поднялся по ступенямъ эшафота. Прежде чѣмъ отцѣпнѣть

ножъ, палачи сорвали повязку, покрывавшую его щеку, чтобы лезвіе топора не зазубрилось объ полотно. Робеспьеръ зарычалъ отъ физической боли и рычаніе его было слышно въ самыхъ отдаленныхъ концахъ площади Революціи. Площадь затихла. Раздался глухой ударъ топора. Голова Робеспьера скатилась. За ударомъ топора послѣдовалъ глубокій вздохъ толпы, сопровождаемый оглушительными рукоплесканіями.

Тогда на вершинѣ эшафота появился Сень-Жюсть, высокій, тонкій, съ склоненной головой, связанными руками, съ ногами, обрызганными кровью своего учителя; его высокій, хрупкій силуэтъ ризовался на фонѣ вечерняго неба, освѣщеннаго послѣднимъ отблескомъ зари. Сень-Жюсть умеръ, не разжимая губъ, унеся въ могилу свою покорность или протестъ. Ему было двадцать шесть лѣтъ и два дня.

Эти двадцать шесть обезглавленныхъ труповъ бросили вмѣстѣ съ трупомъ Леба на телѣгу.

15.

Нѣсколько недѣль спустя молодая женщина, одѣтая какъ прачка, съ шестимѣсячнымъ ребенкомъ на рукахъ, вошла въ меблированный домъ и выразила желаніе поговорить наединѣ съ дочерью хозяина отеля. Незнакомка была дочь Дюплэ, вдова Леба. Послѣ самоубійства мужа, казни отца, убійства матери и заключенія сестеръ, госпожа Леба перемѣнила имя и начала одѣваться, какъ одѣваются женщины изъ народа; она зарабатывала пропитаніе себѣ и ребенку стиркой бѣлья въ лодкахъ, которыя были устроены на рѣкѣ для прачекъ. Только нѣсколько республиканцевъ, подвергшихся преслѣдованію, знали ея тайну и преклонялись передъ ея мужествомъ. Ей не осталось послѣ мужа ни наслѣдства, ни портрета, ни какого-либо предмета воспоминанія. Она молча обожала память о немъ.

Юная бѣглянка узнала, что у квартирной хозяйки Сень-Жюста, художницы по профессіи, былъ портретъ ученика Робеспьера, нарисованный ею незадолго до его казни. Она горѣла желаніемъ приобрести этотъ портретъ, напоминавшій ей въ лицѣ товарища и лучшаго друга Леба ея мужа. Молодая художница, сама доведенная до нищеты заключеніемъ отца, котораго преслѣдовали какъ квартирнаго хозяина Сень-Жюста, запросила за свою работу шесть ливидоровъ. У госпожи Леба не было такой суммы. Она спасла отъ секвестра одинъ только сундукъ съ тряпьемъ, бѣлье и подвѣчное платье. Она предложила сундукъ со всемъ содержимымъ въ уплату за портретъ. Художница согласилась на обмѣнъ. Бѣдная вдова принесла ночью свое тряпье и унесла портретъ. Такимъ образомъ, благодаря супружеской любви, сохранилось для потомства единственное изображеніе юнаго революціонера, прекраснаго собою, причудливаго, туманнаго, какъ теорія, вдумчиваго, какъ система, трагичнаго, какъ предчувствіе. Это скорѣе изображеніе идеи, чѣмъ человѣка. Оно напоминаетъ собою республику временъ Дракона.

16.

Таковъ былъ конецъ Робеспьера и его партіи, захваченныхъ и умерщвлен-

ныхъ въ то время, когда онъ обдумывалъ планъ, какимъ образомъ вернуть терроръ къ закону, революцію къ порядку, а республику къ единству. Побѣжденный людьми, изъ которыхъ одни были лучше, а другіе хуже его, онъ имѣлъ несчастье умереть какъ разъ въ день окончанія террора, такъ что на него пала та кровь жертвъ казней, которыя онъ хотѣлъ прекратить, и проклятія казненныхъ, которыхъ онъ хотѣлъ спасти. День его смерти можетъ быть отмѣченъ какъ срокъ, но не какъ причина прекращенія террора. Казни прекратились бы съ его побѣдой такъ же, какъ онъ прекратились съ его казнью. Божественное правосудіе отвергло такимъ образомъ его раскаяніе и принесло несчастье его добрымъ намѣреніямъ. Оно обратило его могилу въ закрытую пропасть. Оно обратило память о немъ въ загадку, которую исторія страшится разгадать изъ страха быть несправедливой, произнесла слово „преступленіе“, и возбудить ужасъ, сказавъ „добродѣтель“! Чтобы быть справедливымъ и поучительнымъ, необходимо смѣло соединить оба эти слова, которыя не должны бы стоять рядомъ, и образовать изъ нихъ одно сложное слово. Или, вѣрнѣе, придется отказаться отъ опредѣленія того, что не поддается окончательно опредѣленію. Этотъ человѣкъ не могъ быть и впредь не можетъ быть опредѣленъ.

Въ жизни его есть задача и задача великая: мудрое народовластіе. Есть двигатель и двигатель похвальный: жажда истины и справедливости законовъ. Есть дѣятельность, которую нельзя не поставить въ заслугу: смертельный бой съ порокомъ, ложью и деспотизмомъ. Есть самоотверженіе, неустанное, полное, какъ жертвоприношенія въ древности: это принесеніе въ жертву своему дѣлу своей молодости, покоя, счастья, честолюбія, жизни, даже самой памяти о себѣ. Наконецъ, есть средство, которое иногда законно, иногда отвратительно: популярность. Онъ льститъ низкимъ инстинктамъ толпы. Онъ раздуваетъ подозрѣніе. Онъ возбуждаетъ зависть, разжигаетъ гнѣвъ, отравляетъ месть. Онъ открываетъ вены общественному организму, чтобы излѣчить его отъ болѣзни; но онъ равнодушно смотритъ, какъ изъ него уходятъ чистые жизненные соки одновременно съ нечистыми, и не бросается между жертвами и палачами. Онъ не хочетъ зла, но терпитъ его. Онъ бросаетъ въ жертву тому, что считаетъ необходимостью въ своемъ положеніи, головы короля, королевы, ихъ неповинной сестры. Онъ жертвуетъ ради воображаемой необходимости головой Верньо; изъ страха—головой Дантона. Онъ позволяетъ, чтобы его имя въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ служило вывѣской эшафоту и оправданіемъ смерти. Онъ надѣется искупить впоследствии то, что не можетъ быть искуплено никогда; преступленіе въ настоящемъ—святостью будущихъ учреждений. Онъ опьяняется перспективой будущаго всеобщаго благополучія въ то время, когда Франція трепещетъ на эшафотѣ. У него кружится голова отъ идей гуманизма. Онъ хочетъ вырвать посредствомъ желѣза всѣ корни зла изъ общественной почвы. Онъ присваиваетъ себѣ права Провидѣнія, имѣя творческое чувство и планъ въ головѣ. Онъ ставитъ себя на мѣсто Бога. Онъ хочетъ сдѣлаться гениемъ-истребителемъ и творцомъ революціи. Онъ забываетъ, что если бы всѣ люди такъ обожествляли себя, то на землѣ остался бы лишь одинъ человѣкъ и что этотъ человѣкъ добилъ бы всѣхъ остальныхъ!

Онъ пятнаеть кровью чистѣйшія философскія ученія. Онъ внушаетъ будущимъ поколѣніямъ ужасъ передъ народовластіемъ, отвращеніе къ республикѣ, какъ къ учрежденію, сомнѣніе въ свободѣ. Наконецъ, онъ падаетъ побѣжденный при первомъ столкновеніи съ терроромъ, потому что не обрѣлъ съ самаго начала силы и права побѣдить его. Его принципы бесплодны и осуждены, такъ же какъ его проскрипціи, и онъ умираетъ, воскликнувъ съ разочарованіемъ, подобно Бруту: „республика погибаетъ вмѣстѣ со мною!“ Въ эту минуту онъ былъ дѣйствительно душою республики. Она потеряла сознаніе вмѣстѣ съ его послѣднимъ вздохомъ. Если бы Робеспьеръ остался чистымъ и поддался заблужденіямъ демагоговъ до этого кризиса, проявившагося въ утомленіи и угрызеніи совѣсти, республика осталась бы жить въ немъ, обновилась бы и восторжествовала. Она искала устроителя, а онъ явился соучастникомъ. Онъ готовилъ ей Кромвеля.

Величайшее несчастье Робеспьера заключалось не въ томъ, что онъ погибъ самъ и увлекъ за собою республику, но въ томъ, что, погибая, онъ не могъ завѣщать демократіи въ своемъ лицѣ, въ лицѣ человѣка, искренно желавшаго ее олицетворить, память о чистой, блестящей, безсмертной личности, мстѣющей судьбѣ за равнодушіе къ дорогому ей дѣлу и протестующей противъ исчезновенія въ памяти потомства возбуждаемымъ въ немъ восхищеніемъ безъ противорѣчій и ограниченій. Республикѣ для мартиролога ея основателей нуженъ былъ Катонъ Утическій, а Робеспьеръ далъ ей Марію, да еще безъ меча. Демократія жаждала славы, которая бы, соединенная съ именемъ извѣстнаго лица, навѣки засверкала надъ ея колыбелью! Робеспьеръ напоминалъ лишь о большомъ постоянствѣ, великой неподкупности и великомъ упрекѣ. Это было возмездіемъ человѣка, народа, времени, будущаго. Часто дѣло то же, что имя. Дѣло демократіи никогда не должно было быть обречено на сокрытіе или оправданіе его имени. Обликъ демократіи долженъ быть великодушень, милосерденъ и непреложень какъ истина.

17.

Съ Робеспьеромъ и Сенъ-Жюстомъ кончается великій періодъ республики. Появляется новое поколѣніе революціонеровъ. Республика переходитъ отъ трагедій къ интригѣ, отъ мистицизма къ честолюбію, отъ фанатизма къ жадности. Остановимся на моментѣ, когда все мельчаетъ, чтобы оглянуться на то, что было такимъ великимъ.

Республика просуществовала только пять лѣтъ. Для Франціи эти пять лѣтъ—пять вѣковъ. Быть можетъ, ни въ одну эпоху, со времени воплощенія христіанскихъ идей, ни одна страна на землѣ не извергла въ такой короткій промежутокъ времени столько мыслей, людей, натуръ, характеровъ, гениевъ, талантовъ, какъ во время этой судорожной переработки политическаго и соціальнаго будущаго, которую назвали французской революціей. Ни вѣкъ Цезаря и Октавія въ Римѣ; ни вѣкъ Карла Великаго въ Галліи и Германіи; ни вѣкъ Льва X въ Италіи; ни вѣкъ Людовика XIV въ Франціи; ни вѣкъ Кромвеля въ Англіи! Можно подумать, что земля, работая для созданія прогрессив-

наго строя обществъ, дѣлаеть — усиліе, подобное великому акту перерожденія, который хочеть совершить Провидѣніе. Люди рождаются, какъ временныя олицетворенія того, что должно думать, говорить и дѣлать. Вольтеръ олицетворяеть здравый смыслъ; Жанъ-Жакъ Руссо — идеаль; Кондорсэ — расчетъ; Мирабо — грозу; Верньо — порывъ; Дантонъ — отвагу; Марать — ярость; господа Роланъ — энтузіазмъ; Шарлотта Кордэ — месть; Робеспьеръ — утопію; Сень-Жюсть — фанатизмъ республики. А за ними стоятъ группы второстепенныхъ дѣятелей, которыхъ республика то соединяла въ одно цѣлое, то слова раскидывала, какъ зазубрившееся оружіе. Свѣтъ разомъ загорается во всѣхъ точкахъ горизонта. Тьма отступаетъ. Предразсудки исчезаютъ. Совѣсть становится свободной. Тираны трепещуть. Народы поднимаются. Троны падаютъ. Испуганная Европа пробуетъ нанести ударъ, но, пораженная сама, отступаетъ, чтобы издала наблюдать великое зрѣлище. Этотъ смертный бой за торжество человѣческаго разума въ тысячу разъ славнѣе всѣхъ побѣдъ, одержанныхъ оружіемъ, наступившихъ послѣ него. Онъ завоевываетъ всему міру неотчуждаемая истины взаимѣнъ приобрѣтенія для націи нѣсколькихъ сомнительныхъ провинцій. Онъ расширяеть область человѣка, вмѣсто увеличенія границъ территорій. Вмѣсто славы у него мученическій вѣнецъ, вмѣсто честолубія добродѣтель. Гордишься тѣмъ, что принадлежишь къ поколѣнію, которому Провидѣніе дало постигнуть такія мысли, и что чувствуешь себя сыномъ вѣка, давшаго толчокъ такому движенію человѣческаго ума. Франція достойна славы за свой разумъ, за свое дѣланіе, за душу, за кровь! Головы этихъ людей падаютъ одна за другой, однѣ заслуженно, другія — нѣтъ, но всѣ онѣ пали во время борьбы за свое дѣло. Обвиняешь и прощаешь. Плачешь и проклинаешь. Среди отдѣльныхъ лицъ есть виноватыя и невинныя, вызывающія сочувствіе, и отвратительныя, жертвы и палачи. Дѣло великое, а идея парить надъ тѣми, кто ее проводитъ, какъ вѣчно чистая цѣль надъ ужасами полей битвъ. Пять лѣтъ спустя революція — сплошное кладбище. На могилѣ каждаго изъ жертвъ надпись, характеризующая его. На одной — *философія*. На другой — *краснорѣчіе*. На этой — *гений*. На той — *мужество*. Здѣсь — *порокъ*. Тамъ — *добродѣтель*. Но на всѣхъ написано: „Умеръ за лучшее будущее и трудился для человечества“.

Конечно народъ долженъ оплакивать своихъ мертвецовъ и не долженъ утѣшаться, если хоть одна голова погибла несправедливо и гнусно; но онъ не долженъ жалѣть о крови, пролитой для расцвѣта вѣчныхъ истинъ. Богу угодно было, чтобы человѣкъ покупалъ этой цѣною прозябаніе и расцвѣтъ. Его предначертаній о человѣкѣ. Идеи вырастають изъ человѣческой крови. Откровенія снисходятъ съ эшафотовъ. Всѣ религіи освящаются мучениками. Простимъ же другъ другу мы, сыновья бойцовъ и жертвъ! Объединимся на ихъ могилахъ для продолженія ихъ прерваннаго дѣла! Преступленіе потеряло все, попавъ въ республиканскіе ряды. Сражаться не значитъ убивать. Освободимъ народное дѣло отъ преступленія, какъ отъ оружія, произвшаго ему руку и замѣнившаго деспотизмъ — свободой; не будемъ стараться оправдать эшафотъ — отчизной, а проскрипціи свободой; не будемъ съ помощью софизмовъ объ энергіи революціи изображать духъ вѣка болѣе жестокимъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ; оставимъ человечеству его сердце, — это самый вѣрный

и самый непогрѣшимый его принципъ,—и смиримся передъ свойствомъ чело-
вѣческихъ дѣлъ. Исторія революціи славная и грустная, какъ день послѣ по-
бѣды и какъ канунъ новаго боя. Но если эта исторія полна печали, зато
она также полна и вѣры. Она подобна античной драмѣ, въ которой во время
разсказа героя хоръ поетъ о славѣ, оплакиваетъ жертвы и возноситъ къ
Богу гимнъ утѣшенія и надежды!

КРИТИКА

ИСТОРИИ ЖИРОНДИСТОВЪ,

написанная самимъ авторомъ «Жирондистовъ» пятнадцать лѣтъ спустя (октябрь, 1861).

КРИТИКА

ИСТОРИИ ЖИРОНДИСТОВЪ.

1.

Старѣйшіе насъ въ мудрости персы считаютъ старость небеснымъ даромъ, дающимъ человѣку возможность обогатить свой умъ, накопивъ возможно болѣе истинъ. Сѣдина считается у нихъ не признакомъ старческой дряхлости, а мужественной зрѣлости: это мнѣніе выражено въ одной изъ ихъ пословицъ. Пословицы на Востокѣ—соль языка. Послѣ обращенія въ народѣ въ видѣ ходячей мелкой монеты, пословицы не погребаютъ подъ развалинами, а сохраняются въ памяти народной какъ неоспоримыя истины. Пословица не встрѣчаетъ возраженій, какъ бы сами боги изрекли ее, настолько передъ нею преклоняются, ее признаютъ и передъ нею смолкаютъ.

Итакъ, вотъ эта персидская пословица, сложившаяся, вѣроятно, еще до Зороастра:

„Накопленіе лѣтъ—расширеніе мудрости“.

Это значить, что чѣмъ больше наблюдаешь дѣла людей, тѣмъ становишься способнѣе понять ихъ, и что при равныхъ достоинствахъ старики должны обладать большей мудростью, чѣмъ люди молодые. Это такія обыденныя истины, что стыдно даже высказывать ихъ! Развѣ во всѣ времена почтенному возрасту не отдавали преимущества въ мудрости? Развѣ кто видѣлъ когда-нибудь, чтобы хоть одинъ народъ (за исключеніемъ абдеритянъ, безумнаго народа, желавшаго только смѣяться) посадилъ въ свой Сенатъ молодыхъ людей, прибѣгалъ къ познаніямъ тѣхъ, кто ничему не научился, къ опытности тѣхъ, кто еще не жилъ.

Нѣтъ, подобный балъ-маскарадъ, когда, по выраженію Генриха IV, сѣдобородые шли бы учиться у безбородыхъ, былъ бы извращеніемъ природы. Тогда погибло бы уваженіе—эта великая нравственная поддержка правительствъ! Политическое общество было бы обречено, благодаря этому вѣчному дѣтству, на вѣчное безразсудство! Если бы прошлое не служило наукой для будущаго, на что намъ память? Міръ постоянно начиналъ бы все снова, и эта послѣдовательность безразсудства юности влекла бы за собою непрерывную цѣпь катастрофъ въ исторіи народовъ.

Итакъ опытъ имѣетъ извѣстное значеніе и лѣта приносятъ этотъ опытъ свѣтлымъ умамъ. Вотъ объясненіе и оправданіе персидской пословицы: „Накопленіе лѣтъ—расширеніе мудрости“. Жизнь есть урокъ, а всякій урокъ долженъ принести пользу тому, кому его посылаетъ Богъ.

2.

Между тѣмъ во Франціи, гдѣ говорятъ такъ хорошо, но составляютъ заключеніе слишкомъ поспѣшно, во Франціи, гдѣ ходячіе парадоксы часто замѣняютъ пріобрѣтенныя опытомъ истины, отсталыя или передовыя партіи придерживаются уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ совершенно противоположной пословицы, пословицы противной здравому смыслу, пословицы софистической. Смыслъ этой пословицы таковъ: „Тотъ, кто измѣняетъ свое мнѣніе—неправъ; тотъ, кто воспринимаетъ уроки жизни и пользуется ими для провѣрки и измѣненія направленія своей мысли—великій преступникъ. Горе и позоръ прогрессивнымъ умамъ, которые, живя, стремятся къ совершенствованію и самоисправленію! Ихъ считаютъ интересанами, неустойчивыми, поддѣлывающимися подъ требованія времени, отступниками отъ своихъ традицій, отвергающими себя самихъ. Честь и слава неисправимымъ! Исключительнаго довѣрія заслуживаютъ окаменѣлые умы и упрямые характеры, которые, сдѣлавъ однажды ошибку или глупость, никогда не сознаются въ ней и не откажутся отъ нея и предпочитаютъ умереть, какъ говорилъ Шатобріанъ—этотъ великій истолкователь человѣческой личности нашего вѣка—„оставаясь вѣрными не истинѣ, а самимъ себѣ“.

3.

Сознаюсь, что я никогда не понималъ смысла этой аксіомы упрямства партій во Франціи, каковы бы онѣ ни были: „не мѣняйся“.

Ты не долженъ мѣняться, то есть ты проживешь безконечное число дней, ты увидишь, какъ правыя идеи заступать мѣсто глупыхъ предразсудковъ, какъ рушатся престолы на подгнившихъ фундаментахъ, какъ исчезнутъ касты передъ націями, какъ возникнутъ правомѣрные правительства на принципахъ взаимнаго долга и взаимныхъ услугъ и обороны, какъ выплывутъ демагоги, воплощая въ себѣ пороки толпы, возбуждая страсти народа, доведутъ ихъ до безумія, до убійства, вооружатся народной яростью, чтобы взять топоръ вмѣсто державы и провести его отточеннымъ лезвіемъ надъ головами толпы, гдѣ онъ всегда отыщеть голову, поднимающуюся выше другихъ; ты увидишь, самую чистую и самую злодѣйскую кровь, льющуюся ручьями по улицамъ твоихъ городовъ; ты увидишь, какъ народныя партіи, выбившись изъ силъ, уступятъ партіи солдатской, первичной формѣ тираніи; ты увидишь, какъ пріобрѣтѣннѣйшій популяритетъ побѣдами солдатъ однимъ взмахомъ руки займетъ мѣсто свободы, престола и самого народа; ты увидишь, какъ онъ броситъ вызовъ міру, чтобы, побѣдивъ его, превратить всю Европу въ поле длящейся круглые годы битвы, будетъ ради своего честолюбія косить періодически новыя поколѣнія быстрѣе, чѣмъ природа въ состояніи воспроизвести ихъ, такъ что старики будутъ задавать себѣ вопросъ, останется ли еще молодежь или же новыя поколѣнія будутъ рождаться лишь для того, чтобы, едва достигнувъ двадцати-лѣтняго возраста, погибать по мановенію этого искателя славы.

Ты увидишь, какъ онъ своимъ паденіемъ дастъ жизнь юному поколѣнію свсего народа, и—о чудо безумія!—ты увидишь, какъ черезъ тридцать лѣтъ

народы стануть боготворить этого истребителя народовъ и величать царствованіемъ это ужаснѣйшее пролитіе крови, которое когда-либо было на Западѣ со времянь Цезаря!

Ты видѣлъ, какъ неизбежный отливъ изъ Европы дважды наводнилъ твою родину, это орлиное гнѣздо, называемое Франціей, гдѣ побѣдитель, потерпѣвшій въ свою очередь пораженіе, сдѣлался добычей своихъ жертвъ.

Ты видѣлъ, что слава ничто иное какъ паръ, поднимающійся отъ человеческой крови и возносящійся къ небесамъ, правда, паръ, ослѣпляющій близорукіе глаза народовъ, но тѣмъ не менѣе возносящійся къ небу лишь для того, чтобы вопіять къ правосудію и взывать о возмездіи.

Ты видѣлъ законныхъ королей, наслѣдниковъ обезглавленнаго праведника, призванныхъ изъ изгнанія на тронъ и принесшихъ съ собою въ страну миръ, свободу и освобожденіе территорій; принявшихъ то, что было справедливаго въ революціи; возстановившихъ представительное правленіе народа; способствовавшихъ процвѣтанію въ ихъ благоденствующей странѣ, подъ охраной общаго равноправія, краснорѣчія на трибунѣ и въ печати, этой царственности разума, равняющейся царственности крови; покровительствовавшихъ съ высоты любимаго народомъ престола истинному возрожденію всѣхъ искусствъ, ума, всѣхъ мирныхъ ремеслъ; ты видѣлъ ихъ, пораженныхъ тѣмъ же самымъ оружіемъ, которое они дали въ руки народу, гнусно обвиненныхъ въ несчастіяхъ, которое они только что исправили, и свергнутыхъ съ престола, переходящихъ изъ одного изгнанія въ другое вслѣдствіе неблагодарности свободы.

4.

Ты видѣлъ, какъ семейный разладъ овладѣлъ этимъ престоломъ путемъ популярности, основанной на дурномъ воспоминаніи, наслѣдственности, которая не должна считаться преступленіемъ въ дѣтяхъ, неповинныхъ въ прегрѣшеніяхъ отца, но въ то же время не должна болѣе давать имъ правъ на корону, упавшую вмѣстѣ съ головою царственного мученика.

Ты видѣлъ, какъ палъ почти безъ сопротивленія этотъ король, неустойчиво сидѣвшій на развалинахъ своего дома, благодаря непостоянству народа, который не умѣетъ продолжительное время ни любить, ни ненавидѣть.

Ты видѣлъ Францію, возстановленную усиліями безкорыстныхъ гражданъ, призванную къ самоуправленію безъ различія сословій и партій, поднявшуюся въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ до великодушнаго самоограниченія и добровольной законности, ищущую въ себѣ самой условій свободы, спасающую порядокъ, жизнь гражданъ, міровое спокойствіе, затѣмъ отказавшуюся отъ самого правленія и отдавшую предпочтеніе славѣ династическаго имени въ ущербъ своей собственной республиканской династіи, слишкомъ утомительной для ея слабости; напоминающую тѣхъ покидавшихъ тронъ правителей нашихъ первобытныхъ племенъ, которые предоставляли монахамъ обстригать свои кудлатыя головы и смотрѣли изъ глубины монастырскихъ келій, какъ царить на покинутомъ ими мѣстѣ избранникъ лагеря или ихъ домоуправитель.

Ты видѣлъ, какъ та самая толпа, которая привѣтствовала раньше крушеніе престоловъ, снова привѣтствуетъ своими криками ихъ восстановленіе; ты видѣлъ самыхъ ярыхъ трибуновъ-демагоговъ, превращавшихся въ преданнѣйшихъ придворныхъ льстецовъ подъ тѣмъ предлогомъ, что, возлагая корону на армию, они вѣнчаютъ народъ. Армія—это дѣйствительно народъ, народъ-герой на полѣ битвы, народъ, спасающій въ то время, когда онъ носитъ форму, родину, но который повинуется всякому призыву за или противъ правъ того же самаго народа, лишь бы военная слава позлащала цѣль и одинаково засчитывала ему въ государственную заслугу всѣ подвиги начиная 18-мъ брюмера и кончая Маренго, отъ Аустерлица до Ватерлоо, отъ Ватерлоо до Алжира, отъ Алжира до провозглашенія республики, отъ провозглашенія республики до 2-го декабря, отъ 2-го декабря до Сольферино, отъ Сольферино—Богъ вѣсть до чего?

Ты видѣлъ все это; ты могъ судить въ теченіе полувѣка, чего стоятъ самые противорѣчивые принципы правленія; ты раздѣлялъ въ 1789 году почти единодушный фанатизмъ при возрожденіи королевства по благонамѣренной инициативѣ великодушнаго короля-философа, который отказался отъ своей власти передавъ ее народу; а три года спустя ты негодовалъ, будучи свидетелемъ неблагодарности этого народа, съ торжествомъ везущаго своего коронованнаго благодѣтеля на эшафотъ и такимъ образомъ дающаго исторіи примѣръ того, что добродѣтель есть преступленіе, а первый долгъ короля состоитъ въ томъ, чтобы царствовать.

5.

Ты раздѣлялъ омерзѣніе, вызванное во всемъ мірѣ террористами первой республики, доставлявшими ежедневно извѣстную порцію человѣческой крови своимъ соумышленникамъ и воображавшими, что можно строить зданіе свободы на фундаментѣ изъ труповъ.

Ты былъ пораженъ лишеннымъ предвидѣнія энтузіазмомъ жаждущихъ славы армій и жаждущихъ порядка гражданъ, вызваннымъ имперіей, возникшей изъ лагеря и которой суждено было такъ скоро погибнуть на дважды завоеванной родной землѣ.

Ты привѣтствовалъ возвращеніе наслѣдниковъ Людовика XVI какъ Провидѣніе и ты изгналъ ихъ нѣсколько лѣтъ спустя какъ государственныхъ преступниковъ.

Ты пѣлъ гимны монархіи, такъ называемой Іюльской, основанной на всевозможныхъ нарушеніяхъ монархическихъ правъ, и ты осыпалъ ее оскорбленіями на другой же день послѣ ея паденія.

6.

Ты стремился, подобно римлянамъ, къ законной и миролюбивой республикѣ, объединяющей одной идеей всѣ классы, готовые уничтожить другъ друга! Ты опьянѣлъ отъ восторга и чувства удовлетворенія, когда увидалъ, что та самая республика, которая страшилась самой себя, уничтожила смертную казнь на другой же день послѣ своего столь непредвидѣннаго возникновенія, изъ страха, явившагося у нея при мысли, что она можетъ когда-нибудь восполь-

зоваться орудіемъ, которое одно правительство передавало другому для истребленія своихъ враговъ; ты затрепеталъ отъ надежды, увидавъ, что эта философическая демократія объявила миръ удивленной вселенной; ты пришелъ въ неописуемый восторгъ, увидѣвъ нѣсколькихъ гражданъ, которымъ повиновался народъ и которыхъ призывали безчисленные преторіанцы толпы продлить свою диктатуру, призывающими, наоборотъ, весь народъ собраться на съѣзды съ цѣлью возможно скорѣе передать эту диктатуру націи, представительницъ законности въ междоусобицѣ. И когда къ народу, поднятому этими людьми-освободителями, снова вернулись увѣренность и хладнокровіе, этихъ гражданъ, жертвъ своего самопожертвованія, ты оклеветалъ, выражалъ имъ презрѣніе, оскорблялъ ихъ, чтобы отбить охоту жертвовать собою въ будущемъ и чтобы показать, что родину свою спасти можно лишь при одномъ условіи — погубивъ самого себя; дурной примѣръ, который не послужитъ на пользу народа!

7.

И хотять, чтобы ты остался навсегда такимъ же, какимъ ты былъ однажды: довѣрчивымъ, видя кругомъ обманъ; устойчивымъ, когда все измѣняется вокругъ; непоколебимымъ, неопытнымъ, когда вокругъ все поучаетъ; роялистомъ 89 года; умѣреннымъ якобинцемъ 1790; жирондистомъ 1791; террористомъ 1793, реакціоннымъ термидорцемъ 1795, бонапартистомъ 1798, консуларіемъ 1800, имперіалистомъ 1805, легитимистическимъ приверженцемъ Бурбоновъ 1815, орлеанистомъ 1830, республиканцемъ 1848, наполеонистомъ въ 1850, имперіалистомъ 1852, а въ настоящее время, почему я знаю? — агитаторомъ едва успокоившейся Европы, подстрекателемъ къ войнѣ на Западѣ и на Востокѣ, пособникомъ честолюбивыхъ притязаній короля Альпы для монополизированія республикъ, троновъ и тиаръ въ Итали; жертвой обмана Англіи, желающей, въ свою очередь, присвоить себѣ монополію надъ морями, горами и полуостровами рукою короля, намѣстника бурь!

8.

Какъ! твоя долгая жизнь послужила лишь къ тому, что ты застылъ въ одномъ изъ этихъ убѣжденій, царившихъ поочередно! Ты не узналъ, что самыя прекрасныя философскія ученія имѣютъ лишь дни взрыва, а затѣмъ годы дыма, — дыма, сквозь который не видно ничего, кромѣ развалинъ, что народы, какъ банкроты правды, никогда не исполняютъ того, что обѣщаютъ, что лучшіе изъ правителей дѣлаются жертвами убійцъ, какъ Генрихъ IV, или мучениками, какъ Людовикъ XVI; что самыя добродѣтельные реформаторы встрѣчаютъ враговъ въ самыхъ безразсудныхъ утопистахъ; что наслѣдственные правительства осмѣиваются природой, которая не санкціонируетъ наслѣдственности генія или добродѣтели; что парламентское правительство находится во власти интриги, увлеченія талантомъ, аристократіи адвоката, борца за софизмъ, какъ будто за истину, берущаго на себя защиту всякихъ дѣлъ, лишь бы добиться аплодисментовъ, и служащаго для собраній тѣмъ же, чѣмъ воинское сословіе

для деспотовъ, лишь бы ихъ вознаграждали славой и чинами; что абсолютныя правительства заставляютъ всѣхъ нести отвѣтственность за ошибки одного лица; что управленіе, раздѣленное между тремя властями, представляетъ ожесточенную борьбу трехъ сплоченныхъ партій, теряющихъ время, принадлежащее народу, на бесплодные споры и въ большинствѣ случаевъ только занимающихъ тѣмъ, что ставятъ другъ другу препятствіе и доводятъ одинъ другого до невозможности дѣйствовать, препятствующихъ совершенію великихъ дѣдствій, но имѣющихъ также и тотъ недостатокъ, что препятствуютъ крупнымъ улучшениямъ и кончающихъ Гракхами и Цезарями, этими естественными наслѣдниками анархіи или рабства; что республики только призываютъ удержаться, обращенный ко всему народу, въ тотъ день, когда все готово рухнуть,—набать, сзывающій къ общему спасенію во время пожара революцій, грозящаго сжечь социальное зданіе; но если эти республики и спасаютъ все, зато основать они ничего не могутъ, если нѣтъ свѣточа, который лишь рѣдко встрѣчается въ глубинѣ массъ, даровитаго человѣка, котораго пока нельзя найти въ народѣ, и общественной добродѣтели, которую еще труднѣе найти среди правящихъ классовъ.

9.

Если вы пережили въ вашей юности всѣ эти благородныя иллюзіи роялизма, единодержавія, правленія трехчленнаго, правленія слова, диктатуръ или республикъ, вѣря въ всегда увлекательныя теоріи, подобныя миражамъ человѣческаго ума,—это естественно, даже достойно уваженія въ различныхъ фазы жизни мыслящаго человѣка. Теоріи—это прекрасныя мечты добродѣтельныхъ людей; есть даже заслуга въ томъ, чтобы быть послѣдовательно обманутымъ ими; эти разочарованія причиняютъ, конечно, страданія, но никогда не заставляютъ раскаяваться разумъ. Но что не можетъ быть ни достойнымъ уваженія, ни естественнымъ—это, чтобы, испытавъ въ теченіе шестидесяти лѣтъ всѣ эти виды правленій, вы вмѣнили себѣ въ обязанность вѣрить въ то, чему перестали вѣрить, говорить то, чего больше не думаете, и, подъ предлогомъ твердости убѣжденій, съ недостойнымъ упрямствомъ отстаивать доктрины, которыя столько разъ вводили васъ въ заблужденіе, обманывали и разочаровывали!

Это упорство фальшивой мудрости, которая стыдится сознаться въ своей слабости, присуще человѣческому тщеславію, или безчестность ума, пускающаго въ обращеніе убѣжденія, подобно фальшивой монетѣ, чтобы этой цѣною купить уваженіе толпы, почитающей эту внѣшнюю непоколебимость за доказательство силы, тогда какъ она въ большинствѣ случаевъ свидѣтельствуеетъ лишь объ умственной немощности или самодовольствѣ.

Скажу болѣе, это упорство во мнѣніи оскорбляетъ Того, Кто далъ жизнь для того, чтобы она служила поученіемъ во всѣ возрасты, отказъ преклонить слухъ, умъ и сердце волѣ Того, Кто просвѣщаетъ насъ опытомъ съ того дня, когда человѣкъ начинаетъ впервые мыслить и сомнѣваться, и кончая тѣмъ днемъ, когда онъ перестаетъ и мыслить и сомнѣваться. Каждый часъ нашей жизни долженъ приносить намъ новую истину; ни одинъ часъ не приходится къ намъ съ пустыми руками и, быть можетъ, послѣдній часъ вашей

долгой жизни принесетъ вамъ самую драгоценную истину въ награду за ту искренность, съ которой вы искали ее, и за то терпѣніе, съ которымъ вы ее ожидали.

10.

Словомъ, жизнь есть урокъ, который время даетъ человѣку, развертывая передъ нимъ слогъ за слогомъ событія.

Кто не измѣнялся, тотъ не жилъ, такъ какъ онъ ничему не научился.

Тотъ, кто утверждаетъ, что знаетъ все съ перваго дня, не долженъ былъ ни родиться, ни жить, ни умереть, потому что ему нечему было учиться послѣ своего рожденія.

Не научившись ничему при жизни, онъ умираетъ, не унося съ собою и не оставляя послѣ себя на землѣ ни малѣйшаго слѣда отъ своей жизни: теорія неподвижности, дѣлающая изъ неизмѣняющагося человѣка—*твореніе потерянаго времени*.

Такая теорія оскорбляетъ одновременно и человѣка и Бога. Не будемъ настаивать на ней; измѣняться—значитъ жить, жить—значитъ измѣняться.

Жизнь не походитъ на оверскіе источники, полные нечистыхъ осадковъ, обращающіе въ камень все, что туда бросаютъ, и возвращающіе вамъ вмѣсто цвѣтка или плода камень. Жизнь—это потокъ, ведущій къ истинѣ, то есть къ добру. Времени все извѣстно, и мы можемъ узнать что-либо лишь воспользовавшись имъ для пополненія нашего невѣжества и изучая его тайны.

11.

Поэтому не только дозволено измѣняться въ теченіе жизни, но это долгъ совѣсти каждаго. Понятно, что эта теорія переменчивости приложима къ уму, но не къ сердцу; что переменчивость должна быть безкорыстной, а не подкупиной; что каждая переменчивость, состоящая въ томъ, чтобы бросать проигранное дѣло только потому, что оно проиграно,—низость; что всякая переменчивость, состоящая въ томъ, чтобы присоединиться къ выигранному дѣлу, единственно потому, что оно выиграно,—подлость; что переменчивость ради честолюбія даетъ законный поводъ предполагать порочность, а переменчивость ради корыстолюбивыхъ цѣлей—это подкупность сердца, безчестящая самое истину; измѣна друзьямъ въ то время, когда имъ измѣняетъ счастье,—означаетъ неустойчивость въ привязанностяхъ, доказывающую лъстивость души. Но измѣнить свои убѣжденія, не измѣняя своимъ личнымъ чувствамъ, ни побѣжденнымъ, ни слабымъ, ни несчастнымъ, измѣнить въ ущербъ себѣ, завѣдомо подвергая свои намѣренія порицанію, раздраженному осужденію людей, презрѣнію партій и тѣмъ страданіямъ самолюбій, которыя выпадаютъ обыкновенно на долю искреннихъ людей, считающихъ такой путь нравственнымъ совершенствованіемъ,—это страданіе за правду, мученичество разума за истину, мученичество, которое люди увеличиваютъ своею желчью и уколами, но которое вознаграждается удовлетворенной совѣстью.

Если мученикъ пострадалъ хотя бы за ошибочную идею, онъ все же сохранилъ свою добродѣтель.

12.

Я думаю такъ и вотъ почему не упрекаю себя въ томъ, что въ теченіе моей жизни нѣсколько разъ измѣнялъ свое мнѣніе и поведеніе сообразно различнымъ положеніямъ, въ которыя бывала поставлена наша страна и наше время. Скорѣе я могъ бы упрекнуть себя въ томъ, что я недостаточно измѣнился, то есть недостаточно воспользовался временемъ, которое Богъ даровалъ мнѣ прожить, чтобы еще болѣе измѣниться; что я сдѣлалъ, быть можетъ, слишкомъ много уступокъ требованіямъ условныхъ приличій, предыдущихъ положеній, уваженію къ людямъ и вообще по всѣмъ тѣмъ личнымъ расчетамъ, которые мѣшаютъ откровенно сознаваться въ легкомысліи, съ которымъ я отзывался въ дни моей неопытности объ убѣжденіяхъ другихъ людей: все это вещи похвальныя съ точки зрѣнія свѣта, но недостойныя въ глазахъ Божиихъ; ослабленная узда, замедляющая вѣковой ходъ мысли благодаря тому, что вамъ трудно сознаться въ томъ, что прежній человѣкъ уже умеръ въ васъ, что вы сдѣлались новымъ человѣкомъ и благодаря естественному, но преступному желанію тщеславно согласовать человѣка прошлаго съ человѣкомъ настоящаго.

Сказать: „Я ошибся“, значитъ унизиться въ своей гордынѣ, а эту гордыню необходимо между тѣмъ побороть въ себѣ, если хочешь быть честнымъ человѣкомъ до мозга костей и заслужить помилованіе грядущаго Судьи, снося строгость и униженіе отъ судьи настоящаго.

И вотъ почему я безъ колебанія измѣнился бы еще разъ, если бы пришелъ къ заключенію, что мои настоящія мнѣнія — заблужденіе, и что существуютъ вновь открытые пути, по которымъ можно идти съ большею увѣренностью, гдѣ почва устойчивѣе и общественныя добродѣтели болѣе зрѣлы и плодоноснѣе для человѣчества.

13.

Удивительно ли поэтому, что, думая такимъ образомъ, я чувствую чуть ли не угрызенія совѣсти при воспоминаніи о нѣкоторыхъ ошибкахъ, сдѣланныхъ мною при оцѣнкѣ поступковъ дѣятелей первой французской революціи *), что, перечитывая, я отношусь съ строгой критикой къ этой книгѣ (которая въ свое время была событіемъ и имѣетъ огромное значеніе и въ настоящее время) и представляю собою теперь любопытное зрѣлище, обратившись изъ историка въ критика, разбирающаго пятнадцать лѣтъ спустя, въ періодъ полной зрѣлости, книгу, написанную имъ же самимъ въ другую эпоху своей жизни и подъ другими впечатлѣніями? Примѣръ такой критики самого себя уже былъ данъ во Франціи въ прошломъ столѣтіи сочиненіемъ, озаглавленнымъ: „Руссо—судья Жанъ-Жака“. Но если я не получилъ отъ природы въ даръ стили и краснорѣчія Жанъ-Жака Руссо, зато я не получилъ также и его свирѣпой колкости, и если читатель въ правѣ ожидать отъ меня какой-либо крайности, — то, конечно, крайностью этой будетъ не излишекъ снисхожденія, а скорѣе излишняя строгость. Жизнь научила меня скромности, а явленія общественныя, какъ и частной жизни, сокрушившія, но не окончательно сломившія меня, оставили во мнѣ какъ слѣд-

*) „Исторія жирондистовъ“.

ствіе моихъ произведеній и поступковъ, гордое смиреніе передъ людьми и смиренную покорность передъ Богомъ.

Смиреніе—страданіе; покорность—наука!

14.

Каково же было положеніе дѣлъ во Франціи и каково было настроеніе моего собственнаго ума въ 1846 году, когда я писалъ эту исторію?

Состояніе умовъ во Франціи было очень тревожное, слѣдовательно очень трудно бросить общій, а въ особенности безпристрастный взглядъ на французскую революцію, очень трудно также произнести здравый и ясный приговоръ надъ тѣми людьми, которые были, въ худомъ или хорошемъ значеніи, великими дѣятелями революціи.

Тьеръ, въ умаленіи достоинства великихъ историческихъ произведеній котораго никто не можетъ обвинить меня (См. мои „Бесѣды объ Исторіи Имперіи“, которую я первый назвалъ *книгой вѣка*), — въ то время, когда онъ занялся этимъ сюжетомъ, не былъ еще тѣмъ, чѣмъ сталъ теперь; возрастъ и общественная жизнь, полная разума, искупленныхъ ошибокъ, ужасныхъ уроковъ не дали еще его уму того пониманія нравственности или безнравственности событій и характеровъ, которое составляетъ заслугу историка. Онъ болѣе стремился къ успѣху, чѣмъ старался поучаться. Такимъ образомъ онъ написалъ исторію революціи, которая была скорѣе прославленіемъ самой революціи. Эта книга пріобрѣла популяриность въ извѣстной части общества. Эта исторія амнистировала ошибки, тиранію, даже жестокости революціи; она обрушивала злобу и презрѣніе націи даже на жертвы ея. Демократіи нужны были страсти, а не принципы; она отыскала молодого талантливаго человѣка и сказала ему: „Изобрази мой портретъ, но польсти мнѣ и представь въ безобразномъ видѣ моихъ враговъ, и я назову тебя народнымъ живописцемъ“.

Историки революціи противоположнаго лагеря написали для партіи роялистической, религіозной, аристократической подъ видомъ исторіи лишь мартирологъ жертвъ 1791—1794 годовъ; они запачкали кровью всѣ самые святыя и невинныя принципы революціонной философіи восемнадцатаго столѣтія. Оттого что Дантонъ, Марать, Робеспьеръ были убійцами, можно, читая этихъ историковъ, придти къ заключенію, что умѣренная свобода, равенство передъ закономъ, свобода вѣроисповѣданія, представительство всѣхъ классовъ, всѣхъ правъ, всѣхъ интересовъ передъ учрежденіями были бредомъ или преступленіемъ. Подобныя исторіи, произведеніе партій, могли лишь увѣковѣчить духовную гражданскую войну между сынами одной и той же націи.

15.

Великая исторія есть общій сводъ различныхъ мнѣній. Такого свода не доставало Франціи; попытаться дать его по мѣрѣ моихъ силъ было благимъ дѣломъ съ моей стороны. Я давно думалъ объ этомъ. На это у меня было двѣ причины.

Первая, чисто нравственная, состояла въ томъ, чтобы доказать исторически народу, а главное государственнѣмъ людямъ, что преступленіе политическое, народное или аристократическое безчестило или губило роковымъ образомъ то самое дѣло,

для успѣха котораго считали возможнымъ пользоваться этимъ обоюдоострымъ оружіемъ.

Что Провидѣніе такъ же логично, какъ совѣсть.

Что событія не прощаютъ такъ же, какъ и Богъ, употребленія преступныхъ средствъ даже для самыхъ законныхъ цѣлей и что, истолковывая надлежащимъ образомъ французскую революцію, самое великое и сложное изъ всѣхъ современныхъ событій, мы всегда и неизмѣнно найдемъ причину общественнаго бѣдствія въ какомъ-нибудь насиліи, а причину катастрофы въ преступленіи.

Словомъ, я хотѣлъ такъ же, какъ и Провидѣніе, чтобы исторія была курсомъ нравственности и чтобы законность нововведеній вызывалась честными средствами.

Такая книга была бы дѣйствующимъ политическимъ катехизисомъ не на однихъ только словахъ; но для того, чтобы написать его, нужна была божественная рука—я же былъ лишь человѣкомъ, преисполненнымъ добраго желанія.

Вторымъ двигателемъ, толкавшимъ меня внутренне написать эту исторію французской революціи, исторію въ одно и то же время драматическую и критическую, сознаюсь, былъ мотивъ, свойственный человѣку,—честолюбіе артиста, жажда славы писателя, совершенно тождественная чувству художника, задумывающаго написать огромную историческую картину или историческій портретъ и желающаго изобразить его не только похожимъ на подлинникъ, но и красивымъ, чтобы въ картинѣ или портретѣ выражался не только интересъ изображаемаго предмета, но чтобы на нихъ былъ виденъ геній кисти и слава художника. Въ этомъ я извиняюсь, и надо извинить меня. *Nemo sum.*

16.

Когда я былъ еще очень юнъ и мои первые литературные успѣхи возбуждали во мнѣ предчувствіе довольно удачной карьеры, а мои скромныя способности скорѣе любителя, чѣмъ художника, позволяли мнѣ мечтать о большей или меньшей извѣстности, я часто говорилъ самъ себѣ и повторялъ друзьямъ моей юности: „Если Богъ поможетъ мнѣ, я посвящу годы, которые Ему угодно будетъ даровать мнѣ, на совершеніе трехъ великихъ дѣлъ, которыя, по моему мнѣнію, составляютъ три миссіи человѣка, избраннаго Богомъ на землѣ“. (Я долженъ былъ бы сказать: тремъ видамъ тщеславія—теперь, когда это тщеславіе умерло во мнѣ и я искупаю его смиреніемъ на землѣ для того, чтобы получить прощеніе свыше).

Итакъ, я говорилъ друзьямъ: „Я посвящу свою раннюю юность поэзіи, этой росѣ утренней зари, поднимающейся при расцвѣтѣ чувства въ молодой душѣ; я буду писать стихи, потому что стихи—этотъ неясный языкъ, граничащій съ небомъ и съ землей, полудѣйствительность, полумечта, полумузыка, полумысль,—есть выраженіе надежды, скрашивающей утро жизни, опыняющей любви, оборожительнаго счастья, плачущаго горя, молитвеннаго энтузіазма.

„Когда я спою свои пѣсни для себя и для нѣкоторыхъ душъ, столь же музыкальныхъ, какъ моя душа, которыя испаряютъ свой ароматъ, подобно излишку росы, испаряющейся изъ чашечки цвѣтка передъ наступленіемъ жары, я передамъ свое мечтательное перо людямъ, болѣе юнымъ и одареннымъ, чѣмъ я;

я понищу въ прошлыхъ или современныхъ событіяхъ историческаго сюжета; самый философскій, самый драматичный, самый трагичный будетъ тотъ, который я выберу; и я напишу эту исторію прозой, болѣе прочной и обыденной, стилемъ, ближе всего подходящимъ, сообразно моимъ силамъ, къ стилю металлическому, нервному, глубокому, картинному, полному чувства, блистающему образами, осязательному какъ рельефъ, строгому, но теплomu по колориту, безъ декламаций, но всегда обдуманному; словомъ, если я буду въ силахъ, я буду писать стилемъ Тацита,—этого философа, поэта, скульптора, художника, государственнаго мужа среди историковъ, высшаго среди людей, всегда стоящаго въ уровень съ тѣмъ, о чемъ онъ рассказываетъ, всегда стоящаго выше того, что онъ судить, громовый голосъ Провидѣнія, никогда не ослабляющій голоса совѣсти, которому онъ служить орудіемъ, не пропускающій въ своемъ восхищеніи ни одной добродѣтели и въ своемъ гнѣвѣ, не заклеививъ, ни одного проступка, Тацита, великаго судьи римскаго міра, замѣняющаго собою месть боговъ въ то время, когда ихъ правосудіе дремлетъ.

„Когда я окончу эту историческую книгу, которая должна завершить собою литературную извѣстность, приобретенную мною въ юности, и если мнѣ удастся достигнуть двойной извѣстности поэта и историка, я снова брошу перо, которое, несмотря ни на что, остается только перомъ, игрушкой таланта, слишкомъ ничтожнымъ орудіемъ мысли. Я начну дѣйствовать рѣшительно и посвящу зрѣлые годы моей жизни войнѣ, истинному призванію моей натуры, любящей играть со смертію и славой, въ эту великую игру, гдѣ побѣжденные являются жертвами, а побѣдители—героями.

„Если же не будетъ войны, я взойду на трибуну—поле сраженія человѣческаго ума, гдѣ бываетъ столько же смертей отъ ранъ въ сердце, сколько на иныхъ поляхъ отъ ранъ, наносимыхъ огнестрѣльнымъ или холоднымъ оружіемъ; и я постараюсь выработать въ себѣ, хотя и поздно, краснорѣчіе,—это дѣйствіе словомъ, соединявшее въ Демосенѣ, Цицеронѣ, Мирабо, Верньо, Чатамѣ—литературу съ политикой, оратора съ государственнымъ дѣятелемъ, два безсмертія въ одно.

„Наконецъ, если мнѣ будетъ дано пережить революціи, междоусобныя войны, кинжалы тайныхъ убійцъ, разныхъ Катилинъ, Клавдіевъ, Октавіевъ, Антоніевъ моего времени и состарѣться, покоясь на собственныхъ обломкахъ съ разбитымъ сердцемъ, но съ здравымъ умомъ, то я посвящу эти послѣдніе дарованные мнѣ милосердіемъ Божиимъ годы конечному дѣлу всякаго разумнаго существа: созерцанію и призыванію моего Творца; подобно Цицерону, я займусь вѣчной книгой: *De natura deorum*; я прибавлю и свою крупицу оніама къ оніаму вѣковъ“.

17.

Вотъ каковы были мечты моей юности.

Но не такъ угодно было Богу.

Къ этимъ мечтамъ было примѣшано слишкомъ много гордости, поэтому онѣ не могли быть осуществлены судьбою, по выраженію древнихъ, или тою неподкупной силой, которую мы называемъ Провидѣніемъ.

Все произошло не такъ, какъ было задумано мною въ моихъ тщеславныхъ мечтахъ о будущемъ. Въ поэзіи я былъ не болѣе какъ новичокъ, который вызвалъ легкимъ прикосновеніемъ нѣсколько акордовъ изъ струннаго инструмента благодаря не серьезному знанію, но безыскусственной импровизаціи души.

Мнѣ не представилось даже случая осуществить мечты о военной славѣ: я жилъ въ мирное время; тогда происходила только борьба идей.

Что касается моего ораторскаго и политическаго честолюбія, то я запоздалъ своимъ появленіемъ на такъ называемыхъ парламентскихъ трибунахъ, монополизированныхъ адвокатами, и не развилъ истинныя силы разумаго и страстнаго краснорѣчія, которыя клокотали и рычали во мнѣ, какъ львы въ клѣткахъ.

Притомъ мое ложное положеніе въ палатахъ 1830—1848 гг. парализовало мои дѣйствія; я не принадлежалъ ни къ одной изъ дѣйствующихъ партій, а потому мнѣ, по справедливости, не довѣряла ни одна партія.

Эклектизмъ, признакъ убѣжденія въ философѣ, является слабостью въ государственномъ дѣятелѣ во время борьбы страстей.

Выйдя изъ реставраціи съ горькими сожалѣніями о ея паденіи, будучи въ душѣ противникомъ монархіи 1830 г., но противникомъ слишкомъ честнымъ, чтобы присоединиться къ партіямъ легитимистовъ или революціонеровъ, замышлявшихъ гибель этой королевской власти и не могшихъ предложить взамѣнъ ей ничего, кромѣ анархіи,—я занимать неопредѣленное положеніе и не находилъ отклика на свои рѣчи. Трибуна была для меня въ сущности такимъ же мѣстомъ для практики, какъ берегъ моря для Демосеена. Онъ обращался къ волнамъ, заглушавшимъ его голосъ, а я—къ партіямъ, старавшимся заглушить мои слова. Одна только Франція отчасти слышала кое-какіе отголоски моихъ рѣчей въ независимыхъ журналахъ и видѣла, какъ вокругъ моего имени росла популярность, которая должна была впоследствии послужить ей на пользу.

18.

Моя политическая дѣятельность началась въ минуту неожиданно разразившейся бури, въ день внезапнаго паденія Іюльской монархіи, рухнувшей даже раньше, чѣмъ былъ нанесенъ послѣдній ударъ.

Правда, что въ тотъ день я былъ калифомъ на часъ. Вслѣдствіе того, что я, находясь внѣ партій, очутился среди всѣхъ партій,—ко мнѣ бросились республиканцы, испугавшись своего торжества, роялисты, пришедшіе въ ужасъ отъ своего пораженія, и легитимисты, почувствовавшіе свою неумѣстность и свое безсиліе во время крушенія престола; въ особенности же бросился ко мнѣ народъ изъ чувства самосохраненія и потребности въ вождѣ, который говорилъ бы громче теорій во времена крайней опасности, когда потрясаются всѣ основы.

Не правительство нужно было создать въ одну минуту, — оно не существовало бы и двухъ мгновеній. Необходимо было создать спасительное приубѣжище подъ именемъ республики. Я чувствовалъ эту истину.

Вмѣсто того, чтобы неувѣренно слѣдовать за беспорядочнымъ движеніемъ, которое, послѣ ряда конвульсій, привело къ неизбежной въ концѣ концовъ

бездѣ, я смѣло создалъ республику, я создалъ ее одинъ, что бы вамъ ни говорили, и я одинъ принимаю на себя отвѣтственность за это дѣло; я одинъ указалъ на наиболѣе популярныхъ и выдающихся вождей, которые могли принести ей авторитетъ тѣхъ различныхъ партій, къ которымъ они принадлежали; я указалъ на себя самъ, потому что я не принадлежалъ ни къ одной изъ этихъ партій и, находя поддержку исключительно въ народѣ, могъ быть посредникомъ въ этомъ верховномъ правительственномъ совѣтѣ.

Франція была достойна восхищенія за мудрость и героизмъ — и никогда нельзя достаточно похвалить ее. Безумная наканунѣ, трусливая на слѣдующій день, она въ продолженіе четырехъ гибельныхъ мѣсяцевъ была на высотѣ своего достоинства: республика, которую она такъ часто потомъ проклинала, была въ то время ея спасеніемъ. Государственный мужъ, сверженный ею, но собственными силами возвысившійся въ это время до истиннаго патриотизма, Тьеръ, тогда же нашелъ для нея вполне вѣрное опредѣленіе: „Сохранимъ республику, такъ какъ этотъ образъ правленія сбѣтъ между нами наименьшую разнь“. Это та самая мысль, которую я выразилъ, только иными словами, войдя въ тотъ же день въ ратушу — этотъ народный Тюльери.

19.

Въ недавно вышедшемъ своемъ сочиненіи г. Дюпенъ снова повторяетъ ни на чемъ не основанное обвиненіе противъ меня въ томъ, что я не провозгласилъ регентства, положимъ, регентства женщины красивой, но не имѣвшей права участвовать въ правленіи по закону, который орлеанская партія только что издала для себя самой; регентства, слѣдовательно, столь же незаконнаго, какъ и республика; регентства, уже потерпѣвшаго крушеніе, но снова, благодаря бездѣйствію революціи и арміи, предъявившаго свои претензіи въ палатѣ, въ дѣйствительности уже распавшейся.

И во имя чего я провозгласилъ бы это регентство орлеанистовъ, я, никогда не желавшій присоединиться къ семейному расколу 1830 года; я, отказавшійся отъ всѣхъ дипломатическихъ мѣстъ, предложенныхъ ими, чтобы не служить имъ; я, почтительно уклонившійся отъ всякой связи съ этимъ царственнымъ домомъ изъ чувства вѣрности моимъ семейнымъ традиціямъ! На самомъ дѣлѣ и г. Дюпенъ и орлеанисты посмѣялись бы впоследствии надъ прирожденнымъ легитимистомъ, повторяющимъ французскую революцію 1830 г. и учреждающимъ вторую Орлеанскую монархію съ тѣмъ, чтобы немедленно же начать борьбу съ нею!

И если бы я даже попытался провести то, что противорѣчило моимъ убѣжденіямъ, могъ ли бы я достигнуть сколько-нибудь продолжительнаго успѣха? Гдѣ же были народъ, армія, палаты, министры, которые санкціонировали бы и поддержали это случайное регентство, возникшее изъ возстанія противъ Іюльской монархіи, авантюру въ авантюру, незаконность въ незаконности, революцію 1830 г. въ революцію 1830 года, невѣстку, возставшую противъ свекра, внука противъ дѣда, племянника противъ дядей, хаосъ въ хаосѣ!

Но если г. Дюпенъ и орлеанистскіе революціонеры 1830 г. думаютъ, что

такъ легко и просто было учредить регентство и протянуть его хотя бы въ теченіе недѣли, то отчего они не сдѣлали этого сами? Кто имъ мѣшалъ?

Ужъ, конечно, не мнѣ, противнику незаконной власти Орлеановъ, а имъ, орлеанистамъ, слѣдовало взять на себя эту роль; для нихъ она была логична, а для меня безразсудна. Г. Дюпенъ не подумалъ объ этомъ. Если бы имперія, которой онъ служить нынѣ, какъ онъ служилъ легитимизму, какъ служилъ Іюльской монархіи, республикѣ, съ неослабѣвающимъ рвеніемъ и со все возрастающимъ талантомъ, если бы эта имперія, говорю я, поколебалась въ одинъ изъ февральскихъ дней, что подумалъ бы г. Дюпенъ о республиканцѣ, о легитимистѣ, объ орлеанистѣ, который явился бы на поле смерти погибшей имперіи и для чего?—чтобы провозгласить незаконную имперію младшей и крамольной вѣтви? Эта роль была бы не менѣе комична, чѣмъ та, которую я не взялъ на себя 24 февраля, навлекши этимъ на себя нареканія г. Дюпена и его друзей! По правдѣ говоря, если бы я принялъ на себя тогда эту роль, то я не зналъ бы теперь, куда спрятаться со стыда. Надо уважать и относиться покровительственно къ несчастію династіи, рушившейся вслѣдствіе своего ложнаго принципа, что мы и сдѣлали; но нельзя опираться на низвергнутый ложный принципъ, положивъ его въ основу царствованія вдовы, отъ которой приходятъ въ восхищеніе, и ребенка, котораго жалѣютъ. Вдова не нуждается въ регентствѣ для того, чтобы утѣшиться въ своемъ вдовствѣ, а ребенокъ можетъ быть счастливымъ, если даже ему и не дадутъ въ видѣ игрушки скипетръ, мошеннически отнятый у его прадѣда во время полуреволюціи.

20.

Таковы были съ 1844 года мои взгляды на это псевдо-республиканское, псевдо-династическое царствованіе. Я могъ бы повсюду оказывать почтеніе Орлеанской вѣтви, но только не на престолѣ. По семейнымъ традиціямъ, унаслѣдованнымъ мною со стороны матери, я обязанъ былъ относиться къ этой вѣтви болѣе нежели съ почтеніемъ, даже съ благодарностью. Этотъ королевскій домъ не только покровительствовалъ семьѣ моей матери, но осыпалъ ее милостями и знаками своего расположенія чисто по-царски. Мать моей матери, въ качествѣ помощницы гувернантки, воспитывала короля Людовика-Филиппа и его сестру до занятія этого мѣста госпожой Жанлисъ; одинъ изъ моихъ близкихъ родственниковъ завѣдывалъ финансовою частью у герцоговъ Орлеанскихъ. Послѣ террора, герцогиня, изгнанная въ Испанію, просила мою бабушку сѣздить въ Швейцарію за ея дочерью, Аделандой Орлеанской, и привести ее въ Испанію. Это порученіе, свидѣтельствовавшее объ особомъ довѣріи, было исполнено. Послѣ 1814 года у моей матери при встрѣчѣ съ Людовикомъ-Филиппомъ и его сестрой принцессой Аделандой пробудились воспоминанія дѣтства и совмѣстнаго воспитанія, и они отнеслись съ особымъ расположеніемъ къ дочери своей гувернантки. Я имѣлъ честь быть особенно хорошо принятымъ ими во времена моего юношества. Но покровительство принца и его сестры тѣмъ не менѣе не принесло мнѣ никакой пользы въ моей литературной карьерѣ, гдѣ можно пользоваться покровительствомъ единственно только своего таланта, если обладаешь имъ; ни на военной службѣ, гдѣ я состоялъ въ

почетной гвардіи Людовика XVIII и служилъ цѣли, совершенно противоположной той политической партіи герцога Орлеанскаго, которая уже начала опредѣляться въ то время; ни въ дипломатической карьерѣ, въ которой я вѣрно служилъ политикѣ легитимистовъ, до ихъ паденія. Впрочемъ, хотя мой отецъ, шевалье де-Ламартинъ, старый и честный кавалерійскій офицеръ въ полку Дофина въ моментъ революціи, и могъ бы подавить въ себѣ нѣкоторые предрасудки въ интересахъ моего будущаго, однако его братья, роялисты подобно ему, хотя они и были конституціоналистами въ 1789 г., не отнеслись бы сочувственно, если бы я сдѣлался сторонникомъ Орлеанскаго дома. Этотъ домъ, въ ихъ глазахъ, несъ отвѣтственность за принца-демагога, соучастника 1793 года, подавшаго голосъ за смертную казнь и въ свою очередь погибшаго отъ топора того же палача.

21.

Необходимо сказать правду: политическія убѣжденія передаются въ крови—каковъ отецъ, таковъ и сынъ.

Это изреченіе никогда не было въ общемъ столь справедливо, какъ въ годы переворотовъ религіозныхъ, національных и династическихъ. Въмѣстѣ съ молокомъ матери я всосалъ честный традиціонный роялизмъ. Я любилъ Бурбоновъ, братьевъ, дѣтей и племянниковъ добродѣтельнаго Людовика XVI. Я не любилъ Орлеанскаго дома. Его революціонная популярность казалась мнѣ несправедливымъ возмездіемъ за противоестественное соучастіе его главы въ неблагодарности французскаго народа по отношенію къ невиннѣйшему и благороднѣйшему изъ королей и въ убійствѣ короля на эшафотѣ въ 1793 г. Народъ любилъ, повидимому, въ новомъ герцогѣ Орлеанскомъ,—необходимо сознаться въ этомъ,—сына 21 января. Это возмущало меня, какъ роялиста и честнаго человѣка. Не чувствуя ненависти, я питалъ непріязненное чувство къ популярности герцога Орлеанскаго; она, казалось мнѣ, оскорбляла правосудіе и Провидѣніе; его чересчуръ унижительная и подобострастная лъстивость, по возвращеніи изъ изгнанія, по отношенію къ пережившимъ 1791 г. и бонапартистскимъ генераламъ 1815 г. и острова Эльбы окончательно уничтожила остатки моего расположенія къ этой вѣтви династіи. Его заигрыванія съ врагами реставраціи и улыбки, которыя онъ имъ расточалъ въ то время, когда эта же самая реставрація вернула его самого и осыпала богатствами, милостями, почестями, реставрація столь милостивая къ прошлому и столь великодушно неосторожная въ отношеніи будущаго, все это, какъ говорилъ Тацитъ, „имѣло нехорошій запахъ такъ близко къ трону“. Я встрѣчался иногда запросто съ герцогомъ Орлеанскимъ; онъ отличалъ меня; онъ даже очень долго говорилъ со мною однажды съ рѣдкимъ краснорѣчіемъ объ иностранной политикѣ, не боясь открыто порицать дипломатію правленія Карла X и смѣло и со знаніемъ дѣла излагалъ ту иностранную политику, которой онъ бы держался, если бы былъ королемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, пускаясь съ видимою довѣрчивостью въ признанія, столь смѣлая въ устахъ перваго принца крови, онъ осыпалъ всевозможными милостями и нѣжнѣйшими ласками генераловъ, памфлетистовъ и

ораторовъ бонапартистской партіи или партіи демагоговъ, пережившихъ 20 марта 1815 года или 1791 годъ.

Несомнѣнный наслѣдникъ престола, онъ ставилъ себя въ положеніе случайнаго и вѣроятнаго наслѣдника партій, враждебныхъ его дому.

Онъ былъ честнымъ человѣкомъ въ узкомъ смыслѣ этого слова, но нечестнымъ родственникомъ, какъ это впоследствии слишкомъ ясно показали обстоятельства.

Несмотря на мое уваженіе къ его сану и очень высокое почитаніе его политическаго ума, эти чувства привлекали меня къ нему менѣе, нежели отдаляло отъ него то двойственное поведеніе, котораго онъ придерживался.

Вотъ причина, почему я не просилъ его замолвить за меня слово передъ министрами реставраціи, чтобы выдвинуть меня въ моей скромной дипломатической карьерѣ; мнѣ казалось неблагороднымъ пользоваться вліяніемъ принца крови, убѣжденія котораго я не раздѣлялъ, чтобы выдѣлиться въ партіи роялистовъ, поставившей себя цѣлью борьбы противъ его интригъ; это не было бы честной борьбой; итакъ я оставался въ такихъ отношеніяхъ, въ которыхъ обязанъ былъ оставаться, къ этому царственному дому, нѣкогда покровительствовавшему моему роду, не выказывая ни предупредительности, ни враждебности, сохраняя наружное почтеніе, но внутренне порицая, вѣжливо и съ уваженіемъ, но сдержанно относясь къ личности принца и враждебно къ его партіи.

Случайное обстоятельство открыто поссорило насъ на нѣсколько мѣсяцевъ, однако удовлетвореніе, съ достоинствомъ потребованное мною, примирило насъ. Вотъ какъ это случилось.

22.

Я написалъ, безъ всякаго давленія со стороны двора Карла X, небольшую политическую поэму, либеральную и политическую, подъ заглавіемъ „Коронованіе“ („Le Sacre“).

Желающіе прочесть ее въ томъ видѣ, какъ она была напечатана тогда, найдутъ ее въ полномъ собраніи моихъ сочиненій, изданномъ теперь. Я включилъ въ нее съ добрымъ намѣреніемъ относительно Орлеанскаго дома, но съ очевидной неловкостью нѣсколько стиховъ, намекающихъ на мнѣніе, поданное за царевубійство Филиппомъ-Равенство, и на благородное поведеніе его сыновей, достославно смывавшихъ это пятно на гербѣ отца.

Я никому не показывалъ этихъ стиховъ,—я былъ въ 120 миляхъ отъ Парижа; одинъ только завѣдующій типографіей, которому я переслалъ рукопись поэмы, зналъ эти стихи.

Не понимаю, какимъ образомъ принцъ, всегда внимательный ко всему, касавшемуся его имени въ печати, узналъ о нихъ.

Гнѣвъ его разразился въ грубыхъ выраженіяхъ; онъ поручилъ одному изъ близкихъ моихъ родственниковъ, предсѣдательствовавшему въ его совѣтѣ, Генріону де-Пансей, написать мнѣ, что мои стихи огорчили его и что онъ умоляетъ меня вычеркнуть ихъ во имя вполне справедливаго уваженія, которымъ я былъ обязанъ его дому. Моя мать, которая въ то время была еще жива, своими слезами поддержала просьбу герцога Орлеанскаго. Я не колебался,

и стихи и просьба принца не были известны никому, и съ моей стороны не было ни малѣйшей низкой угодливости въ томъ, чтобы пожертвовать ради обидчивости принца, котораго я не хотѣлъ оскорбить, нѣсколькими неудачными стихами, написанными къ случаю, которые онъ просилъ меня уничтожить, поддерживаемый въ своей просьбѣ всемогущимъ для меня голосомъ моей матери. Я посѣпшилъ написать въ этомъ смыслѣ своему издателю и послать ему варианты, въ которомъ былъ исключенъ малѣйшій намекъ на это досадное воспоминаніе.

Итакъ, повидимому, все было кончено. Но въ журналахъ, враждебныхъ Бурбонамъ, у принца были слишкомъ освѣдомленные наперсники и слуги чересчуръ внимательные къ его неудовольствію. Появилась рѣзкая статья въ „Constitutionnel“ъ, журналъ-предшественникъ будущей узурпаціи, на другой же день послѣ того, какъ я узналъ о желаніи принца и учтиво исполнилъ его просьбу.

Въ этой статьѣ я былъ изображенъ какъ оскорбитель Орлеанскаго дома, которому монархія Бурбоновъ поручила оживить ради ея пользы злополучныя воспоминанія 1793 года. Эта статья являлась клеветой и по существу и по формѣ, потому что Карлъ X былъ такъ далекъ отъ мысли побудить меня написать „Chant du Sacre“, что былъ глубоко возмущенъ, когда появилась эта поэма, чересчуръ либеральными словами, которыя въ діалогѣ я приписалъ ему.

Когда министръ его двора положилъ передъ нимъ мою поэму среди безчисленныхъ писаній въ стихахъ и прозѣ, авторовъ которыхъ хотѣли наградить какой-нибудь милостью при дворѣ, и имя мое было произнесено королю, то Карлъ X сказалъ: „Ахъ, не говорите мнѣ о немъ, онъ заставилъ меня сказать слишкомъ много глупостей!“ Карлъ X называлъ такъ всѣ нравившіяся народу чувства, которыя приписывались ему, чтобы доказать его сочувствіе либеральной партіи Людовика XVIII и современному союзу монархіи и свободы.

Тотъ же курьеръ принесъ мнѣ письмо отъ г. де-Пансей, предсѣдателя совѣта герцога Орлеанскаго, въ тонѣ совершенно противоположномъ тому, въ которомъ была написана его просьба, которую я исполнилъ. „Передайте г. де-Ламартину“, такъ поручилъ написать мнѣ принцъ:—„что если онъ будетъ настаивать на томъ, чтобы напечатать этотъ отрывокъ въ своей поэмѣ, то онъ узнаетъ, что значить неудовольствіе перваго принца крови“.

Читая статью въ „Constitutionnel“ъ, а въ особенности грозный приказъ предсѣдателя совѣта принца Орлеанскаго, я почувствовалъ, что вчерашняя моя уступка была бы малодушіемъ, и если я обязанъ былъ исполнить немедленно секретную просьбу принца ради него самого и слезъ моей матери, то теперь я обязанъ былъ передъ самимъ собою отказаться отъ своей уступчивости и не исполнить подъ угрозой то, на что я согласился по просьбѣ, въ особенности съ той минуты, какъ была обнародована оскорбительная статья

въ „Constitutionnel“ъ“, которая могла выйти только изъ Пале-Рояля, и посвятила публику въ эту тайну.

Я поспѣшилъ съ тѣмъ же курьеромъ испросить соизволеніе на возстановленіе указанныхъ стиховъ и изложилъ принципъ причины, заставляющія меня пойти вопреки его желанію, если я не хочу поступиться своими убѣжденіями и честию; и я долженъ сказать въ похвалу ему, что онъ вполнѣ вошелъ въ мое положеніе и счелъ себя удовлетвореннымъ, хотя и оскорбленнымъ.

По моемъ возвращеніи въ Парижъ, я считалъ своимъ долгомъ уклониться отъ свиданія съ нимъ, несмотря на настойчивыя и неоднократныя шаги съ его стороны, имѣвшіе цѣлю мое возвращеніе въ Пале-Рояль; я отказывался въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, такъ какъ, въ свою очередь, могъ считать себя оскорбленнымъ тономъ и оглашеніемъ угрозы. Наконецъ переговоры, которые велись отъ имени принца графиней де-Доломъё, первой статсъ-дамой герцогини Орлеанской, привели къ полному примиренію и завершились семейнымъ завтракомъ въ Пале-Роялѣ, на который я былъ приглашенъ лѣтомъ 1829 г.

Памятное празднество, устроенное въ это же время герцогомъ Орлеанскимъ въ честь короля неаполитанскаго, послужило новымъ поводомъ къ сближенію. Я получилъ приглашеніе отъ герцога Орлеанскаго принять въ немъ участіе и присутствовалъ на немъ; но часть революціи пробилъ во время празднества и выразился въ народномъ возмущеніи и поджогѣ садовыхъ стульевъ подъ окнами и на глазахъ у короля.

Я находился въ пиршественномъ залѣ, который еще не былъ открытъ для публики, непосредственно возлѣ Карла X, когда вспыхнулъ скандальный пожаръ, подобно иллюминаціи, предшествовавшей Орлеанской революціи, и увидалъ, какъ первые отблески отразились на самонадѣянномъ, но опечаленномъ лицѣ монарха. Сердце мое сжалось.

Въ продолженіе всего этого празднества герцогъ Орлеанскій обходился со мною съ нескрываемой и подчеркиваемой, почти оскорбительной холодностью. Эта холодность шла слишкомъ въ разрѣзъ съ той задумчивой дружественностью, которая установилась между нами со времени нашего примиренія, и не могла быть не замѣчена мною съ перваго взгляда.

Я увидалъ въ этомъ ясно выраженное намѣреніе удалиться отъ меня, роялиста, въ присутствіи его друзей—бонапартистовъ и революціонеровъ, и я слишкомъ хорошо понималъ его намѣреніе и захотѣлъ отдалиться отъ его дома самъ и безповоротно.

24.

Дѣйствительно, революція 1830 года разразилась нѣсколько дней спустя послѣ этого празднества. Меня въ то время не было во Франціи, я не пережилъ всѣхъ волненій на мѣстѣ, до меня доходило только отраженіе пережитыхъ несчастій; но я чувствовалъ ихъ глубоко, какъ всегда. Я понималъ, что Франція безразсудно теряла единственный и, быть можетъ, послѣдній случай примирить монархическое прошлое съ либеральнымъ будущимъ. Одинъ изъ членовъ Бурбонскаго дома могъ, безъ сомнѣнія, заблуждаться, но эта династія,

неповинная въ старческомъ заблужденіи и почитаемая въ сынѣ Франціи, могла одновременно возстановить нашу національную и политическую исконную крѣпость и вводить новшества. Да, это была законность скипетра, но въ то же время и законность революціи, утвердившейся на вѣрныхъ и практичныхъ началахъ.

Когда этотъ случай проявленія мудрости былъ упущенъ, нить общенія, казалось мнѣ, была порвана; я видѣлъ корабль, увлекаемый теченіемъ, Францію предоставленную на волю вѣтровъ, революцію, потерпѣвшую неудачу вслѣдствіе своихъ крайнихъ мѣръ, корону, борящуюся съ роялистами, кратковременныя царствованія, партіи вмѣсто націи, случайныя республики, военныя диктатуры, подобныя тѣмъ, которыя предшествовали цезарскому крушенію римскаго строя при Гракхахъ, при Маріи и Суллѣ, наконецъ беспорядочное колебаніе, разбивающее политическія учрежденія и вызывающее у націй смуту вмѣсто регулирующаго движенія, которое поддерживаетъ и умѣряетъ жизнь. Эти предчувствія до сихъ поръ не обманывали меня (исключая имперіи, жестокой при своемъ возникновеніи, но которая продолжаетъ существовать, потому что стала умѣренной, когда приобрѣла силу); незаконная монархія герцога Орлеанскаго не могла бы просуществовать даже столько времени, сколько можетъ прожить уже пожилой человѣкъ: она умерла, прежде чѣмъ успѣла возникнуть.

25.

Хотя я былъ молодъ въ моментъ паденія Карла X и горячая кровь сильно побуждала мое патріотическое честолюбіе принять активное участіе въ дѣлахъ моей родины, я не слушался этого честолюбія, вполне извинительнаго въ мои годы; я послушался голоса чести, т. е. той разборчивости чувства, быть можетъ, скорѣе рыцарскаго, чѣмъ гражданскаго происхожденія, которая, казалось, повѣдѣвала человѣку, рожденному роялистомъ, пасть вмѣстѣ съ своимъ павшимъ королемъ, надѣть трауръ по проигранному имъ дѣлу и не переходить вмѣстѣ со счастьемъ изъ лагеря побѣжденнаго въ лагерь побѣдителя.

Поэтому я самъ просилъ уволить меня отъ моихъ дипломатическихъ обязанностей, несмотря на настойчивыя просьбы министра и новаго короля, убѣждавшихъ меня продолжать мою службу, при чемъ они обѣщали даже повысить меня.

Эти настоянія новаго правительства были такъ упорны, что Моле, министръ иностранныхъ дѣлъ, наотрѣзъ отказался передать мою просьбу объ отставкѣ, если я не объясню самому королю мотивы, вызвавшіе ее.

Поэтому я и изложилъ ихъ въ вѣжливой, хотя и рѣшительной формѣ въ письмѣ къ королю.

Моле взялся передать мою отставку и мое письмо лично королю.

Онъ передалъ ему письмо во время засѣданія совѣта. Король прочелъ его про себя, затѣмъ, передавая Лафиту, сказалъ: „Прочтите; вотъ отставка, данная въ благородной и вѣжливой формѣ!“ Лафитъ прочелъ письмо вслухъ своимъ сотоварищамъ; они выслушали его чтеніе съ знаками единодушнаго

одобрения. „Позовите моего сына“, приказалъ король. Вошелъ герцогъ Орлеанскій: „Смотри“, сказалъ король сыну—„вотъ письмо и просьба объ отставкѣ, написанныя въ благородномъ тонѣ; прочти ихъ“. Затѣмъ, обратившись къ Моле, продолжалъ: „Передайте г. де-Ламартину отъ меня, что я принимаю его отставку съ крайнимъ сожалѣніемъ, но что отъ этого мои чувства къ нему не измѣнятся и я прошу его навѣщать меня, какъ и до революціи“.

Всѣ эти подробности мнѣ передалъ Моле, у котораго я обѣдалъ въ тотъ день по окончаніи засѣданія совѣта, и онъ горячо убѣждалъ меня посѣтить короля.

„Я этого не сдѣлаю“, отвѣтилъ я Моле. „Передайте королю, что я не могу компрометировать свою честь роялиста, посѣщая Пале-Рояль и Тюльери; если бы я отправился туда, то лишь затѣмъ, чтобы словесно подтвердить мой отказъ отъ его милостей; но народъ, видя меня входящимъ, подумалъ бы, что я иду искать этихъ самыхъ милостей. Возможность можетъ быть принята за желаніе принять участіе въ его правленіи; я долженъ почтительно воздержаться отъ появленія тамъ, гдѣ не могу ни воздавать похвалъ, ни служить“.

На другой день я уѣхалъ въ Англію.

26.

Честный старикъ Дюпонъ-де-л'Еррь, олицетворявшій собою демократическое благородство, бывшій въ то время министромъ, часто напоминалъ мнѣ объ этомъ письмѣ и разсказывалъ правду объ моей отставкѣ, поразившихъ его, впоследствии, когда мы вмѣстѣ боролись противъ насилій толпы, во главѣ республики 1848 года. Онъ удивлялся, вспоминая мало кому извѣстные обстоятельства, свидѣтелями которыхъ онъ былъ, доктринерскія орлеанистскія клеветы, выставившія меня какъ недовольнаго придворнаго, свергающаго монархію, не принявшую меня на службу и не давшую простора честолюбію. Вотъ какъ пишутъ исторію! Что касается меня, то съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ истинную исторію и прочиталъ ее искаженную въ пересказѣ современниковъ, я не вѣрю ни одному слову послѣдней; это собраніе всѣхъ противо-истинъ. Я приведу поразительные примѣры такого искаженія событій и людей 1848 года въ моихъ „Политическихъ мемуарахъ“. Относительно похвалъ или осужденій, которыя были высказаны подъ видомъ непреложныхъ истинъ объ извѣстныхъ людяхъ, которыхъ партіи хотѣли погубить или возвеличить изъ сочувствія къ нимъ или по не-вѣдѣнію, можно только сказать, что публикѣ придется свергнуть многихъ съ пьедесталовъ и на ихъ мѣсто поставить другихъ. Молча переносить, ради блага родины, въ теченіе многихъ лѣтъ это незаслуженное забвеніе измѣнчивой популярности, которая безъ всякаго основанія воздается другимъ именамъ, это одно изъ заслуженнѣйшихъ, хотя и тягчайшихъ мученій для тѣхъ, кто пережилъ революціи. Говорятъ: рано или поздно правда всплываетъ. Не знаю; но боюсь, что, когда она всплыветъ, ея мѣсто будетъ уже занято историческими предразсудками и обманутое общественное мнѣніе будетъ продолжать принимать тумировъ нахальной интриги за скромныхъ героевъ, спасавшихъ родину.

27.

Какъ бы тамъ ни было, вернувшись изъ Лондона, я смѣло выставилъ свою кандидатуру, какъ независимаго кандидата, но приверженца порядка, избираемымъ Сѣвернаго департамента.

Я не получилъ достаточнаго числа голосовъ.

Я намѣревался твердо поддерживать миролюбивую и консервативную политику Казимира Перье; хотя я не любилъ его какъ человѣка, но мнѣ нравилась его смѣлость. Свергнувъ тронъ, онъ стоялъ неустрашимо и отбивался отъ анархическаго увлеченія, толкавшаго Францію на всякія крайности; онъ умеръ за этой работой, но его смерть удержала его родину.

Безъ сомнѣнія, онъ заслуживаетъ памятника, который справедливые граждане воздвигаютъ тѣмъ, кто спасаетъ ихъ своимъ героическимъ раскаяніемъ послѣ того, какъ поставилъ въ непріятное положеніе своими безразсудными агитаціями.

28.

Обманувшись въ своемъ стремленіи занять брешь послѣ Казимира Перье, чтобы встать на защиту не орлеанистскаго королевства, а европейскаго общества, осажденнаго извнѣ партіями всемірной войны и внутри партіями анархическихъ раздоровъ, я уѣхалъ на два года, желая подавить продолжительнымъ путешествіемъ по Востоку свое нетерпѣливое стремленіе дѣйствовать не имѣя возможности сдѣлать этого на родинѣ.

Вернувшись, я узналъ, что выбранъ депутатомъ Сѣвернаго департамента избирателями Дюнкирхена, Берга и Гондшоота, вспомнившими обо мнѣ во время моего отсутствія благодаря моей сестрѣ и ея мужу, которые жили въ этомъ миломъ краѣ, и независимымъ друзьямъ, которые постарались охранить мое имя отъ забвенія въ этой странѣ истинной свободы.

Я вошелъ въ палату, свободный какъ вѣтеръ Сѣвернаго моря, который дуетъ, куда хочетъ, не страшась подводныхъ камней, но и не наталкиваясь на нихъ.

Мое положеніе было чрезвычайно затруднительно, и я чуть было не раскаялся въ томъ, что рѣшился взойти на трибуну, не заручившись поддержкой хотя бы одной изъ партій, которыя даютъ опору, популярность и авторитетъ въ странѣ.

Партія орлеанистской монархіи? Я изъ чести не хотѣлъ примкнуть къ ней держась въ приличныхъ границахъ нерасположенія павшаго роялиста, скорбящаго о 1830 годѣ; такое поведеніе представлялось мнѣ обязательнымъ, имѣя измѣнника во время несчастія обезчестило бы меня въ моихъ собственныхъ глазахъ.

Партія легитимистовъ, запутавшихся въ безвыходныхъ положеніяхъ и всевозможныхъ противоестественныхъ коалиціяхъ благодаря краснорѣчивымъ, но недалекимъ вождямъ?.. Мнѣ невозможно было примкнуть къ нимъ. Направленіе, данное ей этими людьми трибуны, самымъ очевиднымъ образомъ противорѣчило тому духу, который должна была бы имѣть эта великая и благородная партія. По моему, она должна была воплощать собою съ благороднымъ достоинствомъ то, чѣмъ именно она была въ странѣ, т. е. прошлое,

соединенное съ настоящимъ силою обстоятельствъ и разумомъ, аристократизмъ традицій, рыцарство чувствъ, безкорыстіе патріотизма, широкую благотворительность, разумное и основанное на нравственности покровительство народу въ деревняхъ, античную и тѣсную близость замка и хижины, религію, служащую нищетѣ при посредствѣ милосердія богатого земледѣльческаго класса, честь арміи, гордящейся древними военными именами, смѣшавшимися съ прославившимися военной доблестью именами позднѣйшаго времени, полное воздержаніе отъ принятія придворныхъ мѣстъ и милостей, честный союзъ, приносящій пользу всевозможными безкорыстными услугами, какія только гражданинъ можетъ оказать своей родинѣ, чтобы незамѣтно сдѣлать патріотизмъ высшихъ классовъ базой новой славы, въ особенности духъ порядка, который никогда не оспаривалъ бы своихъ заслугъ у шумливыхъ уличныхъ партій, проповѣдывающихъ войну ради внѣшней войны, а внутри превращающихъ трибуну и печать въ два ультрареволюціонныхъ очага, вызывающихъ въ каждый парламентскій день лихорадочный приступъ, отражающійся въ странѣ съ удвоенною силою; однимъ словомъ, партія легитимистовъ должна была представлять огромную консервативную партію, независимую отъ правительства, которая сначала позаботилась бы заслужить уваженіе народа, а затѣмъ оказала бы должное вліяніе на населеніе деревень, на выборы, на печать, на палаты; партію, ничего не желающую собственно для себя отъ незаконной династіи, но все внушающую ей, до отреченія отъ престола включительно, благодаря своему вліянію на націю, примирившуюся съ аристократами—владѣтелями земель, союзу съ возвышающеюся буржуазіей, владычицей капиталовъ, прокармливающихъ прелетаріатъ, и, наконецъ, пользѣ, приносимой пролетаріямъ, что поддерживается единственно порядкомъ, тогда какъ анархія въ одинъ день можетъ обречь на голодъ.

Такъ послѣ революціи 1830 года я понималъ роль, которую во время кризисовъ ораторъ—государственный человѣкъ и просвѣщенный парламентскій вождь, начерталъ бы для легитимистской партіи въ парламентѣ, въ арміи, въ печати, въ выборахъ, въ деревнѣ и на улицѣ. Быть самой собою—вотъ лучшая сила истинной партіи. Природа—лучшій политикъ. При такихъ условіяхъ и только при такихъ была возможна реставрація монархіи Генриха IV; надо было реставрировать самихъ себя, заслуживъ уваженіе родины, прежде чѣмъ думать о реставраціи Генриха V при помощи заговоровъ и интригъ.

29.

Направленіе, взятое однимъ великимъ витіемъ при разсужденіи о частныхъ вопросахъ, иллюстрирующее, но „вводящее въ заблужденіе партію, которую онъ восхвалялъ, было, по моему, діаметрально противоположно этой высокой политикѣ.

Искать успѣховъ на трибунѣ вмѣсто того, чтобы медленно, но вѣрно готовить широкое распространеніе своихъ взглядовъ, бросить нѣсколько громкихъ ругательствъ по адресу правительства, затруднять министровъ во всѣхъ вопросахъ, соединяться въ палатѣ со всѣми воинствующими или анархистскими партіями, гоняться за рукоплесканиями крамольниковъ вмѣсто того чтобы искать уваженія собственнической и консервативной націи: безвременно колебать правительство, хотя и держащееся нетвердо, но въ данное время охраняющее самые

Такимъ образомъ въ какомъ противорѣчїи съ собою самой и вслѣдствіе этого неупущеніи какого-либо вліянія на своихъ сторонниковъ очутилась легитимистская партія къ концу этой пятнадцатилѣтней кампаніи благодаря ложной стратегіи своихъ политическихъ вождей! Безъ сомнѣнія, если бы эта огромная партія вела себя иначе въ теченіе тѣхъ пятнадцати лѣтъ, которыя Провидѣніе даровало ей для ея переустройства, она сыграла бы во Франціи въ 1848 году несравненно болѣе значительную роль, и имя ея династіи, реставрированное временемъ и впервые названное во время бури, вызвало бы милліоны откликовъ при всеобщей подачѣ голосовъ. Отчего же въ крайній моментъ эта партія не назвала этого имени. Да потому, что ложное направленіе, данное этой партіи, отрѣзало ей путь.

Конечно, эта огромная партия не исчезла, но она потеряла подь собою

естественную почву, на которой она могла маневрировать, сразиться, спасти Францію. Она была принуждена предоставить республикѣ спасти ее вмѣсто себя, и когда это спасеніе было совершено республикой, партія Бурбоновъ подала голосъ за монархію въ лицѣ Бонапарта. Краснорѣчіе спасаетъ только ораторовъ, одно лишь вѣрное направленіе спасаетъ династію.

Горе побѣжденнымъ политическимъ партіямъ, которыя еще достаточно богаты, чтобы заплатить лъстецамъ! Онѣ находятъ ихъ въ печати, онѣ ихъ находятъ и на трибунѣ, и эти лъстецы влекутъ ихъ къ гибели. Таково было положеніе роялистской партіи послѣ 1848 года. Составивъ революціонный заговоръ, эта партія потеряла свой національный характеръ; встревоженная страна, которой необходимо было примкнуть къ чему-нибудь прочному, не найдя ничего вмѣсто этой партіи, присоединилась къ бонапартистской монархіи! Я могу удивляться этому, но огорчаться этимъ—не могу! Изъ всѣхъ измѣнъ религій, худшая — расколъ! Я не люблю бонапартизма, однако предпочитаю его орлеанизму. Первая партія сильна, какъ народный предразсудокъ; вторая—неустойчива и поддается вліянію каждой рѣшительной партіи.

30.

Ради либеральной, но честной легитимистской партіи, изъ которой я вышелъ, мнѣ было невозможно согласиться на роль недобросовѣстнаго пособника крамолы въ палатѣ и печати: эта тактика была одинаково противна какъ моему разуму, такъ и моей прямотѣ. Я слишкомъ живо чувствовалъ, что въ этой театральной игрѣ, не имѣющей иной цѣли кромѣ аплодисментовъ партера, легитимисты теряли свою честь и не приобретали прочной популярности внутри страны. Я предпочиталъ остаться одинокимъ и печальнымъ на своей опустѣвшей скамьѣ, чѣмъ встать подъ пестрое знамя угрожающаго якобинизма и недовольной законности, чтобы тревожить непріятное, но необходимое правительство.

31.

Была еще другая партія: партія Лафайетта. Эта партія позволила совершенно безпрепятственно морочить республику; она носила ее знамя, но боялась его; она представлялась обманутой, но въ сущности была скорѣе сообщницей герцога Орлеанскаго, чѣмъ жертвой его обмана. Условные роялисты въ день событія въ Пале-Роялѣ и ратушѣ, республиканцы по своему поведенію по совершевіи его, чтобы вернуть себѣ отчасти популярность въ крайнихъ партіяхъ,—эта партія, представляемая въ палатѣ пятью или шестью народными ораторами и столькими же журналистами среди народа, громко требовала ультра-демократическихъ учреждений, проскрипціи роялистовъ внутри страны и всемірной войны ввѣ государства. Это были ворчуны 1792 г. и о-ва Эльбы, соединившіеся противъ монархіи, которую они провозгласили всего нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ. Такого юнаго роялиста и вмѣстѣ съ тѣмъ сторонника правительства, какимъ былъ я, ни совѣсть, ни приличіе, ни идея чести не могли подвигнуть на то, чтобы броситься въ эту партію, ища, въ качествѣ побѣж-

деннаго, убѣжища среди побѣдителей 1830 года. Мнѣ не пришлось даже раздумывать. „Гдѣ вы выберете себѣ мѣсто въ этой палатѣ?“ спросили меня мои друзья, когда я пріѣхалъ въ Парижъ. — „На потолокъ“, отвѣтилъ я: — „такъ какъ я не вижу для себя подходящаго мѣста, по моимъ политическимъ убѣжденіямъ, ни въ одной изъ этихъ партій“.

32.

И въ самомъ дѣлѣ я усялся на самомъ верху справа на стоящую особнякомъ скамейку и наблюдалъ оттуда борьбу, сгорая однако отъ нетерпѣнія вмѣшаться въ нее. Я долженъ былъ бы хранить молчаніе, сидя наверху и выжидая случая, если бы онъ предоставился; я поступилъ бы въ тысячу разъ лучше; но темпераментъ всегда беретъ верхъ надъ разумомъ у дѣятельныхъ натуръ. Мой темпераментъ всегда увлекалъ меня къ активному участию, даже если оно бывало и некстати; выжидать было не въ моемъ характерѣ; къ тому же я хотѣлъ испытать свое ораторское краснорѣчіе, къ чему меня тянуло обиліе и напряженность мыслей, бродившихъ во мнѣ при каждомъ спорѣ, который доносился до меня снизу, изъ залы палаты. Я походилъ на одинъ изъ тѣхъ чувствительныхъ струнныхъ инструментовъ, повѣшенныхъ въ музыкальной залѣ, которые звучать въ униссонъ, хотя смычокъ и не дотрагивается до нихъ, при одномъ только звукѣ оркестра, исполняющаго концертъ, въ партитурѣ котораго нѣтъ даже для нихъ партіи.

При своемъ незнакомствѣ съ собраніями, я думалъ, что достаточно войти на трибуну преисполненнымъ мыслей, страстей и обладая разумомъ, чтобы, вдохновившись ея мраморомъ и деревомъ, найти слова, способныя овладѣть аудиторіей и вызвать въ ней энтузіазмъ; мнѣ захотѣлось поскорѣе испытать это, взять трибуну штурмомъ и отвоевать себѣ мѣсто краснорѣчіемъ, такъ какъ я не могъ еще намѣтить для себя мѣста ни въ одной изъ политическихъ партій.

33.

Въ своемъ затруднительномъ положеніи я искалъ вопросовъ *нейтральныхъ*, если можно такъ выразиться, какъ напр., касавшихся иностранныхъ дѣлъ, финансовъ, человѣколюбія, нравственности, благотворительныхъ учреждений для трудящихся классовъ, политической экономіи, свободы торговли, промышленности, и среди всеобщаго живѣйшаго вниманія вмѣшивался въ пренія по этимъ вопросамъ.

Моя несчастная извѣстность, какъ поэта, которую я влечилъ въ то время за собою, подобно пурпуровому лоскутку, который тащитъ, сходя со сцены, театральнй король, страшно стѣсняла меня. Я во что бы то ни стало хотѣлъ отдѣлаться отъ нея. Слишкомъ завистливая по природѣ толпа, непризнающая, что одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ быть одновременно одаренъ въ равной мѣрѣ двумя способностями, постоянно бросала мнѣ въ лицо глупое обвиненіе въ занятіи поэзіей. Что отвѣтить на это? Я безусловно виновенъ въ томъ, что въ юности написалъ нѣсколько болѣе или менѣе удачныхъ стихотвореній, которыя удержались въ памяти и послужили къ присоединенію къ моему имени эпитета, лестнаго въ литературѣ, но оскорбительнаго въ политикѣ,

на который я могъ отвѣтить только пожатіемъ плечъ, но который я долженъ былъ терпѣть всю жизнь, и до сего дня, какъ Платонъ проскрипцію республики. Платонъ, самый химерическій изъ политическихъ декламаторовъ, исключалъ поэтовъ изъ своей утопіи, потому что они самые дальновидные изъ людей; его устами говорила зависть. Гомеръ, божественная поэзія котораго ничто иное, какъ здравый разсудокъ въ рельефъ, украшенный языкомъ и оригинальностью гения, безъ сомнѣнія сумѣлъ бы хорошо управлять народами, тогда какъ политическія мечтанія Платона привели бы ихъ только къ гибели вслѣдствіе развращенности и анархіи.

34.

Однако, несмотря на вызванныя завистью порицанія, вслѣдствіе чего меня слушали съ явными знаками неодобренія, я былъ не слишкомъ дурно принятъ широкой публикой. Я началъ усердно учиться импровизировать; чѣмъ менѣе я говорилъ по памяти, тѣмъ удачнѣе были мои возраженія. Меня обвиняли только въ томъ, что я слишкомъ придерживаюсь теорій и парю въ облакахъ, что я не достаточно опускаюсь до уровня палаты, что хочу поднять ее до себя, вмѣсто того чтобы сравняться съ нею, что въ вопросахъ министерскихъ я не принимаю никакого живого и страстнаго участія, что я не стараюсь угодить ни орлеанской монархіи, а напротивъ тщательно отстраняюсь отъ нея, ни консервативной партіи, для которой продолжаю оставаться подозрительнымъ человѣкомъ, несмотря на то, что часто защищалъ ея образъ мыслей, ни радикальной оппозиціи, противъ страстности и анархіи которой я боролся, ни легитимистской, несчастіе которой я уважалъ, но которую не одобрялъ изъ-за неприличныхъ коалицій ея съ духомъ безпорядка, недовѣрія и разрушенія; словомъ, меня обвиняли въ томъ, что я чрезчуръ проявлялъ въ своей независимости человѣка правительственнаго и чрезчуръ независимаго въ своей оппозиціи.

35.

Эти упрёки были основательны; я самъ чувствовалъ всѣ эти неудобства и недостатки; мой нетерпѣливый характеръ и ораторская пылкость жестоко страдали, но я былъ осужденъ на это своимъ ложнымъ положеніемъ противника Орлеанскаго дома въ собраніи орлеанистовъ и врага анархіи въ радикальной оппозиціи. Всѣ думали, что я поступаю такъ отъ недостатка характера и энергіи и никогда не приду ни къ какому рѣшенію, а слѣдовательно и не принесу никогда пользы ни себѣ, ни другимъ. Палата и журналы также заблуждались на мой счетъ, но я не имѣлъ ни возможности, ни удобнаго случая разубѣдить ихъ. Я употребилъ всѣ свои силы на выжиданіе; для этого мнѣ пришлось затратить въ сто разъ больше силъ, чѣмъ для того, чтобы дѣйствовать. Я короталъ часы или, какъ говорятъ итальянцы на своемъ политическомъ языкѣ, *far l'ora*: убивалъ время. У меня было предчувствіе, что столь долго жданный часъ наконецъ пробьетъ, что пороки, присущіе Орлеанской монархіи, рано или поздно повлекутъ за собою одинъ изъ тѣхъ кризисовъ, когда человѣкъ, державшійся въ сторонѣ вчера, завтра сдѣлается необходимымъ.

Когда обрекаешь себя на такую выжидательную роль, на роль крайняго средства и всеобщаго спасителя въ день разрушенія, какъ надо поступать? Нравиться или не нравиться поочередно всѣмъ партіямъ, мало-по-малу завоевывать холодное уваженіе и довѣріе страны, давать время отъ времени въ собраніяхъ доказательство рѣшимости и таланта, а затѣмъ вновь погружаться, при аплодисментахъ, въ свое молчаніе и бездѣйствіе, подобно солдату, который, сидя, чиститъ свое оружіе, чтобы страна сказала себѣ: „У меня есть въ запасѣ еще одинъ хорошій воинъ, въ моей памяти есть еще одно имя“.

Я достигъ этого полу-успѣха. Меня не понимали, но начинали предчувствовать, что въ будущемъ я могу сдѣлаться полезнымъ въ событіяхъ, которыя время повлечетъ за собою.

Король особенно не ошибался въ этомъ. Его слова, сказанныя одному изъ наперсниковъ, г. Вату, и переданныя мнѣ этимъ приверженцемъ двора, не оставили во мнѣ сомнѣній относительно того, что король имѣлъ виды на меня, если бы я только согласился добиваться или хотя бы даже пойти на встрѣчу его довѣрію. „Почему“, сказала однажды королю одинъ изъ депутатовъ орлеанистской партіи, имѣвшій доступъ на королевскіе семейные вечера:— „почему вы не предложите министерство де-Ламартину, который иногда такъ безкорыстно защищаетъ васъ съ трибуны“. — Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ король: — не говорите мнѣ о немъ пока. Время его придетъ; я не хочу пользоваться имъ, пока часъ его не насталъ. Де-Ламартинъ не министръ — онъ министерство.

Король и его сестра, помнившіе покровительство, оказанное ихъ августѣйшимъ домою моей семьѣ и моей матери, не сомнѣвались въ моей готовности служить имъ въ такомъ высокомъ званіи, какъ только они обратятся съ рѣшительнымъ призывомъ къ моему удовлетворенному самолюбію. Это случилось въ моментъ перваго раскола доктринерской и орлеанистской партій, который возникъ въ палатахъ и заставилъ искать внѣ сплоченныхъ рядовъ этой теперь уже распавшейся партіи министерства, представлявшія собою не болѣе какъ междуцарствіе и существовавшія не долѣе одного дня.

36.

Чрезвычайно прозорливый относительно послѣдствій этой междоусобной войны между его друзьями, король нѣсколько разъ просилъ меня черезъ общаго друга придти къ нему, чтобы секретно переговорить о серьезности положенія дѣлъ. Мнѣ было не по сердцу это совѣщаніе, которое могло дать поводъ всѣмъ партіямъ ложно истолковать мои щепетильныя и конфиденціальныя отношенія со дворомъ. Я посоветовался съ Ройе-Колларомъ, оракуломъ высокихъ мыслей и верхомъ приличій. Его сдержанная манера держать себя въ собраніяхъ и положеніе безпристрастнаго консерватора были совершенно тождественны съ моими. „Какъ бы вы поступили“, спросилъ я его:— „и какъ вы посоветуете поступить мнѣ въ настоящемъ случаѣ?“ — „Какъ бы поступилъ я?“ — отвѣтилъ онъ мнѣ не колеблясь:— „я бы пошелъ, выслушалъ, далъ бы откровенно совѣты, которые считалъ бы наилучшими. Это долгъ каждаго гражданина передъ главою страны, ради страны, а не ради его самого. Я рисковалъ бы

только собою, своею личностью, какъ принадлежащей не мнѣ, а законной династіи, охранительницѣ порядка.

— Итакъ я пойду, отвѣтилъ я и пошелъ.

Въ „*Conseiller du peuple*“, отвѣчая на клеветы Крокера, сдѣлавшагося офиціознымъ памфлетистомъ Людовика-Филиппа въ Лондонѣ, со времени своего изгнанія въ Клермонъ, я разсказалъ обстоятельства, сопровождавшія мое свиданіе съ королемъ, и слова, которыми мы обмѣнялись во время этой первой бесѣды въ Тюльери. Король былъ въ то время еще живъ; онъ могъ бы изобличить меня во лжи, если бы я невѣрно передалъ нашъ разговоръ, но онъ этого не сдѣлалъ. Это былъ король, безъ сомнѣнія, ожесточенный несчастіями, но человѣкъ честный. Онъ оставилъ своего друга Крокера подъ гнетомъ изобличенія его мною въ ложныхъ обвиненіяхъ и какъ сочинителя пасквилей, желавшаго видѣть причину моего поведенія въ 1848 году въ неудовлетворенности честолюбія.

37.

Я болѣе не вернусь къ разсказу этого моего перваго совѣщанія съ королемъ. Достаточно сказать, что король былъ настойчивъ до патетизма; я же, съ своей стороны, хотя держалъ себя почтительно, оставался непоколебимъ; въ теченіе трехъ часовъ онъ приводилъ мнѣ смягчающія обстоятельства, побуждившія его принять корону въ 1830 году; объяснялъ необходимость уступки общественному мнѣнію, заставившую его отдаться въ руки того или другого изъ министровъ,—необходимость, непріятная для человѣка, но неизбѣжная для носителя короны; раздоры изъ-за самолюбія, разлагающіе его министерства, противоположныя давленія на его правленіе этихъ честолюбивыхъ министровъ, несогласимость ихъ претензій въ совѣтахъ, опасность ихъ столкновеній въ палатахъ, столь же большую опасность дискредитировать корону, довѣряя ее второстепеннымъ министерствамъ, которыя не скрывали ничего, даже своей неспособности передъ страной; наконецъ, сообщилъ свое рѣшеніе довѣриться вполне истиннымъ патріотамъ, талантливымъ и способнымъ къ правленію, стоявшимъ на сторонѣ роялизма 1830 года, устроить монархію при помощи монархистовъ и охранять ее съ помощью консерваторовъ; во имя этой пѣли онъ убѣждалъ меня отказаться отъ моего нежеланія служить монархіи при новомъ монархѣ, открыто присоединиться къ его дому и его дѣлу, сдѣлавшемуся дѣломъ порядка въ Европѣ, и образовать собою въ этомъ духѣ ядро министерства для примиренія роялистовъ съ его династіей.

Прибавлю, что онъ говорилъ со мною съ убѣдительнымъ и чрезвычайнымъ краснорѣчіемъ, на что я не считалъ его способнымъ, что онъ дошелъ въ своемъ краснорѣчій до патетизма, такъ что самъ растрогался до слезъ; онъ сжималъ мои колѣни своими съ фамильярностью и настойчивостью человѣка, желающаго убѣдить своего собесѣдника; что я самъ часто не могъ возразить на его убѣжденія; что мои настоятельные отказы и усилія встать со стула, чтобы уйти, не могли заставить его отказаться отъ желанія удержать меня и попытаться убѣдить еще разъ; что два или три раза онъ отослалъ своихъ адъютантовъ и, между прочимъ, достойнаго графа д'Удето, которые приходили докладывать ему о комъ-

либо изъ вновь прибывшихъ и даже о министрахъ; что, выйдя ненадолго, чтобы открыть въ качествѣ предсѣдателя засѣданіе совѣта, онъ заперъ меня на ключъ въ пріемной залѣ и упрасивалъ, улыбаясь, не воспользоваться его отсутствіемъ для бѣгства и обдумать свое рѣшеніе до его возвращенія; что онъ скоро вернулся съ тѣмъ, чтобы продолжать разговоръ съ того мѣста, на которомъ мы остановились, и наконецъ, утомленный моимъ сопротивленіемъ, спросилъ меня: „Неужели я еще не убѣдилъ васъ?“ — „Ваше величество“, отвѣтилъ я, глубоко огорченный тѣмъ, что не могъ уступить: — „вы меня сильно растрогали и очаровали своимъ краснорѣчіемъ; вы были бы такъ же велики на трибунѣ, какъ и на вашемъ престолѣ; но восхищаться еще не значить убѣдиться, и я умоляю васъ отпустить меня; я ухожу тѣмъ же, какимъ вошелъ сюда: не питающимъ враждебныхъ чувствъ, но и свободнымъ отъ всякой связи съ династіей вашего величества“.

Порывистымъ движеніемъ онъ выпустилъ пуговицу моего сюртука, которую держалъ, съ выраженіемъ видимаго неудовольствія на лицѣ, и я вышелъ отъ него удрученный, но съ прежнимъ твердымъ рѣшеніемъ.

38.

Парламентская коалиція, которая своими безчестными маневрами могла привести къ паденію престолъ Орлеановъ и подъ которую теперь подкопались вожди орлеанистовъ, образовавшіе, къ разочарованію легитимистовъ и либераловъ, — силотившихся въ общемъ остервенѣніи, хотя имѣли въ виду различныя цѣли, противъ монархіи 1830 года, — около престола тѣсный кругъ, гдѣ король, которому одновременно угрожали его іюльскіе соучастники и явные враги, долженъ былъ погибнуть подъ пятою или шестью интригами парламента, печати и чуть ли не домашними интригами, предвѣщавшими каждому прозорливому глазу если не близкое, то неизбежное паденіе.

Въ это время король возбуждалъ жалость даже своихъ враговъ. Мятежный парламентъ, возмущенный противъ него его же собственными министрами, бросалъ ему самыя дерзкіе вызовы и наносилъ самыя смертельныя удары. Когда онъ обращался къ одному изъ своихъ министровъ, чтобы вручить ему бразды правленія, то передъ нимъ тотчасъ же являлся другой министръ, соперникъ перваго, который становился еще яростнѣе при видѣ ускользнувшей отъ него власти. Если имъ предлагали подѣлиться властью, то они не соглашались, такъ какъ каждый ихъ нихъ хотѣлъ цѣликомъ присвоить ее себѣ. Когда король обращался къ легитимистамъ, то встрѣчалъ непреклонность. Когда обращался къ республиканцамъ, то видѣлъ, что совмѣститъ ихъ причастность къ правительству невозможно даже при незаконной монархіи, которую они признали въ 1830 году единственно для того, чтобы обезчестить и обезоружить ее. Когда онъ обращался къ центру, то встрѣчалъ тамъ стадо безъ вожда, лишенное выдающихся ораторовъ, группирующихъ вокругъ себя партіи, центръ, слѣпно подающій голосъ, но неспособный къ управленію, не имѣющій въ своей средѣ политическихъ дѣятелей, представляющій собою толпу, поддерживающую все посредствомъ дисциплины, но доводящую все до крушенія за отсутствіемъ генія и воли. Наконецъ, когда король искалъ среднюю партію

въ палатахъ, то онъ встрѣчалъ тамъ нѣсколько честныхъ людей, обладающихъ посредственнымъ краснорѣчіемъ, непрочную опору большихъ партій, съ завистью взирающихъ на власть, но не имѣющихъ ни достаточной дерзости, чтобы домогаться ея, ни достаточной энергіи, чтобы захватить ее среди урагана. Этотъ парламентскій періодъ былъ таковъ, что вселялъ отвращеніе къ смѣшанному режиму правленія; это было шатаніе надъ пропастью, прежде чѣмъ упасть въ нее. Никогда въ политическомъ мірѣ не было скандала, болѣе унижительнаго для сана государственныхъ мужей. Основатели этой монархіи, ставшіе въ ряды ея враговъ, открывали имъ слабыя ея стороны, которыя имъ были извѣстны лучше, чѣмъ кому-либо, и вели соединенныя колонны легитимистовъ, либераловъ и радикаловъ, утомленные этой „короной, принятой на извѣстныхъ условіяхъ“, которую они поносили, послѣ того какъ въ теченіе десяти лѣтъ давали ей совѣты и эксплуатировали ее.

Честолюбіе этихъ политиковъ до такой степени походило на измѣну, что, судя по ихъ рѣчамъ и поступкамъ, нельзя было разобрать, борются ли они за то, чтобы захватить министерство, или за то, чтобы отдать самую корону на посмѣяніе народа.

Эти союзники ставили свои условія громко — съ трибуны.

Я помню сцены, тонъ, лица, жесты, которые бросали почти ежедневно поистинѣ зловѣщій свѣтъ на вулканическіе порывы этихъ огневыхъ душъ, скрывавшихся подъ стоической внѣшностью.

Въ особенности меня поразила одна фраза благодаря значенію произнесшаго ее человѣка, его жесту, тону и многозначительному взгляду, въ которыхъ выразились рѣшимость и ярость этого государственнаго мужа.

Молодой республиканскій ораторъ Гранье-Паже, восхищенный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и удивленный тѣмъ, что престарѣлый министръ Іюльскіе монархіи высказываетъ самыя ядовитыя истины и извительныя угрозы противъ короны, вскачилъ въ восторгъ со своей скамьи радикаловъ въ концѣ лѣвой стороны залы собранія, чтобы крикнуть браво министру-консерватору, перешедшему на сторону анархіи. „Да, браво, браво!“ повторилъ, стоя, все еще не вѣрившій своимъ ушамъ ораторъ:— „но послѣдуете ли вы за нами до конца по тому пути, на которомъ вы насъ опережаете, находясь на трибунѣ?“— „Да, до конца“, отвѣтилъ министръ, которому этимъ вопросомъ былъ брошенъ вызовъ:— „до конца!“ И онъ подтвердилъ свое рѣшеніе такимъ взглядомъ и такимъ движеніемъ руки, которые убѣдили радикальную партію и оледенили ужасомъ большинство присутствовавшихъ.

„До конца“ означало для Гранье-Паже сверженіе престола и республики. „Слышите ли?“ сказалъ я вполголоса своему сосѣду: „а какой промежутокъ времени отдѣляетъ такую рѣчь отъ паденія трона? Сосчитайте число дней отъ одного изъ 20-хъ чиселъ іюля до 10 августа“.—Эта рѣчь, жестъ и блѣдность, этотъ тонъ, полный ненависти, сдѣлали меня моложе на 50 лѣтъ. „Я видѣлъ Дантона!“ отвѣтилъ мнѣ мой сосѣдъ, который живъ еще и теперь.

Этотъ министръ не былъ Тьеръ.

Тогда-то король призвалъ г. Моле, чтобы сплотить центральныя партіи и дать послѣднее сраженіе коалиціи. Моле, человѣкъ опытный въ дѣлѣ правительственныхъ кризисовъ, былъ монархистомъ по имени, состоянію, элегантности, но монархистомъ болѣе для виду, чѣмъ изъ убѣжденія; въ молодости онъ служилъ тремъ монархіямъ и показалъ, что онъ скорѣе способенъ служить имъ украшеніемъ, чѣмъ поддержкой или силой, могущей поднять ихъ. Онъ не обладалъ ни краснорѣчіемъ, ни страстью обоихъ министровъ, отступившихъ отъ монархіи, съ которыми ему приходилось теперь бороться съ трибуны и въ печати. Но такъ какъ онъ никому не измѣнилъ, то имѣлъ преимущество передъ ними благодаря уваженію, которымъ онъ пользовался даже въ рядахъ союзной оппозиціи.

Я зналъ его давно, такъ какъ встрѣчался съ нимъ въ политическомъ кружкѣ госпожи де-Монкальмъ, сестры герцога Ришелье. У меня не было съ нимъ ничего общаго ни въ убѣжденіяхъ, ни во взглядахъ, мнѣ просто нравилась его личность. Благородство и грація смѣшивались на его прекрасномъ лицѣ,—это было обаяніе аристократизма, соединенное съ современной свободой. Во мнѣ возбуждало интересъ его затруднительное положеніе, въ министерствѣ среди партій: радикаловъ, легитимистовъ и обоихъ разсвирѣпѣвшихъ министровъ-отступниковъ. Одинъ противъ всѣхъ—это прекрасная роль, когда обладаешь разумомъ. Я такъ рыцарски вознегодовалъ на вѣроломство коалиціи, что рѣшился вступить съ ней въ борьбу единолично, изъ политическаго прямотушія, и защищать министерство и корону добровольно, подобно тому, какъ вступаются на большой дорогѣ за неизвѣстнаго человѣка, на котораго напали спереди и сзади заранѣе сговорившіеся злоумышленники, или какъ бѣгутъ на пожаръ таскать воду, нисколько не интересуясь горящимъ зданіемъ.

Я исполнилъ это мужественно и съ успѣхомъ, не желая за свою помощь никакой иной награды, кромѣ славы и удовлетвореннаго патріотизма. Я отважно вышелъ на арену и вступилъ въ единоборство съ ловкими и краснорѣчивыми министрами, предателями короны; побѣда осталась за мною, если не въ баллотировкѣ, то по крайней мѣрѣ во мнѣніи. Публика узнала мое имя. Консервативная партія ухватилась за меня, какъ за лучъ надежды.

Король, удивленный помощью независимаго оратора, отъ котораго онъ ничего не ждалъ и который ничего не желалъ себѣ отъ его двора, былъ глубоко тронутъ этимъ добровольнымъ внимательствомъ, принятымъ имъ, вѣроятно, за преданность. Моле и его коллеги старались, насколько это было въ ихъ силахъ, вознаградить меня за столько услугъ. Общество, не понимавшее истинныхъ мотивовъ моего поведенія, сдуру вообразило, что я вступилъ въ ряды консервативной партіи орлеанистовъ. Однако я недолго терпѣлъ это ложное истолкованіе моего поведенія. На одномъ изъ собраній центральныхъ партій у Делессера начали разсуждать въ моемъ присутствіи, какими почестями или предоставленіемъ какой власти можно вознаградить меня за мою преданность. Я всталъ и категорически отвѣтилъ въ рѣчи, записанной стенографически въ тотъ же вечеръ и напечатанной впоследствии, двумъстамъ двадцати депутатамъ, откры-

вавшимъ мнѣ свои ряды и свои сердца, слѣдующее: „Не считайте меня принадлежащимъ къ вамъ; я очутился здѣсь случайно, въ качествѣ добровольнаго помощника, защищающаго васъ отъ вѣроломной и анархической коалиціи; въ тотъ день, когда эта коалиція будетъ побѣждена, я уйду изъ вашихъ рядовъ и сдѣлаюсь попрежнему независимымъ, быть можетъ примкну къ честной оппозиціи противъ васъ же самихъ. Я хотѣлъ заслужить ваше уваженіе и только. Я несомнѣнно потерялъ бы его, если бы оставилъ васъ въ убѣжденіи, что раздѣляю ваши принципы и вашу привязанность къ династіи 1830 года. Я защищаю не короля 1830 года, а конституціонную королевскую власть, на которую такъ подло напали въ предѣлахъ ея независимости. Я не долженъ вступать въ обязательства ни съ этой королевской властью, ни съ вами въ знакъ благодарности за какія бы то ни было почести или власть, которыя вы мнѣ такъ любезно желаете предоставить. Спасемъ вмѣстѣ парламентскую конституцію и останемся затѣмъ самими собою—вы тѣмъ, что вы есть, а я такимъ, каковъ я“. Эта рѣчь существуетъ; ее можно прочесть помѣченную тѣмъ же числомъ. Мнѣ думали предложить предсѣдательство въ палатѣ; я этого не хотѣлъ.

40.

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что г. Дюпенъ, въ четвертомъ томѣ своихъ мемуаровъ, настоящемъ архивѣ событій и людей того времени, невольно ошибается относительно моихъ намѣреній и моего поведенія въ этомъ случаѣ. Онъ приписываетъ мнѣ домогательство предсѣдательства, что, признаюсь, было бы вполнѣ извинительно, если бы только оно дѣйствительно у меня было, а переходъ мой въ ряды оппозиціи объясняетъ моимъ разочарованіемъ въ успѣхѣ этой кандидатуры и непріязненнымъ чувствомъ вслѣдствіе этого противъ короля, отъ котораго я получилъ отказъ, и большинства совѣта, не пожелавшаго удовлетворить мое самолюбіе. „Мемуары“ Дюпена относительно этого окончательно заблуждаются. Рѣчь, произнесенная мною у Делессера, сохранилась и доказываетъ, что я самъ положилъ преграду между благодарнымъ большинствомъ и мною и не пожелалъ принять ни министерства, ни предсѣдательства. За нѣсколько сарказмовъ, вырвавшихся у него благодаря его эпиграмматической жилкѣ, подобной той галльской веселости, воспоминанія о которой сохранились въ римскомъ сенатѣ, Дюпенъ былъ самой природою призванъ быть вѣчнымъ предсѣдателемъ французскаго сената. Занять мѣсто послѣ него значило показать, насколько стоишь ниже его. Это было его мѣсто. Его гениальная сообразительность, необычайная наблюдательность, подавляющая вѣскость доводовъ, универсальность познаній, убивающія на смерть возраженія и даже звонъ, подобный набату, его звонка, который не терпѣлъ безпорядка такъ же, какъ и его умъ, успокаивали шумливыхъ и заставляли замолкнуть самые неистовые крики; это былъ *quos ego* Виргилія, воплощенный въ этомъ Цицеронѣ президентства. У меня не было ни единой изъ его способностей. Я вовсе не хотѣлъ заключить свою мысль и свою рѣчь въ тѣ рамки, которыя дѣлаютъ изъ человѣка безстрастный механизмъ преній. Бороться—согласенъ, предсѣдательствовать—нѣтъ. Задушить свои убѣжденія принятой на себя ролью—было не въ моей натурѣ. Я объ этомъ никогда не мечталъ; я вносилъ слишкомъ

много мысли въ современный политическій процессъ, чтобы спуститься до роли посредника.

41.

Послѣ продолжительной защиты, съ которой Моле и консервативная партія выступили противъ двухъ бывшихъ министровъ, сдѣлавшихся вождями крамолы, и противъ возмущенныхъ страстей, подбиваемыхъ этими двумя „собирающими тучъ“ въ палатѣ и печати, противъ короны, скованной ими самими въ 1830 году, Моле палъ изъ-за одного или двухъ голосовъ меньшинства.

Тогда только я увидалъ, какъ рѣдки настоящіе государственные люди. Конечно, король ловко завязывалъ интриги, въ совершенствѣ маневрировалъ между партіями оппозиціи и приверженцевъ престола; конечно, Моле былъ умный человѣкъ, умудренный годами и испытанный въ правительственныхъ рѣшеніяхъ, въ статистикахъ палатъ, въ тактикѣ выборовъ, въ колебаніяхъ убѣжденій въ такой измѣнчивой и полной неожиданностей странѣ, какъ Франція. А между тѣмъ эти два опытные человѣка вырыли вдвоемъ, въ одну ночь, собственными руками бездну, которая должна была неминуемо поглотить ихъ обоихъ, и семь или восемь министровъ, изъ которыхъ каждый могъ бы быть хорошимъ администраторомъ и совѣтчикомъ, не нашли, чтобы словомъ или движеніемъ рѣшительно броситься между королемъ и разверзшейся передъ нимъ пропастью.

Вотъ анекдотъ, еще неизвѣстный въ исторіи, освѣщающій зловѣщимъ свѣтомъ бездну, которая должна была поглотить Іюльскую монархію съ ея трономъ. Мнѣ пришлось быть здѣсь главнымъ свидѣтелемъ и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Никто, кромѣ де-Монталиве, не можетъ передать его такъ правдиво. Вотъ какъ было дѣло:

На другой день послѣ того, какъ консервативное министерство получило меньшинство въ палатѣ, мнѣ подали рано утромъ записку отъ Моле. Первый министръ конфиденціально просилъ меня пріѣхать къ нему въ восемь часовъ, но не въ министерство, а въ фамильный отель въ улицѣ Виль-л'Эвекъ, чтобы присутствовать въ качествѣ офиціознаго лица на секретномъ совѣщаніи министровъ; тамъ долженъ былъ разбираться вопросъ, какой немедленный исходъ указать королю и его отвѣтственнымъ совѣтникамъ изъ ихъ положенія послѣ голосованія, бывшаго наканунѣ.

Слѣдуетъ ли подчиниться вотировкѣ Собранія? Оставить ли ее безъ вниманія, распустить его и обратиться къ странѣ съ воззваніемъ о всеобщихъ выборахъ?

42.

Явившись къ Моле, я засталъ у него уже всѣхъ министровъ въ сборѣ.

„Мы обратились къ вамъ“, сказали мнѣ Моле:—„какъ къ одному изъ главнѣйшихъ защитниковъ правъ короны и правительства, и просили васъ присутствовать при нашихъ секретныхъ дебатахъ по поводу того, какую принять резолюцію, и для того, чтобы воспользоваться вашимъ просвѣщеннымъ совѣтомъ въ тѣхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находимся теперь“.

Началось совѣщаніе. Оно было торжественно и глубоко патетично. Дѣло

шло о судьбѣ монархіи, и было необходимо избѣжать ошибки. Ошибочное рѣшеніе могло привести къ гибели правительство, а Францію, быть можетъ, къ анархіи, въ Европѣ же вызвать волненіе.

Первый министръ поставилъ на очередь вопросъ; онъ принялъ браваду за мужество, держалъ себя какъ человѣкъ съ твердой волей, готовый вступить въ борьбу съ общественнымъ мнѣніемъ, ничего не уступающій ни времени, ни обстоятельствамъ и желающій пасть только вмѣстѣ съ монархіей.

Эта рѣчь перваго министра отличалась такимъ гордымъ, рыцарскимъ и правдивымъ тономъ, что онъ какъ бы заворожилъ всѣхъ остальныхъ министровъ, и они всѣ привѣтствовали его одни такими же энергичными рѣчами, другіе — одобрительнымъ молчаніемъ и единодушно вотировали за то, чтобы палата была немедленно распущена и было сдѣлано воззваніе къ народу противъ отвратительныхъ пріемовъ коалиціи. Эти пріемы, возмущавшіе всѣхъ честныхъ людей, безъ сомнѣнія, должны были возмутить и избирателей. Могли ли они найти справедливыми нападки на конституціонныя prerogatives короны, отступленіе отъ ихъ полномочій депутатовъ, сочувствовавшихъ въ своемъ судейскомъ кастровомъ честолюбіи обоимъ министрамъ, сгруппировавшимъ вокругъ себя всѣхъ враговъ ихъ собственной монархіи, и не желать возвращенія къ должностямъ людей порядка и твердыхъ убѣжденій?

43.

Я молча стоялъ въ углу у камина, опечаленный рѣшеніемъ, по моему столь роковымъ, принятымъ единогласно, но я былъ свидѣтелемъ, офиціально неотвѣтственнымъ, дебатовъ; однако, мое лицо, противъ моей воли грустное и выражавшее неодобреніе, вѣроятно, показывало, что рѣшеніе распустить палату въ такую минуту внушало мнѣ слишкомъ справедливый ужасъ. Всѣ смотрѣли на меня. Подождая немного, пока я, въ свою очередь, скажу свое мнѣніе, и видя, что я продолжаю молчать, Моле обратился, наконецъ, ко мнѣ тономъ упрека: „Что же, въ концѣ концовъ, думаетъ объ этомъ г. Ламартины? Мы пригласили его не затѣмъ только, чтобы онъ присутствовалъ при нашихъ дебатахъ въ качествѣ одного изъ нашихъ друзей, но главнымъ образомъ чтобы выслушать его личные взгляды относительно рѣшенія и освѣтить своимъ мнѣніемъ вопросъ; итакъ мы умоляемъ его откровенно высказать свою мысль.

— „Мою мысль“, отвѣтилъ я вставая и облачиваясь вмѣсто мраморной трибуны на мраморный каминъ: — „я вамъ не высказалъ и не хотѣлъ высказать потому, что она была бы злобщей послѣ рѣшенія, которое, какъ я вижу, уже принято на вашемъ правительственномъ совѣтѣ“.

Раздались восклицанія; меня просили объясниться; я это исполнилъ и далъ объясненіе откровенное, пространное, энергичное, безъ всякаго снисхожденія къ только что высказанному мнѣнію членовъ кабинета. Смыслъ моей рѣчи сводился къ слѣдующему:

44.

„Франція — страна чрезвычайно воспримчивая и страстно увлекающаяся оппозиціей, и отъ нея можно ожидать всего, до самоубійства включительно.

Она способна броситься сама съ Тарпейской скалы, чтобы доказать сомнѣвающемуся въ ней правительству, что она непобѣдима и свободна. Таковъ характеръ страны, доказанный на дѣлѣ разъ двадцать разными гордыми поступками, болѣе похожими на безуміе, чѣмъ на патріотизмъ.

„Это хорошо извѣстный характеръ общественнаго мнѣнія Франціи. Какъ же вы поступаете по отношенію къ ней, возстановляя ея представителей въ коалиціи? Конечно, эти люди въ настоящую минуту очень заблуждаются и очень виновны, но вы собираетесь поставить ихъ подъ защиту ихъ избирателей, которые увидятъ въ нихъ жертвъ преданности народу, сопротивленія диспотизму короны и вашего озлобленія противъ нихъ. Вы собираетесь удесятерить ихъ низкопробную популярность и превратить ее въ популярность гражданственную, популярность мести противъ короны и необдуманной ненависти къ вамъ самимъ. Вы отпускаете ихъ очень озабоченными ихъ вчерашней побѣдой, а вамъ вернуть ихъ восторжествовавшими вѣдствие вторичнаго уполномочія; это полномочіе будетъ почти революціей. Вопросъ, сегодня только министерскій, сдѣлается монархическимъ съ ихъ возвращеніемъ въ палату; сегодня это вопросъ между вами и двумя министрами, а скоро онъ будетъ вопросомъ между королемъ и народомъ; это будетъ единоборство короля и народа, въ которомъ они оба падутъ одновременно. Ваша честность требуетъ отъ васъ, чтобы вы пожертвовали собою для того, чтобы избавить короля и народъ отъ такого испытанія. Пожертвуйте же собою немедленно!

„И эта жертва своею властью будетъ ли продолжительна? Будетъ ли она окончательной? Заключается ли въ ней предполагаемая вами опасность для монархіи? Нисколько. Не успѣете вы, почтительно повинувшись буквѣ конституціи, требующей удаленія министерства по первому заявленію палаты, подать королю прошеніе объ отставкѣ, какъ страна, возмущенная вѣроломствомъ вашихъ противниковъ и испуганная пустотой, которая образуется съ вашей отставкой въ правительствѣ, поголовно отвернется отъ побѣдоносной коалиціи и потребуетъ у нея отчета въ побѣдѣ.

„Однако, какой же отчетъ можетъ дать коалиція, свергая васъ? Какое не только равносильное, но хотя бы просто терпимое министерство могутъ они предложить народу и королю? Какое единомысліе возможно установить между вождями, поголовно антипатичными другъ другу, этого скопища нападающихъ, которое, идя на васъ приступомъ, преслѣдуютъ каждый свою цѣль и несутъ каждый свое знамя? Какимъ образомъ республиканцы пойдутъ объ руку съ легитимистами? Какимъ образомъ легитимисты, столь непреклонные въ вотиrowаніи, подадутъ свои голоса за доктринеровъ, шедшихъ за министромъ 1830 года, виновникомъ ихъ разоренія и проскрипторомъ ихъ династіи? Какимъ образомъ самъ этотъ министръ, достигшій правительственнаго поста благодаря имъ же образованной бреші, примирится съ этими другими министрами лѣваго центра, вся популярность которыхъ основывается на ихъ антипатіи къ доктринерамъ и на ихъ ненависти къ Бурбонамъ 1815 года? Сдѣлаются ли роялистами ридикалы крайней лѣвой изъ любезности къ этому юному Гракху, который принялъ ступени трона за трибуну для эпиграммъ противъ своего короля? Какая связь объединить этихъ людей и эти группы въ тотъ день, когда, по удовлетвореніи ихъ враждебнаго настроенія, страна и король попросятъ ихъ представить

министерство и большинство? Доказательством безнравственности и развращенности коалицій служить то, что ихъ единственное дѣло — подкопаться подъ правительство и низвергнуть его, не будучи въ состояніи создать даже тѣнь изъ осколковъ того, что они разрушаютъ. Враждующіе между собою, побѣждающіе слѣпою ненавистью, эти коалиціи могутъ только завтра же пожрать другъ друга, выказать себя безсильными создать что бы то ни было и угрожать странѣ, вслѣдствіе этого безсилія, продолжительнымъ междуцарствіемъ или вѣчной анархіей.

„Въ такомъ положеніи находятся тѣ пять или шесть вождей, которые, къ несчастію, восторжествовали надъ вами, не будучи въ состояніи замѣнить васъ. Имъ недоставало только этой побѣды, чтобы убѣдить страну въ безпринципности и ничтожествѣ ихъ союза. Поспѣшите же предоставить имъ свободное мѣсто, предложивъ имъ составить министерство и образовать, вмѣстѣ или порознь, большинство, которое потерпѣло бы ихъ хотя одинъ день. Они испробуютъ двадцать комбинацій, но не остановятся ни на одной. Группа меньшинства не составляетъ большинства. Эта истина, относительно которой страна могла питать иллюзіи во время борьбы, завтра же встанетъ у нихъ передъ глазами.

„Междуцарствіе всего министерства продолжится, къ большому вреду для страны и къ великому ужасу честныхъ гражданъ, до тѣхъ поръ, пока уличные заговоры будутъ занимать мѣсто парламентскихъ партій и смуты не заявятъ пушечными выстрѣлами о необходимости восстановить власть.

„Послѣ того, какъ эта власть въ палатѣ ускользнетъ отъ свергнувшихъ васъ союзниковъ, сама страна громкими криками потребуетъ, чтобы король распустилъ это собраніе, причину анархіи въ ней. Король исполнитъ это при помощи нѣсколькихъ временныхъ министровъ. Возмущенные избиратели оставятъ на полѣ битвы небольшое число изболченныхъ во вредности лигѣровъ и будутъ массами восстанавливать въ полномочіяхъ благонамѣренныхъ людей, рѣшившихся поддержать васъ. Вы вернетесь, опираясь на руку всей націи, къ власти, которую вырвали у васъ заговорщики; лояльное и патріотическое большинство будетъ наперерывъ поддерживать васъ; монархія будетъ спасена тѣми же самыми маневрами коалиціи, которые угрожали ей, и все случится именно согласно общественному мнѣнію, и нельзя будетъ обвинить ни васъ, ни королевство въ нарушеніи хоть на минуту духа или буквы конституціи.

„Если же, наоборотъ, вы посоветуете теперь королю распустить палату, то страна, потерявшая довѣріе къ коронѣ или предполагающая, что она потеряла это довѣріе, составитъ путемъ выборовъ такое же большинство, какое существуетъ въ палатѣ въ настоящее время благодаря честолюбивымъ проискамъ и заговорамъ; она вновь пошлетъ къ королю все, что у нея найдется подъ рукою самаго враждебнаго коронѣ и вамъ. Въ свою очередь, королевская власть, переставшая довѣрять враждебной ей палатѣ, пожелаетъ уступить или бороться за свободу выбора своихъ министровъ. Если она уступитъ, то упадетъ подъ иго министровъ лигѣровъ, навязанныхъ ей новой палатой, и тогда эти дворцовые мѣры предпримутъ ей свою политику: войну съ внѣшними врагами и смуту внутри страны; королевская власть будетъ унижена и

лишится трона за поступки министерства. Сопротивленіе поведетъ къ непрерывнымъ или къ неизбѣжнымъ государственнымъ переворотамъ; раздоры обезсилятъ ее, государственные перевороты поглотятъ ее, и тогда начнется борьба между націей и короной; послѣдствія этого вамъ извѣстны. Я не договариваю, но по совѣсти объявляю вамъ, что хотя я лично чуждъ и хочу остаться чуждымъ вопросу, касающемуся династїи, къ которому сводится въ настоящее время королевская власть, я ухожу отсюда объятый ужасомъ при мысли о послѣдствіяхъ для моей страны отъ принятаго вами рѣшенія. Мнѣ чудится, что въ самомъ непродолжительномъ времени это выраженіе недовѣрія къ Франціи вызоветъ революцію. Если вы подадите этотъ совѣтъ королю и король приметъ его, то династія Орлеановъ отцарствовала во Франціи“.

45.

Моя рѣчь, воистину и безъ моего вѣдома пророческая, изъ которой я передаю только сущность, произвела на всѣхъ министровъ, исключая президента, гораздо болѣе потрясающее впечатлѣніе, чѣмъ я ожидалъ. Я видѣлъ, какъ нахмурились лбы, вытянулись фізіономїи, потемнѣли глаза, поблѣднѣли лица, и выраженіе сомнѣнія на нихъ смѣнялось выраженіемъ грусти. Одинъ только Моле ходилъ неровными шагами по кабинету и барабанилъ пальцами по оконнымъ стекламъ, какъ человѣкъ, вышедшій изъ терпѣнія и старающійся отвлечься отъ своихъ мыслей и выказывающій очень плохо скрытое недовольство моими доводами. Остальные, наоборотъ, были, повидимому, убѣждены; никто не выразилъ даже жестомъ своего противорѣчія.

Наконецъ, Монталивъ, министр-фаворитъ, но честный человѣкъ, пользовавшійся за свою испытанную преданность вліяніемъ на короля, началъ говорить съ жестами и тономъ человѣка искренняго, не страшашагося изъ ложнаго стыда коснуться неосторожно принятаго имъ мнѣнія и не красяща опровергающаго самого себя ради спасенія дѣла, жертвуя собственнымъ самолюбіемъ.

„Господа“, сказалъ онъ: — „признаюсь, что совершенно новые и на мой взглядъ неотразимые доводы Ламартина тронули меня и окончательно разстроили мои мысли. Я присоединяюсь къ его мнѣнію, и хотя рѣшеніе о подачѣ въ отставку кабинета было принято единодушно, я прошу вновь вернуться къ этому вопросу и обсудить еще разъ это столь важное рѣшеніе, прежде чѣмъ представить его королю“.

46.

Всѣ остальные министры, за исключеніемъ опять-таки Моле, выразили знаками свое согласіе съ предложеніемъ Монталивъ и, повидимому, были готовы принять вмѣстѣ съ нимъ мою политическую программу. Только что приготовились приступить вновь къ голосованію и вотировать сообразно съ выводами моей рѣчи, какъ Моле, выйдя на середину комнаты съ разстроеннымъ вслѣдствіе его затруднительнаго положенія лицомъ, простеръ руку въ сторону товарищей, точно не желая допустить до возобновленія преній, и сказалъ: „Остановитесь, господа! Всякій споръ впредь бесполезенъ. Я долженъ

признаться вамъ въ одномъ совершившемся фактѣ, о которомъ я, быть можетъ, долженъ былъ сообщить вамъ прежде, чѣмъ созывать васъ. Король, по моему предложенію, утвердилъ сегодня ночью своею подписью распущеніе палаты!“

Общій ропотъ удивленія и огорченія пробѣжалъ по лицамъ всѣхъ при этомъ неожиданномъ извѣстіи.

„Зачѣмъ же совѣтоваться съ нами, когда слишкомъ поздно уже измѣнить рѣшенія короля и кабинета?“ сказали тономъ упрека нѣсколько обиженные товарищи Моле. Каждый вставалъ и уходилъ, полный сомнѣній. Я самъ вышелъ съ трагическимъ предчувствіемъ революціи, которой я отнюдь не желалъ для своей страны; какъ добрый французъ, я предпочиталъ непріятное царствование анархіи..

Я никогда не могъ безъ ужаса видѣть, какъ добровольно рушится правительство, обломки котораго при своемъ паденіи всегда что-нибудь давятъ. Я вернулся домой глубоко опечаленный.

О распущеніи палаты стало извѣстно въ тотъ же день. Все, что я предсказывалъ, осуществилось буквально въ теченіе нѣсколькихъ недѣль: коалиція, представшая передъ своими судьями-избирателями, восторжествовала повсюду; она навязала королю министерство Тьера, который чуть-чуть не довелъ Францію до всемірной войны изъ-за египетскаго паши, возставшаго противъ своего повелителя,—поводъ къ войнѣ столь же бессмысленный, какъ и тотъ, который сочинили сегодня, чтобы удовлетворить фантазію незначительнаго альпійскаго короля, желающаго царствовать во Флоренціи, въ Неаполѣ, въ Палермо, въ Венеціи, не имѣя ни права, ни силы, чтобы удержаться тамъ безъ помощи Франціи. Все готово было перевернуться въ Европѣ, когда я напалъ одинъ, съ мужествомъ патріотическаго отчаянія, на министерство Тьера въ политическихъ письмахъ, прозвучавшихъ какъ набатъ объ европейскомъ пожарѣ и появившихся въ газетѣ „La Presse“.

Эти письма, перепечатанные въ трехъ стахъ газетахъ Парижа и департаментовъ, соединили наканунѣ сессіи введенное въ заблужденіе большинство, безмолвное, но исполненное патріотизма, низвергнувшее Тьера, уже смущеннаго и раскаявшагося въ своей дерзости. Онъ замѣшкался. Замѣшкавшись, онъ спасъ Европу отъ бессмысленной войны.

Министръ, его соперникъ, согласившійся поддерживать въ Лондонѣ его военную политику и поддерживавшій его такимъ образомъ, чтобы показать себя королю способнымъ замѣстить Тьера, постѣшилъ прибыть, чтобы захватить въ свои руки бразды этого запутаннаго правленія. Никто не понялъ, отчего одинъ палъ, а другой возвысился. Они оба способствовали крушенію; но какому праву вчерашній разрушитель является охранителемъ порядка на слѣдующій день? Да по праву честолюбія и таланта. Большинство сплотившись вновь подъ предводительствомъ этого государственнаго дѣятеля и, къ несчастію для короны, послѣдовало за нимъ до самой катастрофы, которой онъ не сумѣлъ ни предвидѣть, ни предотвратить, ни обуздать. Его паденіе было одновременно и паденіемъ монархіи; двойнымъ искупленіемъ 1830 года и коалиціи. Не должны ли мы всѣ искупать свои увлеченія? Кто изъ насъ не чувство-

валъ возмездія въ постигшихъ его несчастіяхъ и раскаянія въ своемъ хвастовствѣ непогрѣшимостью.

47.

Признаюсь, мнѣ внушалъ чрезвычайное отвращеніе такъ называемый парламентскій режимъ, всѣ эти антипатичные союзы партій, всѣ эти дерзкія предательства любимцевъ короны, беззаконныя давленія на королевскую власть, которую каждый стремился захватить подъ предлогомъ служенія ей, всѣ эти измѣны послѣ побѣды, всѣ эти уступки парламента недостаткамъ людей, подстрекавшихъ его съ цѣлью запутать въ своихъ проискахъ, всѣ эти симоніи, приносившія общественную пользу въ жертву личной жадности власти, всѣ эти безцѣльныя агитаціи, заставлявшія Францію постоянно волноваться и исполнявшія ее ненавистью, заговорами, страстями, вмѣсто того чтобы внести въ нее успокоеніе и заставить ее заняться своими неотложными и настоятельными нуждами.

Если перешли черезъ море крови въ 1793 году, пережили военную бойню въ теченіе пятнадцати лѣтъ имперіи, вооруженную реакцію Европы противъ Франціи въ 1814 году, возвращеніе солдатскаго деспотизма съ острова Эльбы въ 1815 году, крушеніе трехъ династій въ теченіе одного дня въ 1830 году и послѣднюю десятилѣтнюю безплодную агитацію, вплоть до 1840 года, только для того, чтобы прійти къ этому правленію безсодержательныхъ рѣчей и отвратительныхъ интригъ, если столько усилій должны были привести лишь къ распаденію на два лагеря Францію, раздѣлившуюся, подобно несчастной Имперіи Константинополя въ эпоху господства зеленыхъ и голубыхъ, между двумя министрами, вербовщиками партій, старающимися собрать вокругъ себя большинство съ цѣлью получить портфель въ ристалищѣ на Бургонской улицѣ въ Парижѣ, — воистину, говорилъ я себѣ, воистину подобный результатъ столькихъ событій не стоилъ ни потеряннаго времени, ни пролитой крови, ни великаго потрясенія умовъ въ 1789 году мыслителями восемнадцатаго столѣтія, ни великихъ волненій французской революціи въ 1791 году. Должно быть, говорилъ я себѣ еще, истинный смыслъ этой революціи затерялся во время пути и въ исторіи. Не окажется ли возможнымъ найти истинное значеніе ея, если мы вернемся къ ея возникновенію и первымъ проявленіямъ и освободимъ ее отъ увлеченій и преступленій, заставившихъ ее утратить ея первоначальный характеръ и цѣль? Не окажется ли также возможнымъ и полезнымъ обратиться къ социальной и политической философіи, апошоломъ и жертвой которой была эта Франція 1840 года, сдѣлавшаяся чѣмъ же? — ставкой нѣсколькихъ риториковъ въ безплодной игрѣ съ трибуны и газетныхъ листовъ, пищи, бросаемой ежедневно придворными и уличными заговорами въ огонь гражданской вражды, откуда исходилъ лишь дымъ или зловѣщій огонь, воспламеняющій духъ отчаявшихся массъ? Неужели цѣлый вѣкъ былъ данъ такимъ умнымъ и энергичнымъ людямъ нашей родины лишь для того, чтобы сдѣлать изъ него столь глупое употребленіе? Я едва достигъ полной зрѣлости; я самъ видѣлъ, еще ребенкомъ, первую республику, не понимая ея значенія, и не помню изъ нея ничего, кромѣ рыданій, которыя она

вызывала въ семьяхъ, разлученныхъ тюрьмами и эшафотами; я видѣлъ имперію и не слыхалъ ничего, кромѣ шаговъ войскъ, идущихъ подъ разстрѣлъ на всѣхъ европейскихъ поляхъ битвъ, и побѣдныя пѣсни, перемѣшанныя съ трауромъ всѣхъ семей народа, которыя оплакивали эти побѣды кровью, пролитую ихъ дѣтми; я дважды видѣлъ вооруженную Европу, преслѣдовавшую нашу прежде побѣдоносную армію и въ свою очередь захватывавшую нашу столицу; я видѣлъ Бурбоновъ, возвратившихся въ Парижъ послѣ унижительнаго, но неизбѣжнаго мира и встрѣтившихъ тамъ войну партій, направленную противъ нихъ вмѣсто вѣдшей войны, затихшей вслѣдъ за ихъ появленіемъ; я видѣлъ Людовика XVIII, заботящагося объ общемъ умиротвореніи въ своей договорной грамотѣ между монархіей и свободой и кротко и мудро маневрирующаго среди парламентскихъ и избирательныхъ волненій, которыя даровали ему прощеніе лишь подъ условіемъ смерти; я видѣлъ Карла X, гонимаго парламентскими партіями и нашедшаго успокоеніе лишь въ рѣшительномъ государственномъ переворотѣ, бывшемъ одновременно его преступленіемъ и наказаніемъ.

Теперь я вижу революціоннаго принца, молящаго о снисхожденіи поочередно то роялистовъ за то, что онъ ставленникъ Конвента; то республиканцевъ за то, что онъ царствующій король; то иностранцевъ за то, что онъ избранникъ возстанія; бонапартистовъ за то, что онъ Бурбонъ; демократію за то, что онъ внучатый племянникъ Людовика XIV; аристократію за то, что онъ избранникъ демократіи. Я вижу, какъ онъ принужденъ уничтожить свой гербъ на воротахъ дворца, точно свидѣтельство о преступности его рожденія по отношенію къ народу, не желающему больше имѣть предковъ; подвергнуть свою племянницу, въ тюрьмѣ de Blaye, допросу, оскорбительному для чести женщины, и, подтвердивъ свой проступокъ, якобы будучи захваченной на мѣстѣ преступления, заранѣе лишитъ довѣрія свидѣтелей, ея сторонниковъ, — пытка, до которой не додумались въ древности и которую ожесточенная противъ королевской власти партія потребовала отъ него, какъ уступку своей подлости ихъ ненависти. Я вижу его ощущающаго себя министровъ среди людей, способствовавшихъ ему взойти на престолъ, и находящаго въ нихъ лишь условную преданность, единомысліе съ его врагами въ парламентѣ или въ печати. Наконецъ, я вижу отступниковъ отъ власти 1830 года во главѣ всѣхъ оппозиціонныхъ колоннъ, вызывающихъ во всей Франціи лихорадочную агитацію, начинающуюся банкетами и неминуемо заканчивающуюся мятежомъ. Въ этомъ ли заключается парламентское правленіе? или не есть ли это скорѣе небольшая откровенная анархія, которая играетъ въ революціяхъ роль столовой съ открытыми окнами и кончается призывомъ народа сдѣлать вторженіе въ залу пиршества, опрокинуть столы и занять мѣста застольниковъ? Эти сатурналіи оппозиціи, соединившейся за столомъ, отталкивали меня отъ себя непорядочностью своихъ убѣжденій, а также своею опасностью, и я рѣшительно отказывался принять въ нихъ участіе. Я громко высказалъ мотивы своего отказа въ письмѣ въ газетахъ, которое будетъ перепечатано въ этомъ сборникѣ. Читатели увидятъ, что я, что бы ни говорили впослед-

ствіи, никогда не вступалъ въ ряды этой неблагопристойной коалиціи, которая хотѣла все потрясать и ничѣмъ не замѣщать.

48.

Но скандалы этого неопытнаго правительства, которое называли парламентскимъ правленіемъ, убѣдили меня, что дѣйствительно національная и популярная власть перестала существовать; что ни одна изъ павшихъ, упавшихъ вновь и еще находящихся въ періодѣ паденія, соперничавшихъ династій, не могла прочно возсоздать ее въ себѣ; что аристократія въ сущности отступилась отъ нея, обнародовавъ краснорѣчивое воззваніе вмѣсто того, чтобы лично вступить въ борьбу для пріобрѣтенія вліянія, популярности и трона; что это среднее сословіе, одностороннее, корыстолюбивое и лѣстливое, которому эксплуататоры подавали совѣтъ присвоить себѣ имя и притязанія второстепенной аристократіи, не было ни достаточно древнее, ни достаточно упрочившееся, ни достаточно обширное и популярное, чтобы присвоить себѣ привилегію національнаго правительства; что оно не имѣло въ себѣ ничего постоянного, рыцарскаго, обаятельнаго, кромѣ своей промышленности и торговыхъ предпріятій, столь же измѣнчивыхъ, какъ его вождельнія финансовыхъ монополій: завистливое къ находящемуся наверху, вызывающее зависть внизу, угрожающее и подверженное угрозѣ со всѣхъ сторонъ; что эта маленькая олигархія, сгруппировавшаяся подъ вліяніемъ страха и честолюбія вокругъ изворотливаго короля, не могла быть послѣднимъ словомъ французской революціи; что все это должно было рушиться при первыхъ вспышкахъ парламентскаго пожара, зажженнаго тѣми самыми лицами, которыя такъ плохо погасили его въ 1830 году; что слѣдовало заранѣе озаботиться принять мѣры противъ неизбѣжныхъ катастрофъ этого правительства, уже подорваннаго во мнѣніи массъ сообщеніемъ этимъ стремящимся къ захвату массамъ истиннаго смысла исторіи революціи, которая векорѣ должна была послужить имъ фундаментомъ, для того чтобы они снова, блуждая безъ плана и разумія, не впали въ безумства и преступленія, которыя опозорили даже самое имя этой революціи.

„Необходимо изложить для этого народа“, сказалъ я своимъ друзьямъ, повѣреннымъ моихъ мыслей: — „въ безпристрастной исторіи, нравственной и въ то же время трогательной, живой комментарій — его первой революціи, французскій Маккиавель, но не въ духѣ итальянскаго Маккиавеля, но въ духѣ современнаго Тацита; необходимо доказать всѣми фактами этой революціи, что въ исторіи такъ же, какъ и въ нравственности, каждое преступленіе, даже сегодня удавшееся, влечетъ за собою на завтра настоящее искупленіе; что народы, такъ же какъ и отдѣльныя личности обязаны честно дѣлать дѣла честныя; что цѣль не оправдываетъ средства, какъ это утверждаютъ люди, возведшіе мошенничество въ науку, и фанатики; что самые чистые принципы гибнутъ вслѣдствіе беззаконности исполнителей; что совѣсть не терпитъ сдѣлокъ съ ней; что Провидѣніе всегда готово отомстить за это, и что если революція 1793 года затопила въ крови лучшія философскія идеи, то это случилось потому, что она упала съ устъ философовъ въ объятія трибунъ, а изъ объятій трибунъ попала въ руки Сулль и Цезарей, смывая кровь кровію и легко возстанавливая тиранію, которую

общества справедливо предпочитают преступленіямъ. Написанная въ этомъ духѣ исторія сдѣлается для народа высокимъ урокомъ революціонной нравственности, пригодной наставить и удержать его наканунѣ близкой революціи“.

Вотъ та нравственная цѣль, которую я намѣтилъ себѣ заранее, размышляя о комментаріи дѣла преступленія и добродѣтели въ народной политикѣ. Я хотѣлъ дать сводъ дѣйствія будущей республики. Если бы республикѣ, какъ я уже теперь болѣе не сомнѣваюсь, хотя бы временно пришлось получить отъ французской націи и общества полномочіе, вызванное необходимостью, если бы на нее должна была быть возложена обязанность спасти родину послѣ паденія авантюрной монархіи, увлекшей за собою своихъ основателей, то я желалъ бы, чтобы будущая республика была *жирондистской*, а не *якобинской*.

Вотъ вся цѣль моей книги.

49.

Признаюсь, что болѣе тщеславное чувство, низменное чувство личной славы примѣшивалось къ этой чисто нравственной цѣли подготовить массы къ отреченію отъ безнравственныхъ поступковъ, беззаконій, преступленій, даже войны, опозорившихъ имя народа во время Первой республики. Это чувство было чисто литературное.

Я хотѣлъ испробовать свой талантъ, въ которомъ я еще сомнѣвался самъ, въ большомъ прозаическомъ произведеніи; исторія казалась мнѣ тогда, и кажется и теперь, первой изъ трагедій, самой тяжелой изъ драмъ, высшимъ проявленіемъ человѣческаго ума, поэзіей истины. Я стремился сдѣлаться, если бы это оказалось возможнымъ для меня, драматургомъ самаго великаго событія новыхъ временъ. Въ своемъ воображеніи я чувствовалъ, что у меня достанетъ силъ на это. Набожный и эгличный лиризмъ моей ранней юности внезапно измѣнился во мнѣ, какъ нѣкогда въ Солонѣ, въ чувство живого интереса къ политикѣ, вызвавшее во мнѣ любовь къ историческимъ сюжетамъ болѣе, нежели къ поэмамъ сердца и разума. Цѣты мои опадали, и мнѣ казалось, что я чувствую, какъ ихъ замѣняютъ плоды ума. Я ошибался; но развѣ нѣтъ извиненія для этихъ невольныхъ обольщеній воображенія? Легко считаешь себя способнымъ на то, о чемъ мечтаешь, а развѣ то, о чемъ я мечталъ, не было дѣйствительно самой лучшей изъ историческихъ драмъ изъ извѣстныхъ намъ временъ. Сама Франція, дѣйствующее лицо и арена дѣйствія этой великой драмы, развѣ мечтала о чемъ-нибудь болѣе прекрасномъ?

Великая мысль, кодексъ разума, овладѣла развитымъ, восторженнымъ, предприимчивымъ народомъ.

Дѣло идетъ о почти полномъ обновленіи міра—религіозномъ, нравственнымъ и политическомъ.

Объ изгнаніи со сцены почти цѣликомъ всѣхъ Среднихъ вѣковъ и водвореніи вмѣсто нихъ вѣка правды, логики, истины, свободы, братства, соединенныхъ въ одно цѣлое и брошенныхъ однимъ броскомъ.

О сохраненіи въ религіи чистой нравственности и святого христіанскаго благочестія, изгнавъ суевѣрія и нетерпимость.

Въ политикѣ—объ упраздненіи тягостныхъ феодальныхъ системъ, угнетающихъ народы, и о предоставленіи имъ правъ народной семьи и возможности дорости до уровня ихъ правъ, ихъ труда и ихъ свободы дѣйствій.

Въ законодательствѣ—объ отмѣнѣ несправедливыхъ привилегій и введеніи общихъ для всѣхъ и для всѣхъ полезныхъ законовъ.

Въ судебной организаціи—о замѣнѣ наслѣдственнаго права судейскаго званія,—случайный и грубый принципъ власти,—людьми способными—принципомъ разумнымъ, нравственнымъ и рacionalesнымъ.

Въ законодательной власти—о замѣнѣ воли одного лица публичнымъ совѣщаніемъ избранныхъ и выдающихся своими способностями лицъ, представителей просвѣщенія и общихъ интересовъ всего народа.

Наконецъ, въ исполнительной власти объ уваженіи монархіи, единственное исключеніе изъ закона, предписывающаго избраніе талантовъ, какъ указаніе на вѣчное существованіе власти, не имѣющей соперниковъ, не меркнувшей и не имѣющей междоусобицъ; объ уваженіи этой верховной власти въ теченіе всего времени, пока существуетъ нація, но о лишеніи ея всякаго произвола и объ обращеніи ея лишь въ олицетвореніе вѣчности существованія народа.

Вотъ истинная французская революція, вотъ планъ мудрыхъ и краснорѣчивыхъ зодчихъ двухъ столѣтій.

50.

Эти догматы, на которые послѣдовало слабое возраженіе лишь со стороны небольшого числа заинтересованныхъ лицъ духовнаго и аристократическаго классовъ, были привѣтствованы какъ откровеніе, сдѣланное Генеральнымъ штатамъ въ присутствіи короля, который великодушно аплодировалъ имъ, послѣ того какъ вызвалъ обнародованіе ихъ. Привилегіи уравниваются сами собою, вѣротерпимость удовлетворяетъ совѣсть каждаго, вельможи приносятъ себя въ жертву, народъ приходитъ въ экстазъ, среди кажущагося единодушнаго опьяненія, со всѣхъ устъ сыплется истины, пока только существующія въ теоріи; это можно было бы назвать взрывомъ гражданскаго откровенія, озаряющимъ своимъ собственнымъ блескомъ всѣ души и увлекающимъ въ потокахъ очевидности всѣ препятствія, которыя встрѣчаются для преобразованія средневѣковыхъ учреждений.

Но для принятія и примѣненія столь новыхъ истинъ необходимъ также и новый міръ, чтобы онъ могъ воспринять эти истины безъ колебанія, безъ содроганія, безъ пристрастности, безъ укоровъ со стороны вышедшихъ изъ заблужденія, безъ крайности и насилій со стороны новыхъ носителей свободы.

Здѣсь страсти переходятъ отъ теоріи къ преніямъ. Поступки и намѣренія короля, благонамѣреннаго умиротворителя революціи, неизвѣстны ни тѣмъ, ни другимъ; аристократы упрекаютъ его въ слабости къ новаторамъ, новаторы—въ пристрастіи къ аристократамъ; народъ осыпаетъ его подозрѣніями, затѣмъ угрозами, наконецъ угрожаетъ яростью. Король призываетъ свои войска, чтобы отстоять тѣ небольшіе обломки королевскаго величія, которые остались у него; возбужденный народъ совращаетъ на свою сторону его войска и вновь штурмуетъ короля даже въ его дворцѣ.

Народный диктаторъ появляется надъ колеблющимся потокомъ столичной толпы. Этотъ диктаторъ самъ подчиняется всѣмъ законамъ, предписываемымъ этой толпой, вмѣсто того, чтобы предписывать ихъ ей; его присутствіе узакониваетъ всѣ насилія, чинимыя народомъ двору; онъ льститъ народу, вѣжливъ съ королемъ. Король, исторгнутый изъ своего Версальскаго дворца и, подобно плѣнному королю, влекомый за колесницей триумфатора, дѣлается свидѣтелемъ того, какъ Тюльери становится достойной королевства темницей. Онъ пытается бѣжать отсюда, его снова возвращаютъ въ нее. Лафайеттъ становится не болѣе какъ національнымъ тюремщикомъ короны.

Королевская власть, тиготѣвшая надъ головою короля, переходитъ къ Учредительному собранію; вмѣсто него метафизически господствуетъ конституція; Учредительное собраніе возвращаетъ почти что разрушенный тронъ этому призраку плѣннаго короля.

Людовикъ XVI ненавидитъ конституцію и тѣмъ не менѣе сохраняетъ ее для того, чтобы убѣдить націю въ ея непригодности и чтобы признали ее непригодной тѣ именно, къ которымъ она была создана. Все государство объято пламенемъ, — безъ короля, безъ закона, безъ возможности подавить беспорядки анархіи.

Франція рѣшила созвать второе собраніе во время господства террора и насилія. Всѣ имѣющіе значеніе и умные члены Учредительнаго собранія, добровольно отрeksiеся отъ своихъ полномочій, къ несчастію, не вошли въ него. Самъ Мирабо, если бы былъ еще живъ, не могъ бы засѣдать въ совѣтѣ, лишившемся всѣхъ своихъ талантливыхъ людей.

Второстепенные члены вносятъ въ это собраніе только предложенія объ изданіи указовъ о жестокихъ расправахъ; они беспокоятъ короля требовательностью и униженіями. Внѣшняя война кажется этимъ государственнымъ людямъ счастливой диверсіей; первыя неудачи ея приписываютъ королю. Клубъ якобинцевъ, благодаря своимъ трибунамъ, господствуетъ надъ народомъ; народъ, благодаря своимъ агитаторамъ въ ратушѣ, господствуетъ въ парижской коммунѣ. Жирондисты въ министерствѣ и въ Собраніи то оказываютъ давленіе на Собраніе своимъ краснорѣчіемъ, то на короля своею популярностью; они пытаются разыграть роль укротителей революціи. Якобинцы и коммуна возбуждаютъ противъ нихъ толпу.

Бывшіе отчасти сообщниками, отчасти дѣйствовавшіе по принужденію, жирондисты подчиняются 20-го іюня и 10-го августа великому возмущенію, во время котораго тронъ рушится у нихъ на глазахъ. Они угодливо провозглашаютъ временное отрѣшеніе отъ власти и плѣненіе короля, котораго желали бы сохранить для того, чтобы олицетворить въ немъ законный порядокъ. Национальное собраніе, составленное изъ представителей всѣхъ крайнихъ партій, созывается набатомъ, прогремѣвшимъ 10-го августа; раздраженные трибуны парижской коммуны пытаются запугать Собраніе сентябрьскими убійствами. На этотъ разъ жирондисты съ отвращеніемъ и негодованіемъ отвергаютъ пролитіе крови, въ которой ни за что не хотятъ принять участіе. Дантонъ еще разъ предлагаетъ имъ миръ, если они согласятся не дѣлать упрековъ виновнымъ въ этихъ насиліяхъ. Верно благородно отказывается когда-либо амнистировать преступленіе. Тогда, съ цѣлью поставить ихъ въ затруднительное положеніе, имъ предлагаютъ ужасную задачу: судить и казнить короля. Ста-

новясь въ случаѣ согласія сообщниками, а въ случаѣ отказа навлекая на сею подозрѣніе въ приверженности къ королевской власти, они сначала отказываются; они готовятъ въ высшихъ рѣчахъ защиту короля, которому угрожаютъ, затѣмъ покоряются не изъ трусости, а изъ ложной и крайне партійной политики, которая разсчитываетъ спасти тысячи жизней пожертвовавъ одною республикѣ.

Выдача этой августѣйшей головы влечетъ за собою гибель ихъ собственныхъ головъ. Надъ ихъ трупами два года царить терроръ. Это одинъ изъ тѣхъ періодовъ жизни народа, пролитую кровь тысячъ жертвъ котораго не можетъ скрыть никакое покрывало, наброшенное въ видѣ савана. Сами палачи перестаютъ казнить не вслѣдствіе угрызений совѣсти, а отъ усталости. У преступленія тоже бываютъ минуты утомленія.

Робеспьеръ, на долю котораго выпала роковая честь дать свое имя этой мрачной эпохѣ, избранъ своими сообщниками, чтобы прикрыть его именемъ общую отвѣтственность. Онъ погибаетъ отъ руки всѣхъ и искупаетъ общую вину 9-го термидора, а также и передъ потомствомъ.

Легкомысленное, несправедливое и пристрастное общественное мнѣніе даруетъ амністію его сообщникамъ и льстецамъ. Революція не отдаетъ себѣ болѣе отчета ни въ томъ, чего она хочетъ, ни въ томъ, что она творитъ. Она идетъ наугадъ къ своей собственной гибели и переходитъ отъ палачей къ жертвамъ, отъ интригановъ къ идеологамъ, отъ идеологовъ къ солдатамъ, отъ солдатъ къ диктаторамъ, отъ диктаторовъ къ деспотамъ. Идеи перепутываются въ ея головѣ, и величайшая изъ идей всѣхъ вѣковъ приводитъ къ войнѣ и рабству. Кажется, какъ будто видишь Гракховъ, Маріевъ и Суллъ, приводящихъ къ Цезарямъ. Парижъ и Римъ имѣютъ между собою сходство; одни времена служатъ повтореніемъ другихъ, и Франція за то, что приложила свои усилія къ превращенію политическаго міра въ демагогическія конвульсіи, не находитъ въ себѣ болѣе силъ создать для себя правительства изъ умѣренныхъ законовъ свободы. Очутившись между эшафотомъ народныхъ трибунъ и штыками диктаторовъ, остается лишь выбрать мечъ, умерщвляющій или порабащующій гражданъ.

51.

Какой урокъ нравственности! какое наставленіе въ мудрости! какой патетическій и поучительный историческій сюжетъ, чтобы сдѣлать народъ достойнымъ свободы!

Я уже не колебался болѣе, избирая эту современную драму въ этотъ центральный и кульминаціонный моментъ революціи, когда еще можно любоваться красотой принциповъ, но видишь уже ужасъ насилій. Этотъ моментъ—эшафотъ жирондистовъ. Я переносился къ нему мысленно, чтобы обозрѣть оттуда свою историческую „панораму“.

Ничто не стѣсняло меня въ моей политической парламентской дѣятельности ни по отношенію къ правительству, ни по отношенію къ легитимистской, ни къ полу-республиканской оппозиціямъ. Я черпалъ въ этой полной свободѣ разума свою независимость по отношенію ко всѣмъ властямъ и партіямъ.

Итакъ, я могъ говорить всѣмъ то, что мнѣ казалось истинной. Освобожденный вслѣдствіе катастрофы 1830 года не отъ преданности и уваженія, которыя я питалъ къ королевской власти изгнанныхъ, но законныхъ Бурбоновъ, но вслѣдствіе недостойнаго поведенія въ палатѣ легитимистовъ отъ всякой солидарности съ ними, кромѣ общности происхожденія; порвавъ всѣ связи привязанности къ царствующему Орлеанскому дому, крушенію котораго я не содѣйствовалъ, но гибель и искупленіе грѣховъ котораго меня не трогали; еще болѣе чуждый анархическимъ союзамъ, которые столь недобросовѣстно основывали аристократы, демократы и легитимисты въ парламентѣ,—я не видѣлъ никакихъ нравственныхъ препятствій къ написанію исторіи революціи, могущей затронуть, оскорбить, даже возбудить своею безпристрастностію всѣ мнѣнія, сдѣлать болѣе гуманной и нравственной Вторую республику, которую я предвидѣлъ въ туманной дали, какъ послѣднее приближеніе для Франціи послѣ неизбежнаго, на мой взглядъ, крушенія владычества Орлеанскаго дома.

Повторяю: семейныя традиціи сдѣлали для меня второй натурой мою привязанность къ вѣковой королевской власти Франціи, къ столь дурно оцѣненнымъ добродѣтелямъ честнаго Людовика XVI, къ его несчастнымъ потомкамъ, къ высокой и мудрой умѣренности Людовика XVIII, короля, старавшагося примирить посредствомъ хартіи королевскую власть и свободу, даже къ рыцарскому характеру Карла X, впаваго въ заблужденіе, но оставившаго послѣ себя царственного младенца, неповиннаго, благодаря своему младенческому возрасту, въ переворотѣ, лишившемъ его родины.

Полагая такъ же невозможнымъ возстановленіе этой искупительной королевской власти, какъ и невозможнымъ для себя лично любить и лукавую королевскую власть, служить или уважать незаконную коалицію парламента, неспособную создать что-либо, а умѣющую только разрушать, я считалъ себя обязаннымъ и связаннымъ долгомъ съ политикой абстрактной, личной, идеальной, которая одна могла бы въ одинъ прекрасный день завербовать въ пользу здравыхъ, честныхъ, прогрессивныхъ принциповъ народъ, готовый власть въ анархію.

Эти принципы, сдѣлавшіеся убѣжденіями истинно политической философіи Учредительнаго собранія, принципы, столь краснорѣчиво, разумно и прекрасно разобранные или сформулированные разными Мирабо, Барнавами, Клермонъ-Тоннерами, Монморанси, Лалли-Толлендалями, Байльи, Морнье, Казалесами, Верньо, воодушевляли меня еще издали и казались мнѣ цѣлью революціи, которая уже миновала, но все еще оставалась идеальной, къ которой надо было вести народъ убѣжденіями, прежде чѣмъ заставить его достигнуть ее въ одинъ прекрасный день насиліемъ, если бы событія исходили изъ честолюбиваго и интригующаго заговора, ложной революціи и незаконной королевской власти.

Итакъ, въ моихъ глазахъ „Исторія Жирондистовъ“ не была рычагомъ, изготовленнымъ для того, чтобы пошатнуть, приподнять и опрокинуть тронъ, но придорожнымъ камнемъ, который долженъ замѣнить, въ случаѣ внезапнаго крушенія, зданіе, грозящее паденіемъ, и которому угрожалъ 1830 годъ.

Конечно, въ моемъ воображеніи рисовалась республика, но скорѣе какъ мечта, нежели какъ преднамѣченная или даже желаемая цѣль; но я

желалъ бы, въ случаѣ, если бы надія прибѣгла къ этому послѣ крушенія трона Орлеанской династіи, чтобы строго добросовѣстная исторія Первой революціи предостерегла французскій народъ отъ дурныхъ страстей и заблужденій, фанатизма, преступленій и насилій, которые совратили, обагрили кровью и уничтожили въ первый разъ господство народа. У меня не было въ мысляхъ ни одной изъ социалистическихъ химеръ Платона, Жанъ-Жака Руссо, Мабли, Робеспьера, Сень-Жюста,—химеръ, ведущихъ народъ къ преступленіямъ, послѣдствію злобы, вызываемой обманами и убивающей палачей и жертвъ въ междоусобной борьбы собственниковъ, отказывающихъ во всемъ, и пролетаріата, уничтожающаго все.

52.

По моему мнѣнію, истинная революція выразилась лишь въ трехъ принципахъ или, вѣрнѣе, въ трехъ законныхъ тенденціяхъ. Это результатъ моихъ изслѣдованій и размысленій объ истинной природѣ и истинныхъ догматахъ французскаго обновленія.

Вотъ первая изъ этихъ трехъ тенденцій духа новой цивилизаціи, возникшей на развалинахъ феодальной цивилизаціи:

Замѣна, а отнюдь не уничтоженіе принципа власти, то есть вмѣсто деспотизма королей, дворовъ, самостоятельнаго духовенства, разумная власть, контролируемая, но вслѣдствіе этого непререкаемая, выражающая собою волю всего народа, вѣренная наслѣдственному или избираемому выборными уполномоченными королю. Словомъ, власть чрезвычайно сконцентрированная, чрезвычайно сильная, самодовлѣющая, настолько сильная, чтобы подавлять всякое проявленіе личныхъ страстей и коллективные заговоры. Порядокъ свободный, но вполне господствующій надъ тѣмъ, что называютъ свободой. Потому что власть является насущной необходимостью для общества, свобода же—только личное достоинство.

Вторая изъ этихъ тенденцій, это свобода религіозная, долгое время бывшая вычеркнутой изъ гражданскихъ учрежденій Европы феодализмомъ совѣсти, и которая должна, по-моему, занять естественно принадлежащее ей мѣсто, то есть первое мѣсто въ духовной самостоятельности и какъ слѣдствіе независимости вѣроисповѣданій, сами причиняющихъ себѣ вредъ установленіемъ разныхъ учреждений и лицъ, принадлежащихъ къ признаваемой господствующей религіи. Эта свобода труднѣе всего осуществляется добросовѣстно, но она самая святая и наиболѣе поддающаяся осуществленію, на религіозной почвѣ, въ обществахъ, душа которыхъ всегда вѣрить свободно.

Третья изъ этихъ тенденцій, это соглашеніе между богатыми и бѣдными классами общества посредствомъ сближающихъ ихъ установленій. Я не разумѣю подъ этимъ словомъ напыщенное и метафизическое братство, заключающееся лишь въ неосуществимыхъ противоестественныхъ равенствѣ и общности имуществъ, но духъ милосердія, двигающій на дѣла дѣйствительнаго покровительства и взаимной поддержки собственника капитала и собственника рабочей силы, владѣльца и пролетарія, земли и руки, объектовъ собственности и собственниковъ, одинаково священныхъ и другъ безъ друга не могущихъ существовать. Съ

этой цѣлью я желалъ бы, чтобы рабочіе классы имѣли, посредствомъ права голоса, соответствующаго ихъ праву на жизнь, извѣстное число совѣщательныхъ голосовъ въ представительствѣ пользующихся слишкомъ большими преимуществами классовъ собственниковъ или промышленниковъ; я желалъ, чтобы, подобно тому, какъ это дѣлается въ Англіи, въ пользу благотворительности были установлены пошлыны съ доходовъ, но не прогрессивныя, раздробляющія трудъ, раздробляя капиталъ, а пропорціональныя, обязывающія богатый классъ быть милосерднымъ къ бѣдному и вносящія любовь и добродѣтель въ законы.

53.

Всѣ эти тенденціи очевидно требовали огромнаго расширенія для того, чтобы постепенно перейти въ законы, выборнаго начала—ограничительнаго, привилегированнаго и слѣдовательно могущаго сдѣлаться, въ одинъ прекрасный день, опаснымъ для самого общества, которое можетъ жить только при законности и всегда погибаетъ отъ привилегій.

Эти законы были дѣйствительно республиканскими въ моральномъ значеніи этого слова, но они отнюдь не были антимонархическими въ политическомъ отношеніи. Республикански духовныя учрежденія могутъ имѣть главою монарха, не теряя вѣлѣдствіе этого своей популярности.

Разъ прогрессивныя идеи проведены въ жизнь въ благоустроенномъ государствѣ, монархія можетъ логически и съ успѣхомъ служить связью для этой группы идей.

Я былъ далекъ отъ того, чтобы не признавать это. Точно также я не объявлялъ себя республиканцемъ, но народникомъ, и въ рѣчи, произнесенной въ Маконѣ на знаменитомъ банкетѣ, устроенномъ въ мою честь тремя или четырьмя соединенными провинціями (банкетъ литературномъ, который не надо смѣшивать съ политическими, устраивавшимися парламентскимъ союзомъ), въ этой рѣчи, говорю я, которая смѣлостью тона и идей заставила содрогнуться всю Францію, я доказывалъ, что монархію нужно покорить силой общественнаго мнѣнія; а не ниспровергнуть ее. Это былъ мужественный совѣтъ, а не угроза. Его можно прочесть въ полномъ собраніи моихъ сочиненій *). Французскія и европейскія газеты всѣхъ направленій воспроизвели ее и вызвали своими комментаріями въ умахъ читателей предчувствіе близкаго паденія трона Орлеановъ. Такого намѣренія у меня не было. Я доказалъ это въ моемъ собственномъ департаментѣ энергичнымъ письмомъ противъ парламентскихъ банкетовъ союза, къ которому я отказывался присоединиться.

Но послѣ паденія г. Молэ, отнынѣ переставшаго церемониться съ временнымъ министерствомъ, уличеннымъ въ измѣнѣ одной изъ партій союза, занявшей мѣсто этого государственнаго человѣка, я взшелъ на трибуну и въ первый разъ объявилъ, что присоединяюсь къ оппозиціи.

Оппозиція разразилась рукоплесканіями; реакціонная партія была удивлена и опечалена, хотя не оскорбляла меня.

*) См. т. XXXVIII, стр. 5.

Въ общемъ это изъявленіе дояльной враждебности правительству приписываютъ озлобленію обманувшагося въ своихъ надеждахъ честолюбца, который мститъ, ниспровергая то, что защищалъ наканунѣ. Это обвиненіе было безусловно несправедливо, потому что король вторично предлагалъ мнѣ секретную аудіенцію *); я согласился на нее исключительно принимая во вниманіе наши прежнія отношенія. Онъ дѣлалъ мнѣ всевозможныя предложенія съ такою настойчивостью, что отказъ являлся затруднительнымъ для моего сердца, тронутаго его стѣсненнымъ положеніемъ; однако я ото всего отказался. Его главный министръ въ то время, знавшій лучше, чѣмъ кто-либо, часть правды объ этомъ свиданіи и предложеніяхъ, сдѣланныхъ мнѣ королемъ, какъ говорятъ, въ послѣдствіи опровергъ ихъ, заявивъ, что они явились плодомъ моего воображенія. Самъ король, изъ глубины могилы, въ своихъ посмертныхъ разоблаченіяхъ опровергнетъ болѣе доказательно, чѣмъ я, своего министра. Ни одинъ король столько не писалъ.

Но вернемся къ „Жирондистамъ“, этой эпической рѣчи, этому слѣдствію въ формѣ разсказа, который долженъ былъ произвести и произвелъ болѣе сильное и глубокое впечатлѣніе, чѣмъ сотни рѣчей, произнесенныхъ съ трибуны.

54.

Я сказалъ уже, въ какомъ духѣ и въ какой полной независимости отъ политическихъ мнѣній я рѣшилъ писать эту исторію. Я рылся въ деревнѣ, въ промежутки между сессіями, и въ Парижѣ, между засѣданіями, во всевозможныхъ документахъ, печатныхъ, рукописныхъ, живыхъ, которые помогли бы мнѣ освѣтить эту достопомянутную эпоху. Они были многочисленны, объемисты, искренни; благопріятствовало то, что въ этихъ портфеляхъ и въ этихъ воспоминаніяхъ свободная рука некала безпристрастнаго свѣта, который загорается лишь тогда, когда партіи уже отошли въ вѣчность, а страсти угасли. Я рѣшилъ быть справедливымъ ко всѣмъ, а прежде всего, если понадобится, къ себѣ самому; я не пренебрегалъ ничѣмъ, чтобы быть хорошо освѣдомленнымъ. Что касается слога, то я не обращалъ на него вниманія; я былъ увѣренъ, что, несмотря на мою недостаточную привычку писать прозой, сами событія настроятъ меня на ясность, порядокъ, свѣтъ, правдивость, и даже—единственное краснорѣчіе историка—чувствительность передачи, вкладывающую сердце въ разсказъ. Я по природѣ склоненъ къ чувствительности; мнѣ оставалось только дать волю своей натурѣ. Чувствовать мнѣ было легко; быть освѣдомленнымъ — труднѣе; я приложилъ къ этому все свои старанія.

Вотъ примѣръ, среди тысячи другихъ, строгаго и неутомимаго вниманія, которое я вносилъ въ свой трудъ, чтобы сдѣлать его интереснымъ и правдивымъ. Каждое сомнѣніе въ справедливости какой-либо подробности, приводимой мною въ моемъ пространномъ шеститомномъ разсказѣ, я могу опровергнуть неопровержимыми доказательствами въ родѣ тѣхъ, которыя я привелъ въ отвѣтъ г. де-Кассаньяку, усомнившемуся въ моей добросовѣстности, какъ историка.

*) См. объ этомъ свиданіи 49 бесѣду моего „Cours familier“, стр. 51, въ примѣчаніи.

Правдивость есть честность исторіи. Ложь передъ потомствомъ есть ложь передъ Богомъ, потому что исторія божественна.

55.

Одинъ писатель, пишущій сильно, но не всегда попадающій въ цѣль, именно въ силу своего таланта, г. де-Касаньякъ, также написалъ книгу о жирондистахъ. Онъ обвиняетъ меня въ томъ, что я не только искажилъ, а прямо-таки выдумалъ разсказъ о предсмертномъ банкетѣ жирондистовъ наканунѣ ихъ казни. Этотъ послѣдній, глубоко драматичный, ужинъ жертвъ показался мнѣ самому столь страннымъ и невѣроятнымъ, что, признавъ въ немъ для исторіи фальшивый тонъ поэмы или романа, я рѣшилъ воспроизвести его или подъ сомнѣніемъ или заключить въ скромныя рамки прозы. Однако, изъ того, что какой-либо фактъ драматично живописенъ и патетиченъ, все-таки не слѣдуетъ, что онъ фальшивъ. Я хотѣлъ всесторонне уяснить себѣ факты, прежде чѣмъ сообщить ихъ.

Я много слышалъ объ одномъ духовномъ лицѣ, аббатѣ Ламберѣ присяжномъ священникѣ, другѣ нѣсколькихъ жирондистовъ, имѣвшемъ сношенія съ ними въ то время, когда они сидѣли въ тюрьмахъ, и присутствовавшемъ при послѣднихъ ихъ минутахъ до казни включительно. Я навелъ самыя кропотливыя и точныя справки объ этомъ священникѣ и о томъ, что съ нимъ стало послѣ 1793 года. Я узналъ, что онъ еще живъ, примирился съ церковью послѣ эпохи отреченія и въ теченіе долгихъ лѣтъ оставался священникомъ въ Бессанкурской коммунѣ въ департаментѣ Сены и Уазы. Я обратился къ нему письменно съ просьбой сообщить мнѣ, дѣйствительно ли онъ находился въ сношеніяхъ съ побѣжденными 31-го мая и, если этотъ слухъ основателенъ, не согласится ли онъ принять меня и сообщить мнѣ свѣдѣнія, столь важныя для исторіи. Онъ отвѣтилъ мнѣ съ чрезвычайной охотой и заявилъ, что его удивляетъ, что имя его, уже такъ давно забытое и погребенное въ томъ уголкѣ земли, гдѣ онъ служилъ своему бѣдному приходу, дошло до меня; что такъ какъ его возрастъ и недуги лишаютъ его возможности предпринять путешествіе, то онъ очень радъ принять меня въ своемъ скромномъ священническомъ домикѣ и разсказать мнѣ все, что сохранилось у него въ памяти объ этихъ трагическихъ событіяхъ.

Я отправился на почтовыхъ, въ сопровожденіи одного молодого человѣка, сдѣлавшагося впослѣдствіи моимъ сотоварищемъ въ учредительномъ собраніи 1848 года, котораго я не могу назвать здѣсь безъ его разрѣшенія, но который, безъ сомнѣнія, подтвердитъ фактъ этого путешествія и нашихъ совместныхъ разспросовъ въ Бессанкурѣ.

56.

Бессанкурскій священникъ, въ то время еще бодрый и какъ бы видѣвшій передъ собою все прошедшее, сообщилъ намъ желаемыя свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ, настроеніи духа и разговорахъ осужденныхъ. Мы записывали сцены, изображенія лицъ, ихъ слова, по мѣрѣ того, какъ воспоминанія, вызываемыя нашими разспросами, возникали и развивались въ памяти старика; это были какъ бы замѣтки къ исторической, правдивой картинѣ, изъ которыхъ я дол-

женъ былъ скомпановать одно цѣлое по своему возвращеніи. Намъ едва хватило дня, чтобы собрать показанія единственнаго оставшагося въ живыхъ свидѣтеля этой великой драмы. Мы прерывали разсказъ бессанкурскаго священника только для завтрака и обѣда, для которыхъ мы собирались за его скромной трапезой. Мы разстались съ нимъ вечеромъ, полные признательности за его пріемъ и нагруженные живыми свѣдѣніями, вынесенными изъ нашей бесѣды.

Нѣсколько времени спустя я снова поѣхалъ изъ Парижа въ Бессанкуръ, чтобы пополнить и уяснить себѣ нѣкоторыя обстоятельства, оставшіяся для меня неясными. Въ этотъ разъ меня сопровождалъ литераторъ, сдѣлавшійся впоследствии извѣстнымъ историкомъ другой нашей исторической эпохи, которому я повѣрялъ всѣ свои труды. Въ случаѣ необходимости, онъ замолвить за меня слово. Это второе путешествіе въ Бессанкуръ и подробныя сообщенія аббата Ламбера окончательно убѣдили меня. Мнѣ оставалось только привести въ систему его показанія. Конечно, возможно, что послѣ такого продолжительнаго промежутка времени бессанкурскій священникъ допустилъ нѣкоторыя ошибки въ именaxъ, числахъ и подробностяхъ, касающихся столь многочисленныхъ дѣйствующихъ лицъ, заключенныхъ въ тюрьмахъ, и ихъ взаимныхъ отношеній въ патетической драмѣ, разыгравшейся въ послѣдній часъ ихъ жизни,—но тотъ, кто слышалъ этого скромнаго и искренняго свидѣтеля этихъ сценъ, не можетъ оскорбить сомнѣніемъ правдивость его словъ. Ему никогда не приходила въ голову мысль вѣнчать себѣ въ заслугу случайность, столкнувшую его съ жирондистами; онъ говорилъ мало, не писалъ ничего. Я думаю, что онъ не любилъ, чтобы его прихожане думали о немъ, какъ о присяжномъ священникѣ, бывшемъ въ молодости конституціоналистомъ, и что ему было скорѣе досадно, нежели пріятно, когда о немъ говорили, какъ о свидѣтелѣ событій, напоминавшихъ ему о его проступкѣ передъ священническимъ саномъ, хотя онъ впоследствии и искупилъ этотъ проступокъ раскаяніемъ въ немъ.

Если этихъ доказательствъ моей кропотливой добросовѣстности въ изысканіяхъ, если этого доказательства дѣйствительнаго существованія аббата Ламбера недостаточно, чтобы убѣдить писателя, приписывающаго мнѣ измышленіе этой, какъ онъ выражается, *басни*, то вотъ письмо на ту же тему одного изъ именитыхъ обывателей Бессанкура, которое я только что получилъ съ разрѣшеніемъ воспроизвести его:

„Милостивый Государь,

„Мнѣ нѣтъ надобности слишкомъ углубляться въ мои воспоминанія, чтобы засвидѣтельствовать, что почтенный аббатъ Ламберъ былъ въ теченіе многихъ лѣтъ (съ 1817 до 1847, по годъ своей смерти) священникомъ въ Бессанкурѣ (департаментъ Сены и Уазы); что это духовное лицо слыло въ округѣ за челоуѣка, бывшаго другомъ жирондистовъ и духовнымъ утѣшителемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ наканунѣ ихъ казни въ 1793 году, и что вы пріѣзжали съ кѣмъ-то изъ вашихъ друзей или сотрудниковъ, имя котораго я забылъ, и провели много часовъ у священника Ламбера въ его священническомъ домикѣ въ Бессанкурѣ, чтобы выслушать изъ устъ этого почтеннаго старца всѣ тѣ подробности, которыя вы сообщили въ вашей „Исторіи жирондистовъ“. Тамъ-то я

и удостоился чести познакомиться съ вами, милостивый государь, присутствуя при вашихъ бесѣдахъ за столомъ у аббата Ламбера, и принимать васъ у себя въ Бессанкурѣ въ промежутки между этими бесѣдами.

„Многіе изъ жителей Бессанкура, такъ же какъ и я, помнятъ о вашемъ прїѣздѣ съ цѣлью наведенія справокъ и, въ случаѣ необходимости, готовы засвидѣтельствовать это.

„Примите, милостивый государь увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ уваженіи.

„Н. Наленъ“.

„Бессанкуръ, 9 іюля 1861 года“.

57.

Итакъ, вотъ четыре свидѣтельства живыхъ людей, не оставляющія ни малѣйшаго сомнѣнія относительно правдивости разсказа личнаго свидѣтеля торжественныхъ сценъ и достопамятныхъ словъ, предшествовавшихъ казни жирондистовъ. Слѣдовательно, весь этотъ разсказъ, точно воспроизведенный въ моей книгѣ, можетъ быть принятъ за достовѣрный, кромѣ болѣе или менѣе точныхъ, хотя и преувеличенныхъ легендъ, созданныхъ не историкомъ, а самимъ народомъ, въ родѣ окутывающей атмосферы народнаго воображенія, которая всегда облакаетъ великія событія, подобно тому какъ въ природѣ бывають окутаны далекіе горизонты.

Критика также ошибается, отрицая предварительное заключеніе главныхъ вожakovъ жирондистовъ въ Кармелитской тюрьмѣ въ улицѣ Вожираръ. Слѣдовательно она также ошибается, приписывая мнѣ произвольное предположеніе принадлежности стѣнныхъ надписей въ верхнихъ кельяхъ Кармелитскаго монастыря жирондистамъ, содержащимся тамъ. Я открылъ ихъ самъ на выбѣленныхъ извѣстью стѣнахъ, гдѣ ихъ, вѣроятно, можно увидѣть еще и теперь. Я допустилъ только, какъ возможное, но отнюдь не достовѣрное предположеніе принадлежности той или иной надписи тому или другому изъ узниковъ. Это уже не исторія, а просто психологическая догадка, не имѣющая никакой исторической цѣнности, но которая никогда не была возбранена историкамъ не ради искаженія, а для подтвержденія достовѣрности ихъ разсказа.

Мнѣ напрасно возражаютъ, опираясь на открытые впослѣдствіи документы, что жирондисты были заключены въ Аббатствѣ, въ Люксембургѣ, въ Ла-Форсѣ, въ Консьержери и что арестная книга Кармелитскаго монастыря умалчиваетъ о нихъ. Но отсутствіе именъ въ арестныхъ спискахъ дома, не бывшаго настоящей тюрьмой и гдѣ имена заключенныхъ во время сентябрьскихъ избіеній записывались по просту на листахъ, является скорѣе доказательствомъ отрицательнымъ, оставляющимъ поле для возраженій. Слѣды жирондистовъ открыли въ разныхъ тюрьмахъ, но только *начиная* съ 26 іюля 1793 года. Отчего же нѣтъ указаній на то, гдѣ они содержались до того времени? Жирондисты были арестованы въ послѣднихъ числахъ іюня. Съ конца іюня до конца іюля они, вѣроятно, были же заключены въ какой-нибудь тюрьмѣ: отчего же не допустить, что эта тюрьма была именно Кармелитская? Что этому противорѣчить? Тѣснота ихъ камеръ? Всѣмъ извѣстно, что двадцать одинъ жирон-

диста попали въ разные сроки въ руки враговъ. Они находились вмѣстѣ только въ послѣднемъ своемъ мѣстѣ заключенія—Консьержери.

Кромѣ того, какъ относятся къ преданію о томъ, что нѣкоторые изъ жирондистовъ провели нѣсколько дней въ Кармелитскомъ монастырѣ? Пусть не воображаютъ, что я выдумалъ это преданіе; оно существовало уже до изданія моей исторіи; доказательствомъ тому служить посѣщеніе г. Дюпена въ сопровожденіи монсеньора Аффра, до выпуска въ свѣтъ моей книги, кельи Кармелитскаго монастыря, носящей названіе камеры жирондистовъ (См. томъ IV мемуаровъ Дюпена).

Въ добросовѣстности моихъ изысканій, какимъ бы трудомъ они ни сопровождались, путемъ ли путешествій или опросовъ семействъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ революціонной драмы, можетъ убѣдиться каждый желающій, провѣривъ, подобно г. де-Кассаньяку, любую изъ страницъ „Исторіи жирондистовъ“.

58.

Помимо печатныхъ и рукописныхъ документовъ, тщательно въ изобиліи собранныхъ въ огромномъ и блестящемъ архивѣ гг. Бюше и Ру, которые послужили мнѣ историческомъ руководствомъ, всегда передо мною открытымъ на моемъ столѣ въ теченіе двухъ лѣтъ, посвященныхъ мною написанію моей исторіи, я не пренебрегалъ ни одною изъ устныхъ справокъ, которыя я считалъ возможнымъ получить отъ родныхъ или друзей дѣйствующихъ лицъ, даже мнѣ антипатичныхъ, общественную или интимную жизнь которыхъ мнѣ предстояло изучить. Только сближаясь съ очевидцемъ событій, приближаешься къ истинѣ событій и характеровъ. Издали—исторія гладкая поверхность; она становится достовѣрною лишь вблизи. Актеръ исчезаетъ, обнаруживается человѣкъ, исторія дѣлается нагой, какъ истина.

Такимъ образомъ я совершенно уяснилъ Дантона; Дантонъ — единственный государственный мужъ въ революціи послѣ Мирабо, Юпитеръ громовержецъ этихъ бурь, трибунъ, сердце котораго судорожно билось, сжимаясь заранѣе отъ укоровъ совѣсти, вырывалось въ самыхъ раскатахъ его голоса, повергавшихъ въ ужасъ и бѣгство его жертвы, человѣкъ, который могъ бы быть великимъ провозгласителемъ новыхъ истинъ, если бы у него хватило мужества воздержаться отъ совершенія преступленія орудіемъ свободы.

Вторая жена Дантона, вышедшая за него замужъ въ пятнадцати-лѣтнемъ возрастѣ, была жива въ то время, когда я писалъ „Исторію Жирондистовъ“, и, я думаю, жива еще и теперь. Она носитъ почтенное имя, скрывшее слишкомъ памятное имя ея перваго мужа. Я разыскалъ ее; ради меня она согласилась отбросить свое вдовье покрывало и трауръ воспоминаній юныхъ лѣтъ; она прислала ко мнѣ своего сына отъ второго брака, молодого человѣка съ незапятнаннымъ именемъ, занимающаго высокое положеніе въ обществѣ, любящаго сына, говорившаго умно и скромно. Я узналъ отъ него всѣ интимныя подробности характера, домашней жизни, личныхъ чувствъ, послѣдней разлуки и трагической смерти этого двуликаго человѣка — страшнаго снаружи и чувствительнаго въ душѣ. По этой-то модели, вышедшей изъ мрака супружескаго алькова, я и вылѣпилъ бюстъ Дантона.

59.

Развѣ я простилъ ему хоть одно возмутительное преступленіе, соучастіе въ сентябрьскихъ избіеніяхъ *) и принесеніе въ жертву головы короля 21-го января? Нѣтъ. Умалять ужасъ преступленія значить принимать въ немъ участіе добровольно; извиненіе даже хуже самаго преступленія, такъ какъ это преступленіе, лишенное той страстности, которая толкаетъ на него, это преступленіе хладнокровное.

Но я обнаружилъ истиннаго виновника, желавшаго популярности вплоть до пролитія крови, и я показалъ истиннаго Дантона, великодушнаго злодѣя, погрязшаго въ преступленіяхъ, соучастіе въ которыхъ заставляетъ его каяться, и тщетно пытающагося выбраться на берегъ невинности, достигнуть котораго можно лишь на небѣ и то цѣною покаянія и искупленія.

60.

Такимъ-то образомъ, желая выставить Робеспьера въ его истинномъ свѣтѣ, какъ по-истинѣ историческій характеръ систематическаго и убѣжденнаго фанатика, вначалѣ дѣйствовавшаго подъ впечатлѣніемъ политической и соціальной абберации и отчаяннаго звѣрства въ концѣ, я тщательно разыскивалъ въ теченіе цѣлой зимы тончайшія нити, еще существовавшія и имѣвшія связь съ этимъ лицомъ, чтобы найти такимъ путемъ не условную, а истинную и сокровенную правду объ этомъ трибунѣ, свергнутомъ съ диктаторства 9-го термидора, въ день, о которомъ Бонапартъ, знавшій и посѣщавшій этого тирана Комитета общественнаго спасенія, говорилъ во время своего пребыванія на островѣ св. Елены: „Это былъ судебный приговоръ, но безъ слѣдствія“. Острота очень смѣлая, но вполне вѣрная.

Я узналъ случайно, что одна изъ дочерей столяра Дюплэ, съ улицы Сентъ-Оноре, проживала еще въ улицѣ Турнонь, подъ именемъ г-жи Леба; что она была живымъ преданіемъ семьи, оказавшей въ своемъ домѣ Робеспьеру такое задушевное и такое продолжительное гостепріимство, съ самаго пріѣзда въ Парижъ араскаго депутата для присутствованія въ Учредительномъ собраніи до его смерти, при чемъ вмѣстѣ съ нимъ погибли жена и часть семьи его хозяина и самъ этотъ хозяинъ.

Я добился того, что попалъ въ домъ госпожи Леба, этой наивной и страстной свидѣтельницы частной жизни Робеспьера, этого живого и горячаго протеста противъ клеветы (такъ какъ клеветуютъ даже на преступленіе) историковъ революціи.

Я встрѣтилъ въ госпожѣ Леба библейскую женщину временъ Вавилонскаго плѣненія, удалившуюся отъ житейской суеты въ верхній этажъ нищенскаго жилища, жившую своими воспоминаніями, окруженную портретами членовъ своей

*) Я не вѣрю уже, чтобы Дантонъ желалъ сентябрьскихъ избіеній. Я долженъ прибавить, что ихъ не хотѣла и парижская коммуна; она приняла ихъ послѣ того, какъ событіе совершилось, чтобы ихъ прекратить. Мануэль чуть не погибъ самъ, пытаясь обезоружить убійцъ. При всей своей смѣлости, Дантонъ не рѣшился отказаться отъ участія въ нихъ. Это преступленіе не имѣетъ отца!

семьи, разсыпанной 18-го фрюктидора, своих сестеръ, изъ которыхъ красивѣйшая должна была сдѣлаться женою Робеспьера, самого Робеспьера въ элегантныхъ костюмахъ, въ которыхъ онъ съ гордостью появлялся для контраста съ куртками, красными шапками и сабо,—отвратительными знаками отличія, гнусной лестью якобинцевъ равенству и нищетѣ черни. Великолѣпный портретъ пастелью, въ настоящую величину, Сень-Жюста, этого Барбаросса террористовъ и Антиноя якобинцевъ, красовался, въ запыленной золоченой рамѣ, на стѣнѣ между пологомъ постели и дверью,—предметъ культа воспоминаній молодой дѣвушки о самомъ увлекательномъ изъ учениковъ трибуна смерти.

Молодая дѣвушка сдѣлалась женою, матерью, вдовою; она постарѣла годами и лицомъ, не сохранившимъ въ чертахъ слѣда былой красоты, но и не носившимъ признака старости и дряхлости. Выраженіе лица ея, сосредоточенное, грустное, но отнюдь не смущенное, придавало ея рѣзкимъ чертамъ какую-то окаменѣлую неподвижность постоянно одной и той же мысли, одного и того же чувства,—мысли отвлеченной, чувства упорного, хотя отнюдь не злого.

Она встрѣтила меня со спокойной увѣренностью, заранѣе предупрежденная поэтось Беранже о томъ, что я не раздѣляю ея политическихъ убѣжденій и что я пришелъ не для того, чтобы льстить ей или предать ее, а единственно съ цѣлью ознакомиться возможно ближе, изъ ея разсказовъ, съ эпохой, явленіями и лицами, которыя она пережила, которыхъ встрѣчала, знала близко въ ихъ повседневной обстановкѣ, когда забываютъ надѣвать маски передъ домашними свидѣтелями даже люди, всегда играющіе комедіи передъ публикой.

Я повторилъ ей то же, что сказалъ по этому поводу Беранже: „Я явился къ вамъ не какъ сторонникъ террора или реабилитаторъ воспоминаній, которыя вы чтите. Боже сохрани! Я сынъ роялиста, роялистъ самъ по рожденію и воспитанію, по традиціямъ во времена юности; если бы Робеспьеръ не умеръ, не было бы въ живыхъ моего отца и вся моя семья пала бы жертвой его системы обновленія Франціи путемъ истребленія. Но я хочу внести въ исторію общества личную честность и добросовѣстность, изобразить дѣйствующихъ лицъ, смотря на нихъ не сквозь призму мести и предразсудка, а нарисовать ихъ собственныя черты. Нужно отдавать справедливость даже тому, что заслуживаетъ порицанія, и если добродѣтель случайно примѣшалась къ преступленіямъ человѣка, заслуженно внушающаго ужасъ врагамъ и жертвамъ, не должно отрицать возможности такого чудовищаго, но часто встрѣчающагося въ жизни соединенія; должно только съ честной искренностью отдѣлать эту добродѣтель отъ порока и сказать: „Это было добродѣтелью, а это преступленіемъ; а это преступленіе и добродѣтель—человѣкомъ“. Вотъ въ какомъ настроеніи инстинктивнаго отвращенія къ вашему кумиру и профессиональнаго, обязательнаго безпристрастія историка я пришелъ просить васъ подѣлиться вашими воспоминаніями. Подѣлитесь ими со мною, или откажите мнѣ въ этомъ, согласно представленію, какое у васъ сложится обо мнѣ; я отнесусь съ одинаковымъ уваженіемъ какъ къ вашему довѣрію, такъ и къ молчанію, и или вернусь къ вамъ еще разъ, или удалюсь навсегда, не настаивая ни на чемъ“.

Моя откровенность встрѣтила со стороны госпожи Леба лучшую оцѣнку, нежели могла бы встрѣтить разсчитливая лесть ея чувствомъ. Мнѣ были раз-

рѣшены свободный доступъ въ ея уединенное убѣжище и право сколько угодно перелистывать страницу за страницей живую книгу ея неисчерпаемыхъ и страстныхъ воспоминаній обо всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ подробностяхъ частной и общественной жизни Робеспьера. Все, что я привожу въ „Жирондистахъ“ объ аскетическомъ, уединенномъ, трудолюбивомъ, цѣломудренномъ и, такъ сказать, отвлеченномъ образѣ жизни кумира якобинцевъ и народа, есть дословный рассказъ госпожи Леба. Мнѣ принадлежать только слогъ и выводы.

61.

Сень-Жюсть также игралъ большую роль въ этихъ воспоминаніяхъ. Мнѣ кажется, что до выхода замужъ за Леба юная дочь предпринимателя Дюплэ, квартирнаго хозяина Робеспьера, одно время мечтала сдѣлаться женою молодого красавца-проконсула, фанатическаго сеида этого Магомета съ антресолей, когда революція завершится наконецъ тою сентиментальной пастушеской идилліей, которую мечтали установить Сень-Жюсть и его учитель на мѣстѣ уравнанныхъ неравенствъ и упраздненныхъ эшафотовъ. Потому что, въ сущности, таково было ихъ намѣреніе. Его встрѣчаешь во всѣхъ секретныхъ бумагахъ и во всѣхъ разговорахъ при закрытыхъ дверяхъ, за столомъ матери барышенъ Дюплэ. Каждый разъ, когда въ нашей бесѣдѣ упоминалось имя Сень-Жюста, голосъ госпожи Леба дѣлался мягче, выраженіе лица нѣжнѣе, и глаза ея, полные пережитаго энтузіазма, переносились отъ портрета къ небу, какъ бы нѣмой упрекъ ему за то, что оно допустило, чтобы топоръ 1794 года пресѣкъ какую-то сладкую мечту вмѣстѣ съ головой этого ангела-истребителя, воплотившагося въ двадцати-семи-лѣтнемъ проскрипторѣ.

62.

Съ еще большимъ трудомъ я отыскалъ одинъ источникъ свѣдѣній о Дантонѣ въ лицѣ г. де-Сентъ-Альбина, огромный отелъ котораго въ улицѣ Тамплъ былъ настоящимъ музеемъ террора. Онъ самъ спасся тѣмъ, что перемѣнилъ имя. Но въ сообщеніяхъ этого наперсника Дантона встрѣчались умолчанія, мѣшавшія вѣрить его полному безпристрастію. Отъ него можно было воспользоваться только образами.

Другой источникъ, несравненно болѣе надежный, драгоценный и оригинальный, я нашелъ въ лицѣ Субербьея, вѣрнаго стараго террориста, оставшагося до восьмидесяти лѣтъ такимъ же фанатичнымъ поклонникомъ Робеспьера, какимъ онъ былъ въ день провозглашенія Верховнаго Существа, и не перестававшаго оплакивать 9-е термидора и казнь трибуна-жреца какъ память мученика добродѣтели.

Субербель, жившій почти невидимкой въ кварталѣ Пале-Рояль съ старухой служанкой, встрѣтилъ меня у изголовья своей кровати съ плохо скрытой радостью, какъ умирающій принимаетъ своего наслѣдника, торопясь передать ему передъ смертью свои дорогія воспоминанія. Повидимому, онъ жилъ въ довольствѣ, хотя и уединенно. Въ квартирѣ его, помѣщавшейся въ нижнемъ этажѣ вполне приличнаго дома, былъ безпорядокъ, но это происходило отъ небрежности;

мебель была нагромождена одна на другую, картина на картину, матерія на матерію: все это походило на аукціонъ.

Онъ былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ повѣренныхъ Робеспьера и былъ болѣе другихъ посвященъ въ мысли и политическія дѣянія главы Комитета общественнаго спасенія. Робеспьеръ назначилъ его старшимъ врачомъ и въ то же время главнымъ довѣреннымъ агентомъ той *Марсовой школы*, корпуса юныхъ янычаръ, жившихъ на Марсовомъ полѣ, которые издали охраняли Конвентъ, а главнымъ образомъ самого Робеспьера, и готовы были летѣть къ нему на помощь въ случаѣ, если бы его сотоварищи, утомленные подчиненіемъ, вызвали его на бой въ Собраніи или въ столицѣ. Субербьель зналъ всѣ тайны и даже на протяженіи сорока лѣтъ раздѣлялъ всѣ увлеченія своего учителя великими народными и *добродѣтельными* идеями, въ наличность которыхъ у него онъ вѣрилъ до сихъ поръ.

Мнѣ тяжело было переносить этотъ апофеозъ Робеспьеру. Во время этихъ припадковъ энтузіазма южная кровь Субербьеля, прилившая у него къ головѣ, придавала его лицу выраженіе лица сибиллы, вдохновленной эшафотомъ; дрожь экстаза поднимала сѣдые волосы на его головѣ, а красный рефлексъ отъ пунцоваго полога, пронизаннаго лучами утренняго солнца, отражаясь на кровати старика, казался не отраженіемъ свѣта, а кровью. Онъ не былъ жестокъ, но его еще до сихъ поръ опьяняло поле битвы 9-го термидора, когда Робеспьеръ, не пожелавъ сражаться, предпочелъ умереть безоружнымъ. Онъ поступилъ справедливо. У преступленія бываютъ иногда мученики, но герои никогда.

Этимъ-то стараніямъ возможно добросовѣстнѣе и тщательнѣе выяснитъ истину изъ частныхъ источниковъ, наиболѣе близкихъ къ дѣйствующимъ лицамъ и, слѣдовательно, естественно наиболѣе къ нимъ пристрастныхъ, я и обязанъ упрекамъ не въ лести, а въ слишкомъ подробномъ воспроизведеніи портретовъ самыхъ отвратительныхъ и самыхъ кровожадныхъ, отталкивающихъ трибуновъ Комитета общественнаго спасенія, въ особенности Робеспьера, этого олицетворенія террора. Правда, мнѣ не приписали никакого сочувствія доктринамъ этого провозвѣстника химерическихъ учрежденій, философа эшафота, равнодушнаго къ убійствамъ, не чувствовавшего ни жестокости, ни жалости въ своемъ сердцѣ,—если только у него было сердце, систематическаго разрушителя всего, въ чемъ онъ встрѣчалъ сопротивленіе его холодному безумію подвести все подъ уровень ножа его гильотины. Заключительный судъ, произнесенный мною въ „Жирондистахъ“ надъ этимъ человѣкомъ, надъ его системой и поступками, слишкомъ суровъ, чтобы мнѣ можно было приписать сочувствіе его идеямъ или заподозрить меня въ малѣйшемъ намѣреніи смягчить его *звѣрства*, вызывающія справедливый ужасъ столѣтій. Но воображеніе читателей требуетъ всегда дѣльной добродѣтели или порока; оно возмущается, когда ему показываютъ въ чудовищѣ крупницу добродѣтели, а въ благонамѣренномъ человѣкѣ—атомъ слабости. Малѣйшая справедливость въ историкѣ принимается за преступную солидарность, малѣйшее безпристрастіе—за потворство.

Притомъ,—на этотъ разъ я подставляю грудь подъ ударъ,—публика была до нѣкоторой степени права по отношенію ко мнѣ. Нашли, что перо историка слишкомъ много занималось интимными подробностями этого лица и что это заботливое перо обнаруживало если не преступную, но во всякомъ случаѣ неблагопристойную снисходительность къ изображаемому лицу. Такимъ образомъ аскетическая философія араесскаго депутата, бывшаго вначалѣ послѣдователемъ Фенелона, холодное упорство его идей, терпѣливое выжиданіе момента для примѣненія его утопій среди начавшагося ропота Учредительнаго собранія противъ его демагогическихъ химеръ, настойчивость, съ которой онъ добивался, и въ концѣ концовъ добился, путемъ упорнаго труда и бессонныхъ ночей, краснорѣчія, котораго онъ былъ лишенъ природой, его добровольная бѣдность, образъ жизни ремесленника въ домѣ у ремесленника, его умѣренность, строгое отчужденіе отъ міра удовольствій и интригъ, доходившее до того, что онъ покидалъ свою антресоль надъ мастерской лишь для общенія съ народомъ съ высоты двухъ трибунъ, — всѣ эти истинныя особенности облика Робеспьера, особенности на которыхъ я особенно настаивалъ, основываясь на сообщеніяхъ госпожи Леба, были лишь достовѣрной правдой, хотя и казались пристрастіемъ.

Я—террористъ! Это видно изъ того, что, когда я былъ поставленъ случаемъ и обстоятельствами моей жизни въ такое же положеніе, въ которомъ выстрѣлъ изъ пистолета отомстил Робеспьеру за уже пролитую кровь и за ту, которой онъ требовалъ еще, то первымъ дѣломъ предложилъ правительству Второй республики, раздѣлявшему мое нетерпѣніе гуманнаго человѣка, внести декретъ объ уничтоженіи смертной казни за политическія преступленія и, лишивъ этого оружія себя, лишилъ тѣмъ самымъ и народъ оружія, позорящаго, если только не убивающаго, всякое народное дѣло. Этотъ поступокъ являлся съ моей стороны, безъ сомнѣнія, достаточно выразительнымъ и, осмѣляюсь прибавить теперь, довольно самоотверженнымъ со стороны лица, ложно обвиненнаго въ желаніи создать апофеозъ Робеспьеру.

Тѣмъ не менѣе, какъ историкъ, я искалъ повода къ этому обвиненію, не вслѣдствіе пристрастія чувства, а за пристрастіе кисти. Подобныя злобщія фигура должны оставаться въ тѣни; свѣтъ слишкомъ выдвигаетъ ихъ на авансцену. Палачей надо окружать ужасомъ, чтобы было больше свѣта вокругъ жертвъ. Одинъ мазокъ кисти кровавой краской, подобно удару топора,—вотъ и все.

Еще разъ: это ошибка замысла, почти погрѣшность противъ морали въ „Исторіи Жирондистовъ“. Въ этомъ я извиняюсь какъ художникъ, но не какъ политикъ. Сходство портрета не есть солидарность художника съ оригиналомъ.

Когда въ средніе вѣка въ папскомъ Римѣ несчастная красавица Ченчи сдѣлалась соучастницей въ убійствѣ своего отца, тирана-феодала, жестокаго кровосмѣсителя, и неумолимое правосудіе первосвященника отказало виновной въ помилованіи, несмотря на просьбы всей Италіи, указывавшей на роковымъ образомъ сложившіяся обстоятельства и на невинность и красоту жертвы,

великій художникъ схватилъ кисть и увѣковѣчилъ ангельское лицо и смертельную блѣдность Ченчи, идущей на эшафотъ; этотъ портретъ обезсмертилъ приговоренную къ смерти. Кто же можетъ упрекнуть художника въ отцеубійствѣ, совершенномъ его оригиналомъ.

64.

Съ правдивостью и искренностью покончено; теперь нѣсколько словъ о стилѣ. Такъ какъ стиль есть то, что называется талантомъ, а талантъ есть составная часть книги, въ которой скрывается авторское самолюбіе, то было бы неудобно и нескромно съ моей стороны поднимать этотъ вопросъ; я скажу только, что хотѣлъ бы обладать имъ въ наибольшей степени, чтобы популяризовать и обезсмертить содержаніе, поучительность и мораль этихъ памятныхъ событій.

Сколько бы человѣкъ ни вытягивался, онъ ни на волосъ не увеличитъ свой ростъ; онъ останется тѣмъ же, что онъ есть. Я не изощрялъ своего стиля въ „Жирондистахъ“, я отнесся къ нему только внимательнѣе, чѣмъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, стихотворныхъ и прозаическихъ, потому что послѣднія, въ особенности прозаическія, предназначались для современниковъ, а исторія—для потомства. Я уважалъ потомковъ больше, чѣмъ современниковъ. Но такъ какъ характеръ моего стиля—движеніе, пылъ, импровизація, то онъ не терпитъ тѣхъ изящныхъ усовершенствованій и полировки, которыя являются результатомъ кропотливой отдѣлки. Въ мірѣ духовномъ такъ же, какъ и въ мірѣ вещественномъ, холодно все то, что черезчуръ отполировано. Возьмите хотя мраморъ. Я не изъ мрамора, я изъ глины, и сознаюсь въ этомъ. Но дѣло публики, а не автора оцѣнить стиль „Жирондистовъ“.

Я сдѣлаю здѣсь простое замѣчаніе относительно критики, направленной противъ меня историками, состязавшимися или соперничавшими со мною. Это указаніе на обиліе и детальную точность портретовъ моихъ историческихъ лицъ. Если это недостатокъ—то я сознаюсь въ немъ, но не обвиняю себя и не раскаиваюсь. И вотъ почему:

65.

У меня никогда не было иной реторики и иной критики, кромѣ моего удовольствія. Писать исторію такой, какою я люблю ее читать—вотъ вся моя писательская система. А изображенія лицъ съ ихъ біографическими и физическими чертами восхищали и поучали меня у Фукидида, у Тацита, Макіавелля, Сень-Симона, у всѣхъ великихъ историковъ—древнихъ и современныхъ. Человѣкъ объясняетъ мнѣ явленіе, лицо объясняетъ человѣка, частная жизнь раскрываетъ нерѣдко скрытые мотивы общественной дѣятельности.

Лежитъ ли эта любовь къ портретамъ въ моемъ воображеніи, любящемъ все пластическое и живописное, всегда стремящемся живо представить себѣ образы людей и предметовъ при чтеніи историческаго описанія? Это возможно; но я всегда думалъ, что краски не были лишними въ этихъ литературныхъ картинахъ, которыя зовутъ великой исторіей. Одно имя не говоритъ мнѣ ровно ничего; для меня это отвлеченное понятіе, составленное изъ нѣсколькихъ слоговъ. Я

питаю отвращеніе къ отвлеченнымъ историкамъ. Они возбуждаютъ мое любопытство, но не удовлетворяютъ его.

Повидимому Плутархъ былъ такого же мнѣнія, но онъ ставилъ портретъ человѣка на второй планъ. Я никогда не могъ понять, почему ему подражали въ этомъ французскіе, англійскіе, итальянскіе и испанскіе историки; мнѣ это всегда казалось страннымъ и нелѣпымъ. Потому что—въ чемъ цѣль историческаго портрета? Не иначе какъ въ томъ, чтобы вызвать и сосредоточить вниманіе на личности, которая является на сцену и сейчасъ будетъ дѣйствовать у васъ на глазахъ. Слѣдовательно, разсуждая логически, это моментъ сказать читателю: „Вотъ каковъ былъ этотъ человѣкъ, вотъ откуда онъ явился, вотъ какимъ образомъ онъ вышелъ изъ мрака, черезъ какіе этапы семейные, физическіе, духовные и сердечные онъ прошелъ, прежде чѣмъ принять участіе въ данномъ событіи“. Тогда читатель понимаетъ—какъ только онъ появляется на сценѣ, начинаетъ говорить и дѣйствовать—каждое его слово, малѣйшій поступокъ; является предчувствіе его появленія и его значенія въ драмѣ, на него смотреть, его узнаютъ, къ нему, такъ сказать, заранѣе присоединяются. Слѣдовательно, по-моему, портреты слѣдуетъ помѣщать до появленія дѣйствующихъ лицъ, а не послѣ ихъ смерти. Когда лицо уже умерло или такъ или иначе навсегда сошло со сцены, то читатель требуетъ уже не портрета его, а правдивой исторической оцѣнки героической или низкой роли этого человѣка, эпитафій на его надгробный камень. Итакъ, я думаю, что древніе и современные историки-рутинеры, въ подражаніе Плутарху отлагавшіе портреты лицъ въ конецъ, вмѣсто того, чтобы начинать съ нихъ, ошибались въ своей исторической системѣ; я думаю такъ тѣмъ болѣе потому, что иначе поступаетъ природа, эта великая послѣдовательница школы самого Бога въ логикѣ и риторикѣ.

Когда природа хочетъ заинтересовать насъ какимъ-либо событіемъ, въ которомъ принимаетъ участіе какой-нибудь мужчина или женщина, какъ она поступаетъ? Прежде всего она показываетъ намъ мѣсто будущаго дѣйствія: ландшафтъ, домъ, дворецъ, храмъ, поле битвы, общественное собраніе, народъ, волнуемый или погруженный въ молчаніе; затѣмъ она показываетъ намъ появляющееся на первомъ планѣ этой сцены дѣйствующее лицо, его наружность, позу, походку, его лицо, спокойное или искаженное, его костюмъ, даже тѣнь, падающую сбоку и сзади него на площадь или на толпу, среди которой онъ появляется.

Вотъ какими приѣмами пользуется природа: сперва мѣсто, потомъ человѣкъ, а затѣмъ уже аксесуары, указанія на событіе, имѣющее произойти. Развернувъ такимъ образомъ передъ взорами зрителя мѣсто дѣйствія, представивъ дѣйствующее лицо и давъ достаточно времени на то, чтобы разсмотрѣть и ближе ознакомиться съ человѣкомъ, который будетъ говорить или дѣйствовать, она затѣмъ уже заставляетъ его двигаться, говорить или дѣйствовать, служить добродѣтели, политикѣ или преступному честолюбію среди развивающагося хода событий. Читатель знаетъ дѣйствующее лицо, предчувствуетъ, что оно такое, угадываетъ его, становится его страстнымъ сторонникомъ или вооружается противъ него, то восхищается, то приходитъ въ ужасъ, какъ бы при-

нимаю участіе въ героизмѣ, фанатизмѣ, преступленіяхъ или добродѣтели историческаго лица; читатель живетъ его жизнью и умираетъ его смертію силою воображенія, возбужденнаго за или противъ него; наконецъ, когда оно исчезаетъ, появляется самъ историкъ и, подобно античному хору, произноситъ правдивый приговоръ, короткій, нервный, безпристрастный, благоприятный или неумолимый, надъ лицомъ, которое онъ представилъ на ваше разсмотрѣніе. Такъ поступаетъ природа. Должно ли поступать иначе искусство? Очевидно, нѣтъ; методъ естественный есть методъ логическій. Природа это Квинтиліанъ здравыхъ умовъ. Будемъ же поступать какъ она, и мы навѣрное поразимъ взоры, удовлетворимъ умы и тронемъ сердца.

66.

Я такъ разсуждалъ, такъ пробовалъ писать, такъ дошелъ до необходимости набросать множество изображеній лицъ и помѣстить ихъ раньше начала дѣйствія, подобно тому, какъ на сценѣ актеръ является раньше роли, а не роль раньше актера, что противорѣчило бы здравому смыслу и логикѣ природы, примѣръ чего далъ Плутархъ педантамъ исторіи.

Дурно или хорошо поступилъ я, взявъ за образецъ для подражанія природу, а не Плутарха или Роллена?—судить не мнѣ.

Еще разъ я охотно признаю, что моя книга полна недостатковъ, въ которыхъ ее упрекаютъ; но, несмотря на эти недостатки, приходится также признать, что она возбудила наибольшій интересъ изъ всѣхъ историческихъ книгъ, изданныхъ въ Европѣ за это (XIX-е) столѣтіе. Не обвиняли ли ее, впрочемъ совершенно незаслуженно, въ томъ, что она поколебала умы на Западѣ и вызвала революцію во Франціи и пять или шесть революцій въ Европѣ? Осмѣлюсь сказать, что этотъ блестящій успѣхъ поддерживается, не ослабѣвая, до сихъ поръ, изданія выходятъ одно за другимъ безъ перерыва изъ парижскихъ и бельгійскихъ типографій; изъ этого я, быть можетъ, имѣю право заключить, что если въ моей книгѣ есть несовершенства и тысячи недостатковъ, зато она все же не лишена нѣкотораго интереса, который я приписываю именно этимъ же портретамъ, такъ жестоко осужденнымъ критикой.

Скажу еще, и считаю себя обязаннымъ это сдѣлать, что съ крайнимъ и несправедливымъ ожесточеніемъ партіи орлеанистовъ, демагоговъ и великая партія легитимистовъ *) сообща сдѣлали все, что только могли, чтобы дискре-

*) Повѣрять ли этому послѣ моей смерти, когда увидятъ на каждой страницѣ моей книги мое самопожертвованіе, мои вѣрнопопданническія чувства къ этимъ изгнаннымъ принципамъ, мое сердечное пристрастіе, вниманіе писателя къ этой партіи моей юности,—повѣрять ли, что я перенесъ всего больше оскорбленій отъ этой партіи, черезъ ея льстецовъ, что я былъ всего болѣе оскорбленъ ея недостойной тактикой, предающей друга, котораго нечего опасаться, чтобы польстить—кому же?—неумолимымъ врагамъ, отъ которыхъ нечего ожидать!—т. е. министрамъ Луи-Филиппа, изгнавшимъ васъ съ троновъ и даже съ самой территоріи въ 1830 году. Вы ползаете на колѣняхъ передъ этими сторонниками партіи Орлеановъ и не находите достаточно оскорбленій и презрѣнія къ человѣку, который стойчески перевесъ за васъ въ 1830 году мученичество чести. Такая тактика не приноситъ счастья династіямъ, но даетъ урокъ тѣмъ, кто имѣетъ слабость со-

дитировать мою книгу, и имъ это не удалось: то же самое количество экземпляровъ выходитъ, вопреки ихъ стараніямъ, ежегодно и распространяется по бібліотекамъ земного шара. Это доказываетъ, что книга имѣетъ стиль, но заставляетъ предполагать, что въ ней есть и жизнь. Жизнь—тотъ же стиль: это сердце книги; пока это сердце бьется — книга не умерла и заставляетъ биться сердца тѣхъ, кто ее читаютъ, тѣми же чувствами, которыя волновали автора въ минуты творчества. Я допускаю, что книга написана слабо; но ея изумительный и постоянный успѣхъ даетъ мнѣ право думать, что, несмотря на свои несовершенства, она еще жива и симпатична.

67.

Другое свойство моей книги, которое бросается мнѣ въ глаза, когда я перечитываю ее, и составляетъ, безъ сомнѣнія, одну изъ причинъ возбуждаемаго ею интереса, это то, что люди занимаютъ въ ней гораздо большее мѣсто, нежели факты. Я вездѣ олицетворялъ событія въ дѣйствующихъ лицахъ; это вѣрное средство быть всегда интереснымъ, такъ какъ люди живутъ, а событія мертвы; у людей есть сердце, а у событій его нѣтъ; событія отвлеченны, а люди реальны. Выкиньте изъ книги сотню людей, оживляющихъ ее своимъ духомъ, подогрѣвающихъ все своею страстью,—и книги бы не существовало. Такимъ образомъ, имѣя въ виду изобразить начало революціи, я выбралъ Мирабо и олицетворилъ въ немъ всю революцію. Его біографія, болѣе романтическая, чѣмъ любой романъ, сразу же приковываетъ вниманіе и душу читателя къ драмѣ, которую этотъ великій актеръ долженъ сейчасъ взволновать его.

68.

„Я намѣренъ писать исторію небольшого числа людей, которые, будучи поставлены волею Провидѣнія въ центрѣ величайшей драмы новыхъ временъ, резюмировали въ себѣ идеи, страсти, ошибки и добродѣтели цѣлой эпохи, жизнь и политика которыхъ, составлявшая, такъ сказать, узелъ французской революціи, были разрублены тѣмъ же самымъ ударомъ, который поразилъ и судьбы ихъ отечества.

„Эта исторія, полная крови и слезъ, полна также поучительности для народовъ. Никогда, быть можетъ, столько трагическихъ событій не совершилось въ столь короткій промежутокъ времени; никогда также таинственная связь между поступками и ихъ слѣдствіями не развивалась съ болѣею быстротой. Никогда быстрѣе не влекли за собою слабости — ошибки, ошибки — преступленія, преступленія — кары. Правосудное возмездіе, вложенное Богомъ въ наши поступки, какъ совѣсть, болѣе святая, чѣмъ рокъ древнихъ, не об-

хранить преданность въ несчастіи къ принципамъ, лишеннымъ трона. Вы амнистировали своихъ враговъ, и вы поступаете хорошо; но у васъ нѣтъ амнистіи для безкорыстныхъ друзей вашихъ черныхъ дней, нѣтъ амнистіи для нихъ въ вашихъ сердцахъ. Знайте же, что это неблагородно и не по-королевски. Генрихъ IV былъ неблагодаренъ — это извѣстно всему міру, но онъ не былъ клеветникомъ. Неблагодарность королей — иногда политика; но клевета доказываетъ нищету духа.

наруживалось никогда съ большей очевидностью; никогда нравственный законъ не засвидѣтельствовалъ себя болѣе блестяще и не каралъ неумолимѣе. Такимъ образомъ простой пересказъ событій этихъ двухъ лѣтъ есть самый блестящій комментарий ко всей великой революціи, и пролитая рѣкою кровь не столько вызываетъ ужасъ и сожалѣніе, но служить также урокомъ и примѣромъ для людей. Въ такомъ же духѣ я и намѣренъ разсказать объ этихъ событіяхъ.

„Безпристрастіе исторіи не должно быть подобно зеркалу, только отражающему предметы; историкъ долженъ быть судьей, который наблюдаетъ, слушаетъ и произноситъ приговоръ. Лѣтопись не исторія: чтобы заслужить это названіе, ей необходима совѣсть, такъ какъ она становится въ послѣдствіи совѣстью человѣческаго рода. Разсказъ, оживленный воображеніемъ, обдуманнѣйшій и провѣренный разумомъ, вотъ исторія, какъ ее понимали древніе и какую я хотѣлъ бы представить родинѣ, если бы Богу угодно было направлять мое перо.

69.

„Мирабо только что умеръ. Народъ стекался толпами къ дому своего трибуна, какъ бы ища вдохновенія на дальнѣйшее у его гроба; но если бы Мирабо былъ даже живъ, то ему нечего было бы больше дать народу. Его геній поблѣкъ передъ геніемъ революціи; увлеченный въ неизбѣжную пропасть тою самою колесницей, которую онъ пустилъ въ ходъ, онъ тщетно цѣплялся за трибуну. Его послѣднія докладныя записки королю, которыя намъ открылъ послѣ его смерти, вмѣстѣ съ тайной его продажности, секретный ящикъ желѣзнаго шкапа, свидѣтельствуютъ объ упадкѣ и безсиліи его умственныхъ способностей. Совѣты его измѣнчивы, сбивчивы, почти ребяческіе. То онъ собирается песчинкой остановить революцію; то видитъ спасеніе монархіи въ правительственныхъ сообщеніяхъ и въ пышной церемоніи для созданія популярности королю; то онъ хочетъ купить рукоплесканія трибунъ въ надеждѣ, что вмѣстѣ съ ними купить и націю. Микроскопичность средствъ спасенія составляетъ полный контрастъ съ все увеличивающимися размѣрами опасности. Въ мысляхъ его царить безпорядокъ. Чувствуется давленіе на него возбужденныхъ имъ же страстей и что, не будучи въ состояніи долѣе сдерживать ихъ, онъ измѣняетъ имъ, но не можетъ ихъ погубить. Этотъ великій агитаторъ теперь ничто иное какъ перепуганный придворный, укрывающійся за трономъ, который, бормоча страшныя слова: „нація“ и „свобода“, входящія въ его роль, уже воспринялъ въ свою душу всю низость и все тщеславіе придворныхъ взглядовъ. Геній вызываетъ сожалѣніе, когда видишь его борьбу съ невозможностью. Мирабо былъ величайшимъ умомъ своего времени; но величайшій изъ людей, вступающій въ борьбу съ разъяренной стихіей, кажется безумцемъ, а паденіе величественно лишь съ знаменемъ въ рукахъ“.

70.

Взгляните на изображеніе какъ его политика, послѣ портрета физическаго и духовнаго, и вы увидите тотчасъ же, что онъ олицетворяетъ не только идею,

но, увы! также и все страсти и всю безнравственность, разжигаемая каждой революцией в минуты этих великих человеческих бурь.

„Вступив в Национальное собрание, Мирабо как бы наполнил его собою; он один представил там целый народ. Его жесты—приказы, его предложения—государственные перевороты. Он ставит себя на уровень с треном. Аристократия видит себя побужденной этой силой, вышедшей из ее недр. Духовенство, стоящее в рядах народа и которое хочет вернуть демократию в лоно церкви, предлагает ему свой союз для победы над двойной аристократией — дворянством и епископами. В несколько месяцев рушится все, что было возведено и утверждено веками. Мирабо видит себя одиноким среди этих развалин. Его роль трибуна на этом кончается. Начинается роль государственного человека. В этой роли он еще более велик, чем в первой. Там, где все идет ощупью, он идет напролом, навстречу. В его голове революция уже не взрыв гнева, а план. Философия восемнадцатого века, умренная политическим благоразумием, выливается в готовую формулировку с его уст. Его красноречие, повелительное как закон, не что иное как талант увлекать умы. Его речь все зажигает и освещает. Оставшись с этой минуты одиноким, он имеет мужество перенести свое одиночество. Опираясь на сознание своего превосходства, он пренебрегает завистью, ненавистью и ропотом. Он с презрением отрекается от страстей, служивших ему до тех пор. Он не нужен ему с той минуты, как оказались ненужными для его дела. Его могущество составляет то сочувствие, которое истина встречает в душе человека. От каждого противодействия растут его силы. Он поднимается между всеми и над всеми партиями. Все ненавидят его, потому что он выше всех, и все заискивают в нем, потому что он может им служить, но может и погубить. Не предаваясь никому, он во всем в переговорах; безразличный на волнующемся фоне этого Собрания, он намечает основы преобразованной конституции: законодательство, финансы, дипломатия, война, религия, политическая экономия, взаимоотношения властей, — ко всем этим вопросам он подходит и решает их не как утопист, а как государственный муж. Его решение всегда верная середина между идеалом и практикой. Он кладет разум в основу нравов и учреждений в соотношениях их с обычаями. Он хочет трона для опоры демократии, свободы для палат и народную волю, единую и несокрушимую, — для управления. Отличительную черту этого типичного, хотя и непризнанного гения, составляет скорбь, смелость, чем справедливость. Под величием его выражений скрывается непогрешимость здравого смысла. Самые пороки его не осилили ясности и искренности его ума. Вид трибуна это человек, лишенный стыда и добродетели; на трибуну это честный человек. Преданный порокам в частной жизни, входящий в сделки с иностранными правительствами, продающийся своему двору ради удовлетворения своих расточительных потребностей, он сохраняет в этих постыдных сделках неподкупность своего гения. Из всех свойств великого человека его времени ему не доставало только честности. Народ для него не культ, а орудие; у него нет иного бога, кроме славы, иной религии, кроме потомства;

вся его совѣсть въ его умѣ; фанатизмъ его идеи вполне человѣченъ; холодный материализмъ той эпохи лишаетъ его душу подвижности, силы, стремленія къ благамъ не исчезающимъ. Умирая, онъ говоритъ: „Окружите меня благоуханіями и украсьте цвѣтами для перехода къ вѣчному сну“. Онъ весь во времени; онъ не наложилъ на свое дѣло отпечатка безсмертія“.

71.

Теперь я дамъ отдохнуть читателю и охарактеризую духъ революціи. Эта характеристика полна заблужденій, въ ней больше лиризма, чѣмъ политики. Особенно проглядываютъ въ ней нѣкоторыя черты изъ „Общественнаго договора“ Жанъ-Жака Руссо; при чтеніи этихъ страницъ нужна особая осторожность въ сужденіи. Съ тѣхъ поръ я перечелъ съ большимъ вниманіемъ „Общественный договоръ“, которому я тогда вѣрилъ больше на-слово; я напечаталъ недавно систематическій разборъ его и критику о немъ („Литературныя бесѣды“ 1861 г.). Приглашаю читателей познакомиться съ ними; они увидятъ, какъ измѣнилось мое отношеніе къ этому лжепророку анархической свободы, непримѣнимаго равенства. Подъ вліяніемъ исторіи и опыта жизни мой умъ созрѣлъ; это не отреченіе отъ своихъ принциповъ, а протестъ. Свободное общество еще менѣе, чѣмъ тираническое, можетъ основываться на лжи. „Общественный договоръ“ Жанъ-Жака Руссо и „Права человѣка“ Лафайетта, опубликованные въ 1789 году, представляетъ собою собраніе политическихъ абсурдовъ. Ни тотъ, ни другой изъ этихъ двухъ защитниковъ человѣческихъ правъ не понимали ни слова изъ того, что писали; по крайней мѣрѣ они не предвидѣли послѣдствій. Народъ въ восторгѣ подавалъ голосъ за что же? — за ничто. Какъ полезно было бы въ настоящее время, чтобы дѣйствительныя человѣческія права были начертаны рукою Аристотеля, Бэкона, Монтескье или Мирабо! Потому что Мирабо никогда не впадаетъ въ метафизику Жанъ-Жака Руссо; онъ позволяетъ бросать ее какъ кость народу, но втихомолку смѣется надъ нею. Если у него не было политической честности, зато онъ былъ одаренъ гениемъ реальности.

72.

Портретъ Людовика XVI правдивъ и въ немъ видно уваженіе къ его несчастію.

Обратите вниманіе на эту послѣднюю черту: „Если вы поставите себя мысленно на мѣстѣ Людовика XVI и спросите себя, какой совѣтъ могъ бы еще спасти, — то вы будете искать его и не найдете. Есть обстоятельства, запутывающія въ такія тенета человѣка, что, какъ бы онъ ни силился выбраться изъ нихъ, онъ неизбѣжно падаетъ подъ тяжестью своихъ ошибокъ или своихъ достоинствъ. Людовикъ XVI попалъ въ такое положеніе. Вся непопулярность монархическаго режима во Франціи, всѣ ошибки предшествующихъ правителей, весь придворный позоръ, всѣ народныя бѣдствія сомкнулись, такъ сказать, у него надъ головой и обрекли его невинную кровь на искупленіе ошибокъ нѣсколькихъ вѣковъ. Эпохи, подобно религіямъ, имѣютъ своихъ

жертвъ. Когда онѣ хотѣтъ обновить устарѣвшее для нихъ учрежденіе, онѣ нагромождаютъ на челоуѣка, олицетворяющаго это учрежденіе, всю низость и все проклятіе самага учрежденія; онѣ дѣлаютъ изъ него жертву, которую и ведутъ на закланіе. Людовикъ XVI былъ такой жертвой, невинной, но обремененной беззаконіями всѣхъ королей, которая должна была быть принесена, какъ кара королевской власти“.

73.

Меня много упрекали за портретъ королевы, прочтите однако о немъ. Какой художникъ, считая въ томъ числѣ и госпожу Лебрень, внесъ больше граціи и нѣжности въ изображеніе его?

„Эта юная королева, казалось, самою природой создана была для того, чтобы навѣки приковать вниманіе и сочувствіе всего міра къ одной изъ государственныхъ драмъ, которыя остаются неполны, если ихъ не закончили страданія женщины. Дочь Маріи-Терезіи начала свою жизнь среди буръ австрійской монархіи. Она была сестрою тѣхъ дѣтей, которыхъ держала за руки императрица, когда она съ мольбою предстала передъ вѣрными венгерцами и тѣ воскликнули въ отвѣтъ: „Умремъ за короля нашего Марію-Терезію!“ Рожденная отъ такой матери, сама она обладала королевскимъ духомъ. Когда она пріѣхала во Францію, она ослѣпила красою все королевство: красота ея была въ полномъ расцвѣтѣ. Она была высока, стройна, гибка, истая дочь Тироля. Подаривъ двухъ дѣтей трону, она не только не поблекла, но приобрѣла еще болѣе величественное выраженіе материнской гордости, которое такъ къ лицу матери націи. Ея свѣжесть пострадала немного только отъ предчувствія грядущихъ несчастій, отъ воспоминаній о трагическихъ сценахъ въ Версалѣ и отъ ежедневныхъ заботъ и безпокойствъ. Естественное достоинство ея осанки ничуть не лишало граціи ея движенія; ея шея, красиво посаженная на плечи, принимала великолѣпные изгибы, дававшіе массу выраженія ея позамъ. Подъ мантией королевы чувствовалась женщина, нѣжное сердце подъ величественной осанкой. Ея пепельно-бѣлокурые волосы были длинны и шелковисты; ея лобъ, высокій и немного выпуклый, переходилъ на вискахъ въ изгибы, придающія у женщинъ столько изящества и нѣжности этому престолу мысли и души. Ея глаза напоминали своей прозрачной синевой сѣверное небо или воды Дуная; орлиный носъ, широко открытыя и нѣсколько выпуклыя ноздри, вздрагивавшія отъ волненія, признакъ мужества; большой ротъ, ослѣпительной бѣлизны зубы, австрійскія, т. е. ярко окрашенныя и изогнутыя губы, овальное лицо, подвижное, выразительное, страстное и при этомъ ансамблѣ нѣчто не поддающееся описанію, какое-то сверканье, искрящееся изъ взгляда, изъ тѣни, изъ каждаго оттѣнка выраженія, окружающее сіяніемъ, похожимъ на ту теплую, окрашенную дымку, въ которой купаются предметы, облитые солнцемъ: высшее выраженіе красоты, поднимающее ее до идеала, дѣлающее ее живой, превращающее въ очарованіе. И при всемъ этомъ, сердце, жаждущее привязанности, отзывчивое, постоянно ищущее на чемъ остановиться, улыбка мечтательная, одухотворенная, чуждая банальности; простота въ обращеніи со всѣми, интимность, предпочтеніе нѣ-

которыхъ, такъ какъ она чувствовала себя достойной дружбы. Вотъ Марія-Антуанетта какъ женщина. Этого было достаточно, чтобы дать счастье чело-вѣку и сдѣлаться украшеніемъ двора.

„Но чтобы вдохновить нерѣшительнаго короля и вывести государство изъ затруднительнаго положенія, нужно было большее: необходимъ былъ гений правителя; у королевы его не было. Ничто не могло подготовить ее къ умѣнно успокоить безпорядочныя силы, волновавшіяся вокругъ нея; несчастье не дало ей времени на размышленія. Встрѣченная съ восторгомъ лживыми придворными и пылкой націей, она повѣрила въ вѣчность ихъ чувствъ. Развлеченія Тріанона усыпили ее. При первыхъ предвѣстникахъ бури она не повѣрила въ опасность; она довѣряла любви, которую внушала и которую чувствовала въ собственномъ сердцѣ. Придворные становились требовательными, нація враждебной. Будучи орудіемъ придворныхъ интригъ, направленныхъ противъ короля, она сначала покровительствовала, а затѣмъ противоdѣйствовала всѣмъ реформамъ, которыя могли бы предупредить или отсрочить кризисъ. Ея политика была смѣной увлеченій, ея система заключалась въ довѣріи поочередно всѣмъ, кто обѣщаль ей спасти короля“.

74.

Все это очень снисходительно, хотя безусловно вѣрно исторіи; послѣдующее точно также:

„Революціонная партія начала опасаться. Легко клевету на того, кого боятся. Ее изображали въ отвратительныхъ памфлетахъ въ видѣ Мессалины; начали циркулировать самые грязные слухи; распространились разные вымышленные анекдоты. Сердце женщины, хотя бы и королевы, имѣть право на неприкосновенность; ея чувства могутъ сдѣлаться достояніемъ исторіи только тогда, когда они переходятъ границу тайны“.

Вотъ что возбудило противъ меня крики о профанациі образа королевы, звучащіе до сихъ поръ. Дѣйствительно, противъ меня было два мотива для обвиненія, въ которыхъ я не стараюсь оправдаться. Первая моя вина состоитъ въ томъ, что, освѣщая, хотя бы и съ вполне невиннымъ намѣреніемъ смягчить и оправдать, внутренній міръ женщины, обязанной отчетомъ въ своихъ увлеченіяхъ и предпочтеніяхъ, отдаваемыхъ ею людямъ, только Богу и мужу, я основывался не на доказательствахъ, а лишь на предположеніяхъ, тогда какъ, въ качествѣ историка, обязанъ былъ считать ихъ безупречными, вторая вина—въ томъ, что я употребилъ въ опущенной здѣсь послѣдней фразѣ выраженіе *упломудріе* вмѣсто *примііе*. Я употребилъ его безъ всякой предвзятой мысли: моему представленію оно казалось характернымъ для обвиненій, о которыхъ я не хочу теперь упоминать; притомъ исторія представлялась мнѣ всегда монументальной; всякій разъ, когда перо мое выбираетъ одно изъ словъ, имѣющихъ одинаковое значеніе, я выбираю самое классическое выраженіе съ латинской этимологіей. Критика сдѣлала видъ, что она приняла это за намѣреніе съ моей стороны придать поведенію королевы непристойной характеръ. Я былъ какъ нельзя болѣе далекъ отъ этой мысли. Я замѣнилъ это выраженіе для втораго изданія, какъ только замѣтилъ, что оно было истолковано въ дурную

сторону; но это оказалось слишком поздно для обидчивыхъ роялистовъ партіи королевы. Въ свою очередь, я не обвиняю ихъ въ преувеличенной нетерпимости, съ которой они приняли *lapsus* пера за святотатственную профанацію. Я признаю, что, бросивъ взглядъ на внутренній міръ юной королевы, я не то что провинился, а скорѣе былъ слишкомъ смѣлъ и несчастливъ. Ничто не даетъ основаній найти хотя бы тѣнь вины въ исполненіи ею обязанностей супруги, матери, друга. Что касается ея противорѣчивыхъ совѣтовъ и пагубнаго, на мой взглядъ, вліянія на мужа, то, основываясь на показаніяхъ ея собственныхъ друзей, единодушно оплакивающихъ ея вліяніе въ этомъ смыслѣ, я упорно настаиваю на томъ, что она вызвала совершенно невольно своимъ вліяніемъ на короля самыя трагическія послѣдствія. Ея вины въ этомъ не было, а было лишь несчастье; въ ея прекрасной, но неопытной головкѣ не было мужественнаго духа правителя, необходимаго для подобной эпохи. Пусть прочтутъ всѣ *безъ исключенія* мемуары самыхъ близкихъ къ ней придворныхъ Версаля и Трианона, опубликованныя до или послѣ „Жирондистовъ“, и тогда убѣдятся, что въ отношеніи политической дѣятельности королевы они всѣ даже строже исторіи; пусть прочтутъ въ пятомъ томѣ „Жирондистовъ“ страницы, посвященныя мною несчастіямъ и казни этой королевы, апофеозъ которой, въ то время справедливый, имѣлъ основаніемъ тюрьму и эшафотъ,—и меня уже не обвинять въ намѣреніи омрачить этотъ великій переходъ на небо души жертвы. Доказательствомъ этому служитъ снисходительная справедливость и постоянная благосклонность, которыя сохранила ко мнѣ до могилы герцогиня Ангулемская, ея любящая дочь, какъ въ бытность ея въ изгнаніи, такъ и во Франціи. Подъ преувеличенной, быть можетъ, строгостью историка жизни ея матери, принцесса почувствовала растроганное сердце всегда почтительнаго живописца несчастій царственнаго дома, новаго Ванъ-Дейка вторыхъ Стюартовъ. Я до сихъ поръ признателенъ ей за это, хотя, надо прибавить, герцогиня Ангулемская знала меня только по моимъ трудамъ да еще по отказу служить другому, не ея, королевскому дому въ 1830 году. Она не помнила юнаго безвѣстнаго роялиста, который въ 1815 году охранялъ дверь ея дворца и верхомъ сопровождалъ ея дядю, когда онъ ѣхалъ въ Бельгію; но она читала въ „Жирондистахъ“ о 10-мъ августа, о Тампльской башнѣ, о 21-мъ января, о тюрьмѣ Консержерери, о царственномъ мученичествѣ ея матери, оправданной и освященной слезами цѣлой Европы,—и художникъ, пролившій столько ужаса на эти казни и столько слезъ на эти жертвы, казался ей не святотатцемъ, а мстителемъ.

Но, будучи менѣе снисходительнымъ къ самому себѣ, я снова горько упрекаю себя за несчастное, хотя быстро вычеркнутое выраженіе, употребленное по адресу королевы, опяненной молодостью, красотой, властью, лестью, которой впослѣдствіи суждено было сдѣлаться вѣчной жертвой и вѣчнымъ укоромъ революціи.

75.

За этимъ изображеніемъ двора слѣдуетъ описаніе собраній: о нихъ уже было говорено; послѣднимъ является Робеспьеръ. Я уже говорилъ, что

признаю справедливый упрекъ въ излишней виѣшной артистической отдѣлкѣ изображенія этого лица. Однако напоминаю о томъ, съ чего я его началъ: тамъ заранѣе чувствуется неумолимость конечной опѣнки.

„Еще въ тѣни и позади руководителей Національнаго собранія началъ проявлять свою дѣятельность человѣкъ, никому почти неизвѣстный, подвижный тревожной мыслью, не дававшей ему покоя и не позволявшей ему молчать; онъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы сказать свое слово, пытался возражать безразлично всѣмъ ораторамъ, даже самому Мирабо. Удаленный съ трибуны, онъ наавтра же снова возвращался на нее; униженный сарказмами, заглушенный ропотомъ неудовольствія, отвергнутый всѣми партіями, исчезающій за спинами великановъ, приковывавшихъ къ себѣ вниманіе публики, онъ безпрестанно былъ побѣждаемъ, но никогда не утомлялся борьбой. Казалось, тайный пророческій духъ открылъ ему брѣнность всѣхъ этихъ талантовъ и всемогущество воли и терпѣнія и что голосъ, слышный ему одному, говорилъ: „Эти люди, презирающіе тебя, принадлежатъ тебѣ; всѣ уловки революціи, отрицающейся отъ тебя, коснутся тебя, потому что ты всталъ у нея на дорогѣ какъ неизбежная крайность, которой кончается всякое насильственное движеніе!“ Этотъ человѣкъ былъ Робеспьеръ.

„Есть пропасти, въ которыя не рѣшаешься заглянуть, и характеры, въ которыя не рѣшишься углубиться, изъ опасенія найти въ нихъ слишкомъ много мрачнаго и страшнаго; но исторію, обладающую безпристрастнымъ окомъ времени, не должны пугать эти ужасы; она должна понимать то, о чемъ взялась повѣствовать“.

Я не извиняюсь, а оправдываю себя. Ложное обвиненіе въ томъ, что я польстил Робеспьеру, опечалило меня болѣе всего. Можетъ быть, меня обвинять еще въ томъ, что я польстил клубу якобинцевъ, этому рычагу Робеспьера? Пусть читаютъ.

76.

„Господствующимъ изъ клубовъ былъ клубъ якобинцевъ; въ немъ сосредоточилось анархія; какъ только мощная и страстная воля взволнуетъ націю, вокругъ нея тотчасъ же собираются люди, индивидуализмъ кончается, и ассоціація, легальная или нелегальная, организуетъ общественныя страсти... Изъ всѣхъ народныхъ страстей болѣе всего поощрялась ненависть: народъ старались держать въ темнотѣ, чтобы поработить его себѣ. Въ убѣжденіи, что всѣ замышляютъ противъ него, король, королева, дворъ, министры, народъ съ отчаянія бросился въ объятія своихъ защитниковъ; самымъ краснорѣчивымъ, по его мнѣнію, былъ тотъ, кто выказывалъ наибольшій страхъ; народъ жаждалъ доносовъ, и ему доставляли ихъ въ изобиліи. Такимъ образомъ созданъ авторитетъ Барнава, Ламетовъ; затѣмъ Дантонъ, Бриссо, Камилль Демуленъ, Петіонъ, Робеспьеръ пріобрѣли власть надъ народомъ; имена этихъ ораторовъ выросли вмѣстѣ съ народнымъ гнѣвомъ; они поддерживали его, чтобы остаться великими. У народнаго правительства были только законы, за клубомъ былъ народъ, инсургенты и даже войско...“

„Увы! все было слѣпо въ то время, исключая самой революціи (то есть

реформы и водвореніе новаго порядка, а не злоупотребленія, заблужденіе, пороки).

„Если бы каждая партія и каждый человѣкъ, замѣшанные съ перваго дня въ этихъ событіяхъ, руководились въ своихъ поступкахъ не страстью, а добродѣтелью, всѣ ужасы, раздавившіе ихъ, не разразились бы ни надъ ними, ни надъ ихъ родиной. Если бы король былъ твердъ и разуменъ, если бы духовенство было чуждо корыстныхъ временныхъ интересовъ, если бы аристократія была справедлива, если бы народъ былъ умѣренъ, Мирабо не подкупенъ, Лафайеттъ рѣшителенъ, а Робеспьеръ гуманенъ,—революція развернулась бы въ спокойномъ величіи божественной мысли надъ Франціей, а затѣмъ надъ всей Европой; она бы водворилась какъ философія въ фактахъ, въ законахъ, въ религіи.

„Случилось какъ разъ противоположное. Самая святая, самая справедливая, самая чистая идея, проходя черезъ несовершенства человѣчества, выходитъ оборванной и окровавленной. Даже тѣ, у кого она зародилась, не могутъ узнать ее и отрекаются отъ нея. Но преступленію не дано унижить истину; она переживаетъ все, даже свои жертвы. Кровь, пятнающая людей, не можетъ запятнать идею и, несмотря на унижающій ее эгоизмъ, затемняющую ее подлость, позорящія ее преступленія, оскверненная революціи очищаетъ себя, познаетъ себя, торжествуетъ и будетъ торжествовать“.

Единственный долгъ писателя сводился, слѣдовательно, къ тому, чтобы выдѣлить эту революцію и не давать смѣшивать ее, какъ это дѣлается постоянно, а въ особенности теперь, со всѣми запятнавшими ее насиліями, беззаконіями, грабежами и эшафотами. Это-то и дѣлаетъ „Исторія Жирондистовъ“, въ чемъ читатель убѣдится изъ каждой страницы. Книга эта мой свидѣтель. Въ ней есть нѣсколько ошибочныхъ принциповъ, но нѣтъ оправданія ни для одной капли пролитой крови, не польщено ни одному демагогу.

77.

Изображенія Камилла Демулена, Марата и другихъ заклеены печатью позора. Посмотрите, какъ обрисованъ этотъ тигръ и обезьяна революціи; и въ то же время, если общество чувствовало къ кому-либо слабость, даже нѣкоторые изъ современныхъ писателей-роялистовъ, такъ именно къ Камиллу Демулену, этому баловню общественныхъ симпатій.

„*Речи фонаря къ парижанамъ*“, переименованныя впоследствии во „Французскую и брабантскую революцію“, были произведеніемъ Камилла Демулена. Этотъ молодой студентъ, импровизировавшій изъ себя на одномъ изъ креселъ въ саду Пале-Рояля публициста, еще въ началѣ народнаго движенія, въ іюль 1789 года, сохранилъ въ своемъ нерѣдко изумительномъ слогѣ кое-что изъ своей прежней роли. Это былъ саркастическій гений Вольтера, спустившійся изъ салоновъ въ балаганъ. Никто не одиетворялъ толпу лучше Камилла Демулена. Это была сама толпа, съ ея неожиданными и шумными движеніями, ея подвижностью, непоследовательностью, бѣшенствомъ, прерываемымъ хохотомъ или мгновенно переходящимъ въ нѣжное состраданіе къ жертвамъ, которыя она сама же и убивала. Человѣкъ, одновременно пламенный и

легкомысленный, тривиальный и вдохновенный, колеблющийся между кровью и слезами и готовый побить камнями то, что только что обоготовилъ въ порывѣ энтузіазма,—долженъ былъ тѣмъ болѣе имѣть власти надъ народомъ въ моментъ революціи, чѣмъ болѣе онъ на него походилъ. Его роль была его натурой. Онъ былъ не только обезьяной, копирующей народъ, онъ былъ самимъ народомъ. Его журналъ, который по вечерамъ разносили по общественнымъ мѣстамъ и о которомъ съ остротами выкрикивали на улицахъ, не былъ выметенъ заодно съ уличнымъ соромъ. Онъ сохранился и будетъ храниться какъ сатира Мениппа, залитая кровью. Это припѣвъ, сопутствовавшій народу въ его величайшихъ движеніяхъ и умолкавшій только при свистѣ веревки, вздергивавшей кого-либо на фонарь, или при ударѣ топора гильотины. Камилль Демуленъ былъ жестокимъ сыномъ революціи. Марать былъ ея яростью; мысль его прыгала какъ дикій звѣрь, а стиль его былъ скрежетомъ. Съ каждой строчки его журнала „Другъ народа“ лилась кровь.

78.

Обвиненіе въ томъ, что я представилъ партію жирондистовъ, то честолубивую, то слабую, какъ идеалъ революціонной партіи, также незаслуженно. Вспомните описаніе ихъ перваго появленія въ 1791 году, послѣ объявленія конституціи.

„Собраніе спѣшило вернуть себѣ власть надъ народными страстями, которой оно лишилось изъ-за минутной слабости. Оно уже красѣло за свою длившуюся одинъ день умѣренность и старалось вызвать новыя недоразумѣнія между трономъ и народомъ. Многочисленная партія, образовавшаяся среди этого собранія, хотѣла довести дѣло до такого крайняго напряженія, чтобы оно въ концѣ концовъ окончилось взрывомъ. Для этого этой партіи необходимо было вызвать волненіе; спокойствіе не отвѣчало ея планамъ. Въ ней были великіе честолубцы и великіе таланты, пламенные, какъ ея юность, нетерпѣливые, какъ ея жажда добиться виднаго положенія.

„Учредительное собраніе, образовавшееся изъ людей зрѣлаго возраста, ослѣдлыхъ въ государствѣ, помѣщенныхъ въ социальную іерархію, думая о свободѣ и о славѣ, преслѣдовало только свои честолубивые замыслы; новое собраніе жаждало шума, успѣха и власти. Составлявшіе ее люди, бѣдные, безвѣстные, мечтали завоевать все, чего имъ не доставало.

„Эта послѣдняя партія, въ которой публицистомъ былъ Бриссо, популярностью Петіонъ, гениемъ Верньо и ядромъ жирондисты, вступила на подмошки со смѣлостью и единствомъ заговорщиковъ. Это была буржуазія торжествующая, завистливая, волнуемая, краснорѣчивая, аристократія таланта, желавшая себѣ одной завоевать и использовать свободу, власть и народъ. Собраніе состояло изъ трехъ неравныхъ элементовъ: конституціоналистовъ, партіи свободы и ограниченной монархіи, жирондистовъ, продолжавшихъ дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока революція не попала въ ихъ руки; якобинцевъ, партіи народа и неумолимой утопіи. Первая партія — проповѣдывала соглашеніе и постепенность; вторая — отвагу и интригу; третья — фанатизмъ и самоотверженіе. Изъ двухъ послѣднихъ партій якобинцы не были наи-

болѣе враждебными королю. Сокрушивъ аристократію и духовенство, они не питали особеннаго отвращенія къ трону, у нихъ не было въ высокой степени развитаго инстинкта единства власти. Не они объявили первыми войну и не они впервые произнесли слово республика; но они первые произнесли и неоднократно повторяли слово „диктатура“; выраженіе „республика“ принадлежитъ Бриссо и жирондистамъ. Если бы по своемъ водвореніи въ собраніи жирондисты присоединились къ конституціонной партіи, чтобы спасти конституцію, ограничивая ее, и революцію, не допуская ее до войны, они спасли бы свою партію и поддержали бы тронъ. Честности, отсутствовавшей у ихъ главы, не хватало и въ ихъ поведеніи; интрига увлекала ихъ. Въ собраніи, въ которомъ они могли стать государственными людьми, они сдѣлались лишь агитаторами. Они не вѣрили въ республику, хотя и симулировали свою вѣру. Въ революціи единственно удачными ролями являются лишь роли, сыгранныя искренно. Красиво умереть жертвой своего убѣжденія, но грустно погибнуть вслѣдствіе обмана собственнаго честолюбія“.

Что же это — восхваленіе или судъ? Развѣ я могъ бы произнести теперь приговоръ болѣе строгій?

79.

Что касается даты гражданской конституціи духовенства, своего рода народнаго конкордата, столь же нелогичнаго и угнетающаго, какъ конкордатъ королевскій, то я ничего не могъ бы измѣнить въ своемъ сужденіи; это было одною изъ капитальныхъ ошибокъ революціи; въ отношеніи совѣсти ея спасеніе и ея долгъ заключались въ свободномъ народѣ и свободной церкви, которыя относились бы съ взаимнымъ уваженіемъ другъ къ другу, хотя они и вращались въ двухъ разныхъ сферахъ — гражданской и религіозной. Хотя нельзя скрыть трудности раздѣленія этихъ двухъ властей, но оно когда нибудь да совершится; религія сдѣлается отъ того болѣе чистой, дѣйствующей и духовной, совѣсть будетъ болѣе гордиться собою, государство же — менѣе отвѣтственнымъ и скомпрометированнымъ.

Личность Верньо выступаетъ въ вопросѣ объ эмиграціи. Право дѣлать все, кромѣ того, что посягаетъ на интересы родины — вотъ его принципъ; это составляетъ также право здраваго смысла. Однако, конфискація имущества эмигранта, переносящая тяжесть наказанія съ отца на дѣтей и на семью, несмотря на ихъ невинность — принципъ ложный и въ политикѣ и въ отношеніи справедливости.

80.

„Верньо, уроженцу Лиможа и адвокату въ Бордо, было въ то время только тридцать три года. Движеніе захватило и увлекло его еще юношей. Его величественныя и спокойныя черты изобличали сознаніе своей силы. Никакое напряженіе не безобразило ихъ. Легкость — свойство генія — смягчала въ немъ все: талантъ, характеръ, весь его обликъ. Нѣкоторая небрежность доказывала, что онъ позволялъ себѣ забываться, увѣренный въ томъ, что онъ всегда найдетъ въ себѣ силы въ нужный моментъ.“

„У него былъ открытый, ясный лобъ, увѣренный взглядъ, ротъ его выражалъ серьезность и грусть; строгія думы старца растворялись на его лицѣ въ улыбкахъ и беззаботности юноши. У подножія трибуны къ нему относились съ фамиллярной любовью. Но какъ только онъ всходилъ на нее, его начинали, къ собственному удивленію, уважать, передъ нимъ начинали преклоняться. Съ перваго же его слова, съ перваго взгляда чувствовалось огромное разстояніе между человѣкомъ и ораторомъ. Это было орудіе энтузіазма, получавшее цѣнность и занимавшее надлежащее ему мѣсто только въ минуты вдохновенія. Это вдохновеніе, которому служилъ голосъ серьезный и неистощимое краснорѣчіе, воспиталось на лучшихъ традиціяхъ античной трибуны. У его фразъ была гармонія и образность самыхъ лучшихъ стиховъ. Если бы онъ не былъ ораторомъ демократіи, то онъ былъ бы философомъ и поэтомъ. Его истинно народный гений не позволялъ ему однако спускаться до простонароднаго языка, хотя бы для того, чтобы польстить народу. Его страсти были такъ же благородны, какъ и языкъ. Онъ обожалъ революцію, какъ высшую философію, которая должна бы облагородить всю націю, не принеся въ жертву ничего, кромѣ предразсудковъ и тираніи. У него были теоріи, но не было ненависти, была жажда славы, но не было честолюбія. Самая власть казалась ему чѣмъ-то слишкомъ реальнымъ, слишкомъ вульгарнымъ, чтобы добиваться ея. Для себя онъ ее презиралъ, а добивался только для своихъ идей. Слава и потомство были его единственною цѣлью. Онъ всходилъ на трибуну лишь для того, чтобы лучше рассмотреть ихъ съ вышины; позже, онъ видѣлъ только ихъ съ возвышенія эшафота, и онъ кинулся въ будущее юный, прекрасный, безсмертный въ памяти Франціи, со всѣмъ своимъ энтузіазмомъ и только нѣсколькими пятнами, уже омытыми его благородною кровью. Таковъ былъ этотъ человѣкъ, котораго судьба дала въ вожди жирондистамъ. Онъ не удостоилъ быть имъ, хотя у него была душа и дальновидность государственнаго мужа; слишкомъ беззаботный для главы партіи, слишкомъ великій, чтобы быть вторымъ,—онъ былъ просто Верньо. Болѣе блестящій, нежели полезный своимъ друзьямъ, онъ не хотѣлъ руководить ими; онъ ихъ обезсмертилъ“.

81.

Перечитывая въ настоящее время произнесенный мною раньше приговоръ надъ Учредительнымъ собраніемъ въ его послѣднемъ засѣданіи, я нахожу въ немъ нѣсколько похвалъ, болѣе лирическихъ, чѣмъ справедливыхъ, подъ которыми я не подписался бы хладнокровно теперь. Привожу ихъ дословно, а также и исправленія.

„Учредительное собраніе сложило съ себя власть въ минуты бури.“

„Это собраніе было самымъ величественнымъ изъ всѣхъ собраній, когда-либо бывшихъ не только во Франціи, но и вообще на земномъ шарѣ. Это дѣйствительно было всесвѣтное совѣщаніе разума и философіи. Казалось, природа нарочно создала, а разные классы общества нарочно берегли для этой цѣли гениевъ, характеры и даже пороки наиболѣе подходящіе для того, чтобы придать этому очагу современныхъ свѣтилъ величіе, блескъ и пламенное движеніе, которые были предназначены для того, чтобы уничтожить обломки стараго об-“

щества и освѣтить новое. Были тутъ и мудрецы, какъ Бальи и Мунье, мыслители, какъ Сийесъ, агитаторы, какъ Барнавъ, государственные мужи, какъ Талейранъ, люди эпохи, какъ Мирабо, люди принципа, какъ Робеспьеръ. Каждая идея олицетворялась тамъ въ самомъ возвышенномъ, самомъ выдающемся умѣ партіи. Жертвами тамъ также были все знаменитости. Казалось, Малюэ, Мори, въ блестящихъ, полныхъ сожалѣнія рѣчахъ прославляли послѣдовательное паденіе трона, аристократіи и духовенства. Этотъ очагъ дѣятельной мысли эпохи все время питался постоянными политическими бурями. Пока внутри собранія разсуждали, народъ снаружи дѣйствовалъ и стучался въ двери. Эти двадцать шесть мѣсяцевъ совѣщанія были сплошнымъ мятежемъ. Не успѣвало одно учрежденіе потерпѣть крушеніе на трибунѣ, какъ народъ уже сметалъ его, чтобы очистить мѣсто для новаго. Гнѣвъ народа былъ лишь нетерпѣніемъ при видѣ препятствій, его бредъ ничѣмъ инымъ, какъ разумомъ, возбужденнымъ страстью. Даже въ жестокостяхъ имъ всегда руководило исканіе правды. Трибуны ослѣпляли его только восторгомъ. Характеръ этого собранія весь вылился въ страстное стремленіе къ идеалу, который оно неуклонно стремилось осуществить. Стойкая вѣра въ разумъ и справедливость, святой огонь добра овладѣлъ имъ и заставлялъ отдать самого себя въ жертву своему дѣлу, подобно тому ваятелю, который, видя, что огонь, плавящій его бронзу, гаснетъ, бросилъ въ пламя свою мебель, кровати дѣтей и наконецъ весь свой домъ, рѣшившись лучше погибнуть самъ, лишь бы не дать погибнуть своему произведенію.

„Поэтому-то революція, созданная Учредительнымъ собраніемъ, стала не только историческимъ событіемъ даннаго народа, но эрой человѣческаго ума. Члены этого собранія были не французами, но гражданами міра. Ихъ не признають или роняють, когда видятъ въ нихъ священниковъ, аристократовъ, плебеевъ, вѣрноподанныхъ, бунтовщиковъ или демагоговъ. Они были и чувствовали, что представляютъ собою нѣчто большее: они были Божіими работниками, призванными Имъ для возстановленія соціальнаго порядка въ человѣчествѣ и права и справедливости во всей вселенной. Никто изъ нихъ, кромѣ протестующихъ противъ революціи, не ограничивалъ свою мысль предѣлами Франціи. Это доказываетъ декларація правъ человѣка. Это былъ декalogъ человѣческаго рода на всѣхъ языкахъ. Новѣйшая революція призвала и язычниковъ, и евреевъ принять участіе въ раздѣлѣ свѣта и царства братства.

„Не было также ни одного апостола революціи, который не проповѣдывалъ бы мира между всѣми народами. Мирабо, Лафайеттъ, даже самъ Робеспьеръ вычеркнули войну изъ того символа, который они предлагали націи. Ее потребовали позднѣе мятежники и честолюбцы, но не великіе революціонеры. Когда разразилась война, революція уже выродилась. Учредительное собраніе не приняло бы границъ Франціи за предѣлы своихъ истинъ и не замкнуло бы симпатичнаго духа французской революціи въ тѣсное жерло патріотизма. Родиною ея догматовъ былъ весь міръ. Франція была только мастерской, гдѣ работали для всѣхъ народовъ. Относясь съ уваженіемъ и равнодушіемъ къ

вопросу о національной территоріи, она съ перваго слова возстала противъ завоеваній. Она присвоила себѣ по праву собственности или, вѣрнѣе, по праву изобрѣтателя общія идеи, которыя она открыла міру. Всемирная, какъ вселенная, она была чужда эгоизма обособленія. Она хотѣла давать, а не красть. Она стремилась распространиться путемъ права, а не насильно. Будучи исключительно духовной, она не хотѣла для Франціи иной власти, кромѣ добровольнаго подчиненія, выражавшагося въ подражаніи со стороны человѣческихъ умовъ.

„Ея дѣло было колоссальное, ея средства ничтожныя; все, что ей под-сказываетъ энтузіазмъ, она предпринимаетъ, осуществляетъ безъ короля, безъ военнаго вождя, безъ диктатора, безъ войска, безъ всякой иной силы, кромѣ убѣжденія. Одинокая среди изумленнаго народа, среди распущенной арміи, эмигрировавшей аристократіи, ограбленнаго духовенства, враждебнаго двора, бунтующаго города и вооруженной Европы, она сдѣлала то, на что рѣшилась: столько истиннаго могущества для народа въ сильной волѣ, такъ непоколебима опора въ правдѣ для людей, борющихся за нее! Если когда-либо проявлялось вдохновеніе въ пророкѣ или древнемъ законодателѣ, то можно сказать, что Учредительное собраніе пережило два года вдохновенія, а Франція сдѣлалась вдохновительницей цивилизованнаго міра“.

Теперь я говорю такъ:

Этотъ гимнъ своею восторженностью превышаетъ уровень Учредительнаго собранія. Выраженіе *человѣкъ принципа*, примѣненное къ Робеспьеру, непристойно и можетъ заставить усомниться въ моихъ собственныхъ принципахъ. Развѣ фанатизмъ—свѣтъ? Развѣ софизмъ—истина? Развѣ пролитіе крови—апостольское служеніе? Правда, въ то время Робеспьеръ еще не проливалъ ея, а, наоборотъ, хлопоталъ объ отмѣнѣ смертной казни. Это служить мнѣ извиненіемъ за подобную оцѣнку его въ тотъ моментъ, когда онъ еще не былъ виновенъ. Но такъ какъ вся жизнь челоуѣка резюмируется той оцѣнкой, какую ему даетъ историкъ, то перо мое было если не преступно, то по крайней мѣрѣ легкомысленно, наградивъ Робеспьера эпитетомъ, которому можно дать двойное толкованіе, которое можетъ извратить понятіе молодежи объ этомъ гражданскомъ Маріѣ, этомъ проскрипторѣ-палачѣ революціи. Я въ этомъ раскаиваюсь и беру свои слова обратно.

Принимая въ соображеніе униженное состояніе короля въ моментъ провозглашенія конституціи 1791 года, послѣ которой власть его перестала существовать, а надъ головой его тяготѣла, все увеличиваясь, отвѣтственность, я заключилъ, что лучше было бы тогда же провозгласить республику или диктатуру націи для того, чтобы держать короля въ отдаленіи и въ резервѣ, пока производятся опыты проведенія новыхъ принциповъ народовластія. Я думаю еще и теперь, что Людовикъ XVI не долженъ былъ согласиться принять корону, которую мятежники обратили въ топоръ, висящій надъ его головой, чтобы воспользоваться имъ, обезчестить его и убить. Вина же націи заключалась въ томъ, что она не завладѣла и не присвоила себѣ всю власть

цѣликомъ, разъ отвѣтственность за нее она кидала на призракъ короля... Король и его семья не погибли бы, націи некого было бы обвинять въ своихъ конвульсіяхъ кромѣ самой себя, конституціонная республика учредилась бы безъ 10-го августа, безъ сентябрьскихъ убійствъ, безъ 21-го января, безъ *террора*; или же, наконецъ, Франція, убѣдившись въ безсиліи республики, вернула бы оставшіяся неприкосновеннымъ тронъ Людовику XVI и его несчастной семьѣ съ обязательствомъ охранять разумно реформированные въ 1789 г. гражданскіе законы.

То, что я сказалъ въ седьмой книгѣ „Жирондистовъ“, я повторяю снова теперь, пятнадцать лѣтъ спустя, послѣ двухъ реставрацій, послѣ схизматической монархіи 1830 года, послѣ республики, имѣвшей цѣлью всеобщее благополучіе, не пролившей ни капли крови, никого не осудившей и не ограбившей и послѣ возстановленія Наполеоновской династіи, которую мнѣ не приходится ни характеризовать, ни хвалить здѣсь, ни порицать съ моей точки зрѣнія какъ историка, такъ какъ у меня взгляды историка Второй республики. Но я всегда скажу, что для народа, у котораго идетъ революція, правдивая республика, безъ проскрипторовъ и осужденныхъ, гораздо лучше, нежели живая монархія, которую держать въ тискахъ и избиваютъ мятежники.

Прочтите здѣсь объясненіе моей исторической мысли. Она смѣла, но я считаю ее болѣе правильной, чѣмъ рабкая осмотрительность конституціоналистовъ.

„Если бы въ Учредительномъ собраніи было больше государственныхъ умовъ, чѣмъ философовъ, оно поняло бы, что такое переходное состояніе подъ опекой короля, наполовину лишеннаго трона — невозможно. Нельзя ввѣрять побѣжденнымъ охрану и управленіе тѣмъ, что у нихъ же завоевано. Поступая такъ приходилось роковымъ образомъ толкать короля или къ предательству или на эшафотъ. Въ великихъ кризисахъ абсолютное рѣшеніе — единственно вѣрное. Геніальность заключается въ умѣніи воспользоваться этими рѣшеніями въ нужныя минуты. Будемъ откровенны: исторія долгое время спустя скажетъ то же самое: былъ моментъ, когда Учредительное собраніе имѣло право дѣлать выборъ между монархіей и республикой и когда оно должно было выбрать республику. Въ этомъ заключалось спасеніе революціи и ея законность. Въ ея нерѣшительности заключалась ея неосторожность.

„Однако“, скажутъ намъ вмѣстѣ съ Барнавомъ: — „Франція страна монархическая какъ по своему характеру, такъ и по географическому положенію, и теперь еще идутъ споры о монархіи и республикѣ. Объяснимся:

„Географія непримечъ: Римъ и Картегенъ не имѣли границъ; Генуя и Венеція не имѣли территорій. Не мѣстность опредѣляетъ у народовъ форму правленія, а время. Возраженіе Барнава относительно географіи было разбито, годъ спустя, чудесами, совершенными Франціей въ 1792 году. Она показала, хватило ли у нея единства и централизаціи для защиты континентальной страны. Воды и горы граница для слабыхъ; люди — граница народовъ.

„Итакъ, оставимъ географію въ покоѣ! Не геометры создаютъ соціальныя учрежденія, а государственные люди.

„Но, у народовъ есть два великихъ инстинкта, открывающихъ имъ, въ какую форму они должны вылиться въ зависимости отъ возраста, котораго они достигли: инстинктъ самосохраненія и роста. Дѣйствовать или отдыхать, ходить или сидѣть—состоянія противоположныя, требующія отъ человѣческаго тѣла совершенно различнаго положенія. То же бываетъ и у народовъ. Монархія или республика точно соотвѣтствуютъ у націй потребностямъ двухъ противоположныхъ состояній—покоя и дѣятельности. Мы подразумѣваемъ здѣсь покой и дѣятельность въ самомъ точномъ смыслѣ слова, такъ какъ покой возможенъ и при республикѣ, а дѣятельность при монархіи.

„Касается ли дѣло самосохраненія, воспроизведенія и развитія въ медленномъ и незамѣтномъ процессѣ произрастанія, свойственномъ народамъ такъ же, какъ и крупнымъ растеніямъ, или поддержки гармоническихъ отношеній съ европейскою средой, огражденія законовъ и нравовъ, сохраненія традицій, охраненія возрѣвнй и культовъ, обезпеченія имущества и благосостоянія, предупрежденія волненій, мятежей,—монархія, очевидно, болѣе способна ко всѣмъ этимъ функціямъ, чѣмъ всякая иная форма правленія. Она защищаетъ внизу ту безопасность, которой желаетъ для себя наверху. Она — порядокъ изъ эгоизма и по существу. Порядокъ—ея жизнь, традиція ея догматъ, нація ея наслѣдіе, религія ея союзница, аристократія—ограда противъ вторженія толпы. Она должна сохранить все это, иначе она погибнетъ. Это правленіе осторожности, потому что оно несетъ на себѣ наибольшую отвѣтственность. Имперія—ставка монарха. Повсюду тронъ является залогомъ неподвижности. Когда стоишь такъ высоко, то боишься малѣйшаго колебанія, такъ какъ иначе придется проиграть или свалиться.

„Итакъ, когда у націи есть достаточная территорія, удовлетворительные законы, опредѣленные интересы, священныя вѣрованія, могучая религія, правильная градація общественныхъ классовъ, организованная администрація—она будетъ монархической независимо отъ морей, рѣкъ и горъ. Свою власть она возлагаетъ на монархію и предоставляетъ ей предусматривать, желать и дѣйствовать за нее. Для такихъ функцій это самая совершенная форма правленія. Она носитъ два имени, взятыхъ изъ самого общества: *единство* и *наслѣдственность*.

„Наоборотъ, если народъ находится въ той стадіи, когда онъ долженъ напрягать всѣ свои силы для того, чтобы совершить въ себѣ или внѣ себя одинъ изъ тѣхъ органическихъ переворотовъ, столь же необходимыхъ націямъ, какъ рѣкамъ теченіе, а сдавленнымъ силамъ взрывъ, то республика является фатально-необходимой формой правленія для націи въ такія минуты. Внезапному, неудержимому, судорожному движенію общественнаго организма нужны руки и воля всѣхъ гражданъ. Народъ становится толпой и безъ всякаго порядка бросается въ опасность. Онъ одинъ можетъ удовлетворить кризису. Какая другая рука какъ не рука цѣлаго народа можетъ сдвинуть съ мѣста то, что онъ хочетъ привести въ движеніе? Смѣлѣть то, что онъ хочетъ уничтожить? Установить то, что онъ хочетъ основать? Монархія здѣсь тысячу разъ

сломала бы свой скипетръ. Необходимъ рычагъ, могущій приподнять тридцать милліоновъ человѣческихъ желаній; такимъ рычагомъ владѣть только народъ. Онъ является въ одно и то же время и движущей силой и рычагомъ и точкой опоры.

„Тогда нельзя требовать, чтобы законъ шелъ противъ закона, традиція противъ традиціи, а порядокъ противъ установившагося порядка. Это было бы равносильно требованію силы отъ слабости и самоубійства отъ жизни. При томъ тщетно было бы возлагать на монархическую власть исполненіе такихъ реформъ, при которыхъ иногда гибнетъ все, а король прежде всѣхъ. Такой образъ дѣйствій противорѣчитъ самому смыслу монархіи: можетъ ли она его желать?

„Требовать, чтобы король разрушилъ власть церкви, освящающей королевскую власть, лишилъ духовенство богатствъ, зиждущихся на томъ же божественномъ правѣ, на которомъ основывается и королевская власть, и унизилъ аристократію, стоящую на верхней ступени трона, уничтожилъ всю соціальную іерархію, которой онъ самъ служить вѣнцомъ, подкопалъ законы, изъ которыхъ высшій онъ самъ, — значило бы то же, что потребовать отъ сводовъ зданія, чтобы они подрывли свой фундаментъ. Король сдѣлать этого и не могъ бы и не пожелалъ. Опрокидывая все, что ему служить поддержкой, онъ почувствовалъ бы себя надъ пропастью. Онъ поставилъ бы на карту свой тронъ и свою династію. Онъ отвѣтственъ за свой родъ. Онъ остороженъ по природѣ и консервативенъ по необходимости. Ему приходится уступать, щадить, быть терпѣливымъ, считаться со всѣми существующими благами. Онъ король религіи, аристократіи, законовъ, нравовъ, злоупотребленій и ошибокъ всего государства. Даже самые недостатки строя составляютъ иногда отчасти его силу. Угрожать имъ значитъ губить себя. Онъ можетъ ненавидѣть ихъ, но не долженъ на нихъ посягать.

„Помочь въ подобныхъ кризисахъ можетъ одна только республика. Націи чувствуютъ это и бросаются къ ней, ища спасенія. Правительствомъ становится воля народа. Она устраняетъ робкихъ, ищетъ смѣлыхъ, призываетъ къ работѣ всѣ силы, весь героизмъ, все самоотверженіе народа.

86.

„Пока революція не закончилась, инстинктъ народа всегда влечетъ его къ республикѣ, потому что онъ чувствуетъ, что всякая другая рука, а не его, слишкомъ слаба, чтобы придать должное направленіе вещамъ. Народъ не довѣряетъ, и не безъ основанія, неотвѣтственному правительству, вѣчному и наслѣдственному, совершить то, чего требуютъ творческія эпохи. Онъ самъ хочетъ быть вершителемъ своихъ судебъ. Ему кажется, что для спасенія націи необходима именно его диктатура. Но развѣ организованная диктатура народа не то же самое, что республика? Онъ можетъ сложить съ себя полномочія лишь послѣ того, какъ всѣ кризисы миновали, и дѣло революціи перестало быть спорнымъ, закончено и упрочено. Тогда онъ опять можетъ вернуться къ монархіи и сказать ей снова. „Царствуй во имя идей, которыя я для тебя выработалъ“.

„Итакъ Учредительное собраніе только по слабости и близорукости не дало революціи республику какъ естественное орудіе. Мирабо, Бальи, Лафайеттъ, Сійесъ, Барнавъ, Талейранъ, Ламетты въ этомъ отношеніи поступили какъ философы, но не какъ великіе политики. Событія доказали это. Они думали, что революція закончилась, какъ только она была объявлена, они повѣрили въ конверсію монархіи, послѣ ея присяги и конституціи. Но революція только еще началась, а присяга королевской власти революціи значила столько же, сколько присяга революціи королевской власти. Эти два элемента могли слиться только послѣ вѣкового періода. Этимъ періодомъ была республика. Не въ одинъ день и не въ пятьдесятъ лѣтъ народъ переходитъ отъ революціонной дѣятельности къ монархіи. Потому-то кризисъ и былъ такъ ужасенъ и волнуетъ насъ еще до сихъ поръ, что въ то время забыли объ этомъ. Если бы у революціи, которая не прекратилась еще и до сихъ поръ, было свое собственное и естественное правительство — республика, то республика эта была бы менѣ бурной и безпокойной, чѣмъ сдѣланныя нами пять попытокъ создать монархію. Характеръ пережитыхъ нами историческихъ моментовъ не мирится съ традиціонной формой власти. Въ эпоху движенія — правительство движенія — таковъ законъ!

„Національное собраніе, говорятъ, не имѣло на это права: оно присягнуло монархіи и признало Людовика XVI; оно не могло твергнуть его, не признавъ за нимъ преступленія! Возраженіе дѣтское, если оно исходитъ отъ людей, не признающихъ власти династій надъ народами. Учредительное собраніе съ самаго начала своей дѣятельности провозгласило ненарушимость народныхъ правъ и законность необходимыхъ возстаній. Клятва въ Же-де-Помъ заключалась только въ присягѣ на вѣрность народу и неповиновеніе монарху. Затѣмъ собраніе провозгласило Людовика XVI королемъ французовъ. Разъ оно признавало за собою право провозгласить его королемъ, тѣмъ самымъ онъ признавало за собою и право объявить его простымъ гражданиномъ. Низверженіе трона въ интересахъ націи и всего человѣчества было, очевидно, въ его принципахъ. Что же оно дѣлаетъ однако? Оно оставляетъ или восстанавливаетъ королемъ Людовика XVI не изъ уваженія къ королевской власти, но изъ состраданія къ его личности и сочувствія къ царственному паденію. Вотъ истина. Изъ опасенія совершить святотатство собраніе бросается въ анархію. Это было великодушно, красиво, человѣчно; Людовикъ XVI заслужилъ этого вполне отъ своего народа. Кто можетъ умалить величіе снисходительности? До отъѣзда короля въ Вареннъ, абсолютная власть народа была лишь отвлеченной фикціей, *summius jus* собранія. Королевское достоинство Людовика XVI оставалось фактомъ, заслуживающимъ уваженія и признаннѣмъ. Еще разъ повторяю, это было прекрасно.

„Но насталъ моментъ, моментъ бѣгства короля, покидающаго королевство, протестующаго противъ воли народа и прибѣгающаго къ защитѣ арміи и иностранному вмѣшательству, когда къ собранію вернулось право располагать покинутой властью. Ему представились три пути: объявить паденіе королевской власти и республику; объявить временное прекращеніе королевской власти и

управленіе отъ ея имени до окончанія этого духовнаго затмѣнія; наконецъ, немедленно объявить реставрацію королевской власти.

„Собраніе выбрало худшій путь. Оно побоялось быть суровымъ и сдѣлалось жестокимъ; потому что, сохранивъ королю его санъ, оно подвергло его пыткамъ гнѣва и презрѣнія собственнаго народа. Оно увѣнчало его подозрѣніями и оскорбленіями. Оно пригвоздило его къ трону, сдѣлавшемуся орудіемъ его мученій и смерти.

„Изъ двухъ другихъ возможныхъ рѣшеній самымъ логичнымъ и безусловнымъ было бы первое: объявить паденіе королевской власти и республику.

„Республика, законно утвержденная, во всей своей силѣ и правахъ собраніемъ, была бы совершенно иная, чѣмъ та, которая предательски и жестоко была вырвана, девять мѣсяцевъ спустя, возстаніемъ 10-го августа. Разумѣется она сопровождалась бы неизбѣжными волненіями, всегда слѣдующими за народженіемъ новаго строя. Она не миновала бы беспорядковъ, перваго движенія въ странѣ, увлеченной самымъ величіемъ опасности. Но ея источникомъ былъ бы законъ, а не мятежъ; право, а не насиліе; освобожденіе, а не возстаніе. Одно это уже перемѣнило бы мрачныя условія ея существованія и будущаго. Она должна была быть спокойной, но могла остаться чистой.

„Посмотрите, какъ одинъ фактъ легальнаго и обдуманнаго ея объявленія измѣнялъ все. 10-е августа не случилось бы. Предательство и тиранія французской коммуны, избіеніе гвардіи, осада дворца, бѣгство короля въ Собраніе, оскорбленія, которымъ онъ тамъ подвергся, наконецъ его заключеніе въ Тамплъ—все это было бы устранено. Республика не убила бы короля, королеву, невиннаго ребенка, добродѣтельную принцессу. У нея не было бы сентябрьскихъ избіеній, этихъ Варооломеевскихъ ночей народа, налагающихъ навѣки кровавыя пятна на колыбель свободы. Она не была бы крещена въ крови трехъ сотъ тысячъ жертвъ. Она не дала бы въ руки революціоннаго суда народнаго топора, которымъ онъ уничтожилъ цѣлое поколѣніе, чтобы очистить мѣсто для идеи. У нея не было бы 31-го мая. Если бы жирондисты взяли власть въ чистыя руки, у нихъ было бы больше силъ для борьбы съ демагогами. Спокойно учрежденная республика не такъ устрасила бы Европу, какъ смута, узаконенная преступленіями и убійствами. Войны можно было бы избѣжать, а если бы она была уже неминуема, то безъ сомнѣнія она могла бы быть болѣе единодушной и побѣдоносной. Нашихъ генераловъ не рубили бы съ криками объ измѣнѣ свои же солдаты. Сочувствіе другихъ народовъ было бы на нашей сторонѣ, и ужасъ нашихъ августовскихъ, сентябрьскихъ и январьскихъ дней не оттолкнулъ бы отъ нашихъ знаменъ народовъ, привлеченныхъ нашими доктринами. Вотъ какимъ образомъ одно измѣненіе при народженіи республики измѣнило бы судьбу революціи“.

Жирондисты правятъ отъ имени Людовика XVI. Критиковали мое изображеніе госпожи Роланъ. Я польстил ихъ Эгерію — это правда; я коснулся вскользь интригъ и пафоса, смѣнявшихъ другъ друга и придававшихъ романтическій и женственный обликъ этой женщинѣ. Въ этомъ я сдѣлалъ уступку

популярности въ ущербъ правдѣ. Я хотѣлъ дать Корнелію республикѣ. Я не знаю, чѣмъ въ сущности была Корнелія, мать Гракховъ, выросившая заговорщиковъ противъ римскаго сената и призывавшая ихъ къ мятежу, этой добродѣтели популярныхъ честолюбцевъ.

Что касается госпожи Роланъ, вдохнувшей въ своего вульгарнаго мужа свой женскій гнѣвъ противъ двора за то, что онъ былъ закрытъ для ея женскаго тщеславія, — то въ ней прекрасна была только ея смерть. У нея были только внѣшніе признаки истиннаго величія души. Она диктуетъ мужу эгоистическія мѣры недоверія къ королю, зажигаетъ въ жирондистахъ, людяхъ близкихъ ей, неумолимую ненависть къ королевѣ, уже и безъ того униженной и находившейся въ опасности; въ ней нѣтъ ни уваженія, ни жалости къ этой жертвѣ, она указываетъ на нее пальцемъ мятежной толпѣ. Она больше ни женщина, ни мать, ни француженка. Она, какъ Немезида, становится у тампльской башни послѣ того, какъ королева оплакала тамъ мужа, дѣтей и себя самоѣ, въ то время, когда очутилась между трономъ и эшафотомъ. Этотъ тщеславный стоицизмъ неумолимости убиваетъ, на мой взглядъ женщину въ этомъ женскомъ трибунѣ. Чтобы быть справедливымъ, я долженъ былъ бы заклеить ея жестокосердіе; въ угоду публикѣ я его превознесъ. Мой восторгъ былъ не вполне искреннимъ. Шарлотта Корде, несмотря на преступное самоотверженіе, проявленное ею въ поступкѣ, героическомъ по замыслу, стояла въ тысячу разъ выше госпожи Роланъ. Въ груди этой женщины — политика, нѣтъ сердца такъ же, какъ его нѣтъ почти у всѣхъ женщинъ, претендующихъ на метафизическую страсть къ популярности за отсутствіемъ личной нѣжной страсти, которая могла бы питать ихъ душу, а не тщеславие.

Это искреннее чувство, враждебное къ женщинамъ-трибунамъ эпохи королевской власти или республики, сквозило уже, помимо моей воли, въ преувеличенномъ апофеозѣ, которымъ я окружилъ госпожу Роланъ.

„Гордость аристократическаго общества, встрѣчавшагося, но не считавшагося съ нею, тяготила ея душу. Общество, въ которомъ для нея не было мѣста, казалось ей дурно устроеннымъ. Въ этомъ чувствѣ было меньше зависти, чѣмъ возмущенной справедливости. Высшія существа имѣютъ мѣсто, предназначенное для нихъ Богомъ, и все, что служить имъ помѣхой къ занятію его, кажется имъ узурпаціей. Они часто находятъ, что общество извращаетъ природу; они платятъ ему за это презрѣніемъ. Отсюда ненависть генія къ могуществу. Геній мечтаетъ о такомъ порядкѣ вещей, при которомъ каждый занималъ бы мѣсто по своимъ природнымъ качествамъ и по заслугамъ. На самомъ дѣлѣ права даются происхожденіемъ, этимъ слѣпымъ преимуществомъ судьбы. Мало есть великихъ людей, которые бы не чувствовали отъ рожденія преслѣдованій судьбы и не начинали бы съ внутренняго протеста противъ общества. Они смиряются лишь потерявъ мужество. Другіе примиряются съ мѣстомъ, приготованнымъ имъ Богомъ, изъ болѣе возвышенныхъ соображеній. Смирненно служить міру еще прекраснѣе, чѣмъ властвовать надъ нимъ. Въ этомъ верхъ добродѣтели. Религія приводитъ къ этому сознанію въ одинъ день, философія — долгимъ путемъ жизни, несчастій и смертью. Бываютъ дни, когда самое высокое мѣсто въ мірѣ — эшафотъ.

Что может быть несправедливѣе обвиненія въ жестокости моего пера по отношенію къ королю, королевѣ и королевской семьѣ въ разсказѣ о 10 августа. Роялисты воздерживались отъ чтенія моей книги, чтобы имѣть право голосовно повторять обвиненія, опровергаемые каждымъ сердечнымъ сожалѣніемъ въ этомъ разсказѣ. Прочтите его добросовѣстно теперь:

„Собраніе прервало засѣданіе въ часть утра. Королевская семья все это время оставалась въ ложѣ стенографа. Одному Богу извѣстно, какъ тянулись эти четырнадцать часовъ для короля, королевы, принцессы Елизаветы и ихъ дѣтей. Неожиданность паденія, продолжительная неизвѣстность, переходы отъ страха къ надеждѣ, бой, происходившій за нихъ за дверьми, причемъ они не видали даже лицъ сражающихся, пальба изъ пушекъ, ружейная канонада, отдававшаяся въ ихъ сердцахъ, то приближающаяся, то вновь отдаляющаяся, какъ надежда, играющая съ умирающими, мысль объ опасности, которой подвергаются друзья, оставшіеся въ замкѣ, мрачное будущее, съ каждой минутой становящееся все темнѣе, точно бездонная пропасть, невозможность дѣйствовать и предпринять что-либо въ такую минуту, когда каждая мысль у человѣка бываетъ направлена къ дѣйствию, стѣсненіе въ обмѣнѣ мыслями, внѣшняя безстрастность, чтобы сохранить свое достоинство, страхъ, радость, отчаяніе, умиленіе и, къ довершенію пытки, взгляды врага, постоянно устремленные на нихъ, ищущіе слѣда преступленія въ выраженіи ихъ лицъ и наслаждающіеся написанной на нихъ тревогой, — все это обратило въ истинную агонію королевской власти эти безконечные часы. Паденіе съ трона на эшафотъ было долгимъ, глубокимъ, ужаснымъ. Нигдѣ оно не было столь чувствительнымъ, какъ здѣсь. Разбиваетъ первый ударъ, остальные только добиваютъ

„Если прибавить физическія пытки къ этимъ душевнымъ страданіямъ несчастной семьи, брошенной послѣ безсонной ночи въ этотъ своего рода казематъ; горячее дыханіе трехъ-четырехъ-тысячной толпы, набившейся въ помѣщеніе, другую толпу, загрозившую корридоръ, жажду, отсутствіе воздуха, струившійся потъ, взаимную нѣжность членовъ семьи, увеличивавшую страданія одного страданіями остальныхъ, то станетъ понятнымъ, что одинъ этотъ день могъ утолить жажду мести, накапливавшуюся въ теченіе четырнадцати вѣковъ.

„Король, облокотившійся на барьеръ ложи, какъ человѣкъ, присутствующій при интересномъ зрѣлищѣ, казалось, уже освоился съ своимъ положеніемъ. Онъ дѣлалъ безпристрастныя и основательныя замѣчанія относительно обстоятельствъ, предложеній и постановленій, доказывавшія его полное отрѣшеніе отъ личности. Онъ говорилъ о себѣ, какъ о королѣ, жившемъ тысячу лѣтъ назадъ; онъ судилъ о поступкахъ народа относительно себя, какъ судилъ бы о поступкахъ Кромвеля и Долгаго парламента по отношенію къ Карлу I. Мошь самоотверженія, на которое онъ былъ способенъ, давала ему эту силу безпристрастія даже подъ ножомъ партіи, собиравшейся привести его въ жертву. Онъ часто вполголоса обращался къ ближайшимъ, извѣстнымъ ему, депутатамъ, между прочимъ къ Калону, инспектору зала, къ Кустару и Верньо. Онъ вы-

слушаль не поблѣдѣвъ и съ прежнимъ выраженіемъ въ лицѣ, во взглядѣ и осанкѣ, направленныя противъ него оскорбленія и декретъ о низверженіи его съ трона. Его голова не шевельнулась при паденіи съ нея короны. Видно было даже, какъ затаенная радость блеснула на его лицѣ, несмотря на важное и грустное настроеніе минуты. Онъ глубоко вздохнулъ, точно съ его души сняли большую тяжесть. Власть для него была скорѣе долгомъ, чѣмъ гордостью. Лишая его трона, его облегчали.

89.

„Принцесса Елизавета, равнодушная къ политической катастрофѣ, старалась только внести немного свѣта въ этотъ мракъ. Участливая грусть ея, улыбки и глубокая привязанность, просвѣчивавшая сквозь слезы на ея глазахъ, открывали королю и королевѣ уголокъ внутренняго неба, гдѣ ихъ взоры доверчиво отдыхали послѣ столькихъ волненій. Одна любящая душа, одинъ звукъ участія вознаграждаютъ за ненависть и оскорбленія цѣлаго народа: она была олицетворенной жалостью, присутствовавшей при пыткѣ.

„Королеву поддерживала вначалѣ надежда на пораженіе мятежниковъ. Возбужденная, какъ герой при звукѣ выстрѣла, неустрашимая передъ воплями петиціонеровъ и трибуновъ, она смотрѣла на нихъ уничтожающимъ взглядомъ и съ презрительной улыбкой; она все время оборачивалась и обмѣнивалась многозначительными взглядами съ своими свитскими офицерами, находившимися въ глубинѣ ложи, спрашивала ихъ, что новаго въ замкѣ, разспрашивала о швейцарцахъ, о томъ, какія у нихъ остались силы, въ какомъ положеніи находятся оставшіяся въ Тюльери дорогія ей лица, а главное ея подруга, принцесса Ламбаль. Съ дрожью негодованія, но не поблѣдѣвъ, она выслушала извѣстіе объ убійствѣ Сюло во дворѣ Фельянтинцевъ, о бѣшеныхъ крикахъ убійцы, о стрѣльбѣ батальоновъ у входа въ собраніе и о бурныхъ попыткахъ толпы ворваться въ коридоръ, чтобы покончить съ нею самой. Пока длился бой, она переживала его порывы и волненіе. Но при послѣднихъ пушечныхъ выстрѣлахъ, при побѣдныхъ крикахъ народа, при видѣ своихъ фуляровъ, драгоценностей, портфелей и секретовъ, раскиданныхъ и поруганныхъ у нея на глазахъ, точно посмертные останки ея самой и ея сердца, она замерла въ мрачной, но все еще гордой неподвижности. Она сносила свое пораженіе, но не мирилась съ нимъ, какъ король. Ея санъ былъ неотдѣлимой частью ея существа; лишиться его значило умереть. Декретъ объ отрѣшеніи, прочитанный Верньо, былъ какъ бы ударъ топора по ея головѣ. Она на минуту закрыла глаза и, казалось, хотѣла сосредоточиться на своемъ униженіи; затѣмъ гордость несчастія блеснула на ея челѣ, словно новая діадема. Она собрала послѣднія силы, чтобы подняться, изъ презрѣнія къ ударамъ, выше своихъ враговъ; съ этой минуты она стала чувствительна только къ ударамъ, наносимымъ другимъ“.

Мы спрашиваемъ у cadaго добросовѣстнаго читателя, неужели въ этой картинѣ недостаетъ сочувствія въ изображеніи несчастія и почтительности при описаніи катастрофы? Неужели значить развращать народъ, обрисовывая та-

кимъ образомъ его жертвы и заставляя его проливать слезы надъ побѣдами, которыя его трибуны одерживали отъ его имени?

90.

Что касается сентябрьскихъ убійствъ, тайны, которая еще не вполне разслѣдована, несмотря на шестидесятилѣтнія изысканія, то я не знаю, найдется ли на человѣческомъ языкѣ достаточно сильное выраженіе для того, чтобы высказать отвращеніе и проклятіе, которыя внушаютъ мнѣ такъ же, какъ и всѣмъ цивилизованнымъ народамъ, эти ужасныя злодѣянія, достойныя каннибаловъ? Пусть прочтутъ этотъ разсказъ, составленный на основаніи справокъ о каждомъ отдѣльномъ лицѣ въ этой путаницѣ труповъ и морѣ крови, способный внушить народу ужасъ къ самому себѣ, когда онъ возводитъ свою ярость въ законъ! Быть можетъ даже, что я былъ несправедливъ къ самому Дантону, приписавъ ему инициативу этого массоваго избіенія? Теперь я болѣе склоненъ къ мысли, что вина Дантона въ эти дни, когда дѣйствовалъ топоръ, скорѣе приближалась къ вынужденному соучастію съ темными и неистовыми злодѣями парижской коммуны и въ томъ, что, не имѣя возможности предотвратить преступленіе, задуманное этими муниципальными палачами, Дантонъ молчалъ и имѣлъ низость предпочесть считаться ихъ соумышленникомъ, страдая втайнѣ и допустивъ совершиться ужасамъ, которыя онъ ненавидѣлъ, хотя и извинялъ. Эта часть „Исторіи жирондистовъ“ самая туманная; предположенія замѣняютъ въ ней документальныя данныя, такъ какъ въ интересѣ убійцъ, оставшихся въ живыхъ, было уничтожить позорныя страницы этого мѣсяца. Несомнѣнно только одно, что ни Робеспьеръ, еще не успѣвшій запятнать себя кровью, ни жирондисты не были къ этому причастны. Ужасъ сентябрьскихъ дней именно и отдалилъ жирондистовъ отъ Дантона. Дантонъ требовалъ отъ нихъ только, чтобы они молчали и оставили трупы въ покоѣ, а убійцъ безнаказанными. Жирондисты отвѣтили на это отказомъ, ихъ политика, непоколебимо честная въ этомъ отношеніи, не допустила ихъ войти въ молчаливую сдѣлку съ Дантономъ, цѣною амнистіи сентябрьскаго кровопролитія. Непостижимо поэтому, какимъ образомъ Кассаньякъ приписываетъ жирондистамъ сентябрьскія убійства; это равносильно тому, какъ если бы мы обвинили Робеспьера въ 9-омъ Термидора и въ смерти самого Робеспьера! Жирондисты умерли потому, что предпочли лучше умереть, чѣмъ своимъ молчаніемъ санкціонировать сентябрьскія убійства. Если бы они были такъ же непреклонны въ вопросѣ о смертномъ приговорѣ короля, то они оставили бы потомству величайшую силу республиканской партіи и память, незапятнанную не только тѣною солидарности, но даже малѣйшимъ попустительствомъ въ преступленіяхъ народа.

91.

Пока я не принималъ участія самъ, не въ заговорахъ, а въ событіяхъ революціи, я не могъ понять, какимъ образомъ такія важныя событія, какъ сентябрьскія убійства, могли остаться неясными для исторіи, хотя бы они и были дѣйствіями безъ причинъ, преступленіями безъ заранѣе обдуманнаго на-

мѣренія, въ которыхъ единственнымъ виновникомъ является народный элементъ, возмущенный случайно; хотя бы агитаторы этихъ народныхъ вспышекъ сумѣли такъ хорошо скрыть свое имя и руку, что ихъ никогда нельзя было поймать на мѣстѣ преступленія. Я заблуждался и теперь откровенно сознаюсь въ своей ошибкѣ. Два самыхъ яркихъ событія революціоннаго 1848 года составляютъ результатъ возмущенія 24 февраля, которое внезапно наводняетъ улицы вооруженными людьми, воздвигаетъ баррикады въ самомъ сердцѣ Парижа, утомляетъ войско двухдневной борьбой, раскидываетъ въ центрѣ столицы незначительный, но непреодолимый лагерь, проводитъ на бивуакѣ цѣлую ночь на крышахъ домовъ, кажется уничтоженнымъ, но утромъ на третій день нападаетъ на королевскія войска и разгоняетъ ихъ, идетъ на дворецъ, выгоняетъ изъ него королевскую власть, окружаетъ Собраніе и разбѣвается только передъ нѣсколькими гражданами, совершенно непричастными бунту, которые объявляютъ, что вслѣдствіе наступившаго междоусобія власть переходитъ въ руки временнаго правительства.

И вотъ, несмотря на то, что я болѣе чѣмъ кто-либо былъ причастенъ къ событіямъ, дѣйствіямъ и людямъ этого дня, несмотря на то, что я разспрашивалъ ихъ, пользуясь откровенностью разгара событій, для меня оказалось невозможнымъ открыть малѣйшую искру правды или хотя бы правдоподобія относительно причинъ, плановъ и фактовъ вооруженнаго возстанія 22, 23 и 24 февраля противъ іюльскаго правительства. Эта историческая анкета не открыла мнѣ ни плановъ заговора, ни руководителей этого необъяснимаго событія. Если бы меня попросили назвать хотя бы одно лицо, которому принадлежала инициатива того или другого обстоятельства въ этой борьбѣ, то я по совѣсти могъ бы сказать, что не могу на него указать. Есть событія, которыя выходятъ изъ земли, точно изъ кратера вулкана, безъ участія чьей-либо руки, или падаютъ съ неба, какъ метеоры, и о которыхъ никто не можетъ сказать ни откуда они явились, ни что они намѣрены поразить, ни гдѣ угаснуть.

Я двадцать разъ спрашивалъ самыхъ активныхъ республиканцевъ: „Вамъ извѣстно это?“ И всѣ они отвѣчали мнѣ: „Мы знаемъ объ этомъ не больше вашего. Мы вышли на улицу потому, что увидали тамъ нашихъ друзей, но къ намъ былъ зажженъ огонь—не знаемъ“. Въ революціяхъ случай имѣетъ болѣе значеніе, чѣмъ предполагаютъ; въ нихъ болѣе загадочнаго, чѣмъ тайнаго.

Второе и, къ сожалѣнію, самое выдающееся событіе революціи 1848 года—это іюньскіе дни. Кто ихъ подготовилъ? Кто задумалъ? Кто совершилъ? Съ какой цѣлью? Какими способами? По какой причинѣ? Наконецъ, какіе люди? Невозможно узнать, смѣло сказать и безсмысленно предполагать.

Мнѣ было такъ же хорошо извѣстно, какъ и другимъ, а можетъ быть и лучше, такъ какъ я больше читалъ и лучше понималъ исторію революціи, что черезъ нѣсколько недѣль въ Парижѣ, послѣ того какъ мы восстановимъ народовластіе въ видѣ національнаго представительства, символа права, порядка и господства, настанетъ день мятежа; что тайныя или открытыя анар-

хическія партіи, сдерживаемыя до тѣхъ поръ рукой въ одно и то же время твердой и гибкой, сдѣлають попытки отнять власть у законнаго народнаго представительства Франціи, явившагося въ Парижѣ для того, чтобы всѣмъ овладѣть и все подчинить себѣ своимъ присутствіемъ. Это было неизбежно, хотя фатально. Это было, такъ сказать, матеріальное устраненіе безпорядочнаго элемента элементомъ правовымъ.

Въ предвидѣніи дня этого неизбежнаго мятежа я искалъ республиканскаго генерала, чтобы поставить его во главѣ столичныхъ войскъ, и я съ каждымъ днемъ стягивалъ отдѣльныя части этой парижской арміи, для того чтобы ея главнокомандующій, явившись изъ Алжира, нашелъ ее въ назначенный день достаточно многочисленной и въ боевой готовности. Я выбралъ для роли этого неизвѣстнаго мнѣ генерала единственнаго республиканскаго полководца для того, чтобы республиканцы не могли обвинить его въ роялизмѣ и не раздѣлились бы на партіи передъ лицомъ общей опасности въ день грядущаго мятежа.

Генералъ прибылъ. Онъ выслушалъ всѣ мои сообщенія и получилъ наши инструкціи. Временное правительство, по моему указанію, вручило ему портфель военнаго министра и поручило командованіе всѣми военными и гражданскими отрядами: восемьюдесятью тысячами войска разнаго оружія въ Парижѣ и окрестностяхъ; шестнадцатью тысячами летучей гвардіи, пылкой столичной молодежи, собранной мною въ ночь на 24 февраля, горящей желаніемъ отличиться героическимъ исполненіемъ приказа; пѣшей и конной республиканской гвардіей, мощной преемницей традицій старой парижской жандармеріи; наконецъ, почти тремястами тысячъ національной гвардіи, большинство которой было готово защищать по крайней мѣрѣ очаги свои и своихъ согражданъ: всего приблизительно чотыреста тысячъ штыковъ, изъ которыхъ по меньшей мѣрѣ сто двадцать тысячъ принадлежали къ линейнымъ полкамъ.

Итакъ мы были уже за десять дней въ полной боевой готовности, чтобы встрѣтить мятежъ, который готовился вспыхнуть, но долженъ былъ быть усмирень этими внушительными мѣрами предосторожности. Политическія партіи въ Собраніи и среди самого правительства, враждовавшія иногда на почвѣ принципиальныхъ вопросовъ, объединились, чтобы подавить какое бы то ни было покушеніе со стороны толпы на республику и на народное представительство. Тѣ изъ членовъ демократической правительственной партіи, которыхъ неѣжественное общество обвинило въ предательской солидарности съ инсургентами, въ дѣйствительности, всего дѣятельнѣе и нетерпѣливѣе подготавливали вооруженныя силы для подавленія этого мятежа. Когда исторія разорветъ наконецъ окончательно завѣсу, закрывающую эти событія, она подтвердитъ это неопровержимыми доказательствами. Я удостоверяю своею честью фактъ самаго лояльнаго поведенія этихъ лицъ, несправедливо обвиненныхъ за Іюньскіе дни. Уничтоженіе республики въ самомъ зародышѣ не сообразовалось, конечно, ни съ ихъ интересами, ни со взглядами. Они могли желать диктаторской республики, чего не могъ желать я; но они не могли желать взрыва народной войны, который послужилъ бы предлогомъ для уничтоженія республики легальной, представительной, охранительницы соціального строя во Франціи и мира въ Европѣ. Поэтому-то они и оказали такое же сопротивленіе, какъ и я.

Извѣстно, что произошло. Неожиданно въ нѣсколькихъ предмѣстьяхъ были воздвигнуты баррикады, нѣсколько выстрѣловъ нарушили тишину ночи. Чуткое къ малѣйшимъ симптомамъ правительство было все на ногахъ уже до зари; оно передало общее командованіе всѣми вышепоименованными силами военному министру съ тѣмъ, чтобы, внезапно развернувъ эти силы, разомъ лишить ихъ внушительностью мужества небольшую кучку бунтовщиковъ, не имѣвшихъ даже предводителей. Не довѣряя вполне этимъ силамъ, оно ударило въ набатъ, призывая на помощь всѣхъ добровольныхъ блюстителей порядка, изъ которыхъ даже бывшіе въ департаментахъ откликнулись на его зовъ.

Оборонительныя военныя силы разворачивались медленно. Въмѣсто восьмидесяти тысячъ человѣкъ, находившихся въ линейныхъ полкахъ, въ Парижѣ въ первый день явилось едва двадцать тысячъ. Этотъ недостатокъ въ солдатахъ далъ слишкомъ много почвы и времени мятежникамъ. Стычка, которой хватило бы на какіе-нибудь три часа, перешла въ сраженіе, длившееся три дня. Республика, единственное правительство, осаждаемое съ оружіемъ въ рукахъ въ самомъ своемъ центрѣ, героически восторжествовала, но эта побѣда, которая могла бы быть куплена цѣною небольшого количества пролитой крови, потребовала многихъ драгоценныхъ для Франціи жизней.

Во Франціи и въ Европѣ думали, что республика уничтожила себя сама и что броженіе столичныхъ поддонковъ общества было великой междоусобной войной. Это фальшивое заключеніе направило общественное мнѣніе къ диктатурѣ и на путь массовыхъ проскрипцій, въ количествѣ обратно пропорціональномъ важности событія. Народъ озлобился, провинціи встревожились, сторонники возможныхъ династій соединились противъ общаго врага—республики; республика сплотилась на своей Горѣ, какъ на Авентинскомъ холмѣ, грозя цивилизму вмѣсто того, чтобы успокоить его; выборы были такими же крайними, какъ и партіи, Франція забыла о чрезмѣрной свободѣ мирнаго времени, думая только о собственномъ спасеніи, которое она считала сомнительнымъ. Іюньскіе дни, дни побѣды республики, хотя косвенно, но неизбежно послужили къ ея гибели. Начали кричать о соучастіи правительства, о его слабости въ день борьбы; на самомъ же дѣлѣ правительство было вооружено до чрезмѣрности; оно было уже на ногахъ, прежде чѣмъ вспыхнуло возстаніе; медленность движенія войскъ, заготовленныхъ съ излишкомъ, удивила и огорчила правительство болѣе, чѣмъ кого-либо; оно вело съ энергіей непрерывныя засѣданія и военныя совѣты, чтобы своимъ тѣломъ защитить народное представительство, оно само взяло въ руки оружіе простаго воина, когда казалось, что побѣда колеблется; его самые выдающіеся соучастники бросились верхомъ впередъ порѣдѣвшихъ колоннъ легкой гвардіи на приступъ непріятельскихъ позицій; оно не жалѣя проливало кровь своихъ войскъ въ то время, когда его обвиняли въ томъ, что оно прячетъ войско съ цѣлю ободрить мятежниковъ.

Генерала обвинили въ измѣнѣ правительству, мѣсто котораго, какъ говорили, онъ хотѣлъ занять, сдѣлавшись необходимымъ, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, генералъ былъ виновенъ только въ недостаткѣ предусмотрительности и быстрого стягиванія войскъ, приготовленныхъ для него; онъ съ отчаяніемъ смотрѣлъ, какъ падали его храбрые офицеры и какъ продолжалось необъяснимое столкновеніе цѣлой націи съ мятежными предмѣстями, плохо усмиренными утромъ и ставшими серьезной угрозой къ вечеру.

Обвинили національныя мастерскія, которыя считали резервной арміей правительства, но которыя въ дѣйствительности были арміей голода, сдѣлавшейся моментально нейтральной, какъ только имъ было выдано пособіе въ предупрежденіе убійства и грабежа парижскихъ собственниковъ и обѣщано возобновить производство, переставшее функционировать подъ давленіемъ внезапно вспыхнувшей революціи. Наоборотъ, національныя мастерскія, лояльно настроенныя по отношенію къ правительству, предложили ему 24 іюня свое содѣйствіе для подавленія возгоравшагося мятежа и почти единодушно отдѣлились отъ мятежниковъ.

Обвинили *соціалистовъ* разныхъ направленій, съ которыми, разумѣется, я въ сдѣлки не входилъ и которыхъ не пожалѣлъ бы ни обвинить, ни хотя бы заподозрить, если бы они этого заслужили. Но я долженъ признать, что соціалисты, вожди и послѣдователи, держали себя лояльно и были мирными и нейтральными гражданами, проповѣдывали миръ и соглашеніе по всѣмъ пунктамъ въ теченіе всей этой смуты и если они и погрѣшили въ чемъ-нибудь противъ здраваго смысла до республики, во время и послѣ нея, то ни въ чемъ ни на минуу не провинились противъ родины и человѣчества. Соціалисты были неповинны въ этихъ роковыхъ дняхъ.

Откуда же они возникли? Этого я не знаю, хотя думаю, что никто не могъ бы быть лучше меня освѣдомленъ, если бы должно было разгадать какую-либо тайну. Они родились, подобно сентябрьскимъ днямъ, изъ внезапно вспыхнушаго взрыва ярости, такого, который ведетъ народъ къ преступленіямъ, но безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія. Массы подвержены заразительнымъ горячкамъ, микробы которыхъ не открыты, и въ минуты этихъ горячекъ впадаютъ въ изступленія, которыя можно укротить лишь связавъ одержимыхъ. Можетъ быть то же самое было и въ сентябрьскіе дни; и можетъ быть, если бы о нихъ спросили самого Дантона, то онъ сказалъ бы объ Іюньскихъ дняхъ то же, что говорю и я: „я не знаю“. Дантонъ, изъ преступной слабости боявшійся лишиться популярности даже въ то время, когда совершалось пролитіе крови, совершаетъ заднимъ числомъ преступленіе попустительства къ этимъ убійствамъ и непростительное преступленіе предложивъ послѣдовать этому преступленію въ департаментахъ. А я въ Іюньскіе дни сражался съ оружіемъ въ рукахъ съ убійцами родины и никогда не простилъ имъ ихъ загадочнаго преступленія противъ республики и Франціи.

Прочтите и скажите, полюбилъ ли я этому преступленію. Вотъ страница приговора надъ нимъ изъ „Жирондистовъ“.

„Дантонъ хотѣлъ трехъ вещей: во-первыхъ поднять народъ и настолько вовлечь его въ дѣло революціи, чтобы онъ не могъ уже отступитъ и бросился бы на границы весь залитый кровью роялистовъ, съ единственной надеждой на побѣду или смерть; во-вторыхъ, внести ужасъ въ души роялистовъ, аристократовъ и духовенства, наконецъ, въ-третьихъ, запугать жирондистовъ, начинавшихъ уже роптать на тиранію коммуны, и показать этимъ слабымъ душамъ, что если они не сдѣлаются орудіемъ народа, то легко могутъ стать его жертвами.

„Особенно толкалъ Дантона на преступленіе мотивъ болѣе личный и менѣе теоретическій: его характеръ. О немъ сложилась репутація, какъ о человѣкѣ энергичномъ, и онъ гордился ею. Онъ хотѣлъ проявить свою энергію въ такихъ размѣрахъ, которые поразили бы и его друзей и враговъ. Преступленіе онъ принялъ за гениальность. Онъ презиралъ тѣхъ, которые останавливаются передъ чѣмъ-либо, будь то хотя бы массовыя убійства. Онъ восхищался своимъ презрѣніемъ къ угроженіямъ совѣсти. Онъ считалъ за лучшее быть феноменомъ революціоннаго увлеченія. Въ его злодѣяніяхъ было тщеславіе. Онъ предполагалъ, что его поступокъ утратитъ свой характеръ, когда его будутъ разбирать изданы и съ точки зрѣнія намѣренія, что перспектива возвыситъ его имя и онъ будетъ колоссомъ революціи. Онъ ошибался. Чѣмъ болѣе удаляются политическія убійства отъ вызвавшихъ ихъ страстей, тѣмъ они кажутся мельче и блѣднѣе въ глазахъ потомства. Исторія есть совѣсть человѣчества. Крикъ этой совѣсти будетъ судомъ для Дантона. Говорили, что онъ спасъ своими преступленіями отечество и революцію и что наши побѣды служатъ ему оправданіемъ. Ошибаются, говоря такъ, какъ ошибался онъ самъ. Народъ, который нужно было бы опьянить кровью, чтобы онъ защищалъ свою родину, былъ бы народомъ злодѣевъ, а не героевъ. Героизмъ противоположенъ злодѣянію“.

Вотъ книга, которую называли лествицею демократической безнравственности! Что вы прибавите къ тому, что я сказалъ, и что я убавилъ изъ того, что могли бы сказать вы, благонамѣренные люди всѣхъ партій? Въ вопросахъ нравственности нѣтъ партій, а есть только совѣсть.

Моя совѣсть упрекаетъ меня развѣ только въ томъ, что я возложилъ слишкомъ большую отвѣтственность на одного человѣка за анонимное преступленіе сентябрьскихъ убійствъ. Въ этомъ я оказался большимъ драматургомъ, чѣмъ справедливымъ судьей, сознаюсь въ этомъ передъ потомствомъ.

Въ двадцать седьмой книгѣ я нахожу портретъ Луи-Филиппа во время битвы при Вальми, который я не изобразилъ бы иначе и теперь. Я удивляюсь, какъ я осмѣлился набросать его такъ искренно въ двухъ шагахъ отъ Тюльери, гдѣ этотъ принцъ правилъ въ 1846 году, и такъ безпристрастно, находясь между двухъ противоположныхъ партій, изъ которыхъ каждая искажала его въ свое полное удовольствіе, чтобы имѣть право ненавидѣть его.

„Герцогъ Шартрскій былъ старшимъ сыномъ герцога Орлеанскаго. Рожденный въ самой колыбели свободы, вскормленный патриотизмомъ отца, онъ не имѣлъ выбора убѣжденій. Воспитаніе сдѣлало этотъ выборъ за него. Онъ вдохнулъ въ себя революцію, но не въ Пале-Рояль, очагъ домашнихъ неурядицъ и политическихъ плановъ отца. Его юность, чистая и погруженная въ науку, протекла въ уединеніи Бель-Шассѣ и Пасси, гдѣ госпожа де Жанлисъ руководила воспитаніемъ принцевъ Орлеанскаго дома. Никогда ни одна женщина не соединяла въ себѣ такъ удачно интригу съ добродѣтелью и болѣе двусмысленнаго поведенія съ болѣе строгими правилами. Ненавидимая матерью, любовница отца, наставница дѣтей, въ одно и то же время демократка и другъ принцевъ, она вырастила своихъ питомцевъ проникнутыми двойной закваской — принца и гражданина. Онъ вылѣпила ихъ душу по образцу своей. Она дала имъ много знаній, много принциповъ, много разчета.

„Герцогъ Шартрскій вошелъ въ среду старыхъ солдатъ какъ принцъ, въ среду новыхъ, какъ патриотъ и всѣхъ вообще какъ товарищъ. Его смѣлость была разумна. Не она увлекала его, а онъ управлялъ ею. Она не мѣшала ему сохранять ясность взора и хладнокровіе въ командованіи. Онъ шелъ въ огонь не замедляя и не ускоряя шага. Его пылъ исходилъ не изъ порыва, а изъ силы воли. Она была обдуманной, какъ расчетъ, и внушительна, какъ обязанность. Онъ былъ высокаго роста, крѣпкаго сложенія, строгой выправки. Высокій лобъ, голубые глаза, овалъ лица, величественная, хотя и немного массивная полнота подбородка придавали ему сходство съ Бурбонами и вызывали воспоминанія о коронѣ. Часто склоненная шея, скромныя позы, нѣсколько опущенные углы губъ, хитрый взглядъ, ласковая улыбка, граціозныя движенія, свободная рѣчь напоминали сына человѣка, лѣтвишаго толпѣ, и вызывали воспоминанія о народѣ. Его фамильярность — военнаго съ офицерами, солдата съ солдатами, патриота съ гражданами, заставляла прощать ему его санъ. Но подъ виѣшностью солдата-простолюдина въ глубинѣ его глазъ таилась затаенная мысль, обличавшая принца крови. Онъ отдавался всеѣмъ перипетіямъ революціи съ полнымъ сомозабвеніемъ, но и съ опытною зрѣлаго ума. Казалось, онъ предвидѣлъ, что событія разбиваютъ сопротивляющихся имъ, а революціи часто, подобно волнамъ, выносятъ людей на то самое мѣсто, съ котораго они ихъ умчали. Вся его политика заключалась въ томъ, чтобы хорошо дѣлать то, что указывали обстоятельства, предоставляя остальное будущему и своему положенію. Самъ Маккиавель не могъ бы дать ему лучшаго совѣта, чѣмъ ему подсказывало его чутье. Его звѣзда свѣтила ему не далѣе какъ за нѣсколько шаговъ впередъ, но онъ не требовалъ отъ нея ни большаго свѣта, ни большаго блеска. Его честолюбіе ограничивалось умѣньемъ ждать. Его провидѣніемъ было время; онъ былъ рожденъ для того, чтобы исчезнуть съ арены въ минуты великихъ судорогъ страны для того чтобы пережить кризисъ, а затѣмъ разбить утомившіяся партіи и удовлетворить и замирить революцію. Сквозь его храбрость и восторженный патриотизмъ боялись въ перспективѣ увидѣть тронъ, созданный на развалинахъ республики ея же руками. Это предчувствіе, обычный спутникъ великихъ именъ и великихъ судебъ, повидимому, заранѣе открывало арміи, что изъ всѣхъ людей, которые волновались въ то время среди ре-

волюции, этотъ долженъ былъ сдѣлаться въ будущемъ самымъ опаснымъ или самымъ полезнымъ для свободы.

„Дюмурье, увидавшій молодого герцога Шартрекаго въ арміи Люкнера и внимательно присмотрѣвшійся къ нему, былъ пораженъ его хладнокровіемъ и ясновидѣніемъ въ поступкахъ и рѣшился соединиться съ этимъ юношей, почувствовавъ въ немъ силу“.

97.

Борьба жирондистовъ съ Маратомъ начинается съ изображенія наружности Марата, убитаго въ ваннѣ, съ портрета, написаннаго художникомъ Давидомъ, открыто осмѣлившимся называть себя другомъ этого злодѣя.

„Внѣшность Марата изобличала его душу. Казалось, внутренній огонь пожиралъ его маленькое, худое, костлявое тѣло. Его кожа пестрѣла пятнами желчи и крови. Его глаза, выпуклые и дерзкіе, видимо, страдали отъ дневного свѣта. Широкій разрѣзъ его рта всегда готовъ былъ кинуть оскорбленіе и складывался въ презрительную улыбку. Онъ зналъ дурное мнѣніе, сложившееся о немъ, и повидимому бравировалъ имъ. Онъ высоко поднималъ свою голову, склоняя ее немного на бокъ, какъ бы въ знакъ недовѣрія. Издали, при освѣщеніи сверху, лицо его производило въ общемъ впечатлѣніе силы, блеска, но въ то же время безпорядочности. Всѣ черты его лица расплывались такъ же, какъ разбѣгались его мысли. Они составляли противоположность лицу Робеспьера, сосредоточенному и концентрированному какъ система: у одного постоянное размышленіе, у другого безпрестанный взрывъ. Въ противоположность Робеспьеру, черезчуръ чистоплотному и элегантному, Маратъ преувеличивалъ тривіальность и неопрятность въ одеждѣ. Ботинками безъ пряжекъ, съ подошвами подбитыми гвоздями, брюками изъ грубой ткани, забрызганными грязью, короткой рабочей курткою и открытой на груди рубашкой, обнажавшей мускулатуру его шеи, крѣпкими руками, сжатыми въ кулаки, жирными волосами, которые онъ безпрестанно ерошилъ пальцами, — всѣмъ этимъ онъ, казалось, хотѣлъ сдѣлать свою внѣшность живой вывѣской своей соціальной системы“.

„Жирондисты пытались взвалить на Марата всю отвѣтственность за сентябрьскіе дни. Нѣкоторые изъ нихъ отказываются покрыть позоромъ этого преступленія имя Дантона, чтобы сохранить себѣ эту силу. „Нѣтъ“, кричитъ неустранимый Гаде, уходя изъ совѣщанія: — „все кромѣ безнаказанности для этихъ убійцъ и ихъ соучастниковъ! Незапятнанная республика или смерть! Это бой, который мы должны имъ дать!“

(Это тотъ самый бой, который мы дали и выиграли полвѣка спустя и который друзья свободы честной, единственной свободы, всегда будутъ объявлять въ подобныхъ случаяхъ, если они захотятъ примирить свободу съ добродѣтелью въ управленіи массами).

98.

Вопросъ о смерти короля не можетъ оставить никакого сомнѣнія относительно осужденія мною царевѣйства, — и притомъ какого царевѣйства? Убій-

ства короля невинного, популярного, умирающего за свои добрыя намѣренія для государства. Я не искалъ постыдной популярности въ отпущеніи Франціи этого преступленія. Я потому говорю — Франціи, что тридцатимилліонный народъ, спокойно допускающій совершиться такому злодѣянію, является его соучастникомъ. Мы всѣ несемъ свою долю участія въ этомъ, и я увѣренъ, что несчастья нашей родины, послѣдовавшія за роковымъ днемъ 21-го января, — суть искупленіе этого трусливаго соучастія.

Самъ Дантонъ былъ того же мнѣнія, когда онъ отвѣтилъ клубу, упрекавшему его за то, что онъ не настаиваетъ на процессѣ короля: „Я революціонеръ, а не дикій звѣрь. Я не хочу крови побѣжденныхъ королей. Обратитесь къ Марату“.

Я ни на минуту не простилъ жирондистамъ, что они не изъ страха, но изъ политическихъ соображеній сдѣлали уступку якобинцамъ, согласившись въ концѣ концовъ предать имъ эту невинную царственную жертву, которую они такъ краснорѣчиво отстаивали сначала. Въ разсказѣ о заключеніи въ Тамплѣ всю боль моего сердца и всѣ слезы, накопившіеся въ глазахъ, я излилъ на группу, образовавшуюся изъ семьи коронованныхъ особъ, поставленныхъ внѣ закона гуманности революціей, совершаемой во имя гуманности. Все патетическое, изображенное въ этой главѣ „Жирондистовъ“ не болѣе какъ правдивость исторіи, вызывающей къ сердцу, описывая звѣрства разума. Я даже прибавилъ неумышленно, но подъ впечатлѣніемъ чувства, къ этой картинѣ мученій короля, королевы, принцессы Елизаветы и дѣтей, слова, сказанныя ихъ вѣрнымъ слугою Клери, выражавшія его революціонные взгляды и долженствовавшія его опечалить болѣе его господъ. Я обязанъ возстановить честную память Клери, что я и дѣлаю, прилагая помѣщаемое мною ниже примѣчаніе *).

99.

Я допустилъ небольшую ошибку въ разсказѣ о свиданіи Людовика XVI съ его защитниками во время процесса. Почтенный сынъ г. де Сезъ перебралъ свои воспоминанія восьмидесяти-лѣтняго старца, чтобы доказать мнѣ неточность моего разсказа относительно того, что касается его отца. Людовикъ XVI, не имѣя ничего, чѣмъ онъ могъ бы выразить свою признательность, предло-

* Г. де Ламартинъ почерпнулъ свои свѣдѣнія о чувствахъ Клери и о проявленіи ихъ въ Тамплѣ изъ источника, который, по всѣмъ даннымъ, казался ему авторитетнымъ; но госпожи Клери де Гальяръ и Грамъ де Клери, дочери послѣдняго слуги короля, живо затронутыя содержащимися въ этомъ параграфѣ ссылками, немедленно обратились къ г. де Ламартину, опираясь на документы и доказательства. Эти вполне обоснованные доводы заставили его включить поправку въ LVI книгу четвертаго тома „Исторіи Жирондистовъ“. Нынче, съ біографіей Клери въ рукахъ, имѣя возможность опереться на положительные факты, г. де Ламартинъ отдастъ дань восторга той по справедливости безграничной преданности вѣрнаго Клери, которую онъ проявилъ до и во время своего пребыванія въ башнѣ Тамплѣ.

Эта поправка не болѣе какъ долгъ по отношенію къ заинтересованнымъ наслѣдникамъ имени и вѣрности Клери

жилъ свой галстукъ, какъ послѣднюю реликвію своего сердца, не г. де Сезу, а бравому комиссару парижской коммуны Венсану. Г. де Сезъ не желаетъ чужой славы, даже для своего отца. Венсанъ добивался мѣста смотрителя въ Тамплѣ единственно для того, чтобы подъ суровой внѣшностью имѣть возможность выказать королевской семьѣ свое состраданіе и преданность. Ему-то король и подарилъ свой галстукъ. Онъ вознаградилъ г. де Сеза предложивъ ему сѣсть съ собой за столъ, за свою послѣднюю трапезу, раздѣлить съ нимъ эту „вечерю“ умирающей королевской власти, пожаловавъ ему такимъ образомъ привилегію высшей аристократіи, аристократіи духа, стоящей много выше аристократіи по социальному положенію. Послѣ отказа Тарже, навсегда опечаливашаго краснорѣчіе, де Сезъ, рискуя жизнью, попытался защитить не корону, а невинность. Де Малербъ умеръ жертвой этого самоотверженія, а де Сезъ былъ за него вознагражденъ безсмертнымъ уваженіемъ къ его имени. Вообще семья де Сезовъ, испанцевъ по происхожденію, унаслѣдовала въ своей крови остатки рыцарства, заслужившаго на трибунѣ, при защитѣ знаменитѣйшаго процесса, славу не меньшую, чѣмъ на полѣ битвы. Я пожалъ съ почтительнымъ умиленіемъ руку этого старика, пожимавшаго руку своего отца, который, въ свою очередь, пожималъ руку справедливѣйшаго и несчастнѣйшаго изъ королей.

Пусть читатель соблаговолитъ прочесть приговоръ, смѣлый по мыслямъ, но неумолимый по справедливости, которымъ я заканчиваю рассказъ о судѣ надъ Людовикомъ XVI, даже ставя себя на мѣсто націи, отвергающей королевскую власть.

100.

„Одинъ изъ палачей, взявъ голову казненнаго за волосы, показалъ ее народу и оросилъ кровью края эшафота. Федераты и фанатики-республиканцы взошли на помостъ, омочили острія сабель и пикъ въ крови и потрясали ими въ воздухъ, восклицая: „Да здравствуетъ республика!“ Ужасъ этого постука заглушилъ тотъ же крикъ на устахъ народа. Восклицаніе походило скорѣе на громадный стонъ! Пушечные залпы возвестили самымъ отдаленнымъ предмѣстьямъ, что монархія была казнена вмѣстѣ съ королемъ. Толпа безмолвно разошлась. Останки Людовика XVI свезли въ простой повозкѣ на кладбище Маделены и въ яму насыпали извести, чтобы кости этой жертвы революціи не сдѣлались въ послѣдствіи предметомъ поклоненія роялизма. Улицы опустѣли. Толпы вооруженныхъ федератовъ пробѣжали по парижскимъ кварталамъ, возвѣщая о смерти *тирана* и распѣвая кровавадный пригвѣвъ марсельезы; имъ не откликнулся ни малѣйшій энтузіазмъ: городъ остался пѣвымъ. Народъ не смѣшивалъ казни съ побѣдой. Въ жилища гражданъ вмѣстѣ со свободой проникла тревога. Тѣло короля еще не успѣло охолодѣть на эшафотѣ, а народъ уже усумнился въ совершенномъ поступкѣ и съ тревогою, близкою къ угрызенію совѣсти, спрашивалъ себя, была ли пролитая кровь пятномъ на славѣ Франціи или печатью свободы. Даже совѣсть республиканцевъ смутилась передъ этимъ эшафотомъ. Смерть короля оставляла націи проблему, которую нужно было разобрать.

„Съ этого дня протекло пятьдесятъ три года; эта проблема все еще вол-

нуетъ человѣческую совѣсть и раздѣляетъ самую исторію на двѣ партіи, характеризующіяся словами: преступленіе и стоицизмъ; смотря по точкѣ зрѣнія, на которую становятся для разсмотрѣнія этой казни, она составляетъ или отцеубійство, въ глазахъ однихъ, или, въ глазахъ другихъ, составляетъ правосудіе, которое свобода героически воздала самой себѣ, — актъ политическій, который кровью короля записалъ права народа, который долженъ былъ сдѣлать монархію и Францію навсегда непримиримыми и который, не оставляя для скромпрометированной Франціи другого исхода, кромѣ мщенія деспотовъ или побѣды надъ ними, осуждалъ націю на побѣду самую громадною проступка и невозможностью прощенья.

„Что касается до насъ, которые обязаны справедливостью и состраданіемъ предъ жертвою, но обязаны также справедливостью и къ судьямъ, то, въ заключеніе этого печальнаго разсказа, спросимъ себя: что нужно обвинить, что нужно оправдать въ королѣ, въ его судьяхъ, въ націи или судьбѣ? И если возможно остаться безпристрастнымъ во время умиленія, то поставимъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ, тотъ роковой вопросъ, который заставляетъ колебаться исторію, сомнѣваться правосудіе, трепетать человѣчество.

101.

„Имѣла ли право нація, законнымъ, обыкновеннымъ судомъ, судить Людовика XVI? Нѣтъ: чтобъ быть судьей, надо быть безпристрастнымъ и безкорыстнымъ, а нація не была ни тѣмъ, ни другимъ. Въ этой страшной, но неизбежной борьбѣ, какую подъ именемъ революціи завязали монархія и свобода изъ-за порабощенія или освобожденія гражданъ, Людовикъ XVI олицетворялъ тронъ, нація—свободу. Это не была ихъ ошибка; это была ихъ натура. Попытки переговоровъ были напрасны; противоположные элементы боролись, несмотря ни на чью отдѣльную волю. Между этими двумя противниками, королемъ и народомъ, изъ которыхъ одинъ, по инстинкту, долженъ былъ хотѣть удержать за собою, другой—вырвать права націи,—не было другого суда, кромѣ борьбы,—другого судьи, кромѣ побѣды. Мы не думаемъ сказать этимъ, что надъ обѣими сторонами не было высшихъ нравственныхъ началъ и дѣйствій, которыя судятъ самую побѣду. Высшее право не гибнетъ никогда среди помраченія законовъ и гибели монархіи; но оно не имѣетъ такого суда, предъ которымъ могло бы призвать законно своихъ обвиняемыхъ; это — правосудіе государственное, правосудіе, которое не имѣетъ ни установленныхъ судей, ни писанныхъ законовъ, но произноситъ свои приговоры по совѣсти и своимъ кодексомъ ставитъ правду.

„Ни по политическимъ причинамъ, ни по правдѣ, Людовикъ XVI не могъ быть судимъ иначе, какъ посредствомъ государственнаго процесса.

„Имѣла ли нація право судить его подобнымъ способомъ? Это значить спрашивать, имѣла ли она право сражаться съ нимъ и побить его; другими словами, значить спрашивать, неприкосновененъ ли деспотизмъ, свобода не составляетъ ли мятежа, существуетъ ли на землѣ справедливость для кого-либо другого кромѣ королей, существуетъ ли для народовъ другое право, кромѣ права

служить и повиноваться! Всякое сомнѣніе въ этомъ составляетъ уже преступленіе по отношенію къ народамъ.

„Нація имѣла право видоизмѣнять внѣшнюю форму своего державнаго права, нивелировать свою аристократію, лишить права церковную іерархію, принизить или даже уничтожить свой тронъ, чтобы управляться самой чрезъ посредство собственныхъ должностныхъ лицъ. Но съ той минуты, какъ нація получила право бороться и освобождаться, она имѣла право и наблюдать за результатами своей побѣды и упрочивать ихъ. Если же Людовикъ XVI, король, слишкомъ недавно лишенный всемогущества,—король, для котораго всякое возвращеніе власти народу должно было казаться низложеніемъ,—король, мало удовлетворяемый той долей власти, какая ему оставалась,—стремившійся добыть себѣ и другую часть,—допекаемый съ одной стороны узурпаторскимъ собраніемъ, съ другой стороны безпокойной королевой, униженнымъ дворянствомъ, духовенствомъ, которое примѣшивало Небо къ своему дѣлу,—неумолимой эмиграціей,—своими братьями, обѣгавшими, отъ его имени, цѣлую Европу въ поискахъ враговъ революціи; если Людовикъ XVI, король, казался націи живымъ заговоромъ противъ ея свободы,—если нація подозрѣвала его въ чрезмѣрномъ сожалѣніи, въ глубинѣ души, о верховной власти, въ умышленномъ расшатываніи новой конституціи, съ цѣлью извлечь выгоду изъ ея паденія, завести свободу въ западню, услаждаться анархіей, обезоружить отечество,—подозрѣвала въ тайномъ желаніи ему неудачъ, въ сношеніяхъ съ его врагами, то нація имѣла и право вызвать короля съ престола, заставить снизойти оттуда, призвать предъ національное собраніе и низложить во имя собственной диктатуры или собственного спасенія. Если бы нація не обладала этимъ правомъ, то безнаказанная измѣна народамъ сдѣлалась бы въ новой конституціи одною изъ прерогативъ королей.

102.

„Мы видѣли, что никакого письменнаго закона нельзя было приложить къ королю, а что такъ какъ его судьи были его же врагами, то судъ надъ королемъ не могъ быть законнымъ судомъ, но лишь великой государственной мѣрой, подкрѣплять побужденія и диктовать приговоръ которой могла только правда. Что говорила правда и какую кару могла она произнести, если побѣдитель имѣетъ право налагать кару на побѣжденного?

„Людовикъ XVI, лишенный сана, обезоруженный, заточенный, виновный, быть можетъ, по буквѣ, былъ ли преступенъ по духу, если взвѣсить нравственный и физическій гнѣть его печальнаго положенія? Былъ ли онъ тираномъ? Нѣтъ. Притѣснителемъ народа? Нѣтъ. Соумышленникомъ аристократіи? Нѣтъ. Врагомъ свободы? Нѣтъ. Все его царствованіе, съ самаго вступленія на престолъ, свидѣтельствовало о философскихъ стремленіяхъ его ума и о народныхъ инстинктахъ сердца съ цѣлью предохранить монархію отъ соблазновъ деспотизма возвести на тронъ законы, требовать отъ націи совѣтовъ, доставить чрезъ себя и въ своемъ лицѣ, власть правамъ и интересамъ народа. Государь революціонный, онъ самъ призвалъ революцію къ себѣ на помощь. Онъ хотѣлъ дать ей многое; она хотѣла вырвать у него еще болѣе: отсюда борьба.

„Однакожь, со стороны короля не все было политически безупречно въ этой борьбѣ. Несвязность и противорѣчіе мѣръ правительства изобличали въ немъ слабость и часто служили предлогомъ къ насиліямъ и покушеніямъ народа. Такъ, Людовикъ XVI созвалъ генеральныя штаты, но не вовремя вздумалъ ограничивать право разсужденія, и тогда нравственное возстаніе, подъ видомъ присяги въ залѣ Jeu de Paume, вынудило его поступить иначе. Онъ хотѣлъ запугать учредительное собраніе собраніемъ войскъ въ Версали, а парижскій народъ взялъ Бастилію и склонилъ къ бѣгству французскую гвардію. Король думалъ удалить мѣстопробываніе Національнаго собранія изъ столицы, а парижская чернь пошла на Версель, взяла дворецъ, перерѣзала стражей, заточила королевскую семью въ Тюльери. Король пытался бѣжать въ среду своей, а быть можетъ и иностранной арміи, а нація вернула его, скованнаго, на тронъ и навязала ему конституцію 91 года. Онъ договаривался съ эмиграціей и королями, ея мстителями, а парижская чернь сдѣлала 20-е іюня. Повинуясь своей совѣсти, король отказался утвердить законы, которые предписывала народная воля, и жирондисты, въ соединеніи съ якобинцами, совершили событія 10-го августа. Смотри по духу, въ какомъ изображались эти превратности послѣдняго царствованія, съ самаго начала революціи, было въ чемъ обвинить короля и было за что его пожалѣть. Онъ не былъ ни вполнѣ невиненъ, ни вполнѣ виновенъ: онъ, прежде всего, былъ несчастенъ! Если народъ могъ упрекнуть короля въ слабостяхъ и притворствѣ, то онъ, король, могъ упрекнуть народъ въ жестокихъ насиліяхъ. Дѣйствіе и реакція, ударъ и противоположный ударъ смѣнялись съ той и съ другой стороны съ такою быстротою, что трудно было сказать, кто первый нанесъ ударъ. Ошибки были взаимныя, подозрительность обоюдная, опасности равныя. Которая же сторона имѣла право осудить другую и сказать ей вполнѣ справедливо и безпристрастно: „ты умрешь“? Ни которая: король не болѣе могъ, въ случаѣ побѣды, судить народъ, какъ и народъ не могъ законно судить короля. Подлежащаго суду тутъ никого не было; былъ побѣжденный—вотъ и все. Законный процессъ былъ лицемѣріемъ правосудія; одинъ только топоръ представлялъ собою логику. Робеспьеръ такъ и сказалъ. Но топоръ послѣ сраженія, поражающій безоружнаго человѣка, отъ имени его враговъ, чѣмъ онъ называется на всѣхъ языкахъ? Хладнокровнымъ убійствомъ, не имѣющимъ оправданія съ той минуты, какъ въ немъ нѣтъ необходимости,—короче, зарѣзываніемъ.

103.

„Низложить Людовика XVI, изгнать его съ національной почвы или удержать безсильнымъ для интригъ и для всякаго вреда, вотъ что предписывалось членамъ Конвента благомъ республики, безопасностью революціи. Зарѣзать безоружнаго узника значило не что иное, какъ дѣлать уступку гнѣву или уступку страху. Тутъ мнѣніе, тамъ трусость, повсюду свирѣлость. Зарѣзать побѣжденнаго спустя пять мѣсяцевъ послѣ побѣды, хотя бы этотъ побѣжденный былъ преступникъ, хотя бы былъ опасенъ,—это было дѣло безжалостное. Жалость не пустое слово между людьми. Она инстинктивно побуждаетъ силу смягчать ея руку по мѣрѣ слабости и несчастій жертвъ. Это великодушная

справедливость человѣческаго сердца, болѣе дальновидная, въ сущности, и болѣе непогрѣшимая, чѣмъ непоколебимое правосудіе разсудка; потому-то всѣ народы считаютъ состраданіе добродѣтелью. Если отсутствіе всякаго состраданія составляетъ преступленіе деспотизма, то почему оно будетъ добродѣтелью въ республикахъ? Развѣ пороки и добродѣтели перемѣняютъ названіе, перемѣнивъ партію? Развѣ народы не нуждаются въ великодушій? Только враги народа осмѣлились бы претендовать на это, потому что хотѣли бы его обезчестить. Самая сила народа предписываетъ имѣть болѣе великодушія ему, чѣмъ тиранамъ!

104.

„Наконецъ, было ли необходимо убійство короля, какъ мѣра, полезная для общаго блага? Мы спросили бы сначала, было ли это убійство справедливо, такъ какъ ничто, несправедливое само по себѣ, не можетъ быть необходимо для дѣла націй? Право, красота и святость дѣла народовъ достигаются только полною нравственностью ихъ поступковъ. Если они отступаютъ отъ правосудія, то утрачиваютъ народное знамя. Они ни что иное, какъ отпущенники деспотизма, подражающіе всѣмъ порокамъ своихъ господъ. Жизнь или смерть Людовика XVI, низложеннаго и плѣннаго, не равнялась даже вѣсу одного штыка на вѣсахъ судебъ республики; кровь его была объявленіемъ войны, болѣе вѣрнымъ, нежели низложеніе. Смерть короля была, разумѣется, болѣе опредѣленнымъ предлогомъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ, чѣмъ плѣнъ, въ дипломатическихъ совѣтахъ враждебныхъ революціи дворовъ. Государь изнуренный и лишенный популярности четырехлѣтнею неравною борьбою съ націею,—преданный двадцать разъ на милость народа, безъ всякаго вѣса въ глазахъ солдатъ,—характеръ, боязливость и нерѣшительность котораго такъ часто были испытаны, переходившій отъ униженія къ униженію и постепенно спустившійся съ трона въ тюрьму, Людовикъ XVI былъ единственнымъ принцемъ своей расы, которому невозможно было и думать царствовать. Въѣ страны, онъ потерялъ вѣсъ вслѣдствіе уступокъ; внутри ея былъ терпѣливымъ и безобиднымъ заложникомъ республики, украшеніемъ ея триумфа, живымъ доказательствомъ ея великодушія. Наоборотъ, его смерть отчуждала отъ французскаго дѣла ту огромную часть населенія, которая судитъ о человѣческихъ событіяхъ только по сердцу. Въ натурѣ человѣка есть нѣчто патетическое; республика забыла это и дала королевскому сану ореолъ мученичества, а свободу выставила мстительницею. Она подготовила, такимъ образомъ, реакцію противъ республиканскаго дѣла. Кто можетъ отрицать, что умиленіе къ участи Людовика XVI и его семейства имѣло большое значеніе въ возвратѣ къ монархіи нѣсколько лѣтъ спустя? Проигранныя дѣла имѣютъ свои возвраты, причины которыхъ надо часто искать только въ крови жертвъ, гнусно зарѣзанныхъ противоположной стороною. Общественное чувство, разъ взволнованное неправдою, успокаивается только тогда, когда оно, такъ сказать, получаетъ оправданіе какимъ нибудь громкимъ и неожиданнымъ удовлетвореніемъ. Кровь Людовика XVI была во всѣхъ трактатахъ, какіе заключались европейскими державами между собою съ цѣлью обвинить и задушить республику;

кровь Людовика XVI участвовала въ помазаніи Наполеона, происшедшемъ такъ скоро послѣ клятвъ свободѣ; кровь Людовика XVI была въ монархическомъ энтузіазмѣ, который облегчилъ во Франціи реставрацію Бурбоновъ; наконецъ та же кровь сказала даже въ 1830 году, въ отверженіи имени республики, которое повергло нерѣшительную націю въ объятія другой династіи. Республиканцы должны больше всего оплакивать эту кровь потому, что на ихъ дѣло она непрерывно падала и даже стояла имъ республики.

105.

„Что касается судей, то въ совѣсти отдѣльныхъ лицъ читаетъ только Богъ. Исторія читаетъ лишь въ совѣсти партій; одно отвлеченное намѣреніе не составляетъ преступленія и не даетъ объясненія подобнымъ дѣламъ. Одни подали голосъ въ пользу смерти вслѣдствіе сильнаго убѣжденія въ необходимости уничтожить живого представителя монархіи, послѣ отмѣны самой монархіи; другіе дѣлали это въ смыслѣ неустранимаго вызова европейскимъ королямъ, которые, по мнѣнію людей этой партіи, не сочли бы ихъ настоящими республиканцами, если бы они не казнили короля; одни хотѣли подать сигналъ и примѣръ поработеннымъ народамъ, чтобъ сообщить послѣднимъ смѣлость сломить предрасудокъ относительно королей; другіе дѣйствовали подъ вліяніемъ твердаго убѣжденія въ измѣнахъ Людовика XVI, котораго въ печати и на трибунахъ клубовъ имъ описывали, съ самаго начала революціи, какъ заговорщика; нѣкоторые побуждались нетерпѣніемъ при видѣ угрожавшихъ отечеству опасностей; другіе, какъ напримѣръ, жирондисты, поступали такъ нехотя и изъ честолюбиваго соперничества въ томъ, кому дать самый несомнѣнный залогъ вѣрности республикѣ; иные—подъ вліяніемъ невольнаго увлеченія, которое уносить слабые умы въ вихрь народныхъ собраній; нѣкоторые изъ-за особаго рода трусости, которая вдругъ овладѣваетъ сердца и заставляетъ жертвовать жизнью другого, какъ бы своею собственною; наконецъ, наибольшее число подавало мнѣніе въ пользу смерти обдуманно, въ силу стоическаго фанатизма, который не заблуждался ни относительно недостаточности преступленій короля, ни неправильности формъ, ни жестокости кары, ни даже относительно того, что потомство потребуетъ отчета за эту казнь отъ памяти ихъ самихъ; эти люди считали свободу достаточно святою, чтобъ ея учрежденіемъ уже было оправдано то, чего недоставало въ ихъ глазахъ для справедливости, считали свободу достаточно неумолимою, чтобъ приносить ей въ жертву свое собственное состраданіе!

106.

„Все они ошиблись. Между тѣмъ, исторія, даже произнося обвиненіе за казнь Людовика XVI, при видѣ всѣхъ политическихъ послѣдствій, противныхъ справедливости, жестокихъ для чувства и роковыхъ для свободы, не можетъ не замѣтить, что въ созданіи этого эшафота не участвовала никакая отдѣльная, личная сила. Это была лишь сила отчаянія партій, сила безвозвратныхъ рѣшеній. Казнь короля предавала Францію мести троновъ и, путемъ свирѣпости, сообщала республикѣ судорожную силу цѣлой націи,—силу отчаянія.

Въ Европѣ эта казнь раздалась громовымъ ударомъ; Франція откликнулась на него со своей стороны. Переговоры, нерѣшительность, сдѣлки прекратились, и смерть, съ царевубійственнымъ топоромъ въ одной рукѣ и съ трехцвѣтнымъ знаменемъ въ другой, была избрана единственнымъ посредникомъ и единственнымъ судьей между монархіей и республикой, между рабствомъ и свободой, между прошедшимъ и будущимъ европейскихъ націй“.

107.

По моему мнѣнію въ этомъ приговорѣ исторія надъ правомъ, фактомъ и приведеніемъ въ исполненіе республикой этого приговора все справедливо. Должное отдано уму и сердцу, логикѣ и природѣ. Одна только фраза оскорбляетъ меня: послѣдняя лживая уступка революціонной исторической школы, приписывающей возможность благихъ результатовъ отвратительному дѣлу и увѣряющей, что терроръ спасъ отечество. Я ни въ одной даже строчкѣ не долженъ былъ допускать этого смягчающаго вину обстоятельства, которое безнравственные моралисты революціи возвели въ предразсудокъ, чтобы прославить палачей въ ущербъ жертвамъ. Это ложь, ложь преступленія, которое никогда ничего не спасаетъ, а всегда все губитъ: и того, кто его совершаетъ, и націю, ради блага которой оно совершается. Людовикъ XVI, пощаженный и признанный неприкосновеннымъ какъ побѣжденный, всталъ бы между Франціей и остальными народами, между палачами и жертвами, какъ доказательство первой изъ человѣческихъ добродѣтелей—гуманности. Европа не могла бы вооружиться противъ самой отвратительной несправедливости, въ которой она упрекала республику; никто внутри страны не посмѣлъ бы построить эшафотъ для побѣжденныхъ сторонниковъ революціи на той землѣ, съ которой нація убрала бы эшафотъ Людовика XVI. Поощренная жизнь короля была бы живой амнистіей королевской власти. Голова короля, брошенная, какъ много разъ говорили, какъ вызовъ Европѣ, сдѣлалась источникомъ борьбы на жизнь и смерть между народами и партіями. Эта вѣнчанная голова увлекла въ своемъ паденіи головы королевь, сестры короля, женщинъ, дѣтей, стариковъ; революція внушила ужасъ себѣ самой, свобода умерла на эшафотѣ, который она сама же и воздвигла.

Вотъ что слѣдовало сказать, а не предоставлять этой двусмысленной фразой малодушное оправданіе патріотизмомъ дѣятелямъ 21-го января. Да погибнетъ эта фраза! Историкъ, подыскивающій извиненіе преступленію и фальшивые масштабы для жестокости, приготовляетъ, самъ не вѣдая того, такую же снисходительность для будущихъ подражателей подобныхъ жестокостей. Тамъ, гдѣ вопіетъ совѣсть, человѣкъ не имѣетъ право молчать. Этой ошибки я не могу себѣ простить. Да падетъ на меня позоръ за эту уступчивость! Я хотѣлъ оправдать защитниковъ революціи и обвинилъ себя самого. Это тайное возмездіе Божіе; Онъ творитъ его въ нашей совѣсти. Совѣсть должна кричать во весь голосъ: ея единственное оправданіе въ ея страданьи.

108.

Книга тридцать шестая показываетъ, какъ изъ крови Людовика XVI вы-

росла коалиція противъ царевубійцы — Франціи. Современное положеніе Савойи, сдѣлавшейся рычагомъ революціи изъ честолюбивыхъ стремленій поглотить цѣликомъ Италію послѣ того, какъ она до тѣхъ поръ всегда была бичомъ революціи и закоренѣлымъ врагомъ Франціи, — эта двойственная и фальшивая игра, — придаетъ странный и новый интересъ борьбѣ республики съ Савойскимъ домомъ, разсказанной въ этой тридцать шестой книгѣ.

Вотъ какъ я описывалъ въ „Жирондистахъ“ эту нынѣ французскую страну и охарактеризовалъ этотъ королевскій домъ, показавшій себя въ то время только со стороны контръ-революціонной.

„Савойя расположена на отрогахъ Альповъ и граничитъ съ Монбланомъ и съ Монъ-Сени одною изъ высочайшихъ своихъ вершинъ. Одинъ склонъ наполняющихъ ее Альповъ круто спускается къ богатымъ долинамъ Пьемонта, а именно по направленію къ Турину; внутри страны Альпы образуютъ три широкихъ и глубокихъ долины, изъ которыхъ каждая служить ложемъ потоку, берущему начало въ ледникъ и вытекающему изъ входа въ ущелье. Тамъ эти потоки, теченіе которыхъ замедляется или совершенно приостанавливается, образуютъ озера, какъ напр. Женевское, Аннеси, Бурже, или сливаются съ большими рѣками, какъ-то Изеромъ и Роной, протекающими черезъ южныя провинціи Франціи и впадающими въ Средиземное море. Потоки эти постоянно несутъ въ своей пѣнѣ лавины и обломки утесовъ, оторванныхъ отъ горъ. Слышно, какъ они рекутъ, на днѣ глубокихъ ущелій. Часто невозможно переправиться съ одного ихъ берега на другой. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ русло расширяется, разбросано на сѣромъ пескѣ и на булыжникѣ, нанесенномъ теченіемъ, нѣсколько низенькихъ хижинъ съ крышами изъ черной лавы. По большей же части маленькія деревушки и уединенныя хижины ютятся, какъ бы цѣпляясь, на узкихъ, отвѣсныхъ уступахъ горъ. Тамъ, гдѣ склоны менѣе круты, разстилаются дуга и растетъ виноградъ, переплетающійся съ орѣшниками; крестьяне, дорожа мѣстомъ, сажаютъ виноградныя лозы въ видѣ широкихъ шпалеръ, подерживая ихъ обрубами деревьевъ.

„Эти главные долины на каждомъ шагѣ пересѣкаются другими, суживающимися въ ущелья и примыкающими къ области вѣчныхъ снѣговъ. Долина Фосиньи, ближайшая отъ Валлиса и Швейцаріи, начинается у подошвы Монблана и оканчивается у Женевы. Ламорьенъ, берущая начало на Монъ-Сени, становится шире, протекая между Конфланомъ и Монмеляномъ, городами Савойи. Тутъ она соединяется съ Тарантезской долиной, по которой протекаетъ Изеръ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ Монмеляна, Ламорьенъ развѣтвляется на два рукава; изъ нихъ правый течетъ на Шамбери, столицу Савойи, а лѣвый на Гренобль, французскій городъ — главный городъ Дофине, расположенный въ долинѣ, окруженной Альпами. Такимъ образомъ Монмелянъ, заграждающій одновременно входъ въ Морьенъ, въ Тарантезъ, въ долины Шамбери и Гризиводанскую, ведущую къ Греноблю, является ключомъ къ Савойѣ.

„У народа, населяющаго эти плоскогорья, долины и равнины, подчиненнаго монарху, мѣстопребываніе котораго находится въ Италіи, только и есть

итальянскаго, что его правленіе. Народъ этотъ не принадлежитъ ни къ латинскому, ни къ гельветическому племени. Онъ не говоритъ ни по-нѣмецки, ни по-итальянски, а по-французски. Его характеръ, нравы, обычаи, даже промышленность французскіе.

„Какъ только ослабнетъ или порвется звено, насильственно связующее Савойю съ Пьемонтомъ, онъ тотчасъ же примкнетъ къ Франціи. Войны, которыя онъ ведетъ противъ Франціи подъ сардинскимъ знаменемъ, — войны противоестественныя и чуть ли не гражданскія. Исключая дворянства и духовенства, фанатически преданнаго Савойскому дому благодаря тѣмъ милостямъ, которыми ихъ осыпаетъ дворъ, вся остальная часть населенія проникнута любовью къ Франціи. Пьемонтское иго тяготитъ его; его унижаетъ преимущество, отдаваемое всему, носящему пьемонтское имя; его оскорбляютъ привилегіи дворянства, а господство духовенства, опасаящагося, чтобы идеи извнѣ не проникли за эти горы, лишаетъ его свѣта и вѣяній новаго вѣка. Савойскій домъ, хотя отечески заботящійся и вводящій благодѣтельные реформы въ трехъ государствахъ, которыми онъ управляетъ, держитъ ихъ однако въ дисциплинѣ чисто монастырской, напоминающей испанскій режимъ. Король, дворянинъ, священникъ, солдатъ, всѣ представляютъ собою народъ.

„Однако, общій языкъ, общія границы, торговые сношенія, многочисленная эмиграція савояровъ во Францію открыли доступъ революціоннымъ идеямъ и въ эти горы. Жанъ-Жакъ Руссо провелъ свою юность въ маленькомъ городѣ Аннеси и въ Шарметъ близъ Шамбери. Вольтеръ состарился проживъ все время въ Фернеѣ, на границѣ Савойи. Женева, разсадникъ протестантской свободы, ставшая послѣ пребыванія въ ней Кальвина метрополіей новѣйшей философіи, примыкала своими предметами къ савойской территоріи. Эти воспоминанія, вліянія и сосѣдство пробудили въ населеніи презрѣніе къ мягкому, но отсталому правительству и желаніе примкнутъ къ Франціи.

„Несмотря на частые брачныя союзы между членами Савойскаго и Бурбонскаго домовъ, Вормскій трактатъ 1741 года, заключенный между Карломъ-Эммануиломъ и Марей-Терезіей, политически связалъ Сардинскую монархію съ Австріей. Викторъ-Амедей, царствовавшій въ то время, когда во Франціи разразилась революція, былъ любимъ своимъ народомъ, но медлителенъ, какъ вообще люди въ преклонномъ возрастѣ, и тратилъ даромъ время на слова и совѣты. Его прозвали Альпійскимъ Несторомъ. Несмотря на безпокойства, которыя въ немъ возбуждало желаніе Савойи отдѣлиться отъ союза трехъ государствъ и примкнутъ къ революціи, онъ готовъ былъ держаться, благодаря своему характеру, нейтралитета. Но духовенство внушило ему ужасъ къ республикѣ, угрожающей религіи его Господа такъ же, какъ и трону его предковъ. Много духовныхъ лицъ пріѣхало изъ Франціи, будучи изгнаны изъ своихъ приходоу за отказъ признать гражданскую конституцію, и искали убѣжища у своихъ савойскихъ братій. Они распространяли тамъ слухи о гоненіяхъ, воздвигнутыхъ противъ церкви, и грозили проклятіями расколу. Шамбери былъ переполненъ епископами и бѣжавшими дворянами, которые съ тщеславіемъ представляли напоказъ свои страданія, надежды и мечты, какъ вообще это дѣлаютъ бѣглецы всѣхъ странъ и народовъ. Туринъ былъ столицей контръ-

революціи въ Франціи. Роялисты Ліона, Гренобля и Юга поддерживали черезъ границы Савойи и графство Ниццу тайныя сношенія съ Туринкомъ. Король сардинскій отозвалъ своего посланника изъ Парижа, ясно доказывая этимъ, что считаетъ Людовика XVI плѣнникомъ и прекращаетъ всякія сношенія съ французскимъ народомъ. Де-Семонвиль, посланный Дюмуре въ Туринъ для дружескихъ объясненій, былъ задержанъ въ Александріи по подозрѣнію въ томъ, что онъ будто бы ѣдетъ вызвать революцію въ Италію. Жирондисты, составлявшіе наиболѣе сильную партію въ министерствѣ и въ народномъ собраніи, настояли на томъ, чтобы начаты были непріязненные дѣйствія“.

Они поступили прекрасно: невѣрные друзья болѣе опасны, чѣмъ явные враги.

110.

Въ эту эпоху Маратъ изображалъ собою народную Немезиду.

„Его жизнь была яростнымъ непрерывнымъ общеніемъ съ толпою. Онъ принималъ всѣ впечатлѣнія за вдохновенія и торопливо записывалъ ихъ какъ прорицанія сивиллы или священные мысли пророковъ. Женщина, съ которой онъ жилъ, смотрѣла на него какъ на невѣдомаго міру благодѣтеля, который повѣряетъ ей первой свои тайныя мысли. Маратъ, жестокій и рѣзкій со всѣми, смягчалъ свой голосъ, когда говорилъ съ этой женщиной. Звалъ ее Альбертиной. Нѣтъ въ мірѣ такого несчастнаго или презрѣннаго человѣка, которому судьба не судила бы привязанность женщины, готовой раздѣлить съ нимъ трудъ, наказаніе, преступленіе или добродѣтель.“

„Маратъ, подобно Робеспьеру и Руссо, питалъ непоколебимую вѣру въ свои принципы. Онъ считалъ себя орудіемъ Божиимъ. Онъ написалъ книгу о безсмертіи души. Библіотека его состояла изъ пятидесяти томовъ сочиненій философовъ, поставленныхъ на полкѣ изъ сосноваго дерева, прибитой къ голой стѣнѣ его комнаты. Тамъ можно было увидѣть Монтескье, Рейналя, которыхъ онъ часто перелистывалъ. Евангеліе лежало всегда раскрытое на его столѣ. „Революція“, говорилъ онъ тѣмъ, кто удивлялись его словамъ:—„всецѣло основывается на Евангеліи. Нигдѣ народъ не находилъ болѣе энергичной защиты, нигдѣ не высказано столько проклятій богатымъ и сильнымъ міра сего. Исусъ Христосъ“, часто повторялъ онъ, благоговѣнно склоняясь, когда произносилъ это имя:—„Исусъ Христосъ—нашъ общій учитель“.

„Немногіе друзья навѣщали Марата въ его мрачномъ уединеніи: это были Армонвиль, сентябристъ Арміена; Понъ де Вердѣнъ, поэтъ, льстившій всякой власти, Венсенъ, Лежандръ, изрѣдка Дантонъ, потому что Дантонъ, долгое время покровительствовавшій Марату, началъ его бояться; Робеспьеръ ненавидѣлъ его какъ выскочку, выдвинутаго народнымъ капризомъ. Онъ завидовалъ ему, но не хотѣлъ пасть на столько низко, чтобы искать популярности у толпы. Когда Маратъ и Робеспьеръ встрѣчались въ Конвентѣ, то обмѣнивались оскорбительными и презрительными взглядами. „Подлый ханжа!“ бормоталъ Маратъ.—„Низкій убійца“, шепталъ Робеспьеръ. Но оба они одинаково ненавидѣли жирондистовъ.“

„Небрежная одежда, которую носилъ въ эту пору Маратъ, составляла рѣзкую

противоположность съ приличнымъ костюмомъ Робеспьера. Темная въ заплатахъ куртка, рукава у которой онъ засучивалъ какъ рабочій, только что окончившій работу; бархатныя въ чернильныхъ пятнахъ панталоны, синіе шерстяные чулки, башмаки, завязанные у щиколотки веревками, грязная, разстегнутая на груди рубашка, прилипшіе на вискахъ волосы, стянутые сзади кожанымъ ремешкомъ, круглая съ большими полями шляпа,—вотъ въ какомъ видѣ Маратъ явился въ Конвентъ. Несоразмѣрно большая съ маленькимъ ростомъ голова, шея, наклоненная къ лѣвому плечу, постоянное подергиваніе мускуловъ, насмѣшливая улыбка, дерзкій взглядъ, рѣзкость замѣчаній обращали на него всеобщее вниманіе. Его жалкая виѣшность служила вывѣской его мнѣній. Сознаніе важности предстоявшей ему роли росло вмѣстѣ съ предчувствіемъ ожидавшаго его могущества. Онъ угрожалъ всѣмъ, даже своимъ прежнимъ друзьямъ. Онъ смѣялся надъ Дантономъ по поводу его роскоши и изощренности его вкуса. „Что Дантонъ“, спрашивалъ онъ Лежандра:—„все еще говорить, что я смутянтъ, портящій все? Одно время я хлопоталъ для него о диктатурѣ, думая, что онъ способенъ къ ней. Онъ изнѣжился въ наслажденіяхъ. Его опьянила добыча, полученная въ Бельгій, и важность возложеннаго на него порученія. Онъ теперь слишкомъ важный баринъ для того, чтобы снизойти до меня. Камиллъ Демуленъ, Шабо, Фабръ д'Эглантинъ и его льстецы презирають меня. Народъ и я—мы не спускаемъ съ него глазъ“.

112.

Созданіе, по мысли Дантона, революціоннаго суда было направлено къ тому, чтобы запугать слабыхъ и всѣмъ придать героизмъ страха.

Здѣсь, въ „Жирондистахъ“ я встрѣчаю одобреніе, заятнанное нѣсколькими погрѣшностями противъ логики, возведенными въ аксіомы въ деклараціи правъ человѣка, данной для руководства Конвенту. Мой возрастъ и опытъ обязываютъ меня болѣе тщательно изучить соціальныя вопросы и относиться справедливѣе къ каждому политическому обществу, будь оно монархическимъ или республиканскимъ. Мой долгъ передъ самимъ собою заключался въ томъ, чтобы не давать хотя бы и скромнаго авторитета моего имени этимъ аксіомамъ, подчиненіе которымъ обманываетъ и разоряетъ народъ. Вотъ эти аксіомы Жакъ-Жака Руссо, превознесенныя Робеспьеромъ и принятыя на вѣру Конвентомъ. Впрочемъ Робеспьеръ въ нихъ все же гораздо менѣе утопиченъ, чѣмъ Жакъ-Жакъ Руссо.

113.

„Статья 1. Цѣль всякой политической ассоціаціи—охрана естественныхъ и неотъемлемыхъ правъ человѣка и расширеніе ихъ.“

„Ст. 2. Основное право человѣка—заботиться о своемъ существованіи и охраненіи своей свободы.“

Ст. 3. Это право равно принадлежитъ всѣмъ людямъ, независимо отъ ихъ физическихъ и умственныхъ силъ. Равенство правъ установлено природой. Общество, не посягая на нихъ, только охраняетъ ихъ отъ злоупотребленія силы, дѣлающей ихъ призрачными.

„Ст. 4. Свобода—право каждого человѣка располагать по своему усмотрѣнію своими способностями; въ основѣ ея лежитъ справедливость, границами ей служить—чужія права, природа ея принципъ, а законъ—охрана.

„Ст. 5. Законъ можетъ запрещать только то, что вредно для общества, и предписывать только то, что служить ему на пользу.

„Ст. 7. Собственность—право каждого гражданина пользоваться той долей имущества, которая гарантирована ему закономъ.

„Ст. 8. Право собственности ограничивается такъ же, какъ и другія права, обязанностью уважать чужую собственность.

„Ст. 11. Общество обязано заботиться о пропитаніи всѣхъ своихъ членовъ или доставая имъ работу или предоставляя средства къ существованію тѣмъ, которые лишились возможности трудиться.

„Ст. 12. Помогать неимущимъ долгъ богатаго относительно бѣдняковъ; закону предоставляется опредѣлить способъ, какимъ образомъ этотъ долгъ долженъ быть уплоченъ.

„Ст. 13. Граждане, доходъ которыхъ не превышаетъ того, что имъ необходимо для ихъ существованія, исключаются изъ числа тѣхъ, которые обязуются пополнять общественные расходы; остальные должны участвовать въ нихъ соразмѣрно своему состоянію.

„Ст. 14. Общество должно всѣми силами способствовать успѣху народнаго развитія и сдѣлать образованіе всеобщимъ достояніемъ.

„Ст. 16. Народъ—владыка, государство—его созданіе и его собственность, должностныя лица—его приказчики. Народъ можетъ по своему желанію мѣнять своихъ правителей и увольнять своихъ довѣренныхъ.

„Ст. 18. Законъ равенъ для всѣхъ.

„Ст. 19. Всѣ граждане могутъ занимать всякія должности, сообразно своимъ нравственнымъ качествамъ и способностямъ.

„Ст. 20. Всѣ граждане пользуются равными правами при назначеніи своихъ уполномоченныхъ и при изданіи законовъ.

„Ст. 21. Для того чтобы эти права не были призрачными, а равенство воображаемымъ, общество должно назначать жалованіе своимъ уполномоченнымъ и заботиться о томъ, чтобы всѣ граждане, которые живутъ своимъ трудомъ, могли принимать участіе въ народныхъ собраніяхъ, куда ихъ призываетъ законъ, не нанося ущерба благосостоянію своихъ семействъ.

„Ст. 25. Сопrotивленіе притѣсненію вытекаетъ изъ правъ человѣка и гражданина: надъ всѣмъ обществомъ производится насиліе, если притѣсненъ хоть одинъ изъ его членовъ.

„Ст. 34. Всѣ люди братья, и народы должны помогать другъ другу по мѣрѣ своихъ силъ, также какъ и граждане одного государства.

„Ст. 35. Тотъ, кто притѣсняетъ хоть одну націю—врагъ всѣхъ остальныхъ.

„Ст. 37. Короли, аристократы, тираны, кто бы они ни были,—возмутившіеся рабы противъ владыки земли, *человѣческаго рода*, и противъ законодателя вселенной—*природы*“.

„Эта декларация представляла собою скорѣе собраніе нравственныхъ правилъ, нежели кодексъ законовъ правленія; она объясняла однако духъ совершающагося движенія. Революція, несмотря на ея грозы, анархію и преступления, велика тѣмъ, что она есть догматъ. Ея вожди въ то же время были и ея апостолами. Ея догматы такъ высоки, что если бы не рука, запятнанная кровью, которая ихъ начертала, то ихъ можно было бы приписать генію Сократа или милосердію Фенелона. Потому-то теоріи революціонныхъ движеній, на-время утратившія популярность вслѣдствіе тѣхъ мукъ, которыя онѣ причинили Франціи при своемъ появленіи на свѣтъ, возрождаются и всегда живутъ и будутъ жить при всѣхъ стремленіяхъ человѣка къ свободѣ. Онѣ были осквернены, но онѣ священиы. Если вы очистите ихъ отъ крови, останется истина“.

Юношество, которое будетъ читать эти аксіомы, большая часть которыхъ проникнута дѣйствительно евангелическимъ духомъ, должно изъ предосторожности вычеркнуть изъ нихъ то, что противорѣчитъ истинно социальнымъ понятіямъ, потому что божественная планомѣрность моральныхъ, а слѣдовательно и социальныхъ законовъ смѣшивается съ порядкомъ вещей, носящимъ общепринятое названіе—соотвѣствующихъ природѣ.

1. Естественныя и неприкосновенныя права на самомъ дѣлѣ ни то, ни другое, на томъ основаніи, что социальныя права не могутъ существовать раньше общества, которое ихъ освящаетъ и ограждаетъ.

2. Право естественной свободы, размѣры которой человѣкъ самъ себѣ опредѣляетъ,—есть право, уничтожающее всякую социальную власть, которая одна только и можетъ опредѣлять и защищать свободу каждаго и ограничивать ее сообразно со свободой и безопасностью остальныхъ.

3. Равенство, установленное природой,—абсурдъ, опровергаемый на каждомъ шагу самою природой, которая то и дѣло представляетъ намъ неравенства. Идея равенства имѣетъ болѣе высокій источникъ. Она исходитъ отъ самого Бога и только передъ Его лицомъ она абсолютна для всѣхъ людей. Общество, вдохновленное этой божественной идеей, признаетъ и освящаетъ относительное равноправіе, составляющее моральный принципъ нашихъ законовъ.

4. Сопrotивленіе со стороны недовольной своею участью и правительствомъ,—сопротивленіе произвольное, индивидуальное, анархическое.

5. Существуетъ гнетъ, когда онъ проявляется хотя бы въ лицѣ одного изъ членовъ общества.—Кто можетъ быть судьей угнетенія одного и какое общество можетъ просуществовать хотя бы одинъ день, если достаточно, чтобы одинъ членъ его нашелъ, что его угнетаютъ?

6. Короли, аристократы и тираны, каковы бы они ни были, суть рабы, возмущившіеся противъ своего властелина, человѣческаго рода.

Итакъ, исходя изъ этого взгляда Конвента, возстаніе всѣхъ націй противъ всѣхъ видовъ власти, существующихъ у всѣхъ націй, было бы общимъ пра-

вомъ на всемъ земномъ шарѣ, и въ такомъ случаѣ международная, всемірная, непрекращающаяся война была бы всемірнымъ явленіемъ на земномъ шарѣ! Человѣчество предавалось бы непрерывнымъ избіеніямъ для искупленія чело-вѣческаго рода.

Политическое учрежденіе, Конвентъ, постановившее подобное общественное положеніе, оказывается ничѣмъ инымъ какъ собраніемъ утопистовъ-метафизиковъ, полагающихъ въ основаніе политическаго строя аксіомы вмѣсто практическихъ истинъ.

116.

Я упрекаю себя въ томъ, что воздалъ преувеличенную похвалу философическимъ тенденціямъ Конвента. Въ то время я самъ недостаточно изслѣдовалъ внутреннюю пустоту этихъ аксіомъ; тогда, находясь всецѣло подъ вліяніемъ Фенелона и Платона, я недостаточно изучилъ Аристотеля и Монтескьё, этихъ глашатаевъ истины въ политикѣ.

Что касается обязанности общества къ вынужденной благотворительности посредствомъ налога въ пользу бѣдныхъ на всѣхъ своихъ членовъ и на доходы въ цѣляхъ уравниенія размѣра податей съ силами податного сословія, то я всегда придерживался того мнѣнія, что ни одно благоустроенное общество не можетъ существовать безъ души, что душа общества должна проявляться въ нравственныхъ поступкахъ, а нравственность общества проявляется во взаимной поддержкѣ всѣхъ составляющихъ его членовъ. Богатый, какъ болѣе сильный чѣмъ бѣднякъ, конечно, долженъ нести и больше обязанностей. Однако, Конвентъ, идя въ этомъ направленіи, довелъ до абсурда свою общественную благотворительность, потому что установилъ въ своихъ аксіомахъ прогрессивный налогъ вмѣсто пропорціональнаго даннымъ плательщика. Итакъ, прогрессивный налогъ не только не создаетъ справедливости для богатаго и бѣдняка, но ведетъ къ уничтоженію богатства и труда. Поголовная бѣдность—вотъ его логическое слѣдствіе. Это напоминаетъ политическую экономію Тарквинія, косившаго тѣ изъ растений, которыя возвышались надъ остальными. Если предупредить о такомъ скашиваніи чело-вѣческое растеніе, то оно перестанетъ искать солнце; таковъ вѣроятный результатъ каждаго прогрессивнаго налога. Смерть въ награду за трудъ и экономію: вотъ теорія Конвента. Оратору, конечно, позволительно предлагать такіа доктрины, но нація не имѣетъ права на софизмы. Софизмъ цифръ убиваетъ ее не менѣе, чѣмъ софизмъ морали.

Хотя я, быть можетъ, слишкомъ превознесъ въ тридцатъ девятой книгѣ „Жирондистовъ“ нѣкоторыя ошибочныя стремленія Конвента, тѣмъ не менѣе, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, софизмы невозможнаго матеріальнаго равенства уже возмущали меня, какъ опроверженіе дѣйствительности утопій. Прочтите:

117.

„Равномѣрное распредѣленіе просвѣщенія, способностей и даровъ природы является, очевидно, законной цѣлью стремленій чело-вѣческаго сердца. Про-

роки, поэты и мудрецы всегда мечтали и проповѣдывали объ этомъ, видя осуществленіе его въ своихъ мечтахъ, какъ конечную цѣль, къ которой стремится человѣчество. Слѣдовательно, оно врожденное стремленіе къ справедливости въ человѣкѣ, божественное предначертаніе, которое Богъ издалъ показываетъ своимъ твореніямъ и все, что стремится къ постепенному разрушенію этого предначертанія, то есть все, что стремится создать неравенство просвѣщенія, сословій, состоянія и имуществъ, незаконно. Все же, что уничтожаетъ постепенно это неравенство, являющееся часто несправедливостью, и способствуетъ болѣе правильному распредѣленію общаго достоянія между людьми, — божественно. О каждой политикѣ можно судить по этому признаку, такъ же, какъ о деревѣ судить по его плодамъ; идеаль ничто иное, какъ истина на разстояніи.

„Но чѣмъ возвышеннѣе идеаль, тѣмъ труднѣе осуществить его на землѣ. До сихъ поръ трудно было согласовать равенство имущественное съ неравенствомъ нравственныхъ качествъ, способностей и труда, которыми люди отличаются другъ отъ друга. Равное распредѣленіе имущества между человѣкомъ дѣятельнымъ и лѣнивымъ является несправедливостью, потому что одинъ собираетъ, а другой расточаетъ. Чтобы эта общность имуществъ была справедлива, необходимо допустить, что у всѣхъ людей одинаковыя совѣсть, прилежаніе къ труду и нравственныя качества. Но такое предположеніе химера. Слѣдовательно, неужели общественный строй можетъ твердо стоять на подобной лжи? Одно изъ двухъ: или общество должно принудить своихъ членовъ исполнять одну и ту же работу и быть одинаково добродѣтельными; но тогда что же станетъ со свободой? Общество превратится во всеобщее рабство.

„Или же общество должно ежедневно собственноручно раздавать каждому часть, соотвѣтствующую его долѣ труда и пользѣ, которую онъ приноситъ всей общинѣ. Но кто же въ этомъ случаѣ будетъ судьей?

„Несовершенная человѣческая мудрость нашла, что гораздо легче, справедливѣе и разумнѣе сказать человѣку: „Будь самъ своимъ судьей, воздавая самъ себѣ должное своимъ богатствомъ или нищетой“. Общество учредило собственность, провозгласило свободу труда и оградилъ законами конкуренцію.

„Но учрежденная такимъ образомъ собственность не кормитъ того, кто не владѣетъ ничѣмъ. Свобода труда не представляетъ одинаковыхъ условій для того, у кого есть только сводъ законовъ, порожденныхъ эгоизмомъ, и война не на животь, а на смерть между работникомъ и работодателемъ, между покупателемъ и продавцомъ, между человѣкомъ, утопающимъ въ роскоши, и голоднымъ! Несправедливость повсюду! Непоправимое неравенство въ природѣ и въ законахъ. Мудрость законодателя состоитъ въ томъ, чтобы постепенно, вѣками исправить все, издавая законъ за закономъ. Тотъ, кто захотѣлъ бы исправить все сразу, — разрушитъ все. Желать возможнаго — необходимое условіе человѣческой мудрости. Не претендуя сразу исправить сложныя несправедливости, надо исправлять ихъ непрерывно, улучшать постоянно, и въ этомъ должна заключаться справедливость такихъ несовершенныхъ существъ, какъ мы. Въ предначертаніяхъ Божіихъ время является элементомъ самой истины; требовать непреложной истины отъ одного дня — значитъ требовать отъ при-

роды болѣе того, что она можетъ дать. Нетерпѣніе ведетъ только къ ошибкамъ и крушеніямъ, а не къ истинѣ. Ошибки—это истины, сорванные преждевременно“.

118.

Жирондисты погибаютъ отъ усилій повернуть обратно революцію, дошедшую до крайнихъ предѣловъ. Дантонъ сходитъ въ могилу вслѣдъ за ними. Извѣстна только одна революція, которую вождямъ удалось остановить въ ея стремленіи и которая, благодаря собственному благоразумію, обратилась къ прежнему порядку и праву, послушавшись своихъ вождей; это была революція 1848 года, именно тѣми, кого она спасла, за свою умѣренность поносимая болѣе, чѣмъ поносятъ Конвентъ за всѣ его преступленія. Отчего же эта революція осталась чиста отъ преступленій? Оттого, что люди, взявшіе твердой и смѣлой рукой управленіе ею, не дали демагогіи ни одного изъ тѣхъ залоговъ, ни одной изъ тѣхъ поблажекъ, которые подчиняютъ государственныхъ людей разнузданной толпѣ; а въ особенности потому, что страшный урокъ 1793 года поразилъ умъ народа и онъ былъ воспитанъ свободными печатью и трибуной, въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ уже ничѣмъ не стѣсняемыми и представлявшими собою своего рода школу свободы. Народъ 1793 года вышелъ изъ рабства невѣжественнымъ и ожесточеннымъ,—народъ 1848 года былъ просвѣщенъ и уравновѣшенъ свободой. Онъ былъ раздраженъ, но величественъ; онъ чувствовалъ, въ чемъ для него лично опасность—онъ боялся самого себя и помогать своимъ вождямъ обуздывать себя. Исторія, когда для нея настанетъ часъ быть справедливой, воздастъ должную, исключительную дань уваженія Франціи за тѣ пять мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ она самоуправлялась, за неимѣніемъ законнаго правительства, собственной мудростью и только силою народного самосознанія.

Жирондисты запятнали себя кровью Людовика XVI, Дантонъ — участіемъ въ буйствахъ демагоговъ. Они поощряли террористовъ, несмотря на все свое презрѣніе къ нимъ. Имъ пришлось уже отстанывать свои головы. Они выдали головы другихъ жертвъ: по какому же праву они могли бы требовать неприкосновенности для себя. Они погибли жалко, но справедливо. Ихъ смерть была искупленіемъ ихъ жизни. Имъ надлежало пасть невинными. Меня обвинили въ томъ, что я сдѣлалъ изъ нихъ героевъ; но пусть прежде прочтутъ а потомъ обвиняютъ! Развѣ эти, приводимыя мною ниже, страницы — апофеозъ?

119.

„Такова была политическая катастрофа, которая постигла партію жирондистовъ. Она погибла точно такъ же, какъ и возникла, благодаря бунту, узаконенному побѣдой. День 2-го іюня, который называютъ также 31-мъ мая, потому что борьба продолжалась три дня, былъ 10-мъ августа Жиронды. Партія эта пала вслѣдствіе своей слабости и нерѣшительности—такъ же, какъ и король, низвергнутый ими. Республика, которую они основали, обрушилась на нихъ послѣ восьми-мѣсячнаго существованія. Этихъ республиканцевъ уважали за ихъ намѣренія, восхищались ихъ талантами, сожалѣли за ихъ несчастія;

сѣтовали объ ихъ удаленіи вслѣдствіе замѣнившихъ ихъ преемниковъ и потому, что вожди ихъ, по своему паденіи, открыли собою длинный рядъ лицъ, погибшихъ на эшафотѣ. Но послѣ исчезновенія этой партіи спрашиваешь себя, какими идеями они руководились и была ли у нихъ вообще какая-нибудь идея. Исторія, въ свою очередь, задастъ вопросъ: если бы Жиронда, восторжествовавъ 31 мая, спасла республику, оказались ли бы способны ея члены по своему политическому гению и характеру къ диктаторскому управленію, сохраняя при томъ популярность, и сумѣли ли бы они успокоить волненіе внутри Франціи и доставить ей торжество во внѣшнихъ ея дѣлахъ, а также могли ли они учредить республику на твердыхъ началахъ, охранивъ ее отъ власти королей и демагоговъ. Исторія отвѣчаетъ не колеблясь: нѣтъ, у жирондистовъ не было этихъ данныхъ. У нихъ не было ни единомудрія, ни политическихъ способностей, ни рѣшимости. Они произвели революцію помимо своего желанія; они управляли ею, не понимая ея. Революція должна была возстать противъ нихъ и выскользнуть у нихъ изъ рукъ.

„Государственнымъ людямъ, чтобы управлять великими движеніями, въ которыхъ они принимаютъ участіе, необходимо: во-первыхъ, полное пониманіе этихъ самыхъ событій и, во-вторыхъ, страстей народа, выразителями которыхъ являются эти движенія. У жирондистовъ не было ни того, ни другого. Въ Національномъ собраніи они долго дружили съ монархіей, дурно понятой ими, и не сообразили, что народъ никогда не можетъ переродиться и не возрождается подъ видомъ той власти, отъ давленія которой онъ ускользаетъ. Республика, робко задуманная нѣкоторыми изъ нихъ, была скорѣе принята какъ роковая необходимость, нежели какъ правильная, одобренная другими, система правленія. На другой же день послѣ объявленія ея они испугались порожденнаго ими плода, какъ мать пугается родивъ уродъ. Въмѣсто того, чтобы стараться укрѣпить народившуюся республику, они всячески старались ослабить ее. Конституція, которую они предлагали ей, скорѣе возбуждала сожалѣніе, нежели надежду. Они одинъ за другимъ отнимали у нея всѣ органы, необходимые для жизни и силы. Аристократія проявляла себя подъ другою формою во всѣхъ ихъ буржуазныхъ установленіяхъ: принципы популярности были заранѣе задушены. Они сторонились отъ народа; народъ, въ свою очередь, сторонился отъ нихъ. Голова страшилась руки; рука страшилась головы. Соціальныя организмы могъ только бороться или зачахнуть.

„Жирондисты, со времени возникновенія ихъ партіи, переходили отъ вызова къ уступкамъ и отъ сопротивленія къ пораженію. 10 августа вырвало у нихъ тронъ, который они мечтали сохранить еще, тѣмъ же самымъ декретомъ, въ которомъ Верньо объявлялъ о лишеніи короля короны. Дантонъ заставилъ ихъ дать согласіе на сентябрьскія убійства, которыхъ они не могли ни предупредить, пустивъ въ ходъ вооруженную силу, ни наказать, прикрывъ жертвы собственнымъ тѣломъ. Робеспьеръ вырвалъ у нихъ голову Людовика XVI, подло принесенную ими въ жертву взамѣнъ собственныхъ головъ. Маратъ вырвалъ у нихъ свою безнаказанность и свой триумфъ послѣ своего

осужденія 10 марта. Якобинцы вырвали у нихъ министерство въ лицѣ Ролана. Наконецъ Пашъ, Геберъ, Шометтъ и коммуна заставили ихъ отказаться теперь отъ ихъ власти, оставивъ имъ только жизнь. Ихъ слабохарактерность дѣлала ихъ несчастными. Дюмуре, ихъ генераль, измѣнилъ республикѣ и этой измѣной навлекъ на нихъ обвиненіе въ сообщничествѣ. Войска, безъ начальниковъ, безъ дисциплины, не пополняемые рекрутами, несли одно поражение за другимъ. Укрѣпленія на сѣверѣ сдавались или находили защиту только въ своихъ стѣнахъ. Роялизмъ одерживалъ побѣды на западѣ; федерализмъ раздиралъ югъ; анархія парализовала центръ, а тираническія партіи — столицу. Конвентъ, изобиловавшій ораторами, но не имѣвшій политическихъ вождей, восторгался ихъ рѣчами, но ставилъ ни во что ихъ дѣйствія. Они гнушались революціоннаго трибунала и позволяли ему наносить удары неудачу, въ ожиданіи, когда онъ нанесетъ ударъ имъ самимъ. Они ужасались расчлененія республики, а ихъ отчаянныя посланія не переставали толкать ихъ департаменты къ убійствамъ и федерализму.

„Еще нѣсколько мѣсяцевъ такого правленія, и Франція, наполовину покоренная чужеземцами, снова поработенная контръ-революціей, пожираемая анархіей и раздираемая собственными руками, перестала бы существовать и какъ республика, и какъ нація. Эти люди слова губили все. Приходилось или рѣшиться на погибель вмѣстѣ съ ними, или поддерживать правительство. Его захватило въ свои руки насиліе. Оно овладѣло также, какъ это случилось 10 августа, диктатурой, которую никто въ Конвентѣ не осмѣлился еще захватить. Возстаніе коммуны, хотя порожденное и направляемое пагубными страстями, было однако представлено патріотамъ, какъ возстаніе во имя общественаго спасенія. Народъ, ясно видѣвшій, что онъ идетъ къ погибели, противозаконно протянулъ руку къ кормилу правленія и вырвалъ его изъ безсильныхъ рукъ, которыя дали ему уклониться въ сторону. Народъ воображалъ, что онъ дѣйствуетъ по самому священному своему праву — по праву существованія. Его обвинили въ томъ, что онъ навязалъ свою инициативу департаментамъ и выдалъ волю Парижа за волю всей Франціи. „Что могли подѣлать департаменты“, говорятъ патріоты 31 мая: — „на такомъ разстояніи отъ совершавшихся событій? Прежде чѣмъ ихъ запросили бы и они устѣли бы отвѣтить, прежде чѣмъ ихъ мнѣніе и вооруженная сила достигли бы Парижа, союзники очутились бы у его воротъ, вандейцы — у воротъ Орлеана, а республика была бы задушена въ своей колыбели“. Въ крайней опасности близость равносильна праву. Та часть народа, которая стоитъ ближе всего къ общественному бѣдствію, обязана помочь ему первая. Въ подобныхъ случаяхъ размѣръ власти зависитъ отъ того, на сколько можетъ достать рука. Городъ присвоиваетъ себѣ тогда диктатуру, пользуясь своимъ положеніемъ, представляя себѣ право требовать утвержденія ея впослѣдствіи. Парижъ присвоивалъ себѣ такимъ образомъ диктатуру неоднократно до и послѣ 1789 года. Франція не упрекнула его ни за 14 іюля, ни даже за 10 августа, когда Парижъ, не спросившись и не дождавшись ея рѣшенія, устроилъ революцію и учредилъ республику.

„Къ тому же, каковы бы ни были теоріи отвлеченнаго равенства между городами государства, къ сожалѣнію, эти теоріи уступаютъ мѣсто дѣйствительному факту въ исключительныхъ обстоятельствахъ, — и этотъ фактъ имѣетъ за собою право, когда вытекаетъ изъ необходимости. Безъ сомнѣнія, города, гдѣ сосредоточена правительственная власть, не что иное, какъ членъ народнаго тѣла; но за то этотъ членъ — голова! Столицѣ принадлежитъ надъ остальными членами власть инициативы, право вести за собою и рѣшать, потому что голова такой же центръ въ націи, какъ и у отдѣльнаго лица. Ожесточенная полемика можетъ оспаривать право, но исторія не можетъ отрицать его. Когда жизнь идетъ правильнымъ ходомъ, правленіе распределяется повсюду равномерно. Въ исключительныхъ же обстоятельствахъ править не тотъ, кто имѣетъ на это право, а тотъ, кто захватилъ въ свои руки власть. Инициатива управляетъ, когда она лежитъ въ существѣ вещей. 31 мая было незаконно: кто оправдалъ его? А развѣ 10 августа было законно? Однако оно было созданиємъ жирондистовъ. Которая изъ партій могла по праву сослаться на законъ? Ни одна. Всѣ нарушили его. Въ этомъ поочередномъ и продолжительномъ захватѣ власти не могли бы оправдаться закономъ ни Гора, ни Жиронда, ни коммуна, ни Парижъ, ни Бордо. Законъ болѣе не существовалъ или, вѣрнѣе, закономъ сдѣлался инстинктъ самосохраненія великой націи. Закономъ стала сама революція! Народъ, заблуждавшійся въ своемъ патріотизмѣ думалъ издавать его среди волнений и мятежа этихъ трехъ дней. Это былъ безпорядокъ, но въ его глазахъ однако это былъ законъ; потому что это насиліе казалось ему единственной мѣрой, которая могла спасти отечество и революцію. „10 августа, говорили ему: — одно лишь могло спасти свободу, а 31 мая — спасти націю“.

Всѣ мельчайшія подробности изъ жизни Шарлотты Корде, этой дѣвственной Юдифи Франціи, провѣрены мною съ чрезвычайной тщательностью. Для того, чтобы собрать ихъ, я не пожалѣлъ ни труда, ни заботъ. Почти всѣмъ я обязанъ человѣку рѣдкаго сердца и ума, ея сосѣду де ла Сикотьеру, нарисовавшему съ натуры и по живымъ еще воспоминаніямъ, портретъ обезсмертившей себя своей соотечественницы. Многимъ еще я обязанъ уному доктору Жоржу Дювалю, свидѣтелю событій и изобразителю лицъ.

Но можно ли на мою оцѣнку героической, но въ то же время мрачной фигуры смотрѣть какъ на сочувствіе убійству? Вотъ она, читайте:

„Таковы были жизнь и смерть Шарлотты Корде. При наличности убійства, исторія не рѣшается прославлять убійцу; за героизмъ она не рѣшается клеймить. Оцѣнка поступка заставляетъ сдѣлать сомнительный выборъ между отрицаніемъ добродѣтели и одобреніемъ убійства. Подобно художнику, который, отчаявшись передать сложное выраженіе разнородныхъ чувствъ, набрасываетъ покрывало на лицо модели, предоставивъ зрителю самому рѣшить загадку, такъ и эту тайну надо навѣки оставить въ тайникахъ человѣческой

совѣсти. Есть вещи, о которыхъ человѣкъ не можетъ судить и которыя безъ посредниковъ и безапелляціонно идутъ прямо на судъ Божій. Въ жизни людей бываютъ поступки, въ которыхъ такъ перемѣшаны слабость и сила, чистая пѣль и преступныя средства, заблужденіе и истина, убійство и мученичество, что ихъ нельзя опредѣлить однимъ словомъ и не знаешь, слѣдуетъ ли назвать ихъ преступленіемъ или добродѣтелью. Преступная самоотверженность Шарлотты Корде принадлежитъ къ числу поступковъ, которыя, вырывая восхищеніе и ужасъ, навсегда заставили бы сомнѣваться, если бы разумъ не разъяснилъ ихъ. Что касается насъ, то если бы мы должны были найти для этой великой освободительницы своей родины и самоотверженной мученицы тираніи имя, которое одновременно заключало бы нашъ восторгъ къ ней и строгость осужденія ея поступка, то мы должны были бы изобрѣсти такое слово, которое соединило бы въ себѣ крайности восхищенія и ужаса, и назвали бы ее ангеломъ убійства“.

123.

Если меня до нѣкоторой степени справедливо упрекнули за строгость, о которой я сожалею, но которую считаю добросовѣстной, моего приговора надъ королевой въ началѣ ея царствованія, пусть вспомнать, какъ я реабилитирую ее на эшафотѣ. Тутъ она уже ничто; она вдова, мать, мученица, святая благодаря казни, которую она встрѣтила такъ героически и покорно. Можетъ быть я долженъ бы былъ подчеркнуть еще болѣе это освященіе чрезъ эшафотъ. Я жалѣю, что сдѣлалъ это не достаточно сильно. Я слишкомъ долго остановился на ея вліяніи, какъ жены, на мужа въ такой моментъ, когда слѣдовало только помнить о ея горѣ и пролитой ею крови. Все же прошу прочесть и судить меня, принявъ къ свѣдѣнію мое сокрушеніе.

124.

„Написавъ письмо и помолившись, королева спокойно проспала нѣсколько часовъ. Когда она проснулась, дочь госпожи Бо одѣла ее и причесала съ большей тщательностью, чѣмъ обыкновенно. Марія-Антуанетта сняла черное платье, которое носила со дня смерти мужа, и одѣла бѣлое въ знакъ того, что она примирилась съ землей и радуется тому, что идти на небо. Бѣлая косынка покрывала ея плечи, а бѣлый чепчикъ волосы. Только черная ленточка, стягивавшая у волосъ чепчикъ, напоминала свѣту о ея траурѣ, ей самой о вдовствѣ, а народу объ убійствѣ, которое онъ готовится совершить.“

„Окна и парапеты, крыши и деревья были унижены народомъ. Толпа женщинъ, ненавидѣвшихъ „Австріячку“, тѣснилась у рѣшетки и во дворахъ. Тусклый, холодный осенній туманъ повисъ надъ Сеной и только тамъ и сямъ его прорѣзывали нѣсколько солнечныхъ лучей, падавшихъ на крыши Лувра и на башню дворца. Въ одиннадцать часовъ жандармы и палачи вошли въ залу осужденныхъ. Королева обняла дочь привратника, сама отрѣзала волосы, безропотно позволила связать себѣ руку и твердыми шагами вышла изъ Консьержери. Въ ней не замѣчалось ни женской слабости, ни замиранія сердца, ни дрожи,

ни малѣйшей блѣдности. Природа подчинилась волѣ, которая напрягла всѣ свои силы чтобы королева могла умереть достойно своего сана.

„Спустившись съ лѣстницы во дворъ, она замѣтила телѣжку, къ которой направились жандармы. Она остановилась, какъ бы намѣреваясь вернуться обратно, и движеніемъ выразила удивленіе и ужасъ. Она думала, что народъ облечетъ свою ненависть въ болѣе приличную форму и что такъ же, какъ и короля, ее повезутъ на эшафотъ въ закрытой каретѣ. Но, подавивъ волненіе, она покорно опустила голову и взошла на телѣжку. Аббатъ Лотрингеръ, не смотря на ея возраженія, сѣлъ позади ея.

„Кортежъ выѣхалъ изъ Консержеріи при крикахъ: „Да здравствуетъ республика! Дорогу Австріячкѣ! Дорогу вдовѣ Капета! Долой тиранію!“ Комедіантъ Граммонъ, адъютантъ Ронсена, подавалъ примѣръ и сигналъ этимъ крикамъ народа, размахивая обнаженной саблей и расталкивая толпу грудью лошади. Связанныя руки королевы лишали ее опоры на тряской мостовой. Она съ трудомъ могла сохранить равновѣсіе и величіе осанки. „Это не трианонскія подушки!“ кричали ей подлѣя созданія. Толпа оскорбляла ее смѣхомъ, взглядами, словами, жестами. Щеки ея то становились багровыми, то блѣднѣли какъ у мертвой и свидѣтельствовали о ея волненіи. Несмотря на то, что она позаботилась о своемъ туалетѣ, ветхость ея платья, грубое бѣлье, простая матерія, помятыя складки унижали ея достоинство. Волосы выбились у нея изъ-подъ чепчика и при дуновеніи вѣтра били ее по вискамъ. Ея красные, опухшіе глаза, хотя и сухіе теперь, показывали, что продолжительное горе заставляло ихъ проливать слезы. Минутами она закусывала нижнюю губу, какъ человѣкъ, старающійся подавить крикъ остраго страданія.

125.

„Когда она проѣхала мостъ Мѣняль и шумные кварталы Парижа, тишина и серьезный видъ толпы свидѣтельствовали объ иномъ настроеніи у народа. Если это и не было состраданіе, то по крайней мѣрѣ было смущеніе. Лицо ея приняло снова спокойное и равнодушное выраженіе, которое измѣнило настроеніе толпы. Такимъ образомъ она медленно проѣхала по всей улицѣ Сентъ-Оноре. Священникъ, сидѣвшій рядомъ съ нею, тщетно старался привлечь ея вниманіе словами, которыя она, повидимому, рѣшила не слушать. Она смотрѣла на фасады домовъ, на республиканскія надписи, на костюмы и выраженіе лицъ жителей столицы, такъ сильно измѣнившейся въ продолженіе ея пятнадцатимѣсячнаго заключенія въ тюрьмѣ. Особенное вниманіе она обращала на окна верхнихъ этажей, гдѣ развѣвались трехцвѣтные флаги—вывѣска патріотизма.

„Народъ думалъ, а очевидцы записали, что ея легкомысленное и пустое вниманіе было привлечено этой вѣшной выставкой республиканизма. Однако мысли ея были далеко. Она искала глазами знака своего спасенія среди этихъ знаковъ своей гибели. Она приближалась къ дому, о которомъ ей сообщили въ то время, когда она была въ тюрьмѣ. Она старалась угадать, гдѣ находится то окно, откуда на ея голову должно было низойти разрѣшеніе отъ грѣховъ, данное переодѣтымъ священникомъ. Она узнала его по знаку, незамѣченному толпой. Она закрыла глаза, склонила голову и сосредоточила свои мысли подѣ

благословлявшей ее невидимой рукой и, не будучи въ состояніи сдѣлать движенія связанными руками, трижды сдѣлала крестное знаменіе движеніемъ головы. Зрители думали, что она молится одна, и съ почтеніемъ отнеслись къ ея молитвѣ. Радость и тайное удовлетвореніе съ этой минуты освѣтили ея лицо.

126.

„Вѣхавъ на площадь Революціи, командующіе кортежемъ приказали, чтобы телѣжка держалась какъ можно ближе къ разводному мосту, и остановились на минуту у сада Тюльери. Марія-Антуанетта повернула голову къ своему бывшему дворцу и нѣсколько минутъ смотрѣла на ненавистную и дорогую арену ея величія и паденія; нѣсколько слезинокъ скатились къ ней на колѣни. Все прошлое ея встало передъ нею въ часъ смерти. Еще нѣсколько оборотовъ колесъ, и она была у подножія гильотины. Священникъ и палачъ помогли ей сойти съ телѣжки, поддерживая ее подъ руки. Она величественно поднялась по ступенямъ помоста. На эшафотѣ она нечаянно наступила на ногу палачу. Онъ вскрикнулъ отъ боли. „Извините меня“, сказала она палачу такимъ тономъ, точно обращалась къ одному изъ своихъ придворныхъ. Она опустила на минуту на колѣни, вполголоса прочитала молитву, затѣмъ встала и сказала, смотря на башни Тампля: „Еще разъ прощайте, дѣти мои, я иду къ вашему отцу“. Она не пыталась, подобно Людовику XVI, оправдаться передъ народомъ и разжалобить его. На лицѣ ея не было, какъ у ея мужа, отпечатка преждевременнаго блаженства праведника и мученика, но оно выражало презрѣніе къ людямъ и справедливое нетерпѣніе уйти скорѣе изъ этой жизни. Она не стремилась къ небу, а только хотѣла удалиться съ земли и, уходя, оставляла ей свое негодованіе и упрёки.

„Палачъ, волновавшійся болѣе, чѣмъ она сама, дрожащей рукою отцѣпилъ топоръ. Голова королевы скатилась. Помощникъ палача схватилъ ее за волосы и, поднявъ правой рукою, обошелъ вокругъ эшафота, показывая ее народу. Продолжительный крикъ: „Да здравствуетъ республика!“ привѣтствовалъ это покрывавшееся уже мертвенной блѣдностью лицо.

„Революція считала себя отомщенной, хотя она только покрыла себя позоромъ. Эта кровь женщины омрачила ея славу, не упрочивъ ея свободы. Парижъ, однако, былъ менѣе взволнованъ этимъ убійствомъ, чѣмъ убійствомъ короля. Общественное мнѣніе притворилось, что относится равнодушно къ одному изъ самыхъ гнусныхъ убійствъ, покрывшихъ позоромъ республику. Это убійство королевы и чужестранки среди принявшаго ее народа не имѣло даже удовлетворенія трагическихъ смертей: угрызенія совѣсти и сожалѣнія народа.

127.

„Такъ умерла эта королева, легкомысленная въ счастіѣ, величественная въ несчастіи, безстрашная на эшафотѣ; кумиръ двора, низвергнутый народомъ, долгое время пользовавшаяся любовью, затѣмъ неудачный совѣтникъ королевской власти, потомъ личный врагъ революціи. Эту революцію она не могла ни предвидѣть, ни понять, ни примириться съ нею; она могла только раздражать ее и ненавидѣть. Она искала спасенія во дворѣ вмѣсто того, чтобы броситься къ народу. Народъ несправедливо обратилъ на нее всю ненависть, ко-

торую преслѣдовала прежній порядокъ. Онъ приписывалъ ей всѣ придворные скандалы и измѣны. Она властвовала надъ мужемъ благодаря своей красотѣ и уму, и народъ перенесъ на него свое враждебное отношеніе къ ней: она погубила короля своей любовью. Ея неустановившаяся политика, смотря по настроенію минуты, то робкая, какъ отступленіе, то дерзкая, какъ успѣхъ, неумѣнье ни пойти вовремя на уступки, ни быть настойчивой, закончилась интригами съ эмиграціей и границей. Очаровательная и опасная, скорѣе баловень устарѣвшей монархіи, чѣмъ королева новой, она не пользовалась ни обаяніемъ прежней королевской власти—уваженіемъ, ни обаяніемъ новой—народной любовью. Она умѣла только очаровывать, заблуждаться и умереть. Извиняють ее недостаточно положительный умъ и заблужденія молодости, красота оправдываетъ, величіе ея мужества облагораживаетъ ее. Ее нельзя было осудить на эшафотъ, а можно только сожалѣть—что равносильно осужденію. Она принадлежитъ къ числу тѣхъ, память о которыхъ обезоруживаетъ политическую строгость историка, вызываетъ состраданіе и которыхъ судятъ только такъ, какъ должно судить женщинъ—со слезами на глазахъ.

„Какихъ бы взглядовъ ни держалась исторія, она вѣчно будетъ омываться слезами этотъ эшафотъ. Одна противъ всѣхъ, невинная благодаря своему полу, священная благодаря имени матери, беззащитная женщина убита въ чужой землѣ народомъ, не умѣющимъ прощать ни молодости, ни красотѣ, ни существованію, служившему предметомъ поклоненія! Призванная этимъ народомъ, чтобы занять тронъ, она даже не получила отъ него могилы, потому что мы читаемъ въ клабищенской книгѣ Мадленъ: „*За могилою вдовы Капета—7 франковъ*“.

„Вотъ итогъ жизни королевы и огромныхъ суммъ, издержанныхъ въ теченіе всего царствованія на блескъ, удовольствія и благодѣянія женщиной, которой принадлежали Версаль, Сень-Клу и Трианонъ. Когда Провидѣніе съ грубымъ краснорѣчіемъ хочетъ сказать людямъ о превратностяхъ судьбы, оно однимъ знакомъ говоритъ болѣе, чѣмъ Сенека и Боссюетъ въ своихъ блестящихъ рѣчахъ, и записываетъ ничтожную сумму въ книгу могильщика“.

Въ этомъ повѣствованіи я многимъ обязанъ аббату Ламберу, другу жиро-ндистовъ, имѣвшему свободный доступъ къ нимъ въ темницу Консьержери, котораго де-Кассаньякъ оспаривалъ немного черезчуръ неосновательно. Онъ именно сопровождалъ жертвы суда въ заточеніе, изъ заточенія—на смерть. Аббатъ Лотрингеръ, отъ напутствія котораго королева настойчиво отказалась, считая его схизматикомъ, былъ, по свидѣтельству аббата Ламбера и другихъ со-временныхъ документовъ, низкимъ и разсчитливымъ интриганомъ, состоявшимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ жертвами, искавшимъ предлога къ прославленію и въ послѣдствіи, при реставраціи, старавшимся извлечь выгоды изъ измышленной имъ яко бы близости его съ королевой. Бессанкурскій священникъ отзывался о немъ не иначе, какъ съ презрѣніемъ. Этотъ набожный старецъ не сталъ бы ложно позорить памяти своего собрата, заблужденія котораго противъ церкви онъ раздѣлялъ, но пристрастныя посмертныя разоблаченія котораго не внушали ему ни довѣрія, ни уваженія. Роялистскіе писатели

эпохи Возрожденія напрасно приняли на вѣру свидѣтельство этого священника-авантюриста—этой басенной пахавшей „мухи“ тюремъ, телѣтъ съ приговоренными и напутствовавшей жертвы на гильотинахъ, жужжащей о своихъ заслугахъ королямъ, вновь водворившимся въ Тюльери.

129.

Смерть герцога Орлеанскаго разясняетъ его личность, но не оправдываетъ. „Аббатъ Ламбергъ, человѣкъ сердечный и деликатный, страдалъ въ душѣ отъ неловкости своего собрата, отъ грубости солдатъ и униженія осужденнаго. Онъ подошелъ къ принцу съ почтительнымъ и растроганнымъ видомъ. „Эгалите“, сказалъ онъ ему:—„я пришелъ предложить тебѣ Святые Дары или по крайней мѣрѣ утѣшеніе слугителя Божія. Хочешь принять ихъ отъ человѣка, отдающаго тебѣ справедливость и чувствующаго къ тебѣ искреннее расположеніе?“—Кто ты такой? спросилъ его герцогъ Орлеанскій, выраженіе лица котораго смягчилось.—„Я главный викарій парижскаго епископа“, отвѣчалъ священникъ:—„Если ты отказываешься отъ моихъ услугъ, какъ священника, то, можетъ быть, какъ человѣкъ я могу исполнить твои порученія относительно твоей жены и семьи?“—„Нѣтъ, благодарю“, возразилъ герцогъ Орлеанскій:—„я не хочу, чтобы въ мою совѣсть заглянулъ кто-нибудь, кромѣ меня самого, и мнѣ не нужно никого, чтобы умереть какъ подобаетъ доброму гражданину“. Онъ приказалъ подать себѣ завтракъ, ѣлъ и пилъ много, но не до опьяненія. Когда одинъ изъ членовъ суда пришелъ спросить его, не имѣетъ ли онъ сообщить что-либо имѣющее значеніе для республики, онъ отвѣтилъ: „Если бы я зналъ, что нѣчто угрожаетъ безопасности отечества, я не сталъ бы ожидать настоящей минуты, чтобы заявить объ этомъ. Впрочемъ я не питаю ни малѣйшей злобы противъ суда, даже противъ Конвента и патріотовъ: не они хотятъ моей смерти, а такъ предназначено свыше...“ И онъ замолчалъ.

130.

„Въ три часа за нимъ пришли, чтобы отвести его на эшафотъ. Заключенные въ Консьержери, почти всѣ относившіеся враждебно къ той роли, которую игралъ герцогъ Орлеанскій въ революціи, и къ самому его имени, толпились на площадкахъ, въ коридорахъ и у рѣшетокъ, чтобы посмотреть, какъ пройдетъ герцогъ. Его конвоировали шестеро жандармовъ съ саблями на-голо. По его осанкѣ, по манерѣ держать голову и по тому, какъ онъ твердо шагаль по плитамъ, его скорѣе можно было принять за солдата, идущаго въ сраженіе, нежели за осужденнаго, котораго ведутъ на казнь. Аббатъ Лотрингеръ сѣлъ въ телѣжку вмѣстѣ съ нимъ и тремя другими осужденными.

„Они двинулись подъ конвоемъ конной жандармеріи. Телѣжка подвигалась медленно. Всѣ взоры искали принца: одни—какъ предметъ мести, другіе—какъ искупительную жертву. Никогда, казалось, онъ не держалъ себя съ большимъ благородствомъ и достоинствомъ, какъ въ этотъ послѣдній день своей жизни. Сознаніе, что онъ умираетъ гражданиномъ, сдѣлало его снова принцемъ. Онъ гордо держалъ голову; онъ обводилъ равнодушнымъ взоромъ толпу. Онъ отворачивался, чтобы не слышать увѣщаній священника, не перестававшаго до-

саждать ему. Вслѣдствіе тѣсноты или ухищренной жестокости телѣжку остановили на минуту на площади Пале-Рояль, противъ его бывшаго дворца. „Зачѣмъ остановились здѣсь?“ спросилъ онъ.—„Чтобы ты могъ полюбоваться своимъ дворцомъ“, отвѣтилъ священникъ:—„Видишь, путь сокращается, цѣль приближается—подумай о своей совѣсти и покайся“. Принцъ молча посмотрѣлъ на окна своего прежняго жилища, гдѣ онъ обдумалъ зачатки революціи, наслаждался разсѣянной жизнью въ юности и испыталъ семейныя привязанности. Надпись: „*Национальная собственность*“ на дверяхъ Пале-Рояля, замѣнившая его гербъ, дала ему понять, что республика еще до его смерти раздѣлила его имущество, и что эта кровля и эти сады не будутъ болѣе служить убѣжищемъ даже его дѣтямъ. Это зрѣлище униженія и проскрипціи его рода поразило его сильнѣе, чѣмъ топоръ палача. Голова его упала на грудь, какъ будто ее уже отдѣлили отъ туловища, и онъ отвернулся въ другую сторону.

„Онъ продолжалъ путь по улицѣ Рояль унылый и безмолвный до площади Революціи. Видъ толпы, наводнившей площадь, и бой барабановъ заставили его поднять голову изъ боязни, чтобы его грусть не приняли за слабость. Священникъ еще съ большимъ усердіемъ продолжалъ настаивать, чтобы онъ принялъ напутствіе религіи. „Смирись передъ Богомъ и покайся въ грѣхахъ“.—„Могу ли я сдѣлать это среди этой толпы и этого шума? Мѣсто ли здѣсь для раскаянія или мужества?“ отвѣтилъ принцъ.—„Такъ покайся мнѣ“, возразилъ священникъ:—„въ томъ изъ своихъ грѣховъ, который болѣе другихъ тяготитъ твою душу: Богъ зачтетъ тебѣ твое желаніе и невозможность исполнить его, а я разрѣшу тебѣ твой грѣхъ во имя Его“.

131.

„Побѣжденный настойчивостью священника и утомленіемъ, а быть можетъ и близостью эшафота, къ которому его приближалъ каждый оборотъ колесъ, принцъ склонился передъ слугителемъ Божіимъ и пробормоталъ нѣсколько словъ, которыя затерялись въ шумѣ толпы и въ тайнѣ исповѣди. Онъ получилъ прощеніе Неба въ нѣсколькихъ шагахъ отъ эшафота, на томъ самомъ мѣстѣ, откуда Людовикъ XVI послалъ прощеніе своимъ врагамъ.

„Принцъ былъ одѣтъ изящно, на иностранный манеръ, какъ онъ привыкъ одѣваться съ юности. Когда онъ сошелъ съ телѣжки и поднялся на помостъ гильотины, помощники палача хотѣли снять съ него узкіе, плотно облегавшіе ему ноги сапоги. „Нѣтъ, нѣтъ“, хладнокрѣвно остановилъ онъ ихъ:—„вамъ будетъ удобнѣе снять ихъ потомъ; скорѣе, скорѣе!“ Онъ, не поблѣднѣвъ, взглянулъ на лезвіе ножа. Онъ умеръ спокойно, съ упованіемъ на будущее. Былъ ли это стоицизмъ характера? Проявился ли въ немъ въ послѣдній разъ убѣжденный республиканецъ? Или имъ руководила честолюбивая надежда отца, что за нѣсколько капель его крови непостоянная нація отдастъ тронъ его сыновьямъ?

„Все осталось загадкой въ этомъ принцѣ. Самая память о немъ представляетъ загадку, и, произнося свой судъ о немъ, историкъ долженъ бояться впасть въ ошибку, оправдывая или осуждая его. Само описываемое нами время неблагопріятно для этого сужденія. Сынъ его царствуетъ во Франціи. Снисходительное отношеніе къ памяти отца могло бы показаться ему лестью, вызы-

ваемой его успѣхомъ, строгость—теоретической предвзятостью. Итакъ, страхъ показаться подобострастнымъ или непріязненнымъ равно заставляютъ писателя остерегаться прослыть несправедливымъ. Но справедливость, съ которой мы должны относиться къ умершимъ, и истина, которой мы обязаны исторіи, заставляютъ писателя, не прибѣгая къ хитростямъ, писать одну только правду о своемъ времени. Чтобы остаться правдивымъ, писатель не долженъ бояться навлечь на себя подозрѣнія въ лести. Память—не разбѣнная монета въ рукахъ живыхъ.

„Какъ республиканца, этого принца, по нашему мнѣнію, оклеветали. Всѣ партіи точно сговорились сдѣлать его имя предметомъ проклятія и всеобщаго презрѣнія: роялисты потому, что онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей революціи; республиканцы потому, что его смерть была одною изъ самыхъ гнусныхъ неблагодарностей республики; народъ потому, что онъ былъ принцъ; аристократы потому, что онъ перешелъ въ народъ; заговорщики потому, что онъ не позволялъ пользоваться его именемъ въ заговорахъ противъ своего отечества, а всѣ потому, что онъ отказался отъ сомнительной славы, которую называютъ героизмомъ Брута. Люди безпристрастные держались того мнѣнія, что если онъ подаль голосъ за смерть короля изъ убѣжденія и республиканизма, то это убѣжденіе противорѣчило его чувству и походило на посягательство на природу. Но у ненавистниковъ было много причинъ клеветать на него, чтобы отстранить клеветы и разные слухи отъ самихъ себя. По мѣрѣ того, какъ событія революціи все болѣе и болѣе освѣщаются и каждая партія, умирая, завѣщаетъ исторіи свои тайны, память герцога Орлеанскаго очищается отъ приписываемыхъ ему заговоровъ, измѣнъ, преступленій и вліянія. Революція не должна питать къ этому человѣку ни глубокой благодарности, ни острой вражды. Она употребляла его какъ орудіе, которое въ концѣ концовъ сломала. Онъ не былъ ни создателемъ ея, ни господиномъ, ни Іудой, ни Кромвелемъ.

„Революція была не заговоромъ, а философіей; она не продавалась человѣку, а преслѣдовала идею. Видѣть ее всецѣло воплощенной въ герцога Орлеанскаго—значитъ слишкомъ возвеличивать человѣка или слишкомъ унижить событіе. Исключая первыя народныя волненія въ Парижѣ, ни въ одномъ изъ рѣшительныхъ дней не встрѣчается его имени, не видно ни его руководительства, ни его золота. Быть можетъ, онъ и мечталъ одно время о коронѣ, которую единодушно предложить ему народная любовь. Быть можетъ, онъ съ преступнымъ чувствомъ удовлетворенія и радовался, видя паденіе и страданія унижившихъ его королевы и двора. Но онъ скоро понялъ, что революція не увѣличиваетъ никого и уноситъ вмѣстѣ съ трономъ и всѣхъ претендентовъ на него, всѣхъ, кто переживаетъ монархію. Тогда онъ раскаялся; несчастія Людовика XVI тронули его. Онъ искренно желалъ примириться съ королемъ и поддержать конституцію. Но оскорбленія придворныхъ и придворная антипатія заставили его отказаться отъ своего намѣренія. Тогда онъ сдѣлался сторонникомъ крайнихъ убѣжденій. Онъ бросился туда съ отчаянія. Тамъ онъ

былъ встрѣченъ недоверіемъ и оскорбленіями народныхъ вождей, которые не могли простить ему его имени. Дантонъ покинулъ его; Робеспьеръ притворился, что боится его; Маратъ оклеветалъ его; Камилль Демуленъ показывалъ на него пальцемъ террористамъ. Жирондисты — обвинили его, а монтаньяры предали эшафоту.

„Онъ перенесъ всѣ эти превратности судьбы со стойкостью принца, просящаго у своей родины только званія гражданина, а у республики чести умереть за нее. И онъ умеръ безропотно, какъ будто неблагодарность республики есть гражданская корона ея основателей. Съ тѣхъ поръ онъ отказался отъ своего званія и всецѣло отдалъ себя народу, сначала служа ему, а затѣмъ сдѣлавшись его жертвой. Къ несчастію для его памяти, онъ выступилъ также какъ судья въ процессѣ, отъ участія въ которомъ онъ долженъ былъ отказаться. Поразивъ его, народъ покаралъ его за это менѣе строго, чѣмъ по томство.“

„Если кто-нибудь шелъ слѣпо, но неуклонно за революціей до конца, не спрашивая себя, куда она ведетъ, такъ это былъ именно герцогъ Орлеанскій. Онъ былъ Эдипомъ семьи Бурбоновъ. Человѣкъ слабохарактерный, преступный какъ родственникъ, но безупречный какъ патріотъ, убійца своей славы, онъ осуществилъ на себѣ слова Дантона: „Пусть погибнетъ память о насъ, но будетъ спасена республика!“ Онъ былъ подлѣ — если принесъ эту жертву ради популярности; жестокъ — если дѣйствовалъ по убѣжденію; гнусенъ — если поступалъ изъ честолюбія, — тайну мотивовъ своего политическаго поведенія онъ унесъ съ собою къ престолу Божію. Сомнѣваясь въ руководившихъ имъ побужденіяхъ, исторія можетъ строить только предположенія.“

„Въ революціонныхъ движеніяхъ есть величіе, которое сообщается людямъ и возвышаетъ иногда самыя низкія души, соразмѣрно событіямъ, въ которыхъ они принимаютъ участіе. Люди легкомысленные и испорченные становятся незамѣтно серьезными, преданными, трагическими какъ мысль, во имя которой они дѣйствуютъ и которая увлекаетъ ихъ въ своемъ порывѣ. Быть можетъ къ числу такихъ людей принадлежалъ и герцогъ Орлеанскій. Его жизнь, безпорядочная въ юности, запятнанная въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, трагическая въ концѣ, началась скандаломъ, протекала въ заговорахъ и кончилась искупленіемъ.“

„Подобно Бруту, предмету его подражанія и заблужденія, онъ навсегда останется загадкой въ глазахъ потомства. Но оно извлечетъ для себя великій урокъ: когда въ сердцѣ гражданина борются убѣжденія и природа, то всегда надо слушаться голоса природы, потому что убѣжденія часто бываютъ ошибочны, а природа всегда непогрѣшима. Притомъ человѣческое сердце прощаетъ тому, кто погрѣшаетъ противъ убѣжденія, и иногда даже восхищается этимъ. Но преступленія, совершаемые противъ природы, осуждены Богомъ, и люди никогда ихъ не прощаютъ.“

Я хочу замѣтить по поводу этой характеристики герцога Орлеанскаго, что его сынъ, тогда король, Людовикъ-Филиппъ, не протестовалъ противъ моего

исторического приговора. Спустя нѣсколько дней послѣ выхода въ свѣтъ „*Жирондистовъ*“, этотъ принцъ, съ которымъ я не видался лично, но съ которымъ у меня были нѣкоторые косвенныя сношенія, поручилъ черезъ г. Вату, своего личнаго секретаря и библіотекаря, сказать мнѣ, что онъ прочиталъ мою книгу и благодарить меня за справедливое отношеніе къ его отцу. Людовикъ-Филиппъ доказалъ при другомъ болѣе исключительномъ обстоятельствѣ, что онъ вовсе не раздѣлялъ убѣждений своего отца и не одобрялъ его дѣйствій; что онъ вѣрилъ въ его семейныя добродѣтели, а также въ общественныя, особенно въ пылкость его родительскихъ чувствъ и въ стоическую преданность его республикѣ, но что онъ слагалъ съ себя отвѣтственность за его уступчивость террору и отрекался отъ наслѣдственности въ его низкомъ и противоестественномъ вотированіи противъ своего короля и родственника.

Беру Небо въ свидѣтели, что въ моей характеристикѣ герцога Орлеанскаго (Эгалите), характеристикѣ, которую нѣкоторые неумолимые люди находили слишкомъ снисходительной, я вовсе не былъ подъ вліяніемъ желанія угождать его сыну, царствовавшему въ то время во Франціи и у котораго я могъ либо попасть въ милость, либо опасаться его мести. Нѣтъ, о подобныхъ низостяхъ я даже совсѣмъ не помышлялъ; но я дѣйствительно находился и нахожусь подъ вліяніемъ и впечатлѣніемъ тѣхъ фамиліальныхъ взглядовъ, которыми проникаешься съ дѣтства, и тѣхъ священныхъ традицій, которыя оставляютъ первый неизгладимый слѣдъ въ памяти дѣтей, слушающихъ со вниманіемъ рассказы своей матери. Моей же матери, воспитывавшейся въ самомъ дворцѣ Сень-Клу въ непосредственной близости съ дѣтьми принца, приходилось ежедневно видѣть герцога Орлеанскаго (еще до того, какъ его увлекла и повергла въ свои крайности революція) и видѣть его въ семейной обстановкѣ, въ обществѣ принцессы-супруги и дѣтей его — въ той интимной близости, которая придаетъ естественную прелесть счастливымъ отцамъ многочисленной семьи одинаково во дворцахъ, какъ и въ хижинахъ. Помимо признательности, она сохранила живое воспоминаніе о привѣтливости, изяществѣ и сердечной добротѣ этого несчастнаго принца; и, оплакивая, какъ роялистка, увлеченія и соучастіе чуть не въ отцеубійствѣ Филиппа Эгалите, она могла изображать его намъ какъ юнаго отца семейства, безукоризненнаго въ частной своей жизни, и приписывать его слабохарактерности заблужденія и преступленія, запятнавшія позже его имя. Эти впечатлѣнія, воспринятыя ребенкомъ изъ устъ матери, оживали невольно во мнѣ, когда я возмужалъ, и отразились въ написанной мной исторіи; они и внесли нѣкоторую долю благодушія и быть можетъ долю справедливости въ мое перо. Снисходительность, когда рѣчь идетъ о человѣкѣ слабохарактерномъ, та же справедливость. Вотъ что Людовикъ-Филиппъ призналъ въ моемъ изображеніи его отца и въ моей характеристикѣ его самого, вотъ то чувство, за которое онъ благодарилъ меня черезъ своего личнаго секретаря.

Конецъ этого принца былъ то отвратительный, то стоическій. Вотъ какъ описалъ мнѣ его одинъ изъ немногихъ свидѣтелей послѣднихъ его минутъ:

„Два священника, аббатъ Ламберъ и аббатъ Лотрингеръ, тѣ же самые, которые бесѣдовали въ послѣднюю ночь съ жирондистами, ждали у топившагося камина въ большой тюремной камерѣ, разговаривая со сторожами и жандармами, возвращенія подсудимыхъ изъ залы суда.

„Они видѣли, какъ вошелъ герцогъ Орлеанскій уже не съ прежнимъ напускнымъ равнодушіемъ, которое каждый мужественный человѣкъ старается придать своей осанкѣ передъ лицомъ своихъ враговъ, а разстроенный, возмущенный людскою несправедливостью и спѣшавшій подъ кровомъ тюрьмы излить все накопившееся въ его душѣ передъ самимъ собою и передъ Богомъ; походка его была тороплива, движенія порывисты, лицо пылало гнѣвомъ. Отрывистыя восклицанія срывались помимо воли съ его губъ; онъ поднималъ глаза къ небу и большими шагами ходилъ по камерѣ. „Негодяи!“ восклицалъ онъ повременамъ, какъ бы пораженный внезапной мыслью или воспоминаніемъ: — „негодяи! я всѣмъ пожертвовалъ имъ: положеніемъ, состояніемъ, честолюбіемъ, честью, будущей славой своего дома, даже погралъ въ себѣ естественное чувство и совѣсть, осуждая ихъ враговъ!.. И вотъ награда, которую они приготовили мнѣ!.. Ахъ! если бы я дѣйствовалъ, какъ они говорятъ, изъ личнаго честолюбія, то какъ несчастливъ былъ бы я теперь! Но я поступалъ такъ изъ честолюбія, имѣвшаго болѣе возвышенный источникъ, чѣмъ желаніе достигнуть трона, изъ честолюбія добиться свободы для моего отечества и счастья для мнѣ подобныхъ! Итакъ, да здравствуетъ республика! Этотъ крикъ раздастся изъ моей темницы такъ же, какъ онъ раздавался изъ моего дворца!“ Потомъ онъ растрогался при мысли о своихъ заточенныхъ дѣтяхъ, которымъ, быть можетъ, грозило осужденіе. Онъ призывалъ ихъ, точно онъ былъ одинъ. Онъ говорилъ громко и стучалъ ногами о плиты, а руками — въ стѣны своей темницы“.

135.

Истинно-историческая, но холодная и ходульная личность госпожи Роланъ является въ истинномъ свѣтѣ въ ея смертнѣйшую часть. Я не прощаю ей гнуснаго преслѣдованія ею королевы до самаго эшафота, — послѣдняя черта этой характеристики ея сразу отмщаетъ ей за Марію-Антуанетту и обнажаетъ сердце героини *жирондистовъ*:

„Казнь жирондистовъ въ глазахъ госпожи Роланъ набросила погребальный покровъ на жизнь. Верньо, Бриссо умерли. Кому извѣстна участь Бюзо, Барбару, Лува? Быть можетъ и они уже покинули землю.

„Ее перевезли въ Консьержери. Тамъ она томила недолго. Она нравственно возвышалась, приближаясь къ смерти. Ея душа, языкъ, черты приняли торжественность лицъ, которыхъ ожидаетъ великая судьба. Въ теченіе немногихъ дней, которые она провела въ тюрьмѣ, она сумѣла возбудить среди многочисленныхъ, находившихся тамъ, узниковъ энтузіазмъ и презрѣніе къ смерти, воодушевившіе наиболѣе удрученныхъ. Тѣнь, бросаема на нее эшафотомъ, казалось, увеличила ея красоту. Продолжительныя страданія заключенія, безнадежное, но спокойное чувство, съ которымъ она относилась къ своему положенію, сдержанныя, но явственно слышныя слезы въ ея голосѣ, когда

она говорила, придавали ему отблескъ, въ которомъ передавалось накипѣвшее чувство, подымавшееся изъ глубины ея сердца.

„Она бесѣдовала черезъ рѣшетку съ главными дѣятелями ея партіи, которыхъ было множество въ Консьержери. Стоя на каменной скамьѣ, возвышавшей ее немного надъ мостовой двора, ухватившись пальцами за желѣзную рѣшетку, отдѣлявшую монастырь отъ двора темницы, она нашла себѣ трибуну въ тюрьмѣ, а слушателей среди своихъ сотоварищей по ожидавшей ихъ смерти. Она говорила съ такимъ же убѣжденіемъ и блескомъ, какъ Верньо, но съ горечью гнѣва и ѣдкостью презрѣнія, которая страсть женщины всегда вноситъ въ краснорѣчіе разсужденій. Ея мстительная память искала въ исторіи древнихъ временъ образовъ, аналогій и именъ, способныхъ сравниться съ современными ей тиранами. Въ то время, какъ ея враги составляли ея обвинительный актъ въ нѣсколькихъ футахъ надъ ея головой, голосъ ея, подобно голосу потомства, гремѣлъ въ подземельяхъ Консьержери. Она мстила за себя до своей смерти и завѣщала свою ненависть. Она вызывала у узниковъ не слезы,—она не хотѣла, чтобы о ней плакали,—но крики восторга. Ее слушали цѣлыми часами. Приготовлялись крикнуть: „Да здравствуетъ республика!“ Свободу не осуждали, ее боготворили даже въ подземныхъ темницахъ, вырывать ихъ во имя ея.

136.

„Но эта женщина, столь великодушная и стоявшая выше своей участи, находясь предъ лицомъ толпы, впадала въ слабость, какъ всякій смертный, когда возвращалась въ тишину и уединеніе темницы. Ея героическая душа замолкала тогда, а слабое женское сердце сжималось и чувствовало себя разбитымъ послѣ перехода отъ энтузіазма къ дѣйствительности. Чѣмъ выше она находилась, тѣмъ чувствительнѣе для нея было паденіе. Иногда она долго стояла по утрамъ, облокотившись на окно, прислонившись лбомъ къ желѣзной рѣшеткѣ, смотря на уголокъ неба, и слезы капали изъ глазъ ея на горшки съ цвѣтами, которыми тюремщикъ украсилъ подоконникъ ея окна. О чемъ она думала? Отрывистыя слова послѣднихъ страницъ ея дневника открываютъ намъ это: о своемъ ребенкѣ, о мужѣ, старикѣ-отцѣ, привыкшемъ къ ея поддержке и неспособномъ сдѣлать въ жизни шага безъ нея; о своей молодости, лишенной любви и протекшей въ честолюбивыхъ политическихъ замыслахъ, о друзьяхъ, образъ которыхъ преслѣдовалъ ее, заставляя сожалѣть о жизни, если они были еще живы, и жаждать смерти, если они опередили ее въ вѣчности. Она ничего не знала о нихъ, и это причиняло ей муку.

„Другихъ страданій заключенія она не чувствовала. Тюрьма ея, сырая, грязная, темная, находилась рядомъ съ комнатой, которую занимала королева: сосѣдство, слишкомъ похожее на угрызеніе совѣсти. Обѣ дошли въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но различными путями, до одного и того же подземелья, для того, чтобы отправиться оттуда къ одному и тому же эшафоту, одна — низвергнутая съ трона происками другой; другая — достигшая величайшихъ почестей въ республикѣ и, въ свою очередь, низринутая туда же:

куда упала ее жертва. Эта месть судьбы походить на случайность. *Нерядко это правосудіе*“.

137.

Что касается Дантона,—къ которому я былъ слишкомъ строгъ, потому что тѣмъ болѣе я изучаю его, тѣмъ менѣе вижу въ немъ организатора сентябрьскихъ убійствъ,—то прочтите его конецъ. Взгляните также, польстилъ ли я демагогін въ лицѣ хитраго, жестокаго и подленькаго фигляра передъ толпой—Камилла Демулена.

„Въ четыре часа пополудни пришли помощники палача, чтобы связать руки и обрѣзать волосы осужденнымъ. Они подчинились безпрекословно, приправляя шутками свой смертный приговоръ. „Это превосходно для тѣхъ дураковъ, которые будутъ глядѣть на насъ на улицѣ“, сказалъ Дантонъ:—„Передъ потомствомъ мы предстанемъ въ другомъ видѣ“. У него не было иного культа, кромѣ своей славы, и, повидимому, иного желанія, кромѣ того, чтобы имя его пережило его. Его безсмертіе заключалось въ славѣ его имени.

„Камилль Демуленъ не могъ повѣрить, что Робеспьеръ допуститъ казнить такого человѣка, какъ онъ. Онъ надѣялся до послѣдней минуты на возвратъ дружбы. Съ момента своего заключенія онъ говорилъ о немъ не иначе, какъ съ уваженіемъ и снисхожденіемъ. Онъ выражалъ по его адресу только жалобы, но у него не вырвалось ни одного ругательства, котораго не могла бы простить гордость. Когда палачи хотѣли схватить Камилла, чтобы связать его такъ же, какъ и другихъ, онъ съ отчаяніемъ сталъ отбиваться отъ нихъ, такъ какъ эти приготовленія не оставляли у него никакихъ сомнѣній въ неизбѣжности смерти. Его бѣшенство и проклятія на минуту превратили тюрьму въ бойню. Пришлось повалить его на полъ, чтобы связать и обрѣзать ему волосы. Усмиренный и связанный, онъ умолялъ Дантона положить ему въ руку прядь волосъ Люсилы, которую онъ носилъ подъ одеждой, чтобы, умирая, имѣть что-нибудь принадлежащее ей. Дантонъ оказалъ ему эту печальную услугу и затѣмъ безпрекословно далъ себя связать.

„Всѣхъ четырнадцать осужденныхъ посадили въ одну телѣжку. Народъ показывалъ другъ другу Дантона. Онъ оказывалъ уваженіе самому себѣ въ лицѣ своей жертвы. Эта казнь напоминала какъ бы самоубійство народа. Небольшая кучка мужчинъ въ лохмотьяхъ и подкупленныхъ женщинъ слѣдовала за телѣжкой, осыпая осужденныхъ бранью и насмѣшками. Камилль Демуленъ не переставая всхлипывалъ и кричалъ, обращаясь къ толпѣ: „Великодушный народъ, несчастный народъ! Тебя обманываютъ, тебя губятъ, умерщвляютъ лучшихъ твоихъ друзей! Узнайте меня, свасите меня! Я—Камилль Демуленъ! Это я призвалъ васъ къ оружію 14-го іюля! Это я далъ вамъ національную кокарду!“ Говоря такимъ образомъ и дѣлая усиленные движенія плечами, чтобы порвать связывавшія его веревки, онъ такъ изодралъ свою верхнюю одежду и рубашку, что его худой, костлявый торсъ видѣлся изъ телѣжки почти совершенно обнаженный. Со времени казни госпожи Дю-Барри не слышали подобныхъ криковъ и не видали такихъ судорогъ во время агоніи. Толпа отвѣчала на нихъ оскорбленіями. Дантонъ, сидѣвшійрядомъ съ Камилломъ Демуленомъ, старался уса-

дить своего юнаго товарища, упрекая его за тщетныя мольбы его и выставленіе напоказъ своего отчаянія. „Да сиди же смирно“, говорилъ онъ ему строго:—„и оставь эту мерзкую сволочь!“ Что касается его самого, то онъ уничтожалъ толпу не словами, а равнодушіемъ и презрѣніемъ. Когда поѣздъ проѣзжалъ мимо оконъ дома, гдѣ жилъ Робеспьеръ, толпа удвоила оскорбленія, какъ бы желая почтить своего кумира, усугубляя мученія его соперника. Ставни дома Дюплэ обыкновенно заперались въ тѣ часы, когда телѣжки проѣзжали по улицѣ. При этихъ крикахъ Робеспьеръ поблѣднѣлъ. Онъ удалился изъ тѣхъ комнатъ, гдѣ они могли быть слышны. Пристыженный такимъ безсердечіемъ, удрученный такой массой пролитой крови, въ которой онъ такъ часто и заслуженно могъ упрекнуть себя, онъ почувствовалъ сожалѣніе, а быть можетъ и стыдъ. „Бѣдный Камиллъ“, сказалъ онъ:—„отчего я не могъ спасти его! Но онъ самъ себя погубилъ! Что касается Дантона“, прибавилъ онъ:—„я прекрасно знаю, что онъ очищаетъ мнѣ дорогу; но, невинные или виновные, мы всѣ должны отдать наши головы республикѣ. Республика узнаетъ своихъ по ту сторону эшафота“. Онъ притворился, что страдаетъ изъ-за того, что онъ называлъ „жестокимъ искупленіемъ“ родины.

138.

„Геро де Сешель первый сошелъ съ телѣжки. Порывисто и вмѣстѣ съ хладнокровіемъ дружбы, толкающей сердце одного друга къ другому, онъ приблизилъ лицо свое къ лицу Дантона, чтобы поцѣловать его. Палачъ разлучилъ ихъ. „Злодѣй!“ сказалъ Дантонъ палачу:—„ты не можешь помѣшать нашимъ головамъ обмѣняться поцѣлуемъ въ корзины“.

„За ними возшелъ Камиллъ Демуленъ. Въ послѣднюю минуту къ нему вернулось спокойствіе. Онъ мять въ рукѣ волосы жены, какъ будто хотѣлъ высвободить руку, чтобы подвести эту реликвію къ губамъ. Онъ подошелъ къ орудію смерти, спокойно посмотрѣлъ на ножъ, съ котораго стекала кровь его друга, потомъ, обратившись къ народу и поднявъ глаза къ небу, воскликнулъ: „Такъ вотъ конецъ перваго апостола свободы! Чудовища, убивающія меня, недолго переживутъ меня. Попроси передать эти волосы моей тещѣ“, сказалъ онъ затѣмъ палачу. Это были его послѣднія слова. Голова его покатилаcь.

„Дантонъ возшелъ послѣ всѣхъ. Никогда, всходя на трибуну, онъ не имѣлъ столь величественнаго и внушительнаго вида. Онъ выпрямился на эшафотѣ, какъ бы примѣряясь къ своему пьедесталу. Онъ бросалъ на толпу, направо и налево, взгляды сожалѣнія. Его лицо, казалось, говорило: „Всмотритесь въ меня внимательнѣй: вы не встрѣтите никого, похожаго на меня“. Однако природа сломала на минуту эту гордость. Крикъ мужа, при воспоминаніи о молодой женѣ, вырвался у умирающаго. „О дорогая моя“, воскликнулъ онъ со слезами на глазахъ:—„я больше не увижу тебя!“ Затѣмъ, какъ бы упрекая себя за это минутное возвращеніе къ жизни, онъ прибавилъ, громко обращаясь къ себѣ: „Довольно, Дантонъ; довольно слабости!“ И, повернувшись къ палачу, сказалъ повелительно: „Покажи мою голову народу—она стоитъ этого“. Голова его скатилась. Палачъ, исполняя послѣднее его желаніе, вынулъ ее изъ кор-

зины и обнесъ вокругъ эшафота. Толпа рукоплескала. Такъ кончаютъ ея любимцы.

„Такимъ образомъ разыгралъ сцену смерти передъ народомъ человекъ, для котораго даже эшафотъ послужилъ театральными подмостками и который хотѣлъ умереть такъ, чтобы трагическій конецъ его жизни былъ покрытъ аплодисментами, какъ было при самомъ началѣ и во всю его жизнь. Онъ обладалъ всѣми качествами великаго мужа, кромѣ добродѣтели. У него была натура, дѣятельность, внѣшность, гений, судьба и смерть великаго человека, но у него не было совѣсти. Онъ разыгрывалъ великаго человека, но не былъ имъ. Разыгрывать роль великаго не значить быть великимъ; величіе заключается только въ вѣрѣ. Дантонъ любилъ иногда даже до страсти свободу, но не вѣрилъ въ нее, потому что въ душѣ поклонялся единственно славѣ.

„Революція была для него инстинктомъ, а не реликвіей. Онъ служилъ ей, какъ вѣтеръ, производящій бурю, поднимающій пѣну и играющій волнами. Онъ видѣлъ въ ней одно движеніе, но не постигъ направленія. Онъ былъ опьяненъ ею, но не любилъ ее. Онъ олицетворялъ толпу, а не выдающихся людей той эпохи. Въ немъ поочередно проявлялись волненія, сила, жестокость и великодушіе толпы. Человекъ скорѣе темперамента, а не идеи, страсти, а не разсудка, онъ былъ, однако, лучшимъ государственнымъ дѣятелемъ, нежели кто-либо изъ тѣхъ, кто пытался управлять событіями и людьми въ это время утопій. Если разумѣть подъ государственнымъ дѣятелемъ человека, понимающаго механизмъ управленія, независимо отъ его идеала, то онъ обладалъ политическимъ инстинктомъ въ большей степени, чѣмъ даже Мирабо. Онъ заимствовалъ у Макіавеля правила, относящіяся къ тому, какую степень власти или тираніи можно заставить вынести государство. Онъ зналъ слабости и пороки народовъ, но не зналъ ихъ добродѣтелей. Онъ не подозрѣвалъ даже существованія того, что составляетъ долгъ правительствъ, и не видѣлъ въ людяхъ Бога, а только матеріаль. Это былъ одинъ изъ тѣхъ поклонниковъ „древней Фортуны“, которые обожали въ ней только успѣхъ. Онъ съ тѣмъ большимъ самодовольствомъ сознавалъ цѣну себѣ, какъ государственнаго мужа, чѣмъ демократія была ниже его. Онъ любовался собою, какъ гигантъ, находящійся среди карликовъ. Онъ выставлялся своимъ превосходствомъ, какъ геніальный выскочка. Онъ восхищался собою. Онъ считалъ другихъ за ничтожество. Онъ провозглашалъ себя единственнымъ главой республики. Послѣ того, какъ онъ мстилъ народу, онъ началъ относиться къ нему съ презрѣніемъ, какъ къ дикому звѣрю, нападенія котораго онъ не боялся. Онъ былъ пороченъ открыто. Въ сентябрьскіе дни его дѣйствія, какъ политика, граничили съ преступленіемъ. Онъ не признавалъ угрызеній совѣсти, но онъ былъ побѣжденъ. Это его бѣсило. Пролитая кровь пятнала его. Тайный ужасъ примѣшивался къ восхищенію, которое онъ внушалъ. Онъ самъ чувствовалъ этотъ ужасъ, и ему хотѣлось бы отдѣлаться отъ этого прошлаго. Какъ у всякаго неиспорченнаго культурой человека, на него находили то припадки великодушія, то приступы жестокости. Пороки у него были низкія, зато страсти благородныя; словомъ—у него было сердце. Въ концѣ концовъ это сердце всегда склонялось въ сторону добра вслѣдствіе своей чувствительности, состраданія и

любви. Онъ заслуживалъ одновременно проклятія и сожалѣнія. Это былъ колоссъ революціи съ золотой головой, съ грудью изъ плоти, туловищемъ изъ желѣза и ногами изъ грязи. Когда его свергли, вершина Конвента начала казаться менѣе высокой. Онъ былъ на ней тучей, молвіей, громомъ. Теряя его, Гора теряла свою вершину“.

140.

Если въ этомъ и есть преувеличеніе, то оно произошло отъ строгости моего пера. Я обвиняю Дантона бездоказательно, изъ одной потребности найти виновнаго, чтобы олицетворить въ немъ весь ужасъ преступленія. Теперь совѣсть обязываетъ меня сознаться, что я запятналъ память его злодѣйствомъ, чего онъ, быть можетъ, не заслужилъ.

Что касается Камилла Демулена, то я ничего не могу убавить отъ своего презрѣнія. Онъ былъ только фигляромъ толпы; онъ выказалъ жалость только къ себѣ и началъ заступаться за жертвы лишь тогда, когда толпа, пресытившись казнями, стала бунтовать противъ палачей. Это саркастическая фигура, которую можно встрѣтить въ каждой революціи, флюгеръ, увеселитель толпы, равно выступающій какъ на подмосткахъ балагана, такъ и на помостѣ эшафота, чтобы вызвать жестокой смѣхъ убійцъ или умереть самому безъ убѣжденія, безъ достоинства и мужества.

141.

Для убійства принцессы Елизаветы, юной сестры короля, нѣтъ имени ни на одномъ языкѣ, развѣ только у антропофаговъ. Меня обвиняютъ въ томъ, что я превратилъ въ ледъ скорбь души преступниковъ демагогіи. Я отвергаю цѣликомъ эту клевету на книгу, самую кровавую, но и всего обильнѣе облитую слезами изъ всѣхъ книгъ, которыя мнѣ извѣстны.

Пусть судятъ по моему разсказу объ этой смерти:

„Приказъ судить принцессу Елизавету былъ самымъ жестокимъ вызовомъ со стороны власть имѣвшихъ людей, который только могъ быть брошенъ крови Бурбоновъ.

„9-го мая, въ то время, когда принцессы, полураздѣвшись, молились передъ отходомъ ко сну, стоя у своихъ постелей, онѣ услышали, какъ въ дверь ихъ комнаты начали сильно и учашенно стучать, такъ что дверь покачнулася на петляхъ. Принцесса Елизавета поспѣшно одѣлась и пошла отворить. „Иди немедленно внизъ, гражданка!“ приказали ей тюремные стражники. — „А племянница?“ спросила принцесса. — „Ею займутся послѣ“. — Тетка, предчувствуя свою участь, бросилась къ племянницѣ и обняла ее, какъ бы желая избавить ее отъ этой разлуки. Юная принцесса плакала и дрожала. „Успокойся, дитя мое!“ сказала ей тетка: — „я навѣрное вернусь сейчасъ же“. — „Нѣтъ, гражданка“, возразили тюремщики: — „ты уже не вернешься; возьми свой чепецъ и иди“. Такъ какъ своими возраженіями и объятіями она медлила исполнить приказаніе, то ее осыпали бранью и оскорбительными возгласами. Она поспѣшила проститься съ племянницей и дала ей нѣсколько благочестивыхъ на-

ставлений; чтобы придать болѣе убѣдительности своимъ словамъ, она упомянула имена короля и королевы. Она оросила слезами лицо молодой дѣвушки и, выходя, оглянулась еще разъ, чтобы благословить ее. Сойдя внизъ, она увидала у калитки комиссаровъ. Они снова обыскали ее. Ее посадили въ карету, которая отвезла ее въ Консьержери.

142.

„Была полночь. Можно было подумать, что дня было недостаточно для удовлетворенія нетерпѣнія суда. Товарищъ предѣдателя суда ожидалъ принцессу Елизавету и допросилъ ее безъ свидѣтелей. Потомъ ей дали отдохнуть нѣсколько часовъ на томъ же самомъ ложѣ, на которомъ Марія - Антуанетта провела свои предсмертные часы. На слѣдующій день ее отвезли въ судъ въ сопровожденіи двадцати-четырехъ осужденныхъ различнаго возраста и пола, избранныхъ съ цѣлью вызвать у народа воспоминаніе о дворѣ и желаніе отомстить ему. Въ числѣ ихъ были госпожи де Сенозанъ, де Монморанси, де Санизи, де Монморенъ, восемнадцатилѣтній сынъ госпожи де Монморенъ, бывшій военный министръ де Ламени и старый версальскій придворный графъ де Сурдевилъ. „На что она можетъ жаловаться?“ сказалъ общественный обвинитель, увидавъ около сестры Людовика XVI свиту изъ женщинъ, носящихъ самыя громкія имена:—„Видя себя у подножія гильотины въ кругу преданнаго дворянства, она можетъ вообразить, что находится въ Версали“.

„Обвиненія дѣлались въ насмѣшливомъ тонѣ, отвѣты давались съ презрѣніемъ. „Вы называете моего брата тираномъ“, сказала сестра Людовика XVI прокурору и судьямъ:—„если бы онъ дѣйствительно былъ тѣмъ, чѣмъ вы его обзываете, то васъ не было бы здѣсь, и я не стояла бы передъ вами!“ Она выслушала свой приговоръ безъ удивленія и горести. Она попросила только прислать ей священника, оставшагося вѣрнымъ ея вѣрѣ, чтобы запечатлѣть смерть небеснымъ прощеніемъ. Ей отказали въ этомъ утѣшеніи. Она замѣнила его молитвой и принесеніемъ въ жертву своей жизни. Задолго до часа казни она вошла въ общую камеру, чтобы ободрить тѣхъ, кто были осуждены вмѣстѣ съ нею. Ея послѣдней мыслью была забота о стыдливости. Она дала половину своей косынки одной молодой осужденной дѣвушкѣ и собственноручно завязала ее, чтобы цѣломудріе не было оскорблено даже во время смерти“.

143.

Потомъ обрѣзали ея длинныя бѣлокурыя волосы, которые ушли къ ея ногамъ, точно вѣнецъ ея молодости. Женщины, составлявшія ея предсмертную свиту, и даже сами палачи подѣлили ихъ между собою. Ей связали руки. Ее посадили позади всѣхъ на послѣднюю скамью телѣжки, замыкавшей шествіе. Хотѣли усилить ея мученія лицезрѣніемъ паденія двадцати двухъ головъ аристократокъ. Народъ, собравшійся для того, чтобы осыпать ее оскорбленіями, оставался безмолвенъ при ея проѣздѣ. Красота принцессы, сіявшая душевнымъ спокойствіемъ, ея непричастность ко всѣмъ безпорядкамъ, лишившимъ дворъ

популярности, ея юность, принесенная ею въ жертву ради любви къ брату, ея преданность, добровольное обреченіе себя на лишенія ради своей семьи во время заключенія и гибели на эшафотѣ, дѣлали изъ нея самую чистую жертву роялизма. Королевская семья могла гордиться тѣмъ, что она приносила эту непорочную жертву, но со стороны народа было безчестно требовать ея. Тайное угрызение совѣсти мучило всѣхъ. Въ лицѣ ея палачъ давалъ трону реликвию, а королевству мученицу. Ея сотоварки по казни боготворили ее уже до смерти. Гордясь тѣмъ, что онѣ умирають вмѣстѣ съ невинной, онѣ, прежде чѣмъ взойти на эшафотъ, почтительно подходили къ принцессѣ и просили утѣшить ихъ поцѣлуемъ. Палачи не рѣшились отказать этимъ женщинамъ въ томъ, въ чемъ они отказали Геро де Сешелю и Дантону. Принцесса по очереди обнимала всѣхъ осужденныхъ передъ тѣмъ, какъ онѣ поднимались по лѣстницѣ. Послѣ прощальнаго цѣлованія руки она подставила и свою голову подъ ножъ гильотины. Невинная среди искушеній, молодости и красоты, набожная и чистая во время легкомыслія двора, смиренная въ величіи, терпѣливая въ темницѣ, гордая передъ казнью, принцесса Елизавета оставила своею жизнью и смертью образецъ невинности на ступеняхъ трона, для свѣта—образецъ дружбы и преданности восхищенія и вѣчный позоръ—для республики“.

Оправдывать такія преступленія подъ предлогомъ необходимости значило бы навѣки обезчестить всѣ революціи, такъ какъ ни одна изъ нихъ не стоитъ крови праведника; а что сказать, если этотъ праведникъ—женщина, вся вина которой заключается въ ея молодости, красотѣ, невинности и у которой казнили всю семью? Исторія, которая смягчила бы ужасъ этого преступленія, была бы хуже тѣхъ палачей, которые его совершили.

Нѣтъ, у меня не было такой слабости по отношенію къ Комитету общественнаго спасенія, узаконившему пожертвованія столькими жизнями жестокости народа! Пусть эта подлость навсегда падетъ на его память! Народъ не хочетъ принимать на себя ни чести ея, ни ея искупленія. У божественнаго правосудія нѣтъ амнистіи для подлости!

Можно ли законно осудить въ умаленіи ужасовъ народной жестокости книгу, обливающую потоками слезъ каждую каплю невинной крови, пролитой развращенностью трибуновъ или демагоговъ? Оставилъ ли я хоть одно пятно крови на статуѣ „Свободы“? И въ значительной степени не нравственному ли вліянію этой книги на парижскій народъ мы должны приписать то, что два года спустя мы застаемъ этотъ самый народъ такъ хорошо подготовленнымъ къ воспріятію совѣтовъ умѣренности и справедливости, и что было возможно такъ легко отклонить его съ кроваваго пути, на который его толкалъ Конвентъ, чтобы погубить его. Разошедшаяся въ сотни тысячъ экземпляровъ „Исторія Жирондистовъ“ распространилась повсюду среди мыслящаго народа. Очистить народное воззрѣніе — задача болѣе благородная, чѣмъ бороться съ нимъ; такъ какъ если чего не хватаетъ народу, такъ именно добродѣтели, а не силы. Сдѣлать изъ добродѣтели свободу — вотъ настоящая революція.

„Исторія Жирондистовъ“ была зеркаломъ народа; показать ему его собственное изображеніе во всемъ его безобразіи и красотѣ значило заставить его сдѣлать выборъ между ужасомъ, который онъ внушаетъ при демагогахъ, и тѣмъ почтеніемъ къ нему же, котораго онъ удостоивается при честныхъ и великодушныхъ государственныхъ людяхъ. Трибуны нужны ему только тогда, когда онъ находится въ рабствѣ. Когда онъ одерживаетъ побѣду, ему нужны только мужественные правители. Когда летишь въ пропасть, нужна истинная сила, чтобы остановиться, и эта сила проявилась во время Второй республики. Чему онъ ей обязанъ? Вѣрному изображенію Первой. Вѣрите мнѣ, клеветники на эту исторію! — предоставьте ему эту книгу, которой вы напрасно опасаетесь, — это школа народовъ. Она, безъ сомнѣнія, полна недостатковъ, потому что написана человѣкомъ съ ограниченнымъ талантомъ, но она полна и уроковъ, потому что ихъ далъ Богъ. У васъ довольно исторій революцій, написанныхъ защитниками террора; предоставьте народу хоть одну, написанную защитникомъ человѣчности.

145.

Мы приближаемся къ развязкѣ этой драмы, величайшей изъ разыгравшихся на землѣ между истинными и ложными идеями — добродѣтели, смѣшанной съ предрасудками, преступленія, смѣшаннаго съ добродѣтелью; свободы запятанной насиліемъ; освобожденія, совершеннаго тиранніей; мучениковъ, опозоренныхъ палачами; разума, омраченнаго казнями. Робеспьеръ, воплотившій въ своемъ лицѣ все это смѣшеніе, — вначалѣ величественное, потомъ отвратительное, — идей и страстей, философій и неистовствъ, принциповъ и софизмовъ, личной нравственности и общественной жестокости, гибнетъ не отъ руки своихъ враговъ, а отъ руки единомышленниковъ. Меня справедливо упрекали — какъ я выразился — въ томъ, что я слишкомъ польстилъ изображенію этого сфинкса революціи. Вѣрнѣе было сказать — слишкомъ изучалъ. Самое это изученіе кажется пристрастіемъ, потому что оно походитъ на пристрастіе къ тому, что разсматриваютъ съ слишкомъ снисходительнымъ любопытствомъ. Тамъ, гдѣ было только изученіе, начинаютъ видѣть восторги. Но въ послѣднихъ строкахъ его характеристики, мнѣ кажется, достаточно обрисовывается это чудовище софизма. Остальные рядомъ съ нимъ были не болѣе, какъ демагоги; у нихъ не было ни правильныхъ, ни ошибочныхъ взглядовъ — была одна звѣрская жестокость. Въ его преступленіяхъ была, по крайней мѣрѣ, хоть какая-нибудь осмысленность, дѣлавшая ихъ если не менѣе ненавистными, зато болѣе понятными; ихъ цѣлью была идея непримиримая, идея ложная, то, что называется утопіей, но въ концѣ концовъ идея безличная, идея всѣхъ фанатиковъ, обращавшихся въ палачей во всѣ эпохи исторіи обновленій на землѣ, совершившихся или которыя имѣютъ совершиться. Это различіе между нимъ и его приспѣшниками по проскрипціямъ не оправдываетъ его, но характеризуетъ; оно дѣлаетъ его еще болѣе отвратительнымъ, потому что возлагаетъ на него болѣе ответственность.

Это была мысль объ уравненіи, олицетворявшаяся въ челоѣкѣ, воплощеніе невозможности, къ которому стремится идеаль, но которому противится природа, и которое, слѣдовательно, не представляетъ собою божественнаго распре-дѣленія обществъ. Онъ принялъ уравненіе всѣхъ за символъ, но единствен-нымъ возможнымъ уравненіемъ всѣхъ была гильотина. Когда она отсѣкала одну выдѣлившуюся изъ общаго уровня голову, поднималась другая; ее при-ходилось также уравнивать; подъ конецъ выше другихъ очутилась его соб-ственная голова,—пришлось пожертвовать и ею.

Прочитайте тѣ строки, въ которыхъ я высказалъ свой приговоръ надъ нимъ въ „Жирондистахъ“, вызвавшія упреки. Вы увидите, справедливо ли я отнесся къ его преступленіямъ, нисколько не умаляя въ то же время его личного стоицизма. Правосудіе обязательно и по отношенію къ народнымъ Неронамъ. Исторія, обязанная относиться съ осужденіемъ, не имѣетъ права клеветать. Вотъ что я писалъ въ „Жирондистахъ“:

146.

„Между нимъ и его счастіемъ было слишкомъ много пролито крови. Страшная диктатура или торжественный эшафотъ были единственными обра-зами, на которыхъ отнынѣ онъ могъ остановить свое вниманіе. Онъ старался отдѣлаться отъ нихъ въ первые дни термидора, отправляясь въ далекія про-гулки по окрестностямъ Парижа. Одинъ или съ кѣмъ-нибудь изъ близкихъ ему лицъ онъ бродилъ цѣлыми днями въ лѣсахъ Медона, Сень-Клу или Ви-рофляй. Казалось, что, удаляясь отъ Парижа, гдѣ катились телѣжки, пере-полненные жертвами, онъ хотѣлъ положить возможно большее разстояніе ме-жду собою и угрызениями своей совѣсти. Обыкновенно онъ уносилъ подъ оде-ждой книгу. Это было всегда сочиненіе одного изъ философовъ, какъ-то: Руссо, Рейналя, Бернардена де Сень-Пьера или лирическихъ поэтовъ, напр. Геснера и Юнга: странный контрастъ между нѣжностью образовъ, ясностью природы и горечью души. Онъ предавался теозофическимъ грезамъ и созерца-ніямъ среди сценъ смерти и прокрипцій, достойныхъ Марія.

„Разсказываютъ, что 7-го термидора (25-го іюля), наканунѣ того дня, когда Робеспьеръ ожидалъ возвращенія Сень-Жюста и когда онъ рѣшилъ поставить на карту свою жизнь ради восстановленія республики, онъ отправился въ по-слѣдній разъ провести весь день въ сельскомъ домикѣ Жанъ-Жака Руссо, на опушкѣ лѣса Монморанси. Пришелъ ли онъ искать политическихъ вдохно-веній подъ тѣнью тѣхъ деревьевъ, гдѣ его учитель написалъ „Соціальный договоръ“, этотъ кодексъ демократіи? Пришелъ ли онъ принести вдохновив-шему его философу въ даръ свою жизнь, которой готовился пожертвовать ради его дѣла? Никому неизвѣстно. Но онъ провелъ, какъ передаютъ, много часовъ, обхвативъ голову руками и прислонившись къ простому забору, окру-жающему палисадникъ. Лицо его выражало созерцаніе казни и было блѣдно какъ смерть. Это была агонія угрызений совѣсти, честолюбія и унынія. Ро-беспьеръ имѣлъ время охватить послѣднимъ взглядомъ свое прошлое, настоя-щее, будущее, судьбу республики, народа и свою собственную. Если онъ могъ

умереть отъ горя, раскаянія и страха, то именно во время этого безмолвнаго размышленія.

147.

„Непосредственное увлеченіе; добровольное самопожертвованіе ради народа, представлявшаго въ его глазахъ угнетенную часть человѣчества; страстное влеченіе къ революціи, которая вернула свободу угнетеннымъ, равенство униженнымъ, братство человѣческой семьѣ, разумъ религіямъ; неустанные труды, посвященные на то, чтобы сдѣлать себя достойнымъ стать однимъ изъ первыхъ работниковъ этого возрожденія; ужасныя униженія, которыя пришлось терпѣливо сносить его имени, таланту, идеямъ, репутаціи, чтобы выйти изъ рамокъ, куда его ввергнули имена, таланты и преимущества Мирабо, Барнавоу и Лафайеттовъ; популярность, пріобрѣтенная шагъ за шагомъ и всегда подвергавшаяся преслѣдованіямъ клеветы; добровольное пребываніе среди самыхъ низшихъ слоевъ народа; жизнь, подточенная всякаго рода лишеніями; бѣдность, дававшая ему возможность раздѣлить съ своей семьей, которая была еще бѣднѣе его, лишь кусокъ хлѣба, который нація давала своимъ представителямъ; добродѣтель, которая служила къ его же обвиненію; безкорыстіе, называемое ханжествомъ тѣми, кто не былъ способенъ понять его; затѣмъ триумфъ; сокрушенный тронъ; освобожденный народъ; его имя, соединяемое съ побѣдой и произносимое съ благоговѣніемъ толпой, но анархія, тотчасъ же внесшая раздоры въ народное правленіе; недостойные соперники, какъ, напримѣръ, Геберы и Мараты, оспаривавшіе у него главенство въ республикѣ и толкавшіе его къ гибели; преступная борьба, сопровождавшаяся мстью и жестокостями, начавшаяся между его противниками и имъ изъ-за привлеченія на свою сторону общественнаго мнѣнія; преступныя жертвы, приносимыя имъ въ теченіе трехъ лѣтъ, хотя и съ отвращеніемъ, ради популярности, которая требовала, чтобы ее питали кровью; голова короля, которую потребовали и которую пожертвовали; голова королевы; головы тысячъ побѣжденныхъ, убитыхъ послѣ битвы; жирондисты, которыми пожертвовали, несмотря на уваженіе, которое онъ питалъ къ ихъ ораторамъ; даже самъ Дантонъ, самый гордый изъ его соперниковъ, и Камилль Демуленъ, его юный ученикъ, выданные народу по простому подозрѣнію, чтобы уста патріотовъ не произносили ничего имени, кромѣ его; всемогущество, достигнутое наконецъ надъ народомъ, но съ условіемъ постоянно поддерживать его новыми жертвами; народъ, желающій видѣть въ своемъ верховномъ законодателѣ только обвинителя; стремленіе къ милосердію, отъ котораго пришлось отказаться вслѣдствіе необходимости продолжать убійства; голова, которую требовали и которой принуждены были жертвовать ежедневно; побѣда, которая, можетъ быть, будетъ одержана на слѣдующій день, но для упроченія и использованія которой не имѣлось ничего въ виду; мысли смутныя, противорѣчивыя; ужасъ передъ тираніей и неизбѣжность диктатуры; фантастическіе планы, полные духа революціи, но не нашедшіе прочной основы для того, чтобы удержаться, и поддержки и силы для своего продолженія; слова вмѣсто установленій; изреченія добродѣтели на устахъ и смертный приговоръ въ рукѣ; легко возбуждающійся народъ; раболѣпный Конвентъ; раз-

вращенные комитеты; республика, опирающаяся только на одну голову; нена-
вистная жизнь; безплодная смерть; беспокоящая память; несчастное имя; крикъ
крови, который никогда не замолкнетъ, вызывающій противъ него въ потомствѣ:
всѣ эти мысли осаждали, безъ сомнѣнія, душу Робеспьера во время испытанія,
которому подверглось его честолюбіе. У него оставался только одинъ исходъ:
пожертвовать собою ради примѣра республикѣ, выдать людей, наносящихъ
ущербъ свободѣ, умереть въ борьбѣ съ ними и оставить въ наслѣдіе народу
если не правительство, то по крайней мѣрѣ ученіе и мученика. По всей вѣ-
роятности онъ мечталъ объ этомъ: но это была не болѣе какъ мечта. Намѣ-
реніе было возвышенно, мужество велико, но жертва не была достаточно чиста
даже для того, чтобы можно было пожертвовать собою! Вѣчное несчастіе людей,
запятнавшихъ свое имя кровью себя подобныхъ, состоитъ въ томъ, что они
не могутъ смыть ее съ себя даже своею собственной кровью“.

148.

Въ другомъ мѣстѣ:

„Онъ льститъ низкимъ инстинктамъ толпы. Онъ раздуваетъ подозрѣніе. Онъ
возбуждаетъ зависть, разжигаетъ гнѣвъ, отравляетъ месть. Онъ открываетъ
вены общественному организму, чтобы излѣчить его отъ болѣзни; но онъ равно-
душно смотритъ, какъ изъ него уходятъ чистые жизненные соки одновременно
съ нечистыми, и не бросается между жертвами и палачами. Онъ не хочетъ
зла, но терпитъ его. Онъ бросаетъ въ жертву тому, что считаетъ необходи-
мостью въ своемъ положеніи, головы короля, королевы, ихъ неповинной сестры.
Онъ жертвуетъ ради воображаемой необходимости головой Верньо; изъ страха —
головой Дантона. Онъ позволяетъ, чтобы его имя въ теченіе восемнадцати
мѣсяцевъ служило вывѣской эшафоту и оправданіемъ смерти. Онъ надѣется
искупить впоследствии то, что не можетъ быть искуплено никогда: преступле-
ніе въ настоящемъ — святостью будущихъ учреждений. Онъ охъивается пер-
спективой будущаго всеобщаго благополучія въ то время, когда Франція тре-
пещетъ на эшафотѣ. У него кружится голова отъ идей гуманизма. Онъ хочетъ
вырвать посредствомъ желѣза всѣ корни зла изъ общественной почвы. Онъ
присваиваетъ себѣ права Провидѣнія, имѣя творческое чувство и планъ въ
головѣ. Онъ ставитъ себя на мѣсто Бога. Онъ хочетъ сдѣлаться гениемъ-
истребителемъ и трогать революціи. Онъ забываетъ, что если бы всѣ люди
такъ обожествляли себя, то на землѣ остался бы лишь одинъ человѣкъ и что
этотъ человѣкъ добилъ бы всѣхъ остальныхъ! Онъ пятнаетъ кровью чистѣй-
шія философскія ученія. Онъ внушаетъ будущимъ поколѣніямъ ужасъ передъ
народовластіемъ, отвращеніе къ республикѣ, какъ къ учрежденію, сомнѣніе въ
свободѣ. Наконецъ, онъ падаетъ побѣжденный при первомъ столкновеніи съ
терроромъ, потому что не обрѣлъ съ самаго начала силы и права побѣдить
его. Его принципы безплодны и осуждены, такъ же какъ его проскрипціи, и
онъ умираетъ, воскликнувъ съ разочарованіемъ, подобно Бруту: „Республика
погибаетъ вмѣстѣ со мною!“ Въ эту минуту онъ былъ дѣйствительно душою

республики. Она умерла вмѣстѣ съ его послѣднимъ вздохомъ. Если бы Робеспьеръ остался чистымъ и поддался заблужденіямъ демагоговъ до этого кризиса, проявившагося въ утомленіи и угрызеніи совѣсти, республика осталась бы жить въ немъ, обновилась бы и восторжествовала. Она искала устроителя, а онъ явился соучастникомъ. Онъ готовилъ ей Кромвеля.

„Величайшее несчастье Робеспьера заключалось не въ томъ, что онъ погибъ самъ и увлекъ за собою республику, но въ томъ, что, погибая, онъ не могъ завѣщать демократіи въ своемъ лицѣ, въ лицѣ человѣка, искренно желавшаго ее олицетворить, память о чистой, блестящей, безсмертной личности, мстящей судьбѣ за равнодушіе къ дорогому ей дѣлу и протестующей противъ исчезновенія въ памяти потомства возбуждаемымъ въ немъ восхищеніемъ безъ противорѣчій и ограниченій. Республикѣ для мартиролога ея основателей нуженъ былъ Катонъ Утическій, а Робеспьеръ далъ ей Марію, да еще безъ меча. Демократія жаждала славы, которая бы, соединенная съ именемъ извѣстнаго лица, навѣки засверкала надъ ея колыбелью! Робеспьеръ напоминалъ лишь о большомъ постоянствѣ, великой неподкупности и великомъ упрекѣ. Это было возмездіемъ человѣка, народа, времени, будущаго. Часто дѣло то же, что имя. Дѣло демократіи никогда не должно было быть обречено на сокрытіе или оправданіе его имени. Обликъ демократіи долженъ быть великодушнѣе, милосерднѣе и непреложнѣе какъ истина“.

Это мое послѣднее слово въ „Жирондистахъ“ о Робеспьерѣ. Быть можетъ я сузу его строже теперь, потому что я видѣлъ тѣнь его на улицѣ въ 1848 году; но слово мое будетъ не менѣе справедливо.

149.

Мое заключительное разсужденіе о революціи на послѣднихъ страницахъ „Жирондистовъ“, въ общемъ довольно правильное, не вызываетъ ни съ моей стороны, ни со стороны другихъ ни такого снисхожденія, ни такого оправданія. Вотъ оно:

„Съ Робеспьеромъ и Сень-Жюстомъ кончается великій періодъ республики. Появляется новое поколѣніе революціонеровъ. Республика переходитъ отъ трагедіи къ интригѣ, отъ мистицизма къ честолюбію, отъ фанатизма къ жадности. Остановимся на моментѣ, когда все мельчаетъ, чтобы оглянуться на то, что было такимъ великимъ.“

„Республика просуществовала только пять лѣтъ. Для Франціи эти пять лѣтъ—пять вѣковъ. Быть можетъ, ни въ одну эпоху, со времени воплощенія христіанскихъ идей, ни одна страна на землѣ не извергла въ такой короткій промежутокъ времени столько мыслей, людей, натуръ, характеровъ, гениевъ, талантовъ, какъ во время этой судорожной переработки политическаго и соціальнаго будущаго, которую назвали французской революціей. Ни вѣкъ Цезаря и Октавія въ Римѣ; ни вѣкъ Карла Великаго въ Галліи и Германіи; ни вѣкъ Льва X въ Италіи; ни вѣкъ Людовика XIV въ Франціи; ни вѣкъ Кромвеля въ Англіи! Можно подумать, что земля, работая для созданія прогрессивнаго строя обществъ, дѣлаетъ усиліе, подобное великому акту перерожденія,

который хочет совершить Провидѣніе. Люди рѣдятся, какъ временныя олицетворенія того, что должно думать, говорить и дѣлать. Вольтеръ олицетворяетъ здравый смыслъ; Жанъ-Жакъ Руссо—идеалъ; Кондорсэ—разсчетъ; Мирабо—грозу; Верньо—порывъ; Дантонъ—отвагу; Маратъ—ярость; госпожа Роланъ—энтузіазмъ; Шарлотта Корде—мечь; Робеспьеръ—утопію; Сенъ-Жюстъ—фанатизмъ республики. А за ними стоятъ группы второстепенныхъ дѣятелей, которыхъ республика то соединяла въ одно цѣлое, то снова раскидывала, какъ забывшееся оружіе. Свѣтъ разомъ загорается во всѣхъ точкахъ горизонта. Тьма отступаетъ. Предразсудки исчезаютъ. Совѣсть становится свободной. Тираны трепещутъ. Народы поднимаются. Троны падаютъ. Испуганная Европа пробуетъ нанести ударъ, но, пораженная сама, отступаетъ, чтобы издала наблюдать великое зрѣлище.

„Этотъ смертный бой за торжество человѣческаго разума въ тысячу разъ славнѣе всѣхъ побѣдъ, одержанныхъ оружіемъ, наступившихъ послѣ него. Онъ завоевываетъ всему міру неотчуждаемыя истины взаимныхъ пріобрѣтенія для націй нѣсколькихъ сомнительныхъ провинцій. Онъ расширяетъ область чловѣка, вмѣсто увеличенія границъ территоріи. Вмѣсто славы у него мученичскій вѣнецъ, вмѣсто честолюбія добродѣтель. Гордишься тѣмъ, что принадлежишь къ поколѣнію, которому Провидѣніе дало постигнуть такія мысли, и что чувствуешь себя сыномъ вѣка, давшаго толчокъ такому движенію чловѣческаго ума. Франція достойна славы за свой разумъ, за свое дѣяніе, за душу, за кровь! Головы этихъ людей падаютъ одна за другой, одни заслуженно, другія—нѣтъ, но всѣ онѣ пали во время борьбы за свое дѣло. Обвиняешь и прощаешь. Плачешь и проклинаешь. Среди отдѣльныхъ лицъ есть виноватыя и невинныя, вызывающія сочувствіе и отвратительныя, жертвы и цалачи. Дѣло великое, а идея парить надъ тѣми, кто ее проводитъ, какъ вѣчно чистая цѣль надъ ужасами полей битвъ. Пять лѣтъ спустя революція—сплошное кладбище. На могилахъ каждой изъ жертвъ надпись, характеризующая его. На одной—*философія*. На другой—*краснорѣчіе*. На этой—*гений*. На той—*мужество*. Здѣсь—*порокъ*. Тамъ—*добродѣтель*. Но на всѣхъ написано: „Умеръ за лучшее будущее и трудился для человечества“.

„Конечно народъ долженъ оплакивать своихъ мертвецовъ и не долженъ утѣшаться, если хоть одна голова погибла несправедливо и гнусно; но онъ не долженъ жалѣть о крови, пролитой для расцвѣта вѣчныхъ истинъ. Богу угодно было, чтобы чловѣкъ покупалъ этой цѣною прозябаніе и расцвѣтъ. Его предначертаній о чловѣкѣ. Идеи вырастаютъ изъ чловѣческой крови. Откровенія снисходятъ съ эшафотомъ. Всѣ религіи освящаются мучениками. Простимъ же другъ другу мы, сыновья бойцовъ и жертвъ! Объединимся на ихъ могилахъ для продолженія ихъ прерваннаго дѣла! Преступленіе потеряло все, пошавъ въ республиканскіе ряды. Сражаться не значить убивать. Освободимъ народное дѣло отъ преступленія, какъ отъ оружія, произвшаго ему руку и замѣнившаго деспотизмъ—свободой; не будемъ стараться оправдать

эшафотъ—отчизной, а проскрипціи свободой; не будемъ съ помощью софизмовъ объ энергіи революціи изображать духъ вѣка болѣе жестокимъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ; оставимъ челоуѣчеству его сердце,—это самый вѣрный и самый непогрѣшимый его принципъ, — и смиримся передъ свойствомъ челоуѣческихъ дѣлъ. Исторія революціи славная и грустная, какъ день послѣ побѣды и какъ канунъ новаго боя. Но если эта исторія полна печали, зато она также полна и вѣры. Она подобна античной драмѣ, въ которой во время разсказа героя хоръ поетъ о славѣ, оплакиваетъ жертвы и возноситъ къ Богу гимнъ утѣшенія и надежды“.

151.

Это разсужденіе — скорѣе ода, а не приговоръ. Оно паритъ подобно славному всепрощенію надъ всѣмъ происшедшимъ и все оправдываетъ, увѣнчивая однимъ общимъ ореоломъ всѣ дѣйствія и всѣхъ участниковъ въ нихъ. Ни жертвы, ни палачи не получаютъ вслѣдствіе этого своей доли правосудія, снисхожденія и осужденія, что составляетъ обязанность и истинную цѣль исторіи. Можно ли влечь по однимъ и тѣмъ же ступенямъ мѣсть казни или воздвигать орошенный слезами одинаковый мавзолей головѣ Людовика XVI и Робеспьера? Головѣ Бальи и Марата? Головѣ Верньо или Кондорсе и Камилла Демулена? И можно ли одинаково равнодушно относиться къ возвеличенію истинныхъ жертвъ и къ ужасу, внушаемому гнусными палачами, прославляемыми безъ разбора и уваженія общей эпитафіей, которая не воздастъ справедливости ни тѣмъ, ни другимъ, воспѣвая *осанну* и революціи и націи? Нѣтъ, нѣтъ; такая гуртовая эпитафія — саванъ, набрасываемый на общую могилу, въ которой останки, если ихъ смѣшиваютъ, оскверняются! Не должно быть общаго сужденія на полѣ битвы, покрытомъ мертвыми тѣлами сражавшихся, жертвами или убійцами, каждый изъ которыхъ сражался за свое дѣло, за свое знамя, за свои убѣжденія, за свою честь, выставляя къ этому свой поводъ, свои особенныя и различныя преступленія. Въ этой великой борьбѣ смѣшиваются добродѣтели и пороки, героизмъ и низменные инстинкты, убитые и убійцы, людскія бойни и патріотическія поля битвъ, герои и изверги. Освѣщайте, сожальйте, отмщайте, уважайте то, что всегда достойно сожалѣнія, восхищенія и поклоненія потомства: осуждайте, клеймите, хулите то, что заслуживаетъ презрѣнія или проклятія въ памяти потомковъ. Правосудіе, которое не относится къ опредѣленному лицу, — не есть правосудіе. Эти массовыя осужденія и оправданія не иное что, какъ отказъ въ заслуженномъ воздаяніи славы жертвамъ или безправственныя оправданія виновныхъ. Историкъ не имѣетъ права набрасывать покровъ на гнусныя явленія своего вѣка и говорить: „Все обстоитъ благополучно“, когда и хорошее и худое у него передъ глазами, требуя, чтобы каждому изъ нихъ было отведено на землѣ то мѣсто, которое самъ Богъ обязанъ отвести въ своемъ небесномъ правосудіи. Вы заставляете вѣрить народъ, который васъ читаетъ, такимъ отношеніемъ что законность того дѣла, величіе той драмы, въ которыхъ онъ принимаетъ участіе, оправдываютъ и возвеличиваютъ всѣхъ участниковъ, сложившихъ свои

головы и свои имена на полях безчестія и славы, которыя называютъ революціями. Эта лезть родному народу развращаетъ его; это ложь передъ потомствомъ, которое въ правѣ любить или ненавидѣть каждаго по его заслугамъ; это оскорбленіе Бога, правосудіе Котораго извращается въ ваши устахъ; это преступленіе противъ совѣсти, голосъ которой заглушается побѣднымъ пѣніемъ, вмѣсто того, чтобы ей предоставить прославленіе праведныхъ и проклятіе преступныхъ.

152.

Я самъ противъ себя возмущенъ, перечитавъ сегодня послѣднюю лирическую страницу „Жирондистовъ“, и заклинаю своихъ читателей разорвать ее такъ же, какъ я разрываю ее передъ потомствомъ и Богомъ.

Эта страница, написанная въ одну изъ тѣхъ минутъ энтузіазма, болѣе поэтическую, нежели историческую, когда паришь настолько высоко надъ землей, что перестаешь видѣть мрачныя подробности событій, а различаешь только общую картину (а человѣкъ съ слабымъ зрѣніемъ не имѣетъ права подниматься на ту точку, съ которой видны только результаты — въ высокомъ якобы своемъ безпристрастіи, но на дѣлѣ преступномъ, — результаты преступленія или добродѣтели), эта страница, говорю я, есть одна изъ двухъ величайшихъ невольныхъ ошибокъ, въ которыхъ я упрекаю себя въ моей писательской дѣятельности. Я совершилъ еще другую ошибку, столь же преступную и въ которой у меня тоже хватитъ мужества сейчасъ же сознаться, въ своей дѣятельности въ качествѣ политическаго оратора, незадолго передъ тѣмъ, когда монархія 1830 года, пошатнувшаяся отъ многихъ другихъ ударовъ, помимо моихъ, обрушилась подобно укрѣпленію города, подъ который подведенъ подкопъ его же собственными защитниками, на ихъ голову и на мою, и когда намъ однимъ пришлось выдержать тяжесть этого ужаснаго крушенія. Эта ошибка, — заявляю прямо заранѣе, — не республика. Республика явилась спасеніемъ этого народа, у котораго хватило доблести провозгласить ее и еще большей доблести обуздывать ее. Она составила бы его славу, если бы онъ сумѣлъ сохранить ее съ тѣмъ же величіемъ души, которое онъ проявилъ въ то время, когда сдерживалъ ее. Нѣтъ, не республика — та ошибка, въ которой я себя упрекаю, — скорѣе это было бы самопожертвованіе, которымъ я искупилъ бы ее, если вообще возможно когда бы то ни было искупить невинность.

Эта политическая ошибка — я никогда ее себѣ не прощу, чтобы удостоиться того, что Высшій Судія (Который — не человѣкъ) проститъ ее мнѣ. Раны совѣсти зарубцевываются только слезами раскаянія. Если бы я заслужилъ получить возмездіе здѣсь — на землѣ, тогда я не сталъ бы возражать противъ наказанія, а я всегда смотрѣлъ на мученія и угрызенія, которыя уже десять лѣтъ осаждаютъ закатъ моего существованія, какъ на справедливое и слишкомъ слабое искупленіе за одно изъ тѣхъ дерзновеній ума, которыми самый наиболаготвореннѣйшій человѣкъ, по выраженію религіозныхъ моралистовъ, никогда не долженъ искушать Провидѣніе, когда дѣло идетъ объ участи и крови народа.

Но по отношенію къ „*Исторіи Жирондистовъ*“ я упрекаю себя только за пять или шесть страницъ въ ней, которыя я самъ же здѣсь отдалъ на судъ прекрасныхъ душъ, и я желаю, чтобы это искупительное объясненіе навсегда оставалось въ приложеніи къ тексту, а не составляло отдѣльную часть изданія книги, чтобы предостеречь читателей, а въ особенности юношество и народъ, отъ опасности нѣсколькихъ софизмовъ и нѣкоторымъ образомъ стремленія къ популярности, которыя могли бы извратить правильное представленіе въ ихъ умѣ или даже умалить въ ихъ сердцахъ священный ужасъ самой истины противъ безнравственныхъ средствъ.

Революціи не составляютъ, какъ говорили, междуправствія совѣсти, онѣ служатъ искупленіемъ для нея и погибають потому, что смѣшивали въ своей работѣ преступленія и добродѣтель.

— Ламартинъ.

